

3
с а г а
НЕТКАТОН

3
с а г а
НЕТКАТОН

Стурен/ΛΟΧΕΔ
Арматур

Стурен
ΛΟΧΕΔ
Арматур

Stephen Lawhead

ARTHUR

Book 3 of the Pendragon Cycle

с а ф з а
НЕНАРАОН

Смуген
ΔΟΧΕΔ
ΑΡΜΥΡ

ББК 86.37

Л 68

Original edition published in English under the title **Arthur** by Lion Publishing plc, Oxford, England

Стивен Лохед

«Артур» /Пер. с англ.: Е. Доброхотова-Майкова

М.: «Триада», 2002, 448 с.

«Артур» – третья книга саги «Пендрагон» английского писателя Стивена Лохеда. Король Артур – один из самых таинственных героев английской истории. Книга – о высоких надежах и горьких разочарованиях, верности и предательстве, духовном поиске и завоевании царства. Автор приоткрывает завесу тайны, окутавшую жизнь и смерть Артура. С 90-х годов С. Лохед считается признанным мастером жанра исторического фэнтези. Нельзя отрицать влияния на его творчества К. Льюиса и Р. Толкиена, но писателю все же удалось найти свой самобытный путь в литературе.

ББК 86.37

Л 68

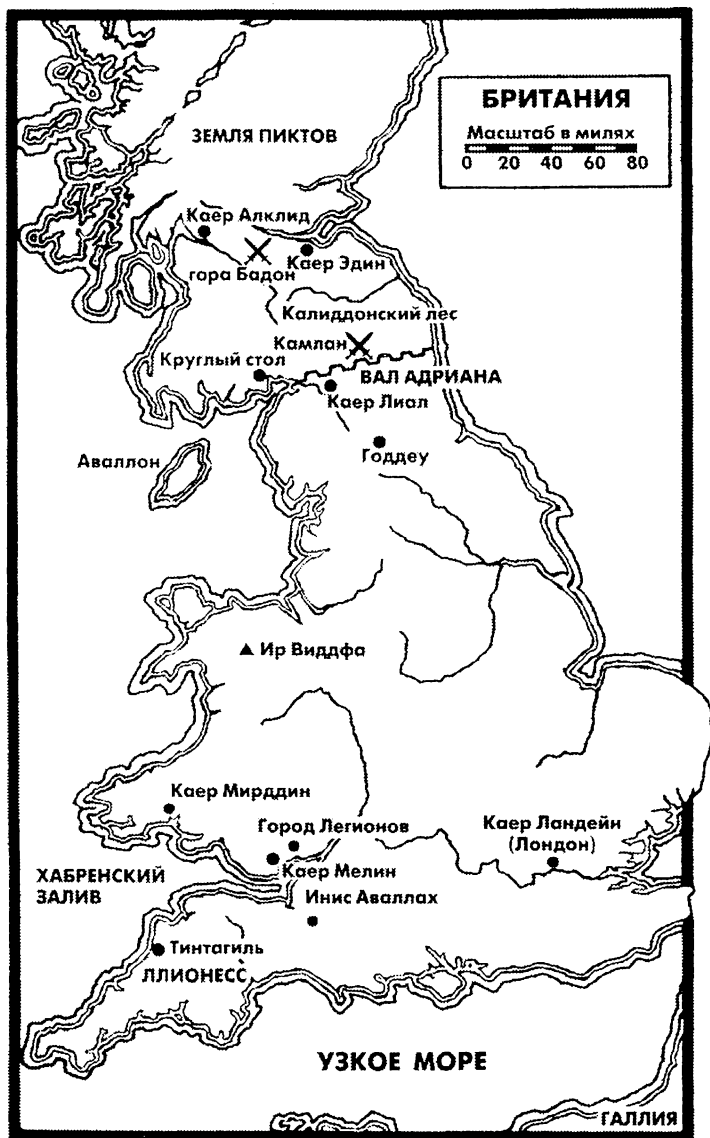
© Lion Publishing plc 1987

© text, 1987 by Stephen Lawhead

© «Триада», 2002

© А. Коротич, художественное оформление 2002

ISBN 5-86181-186-5

Алисе, чьи труд и любовь были не меньше моих.

Памяти Джеймса Л. Джонсона

*Десять колец, девять гривен золотых
У древних было вождей;
Добродетелей — восемь, и семь грехов
Жалящих души людей;
Шесть — это сумма земли и небес,
Отвага и кротость в ней;
Судов от берега отплыло пять,
Пять спаслось кораблей;
Четыре царя отправились в путь,
Три царства в величии дней;
Страх и любовь двоих свели
Среди зеленых полей;
Мир лишь один, и Бог один —
Владыка вселенной всей.
Рожденье одно предсказала звезда,
Друиды поверили ей*.*

* Пер. А. Широценской.

Пролог

Вортипор! Первый из нечестивцев, презреннейший из презренных! Кабан не так проворно зароелся рылом в кишки своего собрата, как ты накинешься на всякое непотребство. Скверна течет из твоих дымных покоев, заливая страну гнусным потоком беззаконий.

Ты смеешь звать себя благородным. Смеешь звать себя королем. Король греховодников, вот ты кто! Ты увенчал себя лаврами, но они не заслужены, разве что нынче венчают лаврами за распутство, в котором ты и впрямь превзошел всех!

Уриен Регед! Имя твое — поношенье! Развратник! Прелюбодей! Верховный грабитель! Сосуд нечестия! Последний червь в отхожем месте выше тебя!

Верховный бражник! Верховный обжора! Ты оскверняешь все, к чему прикоснешься! Твое тело покрыто струпьями и гниет изнутри! Ты мертв и сам того не ведаешь, но труп твой смердит до небес!

Мальгон! Верховный пес Гвинедда! Как не похож ты на своего царственного отца! Мальгон Высокий был высок добродетелью и правдой, ты бесчестишь его память. Неужто ты позабыл все, что когда-то знал?

Ты захватил власть убийством и грабежом и потому зовешь себя Верховным Драконом Острова Могущественного. Думаешь закутаться в чужую славу, но на тебе она стала рубищем глумления. Пендрагон! Да будет вечный позор наградой твоей дерзости!

И все же был некогда король, достойный своей короны. И звали его Артур.

В бесчестном и растленном поколении имя великого короля вспоминают разве что для насмешки. Артур! Прекраснейший цветок нашего племени, благороднейший сын Кимры, правивший в Царстве Лета, Пендрагон Британии, он одевался Господней милостью, как пурпуром.

Слушайте, коли хотите, повесть об истинном короле.

П Е Л Л Е А С

ГЛАВА первая

Какой из Артура король! Он тщеславен, мелочен и жесток. Пашенок Утера, пешка Мерлина, неотесанный мужлан и глупец, обжора и бражник. Короче, тупой невежда.

Все это и многое другое болтают про Артура. Пусть болтают!

Когда все слова сказаны, а спорщики выдохлись, остается один непреложный факт: мы пойдем за Артуром до адских врат и дальше, если он скажет. Лишь это — истина.

Покажите мне другого, которому бы так служили.

"Кимброги", назвал он нас, "друзья", "соотечественники".

Кимброги! Мы — его мощная десница, щит и копье, меч и шишак. Мы — кровь в его жилах, крепкие мышцы, кость под его кожей. Мы — дыханье в его груди, ясный свет в очах, песня, что рвется с уст. Мы — еда и питье на его столе.

Кимброги! Мы для него — небо и земля. Артур же для нас — все это и много больше.

Подумайте об этом. Поразмышляйте хорошенько. Тогда вы, возможно, начнете понимать мой рассказ.

Почему нет? Кто, кроме самого Эмриса, знает больше меня? Я не бард, но мне слово: я знаю Артура, почти как никто другой, ведь мы во многом похожи. Мы оба — сомнительного рождения, королевские сыновья, отвергнутые отцами, оба жили вдали от родных и близких.

Моим отцом был Белин, король Ллионесса. Матерью — служанка в его доме. Я рано узнал, что ничего не получу от отца и должен сам пробиваться в жизни.

Безусым юнцом я попросился Мирддину в услужение, но ни разу не раскаялся в тогдашнем решении. Даже в долгие годы его безумия, одиноко бродя по глухим тропинкам Калиддонского леса, я мечтал быть лишь тем, кем однажды был: слугою и спутником Мирддина Эмриса, Верховного барда земли, что зовется Островом Могуущественного.

Я, Пеллеас, царевич Ллионесса, расскажу, что видел... А видел я многое!

— Думаешь, надо, Мирддин? — смущенно шепчет Артур. — Все смотрят. Вдруг не получится?

— Получится. Давай!

Артур серьезно кивает и делает шаг к большому камню, в котором, глубоко вонзившись острием, стоит обнаженный меч.

Во дворе ни души. Те, кто шли к обедне, уже в храме. Холодно, вечереет. Редкие снежинки плывут в темнеющем небе, падают на мостовую к нашим ногам. Из рта клубами поднимается пар.

Сочельник. Короли Британии съехались в Лондон держать совет — который год уже! — кому быть Верховным.

В камне — меч Максена Вледига. Меч Британии. Некогда им владел император Максим, затем — каждый в свой черед — Константин, Констант, Аврелий и Утер — Верховные короли Британии.

Да, пятнадцать лет минуло с первого Совета. Пятнадцать лет тьмы и усобиц, раскола, обид и поражений. Пятнадцать лет, за которые саксы снова набрались сил. Пятнадцать лет, за которые мальчик успел вырасти.

Он стоит, мрачно глядя на меч, засевший в камне почти по рукоять... смотрит с сомнением.

— Бери же его, Артур, — говорил Мерлин. — Он твой по праву.

Артур медленно тянется к бронзовой рукояти. Рука его немного дрожит. От холода? От страха? Наверное, от того и от другого.

Пальцы сжимаются на рукояти: да она ему по руке! Он тянет.

Меч Британии легко выходит из каменных ножен. Глаза Артура горят изумлением: как же легко получилось! Он все еще не верит. И не до конца осознает, что означает его победа.

— Молодец, Артур, — Мерлин подходит к камню, и Артур, не думая, протягивает ему меч. — Нет, сынок, — тихо говорит Мерлин, — он воистину твой.

— Что мне делать? — Голос Артура срывается. — Мирддин, скажи, что мне делать, не то я запутаюсь.

Мирддин кладет руку ему на плечо.

— Чего ты боишься, сынок? Я всегда был с тобой, Бог даст, буду и впредь.

Они вместе поворачиваются и идут в церковь.

Да, это правда, мы всегда были с ним. Не вспомню дня, проведенного врозь. И все же трудно... трудно поверить, что юноша на пороге церкви не вышел взрослым из полого холма или из волшебного озера в Калиддонском лесу.

Кажется, Артур был всегда. Ну конечно, он существовал изначально — как ветер над пустошью, как зимние звезды — и будет жить вечно.

Артур — ясная синева глаз и золото кудрей, улыбка на губах и безупречная правильность черт. Широкоплечий и длинноногий, он высится над другими людьми и, хотя не знает пока, что в стати — его сила, уже заметил, что подавляет низкорослых. Все в нем красиво и ладно, смотришь — душа радуется.

В нем еще сохранилась северная порывистость. Он словно необученный жеребенок среди людей: в нем мешаются любопытство, опасение и желание узнать, откуда все это новое и чудесное. Он еще зелен, но таит в себе обещание будущего величия.

Когда он входит в дом, все глаза обращаются на него. На охоте каждый стремится ехать с ним рядом. Он привлекает к себе людей — это у него от рождения.

— Идем, Артур, — говорит Мерлин, когда тот замирает у входа в церковь. — Пора.

Я не пророк, мне не дано заглянуть в будущее. Однако при словах моего господина я вновь вижу все, что было до сего дня... вижу Артура, каким он предстал мне впервые.

Босоногий малыш в одной замызанной рубашонке, с соломинками и листьями в желтых кудрях, он ковыляет на маленьких ножках, в синих глазах — проказливый детский смех. В каждой руке у него — по большому котенку.

От горшка два вершка, он крепко держит обоих котят за шкурку. Те шипят, извиваются, царапают ему руки — Артур смеется. Мы смотрим в изумлении. Кроха, невзирая на царапины, хохочет, заливаясь.

Говорят, что в форму дитяти будет отлит мужчина.

Да, мы с господином сидели на конях, изумленно глядя на эту картину: маленький Артур весь — жизнь и смех, безразличный к боли, уже не по-детски сильный и волевой.

Мерлин улыбнулся и, воздев руку, произнес:

— Узри Медведя Британии! — Потом покачал головой и вздохнул: — Медвежонок ты, медвежонок! Придется тебя учить, как любого звереныша. Будет нам работа, Пеллеас.

Работа оказалась не из легких!

ГЛАВА Вторая

В церкви было светло от сотен горящих свечей. Короли и придворные, преклонив колени на голых каменных плитах перед огромным алтарем, слушали, как епископ Урбан нараспев читает Евангелие. Сейчас владыки являли собой образ смирения и почительности. И впрямь немалое дело — поставить их всех на колени.

Мы вошли бесшумно. Артур держал меч, словно живое существо, которое сейчас вывернется и укусит, словно жертву, которую он, кающийся грешник, покорно несет к алтарю.

Сверкая глазами в мерцании свечей, он облизнул пересохшие губы, вышел на середину, последний раз оглянулся через плечо на Мерлина и двинулся к алтарю по длинному проходу между скамьями.

Урбан поднял глаза от книги, увидел идущего к нему юношу и досадливо поморщился. В следующий миг он узнал меч и замер, как громом пораженный.

Когда епископ смолк, слушатели один за другим подняли головы и, увидев его изменившееся лицо, начали озираться в поисках причины этой перемены.

Посреди церкви стоял Артур с мечом в руках.

О эти лица! Я легко мог читать их мысли: "Что?! Тот самый меч! Кто этот молокосос? Откуда он взялся? Гляньте на него! Мужлан из северных краев! Кто он такой?"

Смотрите: их изумление сменяется гневом. В глазах закипает ярость.

Все они на ногах, служба забыта. Никто еще не раскрыл рта, только скрипят на каменном полу кожаные подошвы.

Затишье перед бурей.

И вот всколыхнулось: удар грома после слепящей вспышки.

Голоса: вопрошающие, требовательные, гневные. Руки: сжатые в кулаки, тянущиеся к ножам. Туловища: напирающие, устремленные вперед.

О чудо! Артур и бровью не ведет. Он высится, как скала, среди королей Британии. Я вижу над толпой его голову и плечи. Он больше растерян, чем испуган или взволнован.

Они кричат: "Самозванец!" Они требуют, чтобы он назвал свои имя и род. "Обман! — кричат они. — Ложь! Надувательство!" Они вопят, как резанные свиньи. В святых стенах — водоворот ненависти и страха. Артур молча застыл посреди толпы, недвижимый и безмятежный. Он — каменное изваяние, первые люди Британии — дергающиеся плясуны.

Ненависть! Ненависть — как жар из печи. Как удар копьем, как затрещина. Как брызжащий яд змеи.

Я рвусь к Артуру. Не знаю, чем смогу ему помочь, но я должен быть рядом. Толпа стоит стеной. Мне не пробиться.

Артур — один среди порожденной им ярости.

В воздух взметнулись мечи, блестят кинжалы. Они непременно его убьют! Не кланяться ему станут, а срубят голову и выставят на всеобщее обозрение. Роковая ошибка была — вести его сюда.

Урбан, размахивая руками над головой, пробивается к Артуру. Он бледен, как смерть, он просит королей успокоиться, унять. Никто его не слушает. Кто-то бьет его по лицу. У епископа из носа хлещет кровь. С приглушенным криком Урбан ретируется.

Толпа нападает.

— Смерть! Смерть самозванцу!

Глаза Артура суровы. Он сводит брови. Его рука стискивает рукоять. Это уже не жертва, это оружие, которое он пустит в ход.

— Смерть ему!.. Смерть ему!.. Смерть!..

Шум оглушает. Давка все сильнее.

Мой меч наготове. Где Мерлин?

Господи Боже! Все — чудовищная ошибка. Мы погибли.

И тут, как раз когда я заносу меч, чтобы пробиваться к Артуру, слышится звук, подобный ураганному ветру, подобный морской буре. Охваченные внезапным страхом, люди пятятся, закрывают головы руками, всматриваются во тьму над головой. Что это? Падает церковный свод? Рушится небо?

Звук стихает, все переглядываются в священном ужасе. Мерлин здесь. Эмрис тихо стоит рядом с Артуром. Руки его пусты и воздеты к небу, лицо сурово посреди созданной им неестественной тишины...

Но на этом не кончилось. По правде сказать, все даже толком не началось.

— Довольно! — возгласил Мерлин, обращаясь к толпе, словно отец к расхोдившимся ребятишкам. — Никаких смертоубийств в эту святую ночь!

Короли и знать зашептали в страхе, глядя на Мерлина с неприязнью и подозрением. Испуг усугублял их ненависть.

— Это твоих рук дело! — выкрикнул голос. Король Моркант Белгарский протиснулся через толпу. — Я знаю тебя! Это твои проделки, чародей.

Мерлин повернулся к королю. С годами нрав Морканта не улучшился, властолюбие все так же грызло его сердце. В свое время именно Моркант с друзьями Дунаutom и Коледаком доставили Аврелию и Утеру больше всего хлопот. Теперь Дунаут благополучно покоем в могиле, королевством правил его молодой родич Идрис. Коледак получил богатые земли икенов, отбитые Аврелием у саксов, и вполне мог поддержать Артура.

Лишь Моркант, приумноживший свое влияние, по-прежнему рвался к верховной власти. Вот кто без борьбы не уступит! А его сын, Цердик, перенял отцовскую страсть. Этот мальчишка, одних лет с Артуром, спал и видел себя королем всей Британии.

— Я узнал тебя, Моркант, — отвечал Мерлин, — и знаю тебе цену.

— Обманщик! — фыркнул Моркант. — Не надейся колдовством усадить на трон это отродье потаскухи.

Мерлин улыбнулся, но его серые глаза были холодны.

— Не я провозглашу его королем, Моркант. Его по собственной воле провозгласят собравшиеся здесь лорды.

— Не бывать этому! — зло расхохотался Моркант. — Клянусь жизнью!

Он повернулся к толпе, ища поддержки. Кто-то выразил ее криками, кто-то не столь рьяно, но в целом все согласилось с Моркантом.

Осмелев, тот перешел в нападение.

— Мы впервые видим этого мальчишку, он не король. Гляньте на него! Едва ли он даже благородного рождения. — Он презрительно махнул рукой в сторону меча. — Думаешь, мы поверим, что клинок в его руке — истинный меч Британии?

— Это, — спокойно отвечал Мерлин, — легко доказать. Довольно будет выйти во двор и увидеть камень, из которого вынут меч.

Моркант не хотел соглашаться с Мерлином, но отступить было поздно.

— Отлично, — сказал он, — давайте посмотрим, тот ли это меч.

Спеша и толкаясь, толпа знати с криками высыпала из церкви в полутемный двор. Даже в дрожащем свете факелов все могли видеть, что меча действительно нет.

Кое-кого это убедило, но только не Морканта.

— Я хочу сам видеть, как он его вынет, — объявил тот, твердо убежденный, что Артур просто не мог вытащить меч, а значит, не сможет и повторить это чудо. — Пусть вложит его на место и снова вытащит.

— Пусть вложит! — выкрикнул кто-то из толпы. — Пусть вложит! Пусть снова вложит меч в камень!

По кивку Мерлина Артур подошел и вложил меч в камень, подождал немного и выдернул его легко, как и в первый раз.

— Ха! — усмехнулся Моркант. — Это не то. Раз заклятие снято, каждый может выдернуть меч.

— Ладно, — просто ответил Мерлин. Он повернулся к Артуру. — Вложи меч обратно.

Артур вложил меч и отступил в сторону.

Гнусно ухмыляясь, Моркант двумя руками схватил меч и потянул. Великий король сопел от натуги. Лицо его потемнело, мышцы перекачивались буграми. Однако меч сидел крепко. Победенный Моркант отступил.

— Что это за чары? — огрызнулся он, растирая ладони.

— Если это чары, — отвечал Мерлин, — то они Божьи.

— Лжешь! — взвизгнул Моркант.

Остальные толпились вокруг и пытались выдернуть меч, но он, как и прежде, неподвижно стоял в камне. Никто из владык Острова Могуущественного не смог его вытащить, кроме Артура.

Когда все попробовали и отошли ни с чем, король Моркант в ярости заорал:

— Это ничего не значит! Мало ли, как можно сделать в темноте! Пусть выдернет меч при свете дня, тогда мы поверим, что все чисто.

Разумеется, он лукавил, стараясь выгадать время в надежде все же узнать заклятье и добыть вожаемый меч.

Мерлин хотел уже бросить Морканту этот упрек, но Урбан вышел с крестом в руках и призвал всех во имя Христа отложить испытание до утра.

— Завтра Рождество, — сказал епископ. — Придите в церковь и молитесь Царя Небесного, да явит в Своей великой милости чудо, по которому мы узнаем истинного Верховного короля.

Кому-то его слова показались самой мудростью, но я понимал, что думает о них Мерлин. Я почти слышал его горькую отповедь: *Как Бог свят, чудо уже свершилось! Сколько еще чудес вам надобно, чтобы уверовать?*

Однако, к моему изумлению, Мерлин вежливо согласился.

— Да будет так, — сказал он. — Завтра снова соберемся здесь и посмотрим, что сотворит Господь.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Мы с Артуром двинулись следом. Озаренная факелами толпа удивленно провожала нас взглядами.

— Почему, Мирддин? — спросил Артур, как только мы вышли с церковного двора. Узкая улочка была темна, снег подтаял, и под ногами хлюпало. — Я бы мог снова вытащить меч. Пожалуйста, Мирддин, позволь мне.

Мерлин остановился посреди улицы и повернулся к Артуру.

— Я прекрасно знаю, что ты мог бы его вытащить. Ты мог бы вытащить его пятьдесят раз или пятьсот и все равно их не убедил бы. А так им будет о чем подумать. Пусть раскинут мозгами ночью, может, завтра утром придут в другом настроении.

— Но завтра лорд Моркант может... — начал Артур.

— У Морканта было пятнадцать лет на то, чтобы совладать с мечом или найти обходной маневр, — заметил Мерлин. — Одна ночь ничего не изменит.

Мы снова двинулись по улице. До дома, где мы остановились, было недалеко. Артур молчал, пока мы не дошли до порога.

— Мирддин, зачем ты меня вот так туда привел?

— Я говорил тебе, сынок. Пора увидеть, что из тебя выйдет.

— Это не ответ. Ты знал, что произойдет. Ты знал, что начнется ссора.

— Идем, Артур. Холодно.

— Нет, — отвечал Артур. — Пока ты не ответишь, я не войду.

Мерлин вздохнул.

— Ладно, отвечу. А теперь давай войдем. У Градлона горит огонь. Выпьем хозяйского вина, и я расскажу тебе, что можно.

Мы вошли в дом, где, как и сказал Мерлин, виноторговец Градлон уже приказал затопить очаг. По изысканному обычаю старого Лондо-

на, кресла были придвинуты к огню, а рядом красовался столик на длинных ножках. Его венчал поднос с серебряными кубками и стеклянным кувшином рубиново-красного вина.

Градлона видно не было, слуги куда-то запропали.

— Пойду узнаю, есть ли кто в доме, — сказал я. На первом этаже все помещения оказались пустыми. На втором всего две комнаты: спальня Градлона и контора, она же склад. Ни в той ни в другой Градлона не было. Дом словно вымер.

Я вернулся в комнату с очагом. Мерлин и Артур сидели возле огня. Кубки грелись на очаге.

— Господин, в доме никого нет, — сообщил я.

Мерлин кивнул.

— И все же Градлон все для нас приготовил. Уверен, он ненадолго отлучился и скоро вернется.

Артур откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Я думал, меня убьют, — проговорил он. — И убили бы, если бы ты не вмешался. Но почему, Мирддин? Почему все так взбеленились? И где Меуриг? Где Эктор и Кай? Кустеннин и Бедуир? Они должны были приехать и поддержать меня.

— Должны были, — кивнул Мерлин, — но задержались. Может, приедут завтра, может, нет.

— Что?! Тебе безразлично? — Голос Артура сорвался на крик.

Мерлин ответил спокойно:

— Почему ты не доверишь мне? Я сказал только: они либо приедут завтра, либо нет. Я никак не могу поторопить их приезд.

Артур насупился, но промолчал.

Я подошел, налил вина в подогретые кубки, протянул один Мерлину, другой Артуру.

— Не тревожься, Артур, — сказал я. — Все будет, как должно быть, как предначертано. Меуриг и Кустеннин прекрасно знают, что Совет соберется на Рождество. Они приедут.

Он кивнул и отпил глоток вина.

— Ты обещал все мне рассказать. Ну? Я готов слушать.

Мерлин мгновение оценивающе смотрел на Артура.

— Готов ли? Вот что мне хотелось бы знать.

Слышался только треск огня в очаге. Я чувствовал, что мой господин старательно подбирает слова в душе и рассудке, проверяет каждое, словно землепашец — мешок, которому доверит свое зерно.

— Артур, — промолвил наконец Мерлин. — Если я что-то от тебя скрывал, прости. Время тайн миновало. Пусть знание ведет тебя туда, куда не смогу повести я. Но помни: все, что я делал, я делал с одной целью: лучше служить тебе.

Юноша кивнул.

— Потому что ты знал: со временем я стану королем?

— Именно так. Потому что я знал: со временем ты станешь королем.

— Благодаря мечу? Но я думал...

— Рассуди, Артур. Поверь, в тебе я не сомневался, просто хорошо знаю других. — Мерлин помолчал, раздумывая, отпил вина и продолжил: — Да, сегодня было испытание, но не такое, как ты думал. Ты не просто доказал, что достоин стать королем...

— Да?

— Ты доказал, что ты уже король, Артур. Верховный король.

Артур нахмурился, пытаясь переварить услышанное. Я видел, как работает его мысль. Однако ему и в голову не пришло усомниться: его собственное сердце подсказывало, что это правда.

Юноша сидел, оглушенный, но это длилось всего мгновение. В следующий миг он вскочил с криком.

— Так вот что их разозлило! Мирддин! Я сумел то, чего не сумели они! Награда больше, чем я думал.

Юноша заулыбался, словно все его тревоги остались позади. По правде сказать, он уже простил удельным князьям их измену. Он снова был счастлив.

Он ходил перед очагом, лучась от радости.

— Верховный король... да, Мирддин, это правда. Знаю. Я — Верховный король.

Впрочем, радость была недолгой. Как только мысль о верховном троне окончательно сложилась у него в голове, Артур осознал непреходящее ее следствие.

— Но это значит...

Лицо его стало несчастным, плечи поникли. Радость испарилась, сменившись отчаянием и тоской.

— Ну сядь же, Артур.

— Кто я? Мирддин, ответь? Кто я и почему должен стать Верховным королем? Ибо разум говорит мне, что я не родич Эктору и Меуригу с Кустеннином тоже.

Мирддин кивнул.

— Да, ты не родня Кустеннину, Меуригу и даже Эктору. — Он поднялся и взял Артура за плечи. — Много лет прошло с той поры, Артур. Слишком долго на Острове Могущественного не было Верховного короля.

— Кто я, Мирддин? — прошептал Артур. — Скажи! Я сын Пендрагона?

— Ты не сын Утера. Твой отец — Аврелий, — просто отвечал Мерлин.

— Аврелий?

— Да, а Игерна — твоя мать.

— Жена Утера! — Глаза его расширились.

— Нет, все не так, — мягко объяснил Мерлин. — Прежде чем выйти за Утера, Игерна была супругой Аврелия. Ты — законный сын, тебе нечего стыдиться.

Мальчик совсем запутался.

— Если нечего стыдиться, то почему тайны? И не говори, что это "для моего блага"!

— Чтобы защитить тебя, Артур.

— От Морканта?

— Да, от Морканта и ему подобных. Ты видел, что было сегодня в церкви. Я хотел рассказать тебе все, когда умерла твоя мать, но ты был слишком мал. И сейчас-то тебе трудно, а тогда бы ты понял еще меньше.

Артур ошетинился.

— Мне это не нравится, Мирддин. Честно скажу, не нравится! Если Игерна — моя мать, то почему... — Он догадался, еще не закончив вопроса, и сам отвечал: — Утер.

Мерлин вздохнул.

— Я просил запомнить: все, что я делал, я делал для твоего блага, Артур. Другого выхода не было... Нет, я не вправе так говорить, возможно, был и другой выход, но я видел лишь один. Я действовал в меру своих сил, Артур. Никто не может сказать о себе большего. — Он потянулся к мальчику. — Я не прошу у тебя одобрения, сынок, только понимания.

Юный Артур кивнул, но ничего не сказал.

Мерлин взял недопитый кубок и вложил юноше в руку. Артур сжал его и уставился в темно-алое вино.

— Пей, — сказал ему мой господин, — и иди спать. Давай больше не будем говорить; на сегодня и без того довольно всего сказано.

Артур одним глотком осушил кубок и направился в опочивальню. Я пошел было за ним, но он остановил меня движением руки. Он хотел остаться один.

Когда он вышел, я молвил:

— Он вправе сердиться.

Мерлин кивнул:

— Долгие годы мы жили с думой об этом чаше — призывали его, молились, чтобы он пришел. Но Артур ничего до сего дня не ведал. Немудрено ему было опешить. Ничего, дай срок, и он освоится. Вот увидишь, Пеллеас.

Я снова налил вина. Мерлин выпил свой кубок и отказался от следующего.

— Довольно. Иди спать, Пеллеас. Я еще чуть-чуть посижу, — сказал он, поворачивая стул к прогоревшему очагу. — Может, Градлон вернется, поговорим.

Когда я уходил, он смотрел в ало-золотые угли, ища на бесчисленных тропах Иного Мира источник мудрости и отваги.

Без них нам в ближайшие дни было не обойтись.

ГЛАВА третья

Забрезжило серое холодное утро. С набрякшего тучами неба сеял редкий снежок. Мы проснулись и позавтракали при ситовых светильниках.

Хозяин хлопотал вокруг, гонял слуг взад-вперед, суетился по пустякам — так захватили его грядущие перемены.

— Ешьте! — уговаривал он, раскладывая кашу по нашим мискам и разливая по кубкам душистое подогретое вино. — Впереди у вас долгий день. Надо набраться сил, да и думать на голодное брюхо трудно. Ешьте!

За свою долгую жизнь оборотистый купец не раз становился свидетелем переломных событий. По правде сказать, Градлон незримо направлял многие переговоры и сделки на самых вершинах власти.

Наместники, короли и правители сменяли друг друга, но непременно к выгоде Градлона. Он всегда полагался лишь на себя и свою мощь, но умение чутко, кто возьмет верх — часто до того, как стороны вступят в бой, — делало его незаменимым союзником.

Градлон легко разбирался в хитросплетениях власти, хотя в отличие от большинства людей никогда не хотел ее для себя. Он предпочитал собственную жизнь, наполненную торговлей и меной, азартом, расчетом и риском. Заполучив в свой дом Артура, Градлон был на седьмом небе от счастья.

— Моркант, небось, за обе щеки уписывает, — говорил он, подгоняя слуг. — Вот кто своего куска не упустит.

— Сядь, — приказал Мерлин, — и расскажи про ваш разговор с наместником Мелатом. Вчера ты вернулся поздно.

Градлон закатил глаза и надул щеки.

— Ну ясное дело, Мелат несносен: спина, что осиновый прут, голова, что решето.

Артур хохотнул. Он единственный из нас внял совету Градлона и ел за двоих. Если это его последняя трапеза, подумалось мне, пусть хоть поест на славу.

— Беда, — продолжал Градлон, ломая жесткий хлеб и запуская корку в тарелку с кашей, — что у наместника нет своего мнения. А мнения у него нет, потому что он живет в прошлом. Пф! Мелат и его подпевалы думают, что весной придет император с четырьмя когортами. — Купец вынул корку изо рта. — С четырьмя! Почему не с сотней? Не с тысячей?

Мерлин покачал головой. Градлон рассмеялся.

— Какой император, я его спрашиваю? Вот ведь бревно! Галлии нет. От империи остались воспоминания. Ешьте! Вы ни к чему не приронулись.

— Так он нас не поддержит? — спросил Мерлин.

— Скорее он поддержал бы саксов. Для него вы и впрямь саксы! Всякий, кто родился вне стен Лондона, в глазах Мелата варвар и даже хуже.

— Тогда он хотя бы не поддержит других, — вставил я.

— А вот на это я бы не рассчитывал, — возразил Градлон. — Мелат — осел, и логика у него ослиная. Он может поддержать других просто назло вам. К тому же Моркант корчит из себя императора, а Мелату и любо.

— Тогда мы не можем просто забыть о нем, — сказал Мерлин. — Все труднее, чем я думал.

— Предоставьте Мелата мне! — заявил Градлон. — Я с ним разберусь.

Артур доел кашу, отодвинул миску и взял кубок. От приправленного пряностями разведенного вина поднимался пар. Градлон на мгновение задержал взгляд на юноше и промолвил:

— Сын Аврелия — кто бы мог подумать? Здрав будь, Арторий! Приветствую тебя.

И Градлон поднял ладонь в дружеском, но искреннем приветствии. Артур улыбнулся.

— Я еще не король.

— Пока нет, — согласился Мерлин. — Но, может, к исходу дня мы все скажем иначе.

Однако этим словам не суждено было сбыться.

Артуру не по душе было умасливать Морканта. Дай ему волю, он бы предпочел решить спор лезвием меча. Лучше короткий жар поединка, чем ядовитый холод интриг.

Мерлин все понимал, но твердо стоял на своем.

— Ты рожден воевать, мальчик, — сказал он. — Что тебе мелкая вражда? Потерпи, она пройдет.

— Пусть ненавидят, мне все равно, — отвечал Артур (по-моему, вполне искренне). — Возмущает другое: как они смеют отказывать в том, что принадлежит мне по праву.

— Я скажу тебе кое-что, ладно? С Аврелием обходились не лучше, — промолвил Мерлин. — А ведь его любили. Подумай об этом.

Артур обратил взор к толпе (церковный двор уже заполнился народом).

— А меня ненавидят?

— Они еще не решили.

— Где Эктор и Кай? Я их не вижу.

Эктор и его сын, Кай, прибыли в Лондон и отыскиали нас на пути к церкви.

— Я велел им найти Морканта и побыть с ним.

— С ним?!

— Может, он не станет вопить так громко, если будет слышать только свой голос.

Артур мрачно улыбнулся.

— Я не боюсь Морканта.

— Речь не о страхе, Артур, речь о власти, — серьезно отвечал Мерлин. — Моркант может дать то, в чем ты больше всего нуждаешься.

— Мне не нужно его одобрение.

— Его согласие.

— Это одно и то же, — буркнул Артур.

— Возможно, — ответил Мерлин. — Возможно.

— Я хотел бы поговорить с Каем.

— Позже.

— Чего мы ждем? Покончим с этим скорее.

— Еще чуть-чуть постоим. Пусть Моркант и его друзья покипят на медленном огне.

— Это я киплю, Мирддин! Давай же покончим с этим раз и навсегда.

— Ш-ш-ш, терпение.

Несмотря на холод, народ все прибывал. Артур, Мерлин и я стояли в неприметной арке, ожидая, пока короли и лорды сойдутся снова посмотреть на чудо, в которое не верят. И все же они шли. Что им оставалось?

Я всматривался в толпу, всей душой надеясь, что Меуриг с Кустином уже здесь, и гадая, почему нет Лота. Что их задержало? Я чувствовал: их присутствие что-то изменило бы, хотя умом понимал, как тщетна эта надежда.

Так или иначе, Мерлин уже определил ход дальнейших событий.

Урбан, лысый, с двойным подбородком, подбежал к нам, шлепая сандалиями по мокрым камням.

— Все готово, — чуть запыхавшись, выговорил он. — Все сделано, как ты велел.

Артур повернулся к епископу.

— Что сделано? — Вопрос был обращен к Мерлину.

— Я просил Урбана приготовить место, где мы могли бы посидеть и поговорить, как приличные люди. Не орать же на церковном дворе, словно на конском торге. Это очень важно, Артур. Когда люди садятся вместе, они скорее послушают доводов разума.

— Да, — отвечал Урбан. — Так когда вы будете готовы...

— Я подам знак, — отвечал Мерлин.

— Хорошо. Я займу свое место. — Урбан сложил ладони и поспешил прочь. Дыхание его клубилось в морозном воздухе.

Артур нетерпеливо притопывал. В толпе возникали свои течения и водовороты. Несколько лордов собрались возле камня, они громко переговаривались и выразительно озирались по сторонам. Еще чуть-чуть — и они начнут кричать, требуя Артура. Если он не появится, начнутся беспорядки.

Артур чувствовал напряжение толпы, кожей ощущал ее течения. Он обратил лицо к Мерлину и взмолился:

— Ну пожалуйста, давай покончим с этим.

В это мгновение в толпе начался крик.

— Видишь? Они, как и я, устали ждать.

Думаю, этого и дожидался Мерлин. Он хотел, чтобы толпа и сам Артур были взбудоражены и наэлектризованы до предела.

— Да, — кивнул Мерлин, — думаю, мы достаточно их потравили. Идем. Помни мои слова. И, что бы ни было, никому не уступай меча.

Артур коротко кивнул. Он все понял.

Мерлин двинулся к камню. Его сразу узнали.

— Эмрис! Дорогу Эмрису! Дорогу!

Толпа расступилась.

Мы подошли к камню. Словно бросая вызов, Моркант и его друзья стояли прямо напротив нас, презрительно кривясь и фыркая. Враж-

дебность исходила из них, подобно пару изо рта и ноздрей. День словно стал темнее.

Камень, припорошенный снегом, казался огромным, белым, холодным-прехолодным. А великий меч Максена Вледига, Меч Британии, стоял, погруженный по рукоять, неподвижный, как и сам камень, и не было в мире силы, способной их разъединить.

Неужто мне померещилось, что Артур вытаскивал меч?

В скудном свете серого дня вчерашнее представлялось далеким и туманным, как смутный сон. Камень одолел всех, кто брался за рукоять. В этот страшный день он победит и Артура. Британия окончательно погрузится во мрак.

Мерлин воздел руки над головой, хотя толпа и без того затаила дыхание. Он выждал, пока все глаза устремятся на него, и произнес:

— Меч из камня уже вынимали, чему многие были свидетелями. Однако теперь его вынут при свете дня, на виду у всех собравшихся, дабы не было обвинений в обмане или колдовстве.

Он подождал, чтобы все переварили его слова. Поднялся ветер, хлопьями повалил снег — казалось, с неба летят клочья овечьей шерсти.

— Хочет ли кто из вас испытать камень? Если да, пусть подойдут сейчас. — В голосе Мерлина звучала сталь, его вызов был холоден и суров, как сам камень.

Разумеется, охотники сыскались, хотя каждый в душе знал, что потерпит неудачу, как прежде. Однако дураку непременно надо опозориться еще раз.

Первым к мечу подошел юный змееныш Цердик, сын Морканта. С кривой усмешечкой он выступил вперед и схватил рукоять, словно заявляя права на чужое богатство. Глупец тянул, насколько достало дерзости — а ее было немало. Толпа подбадривала его криками, но вскоре Цердик отступил, красный от стыда и натуги.

Следом подошел Маглос Думнонийский, сын Морганого, скорее из любопытства. Он опасливо тронул рукоять, словно боялся обжечься, и отошел, ничуть не опечаленный своим поражением.

Теперь к камню шагнул Оуэн Виндду, вождь корнубийцев, двумя руками рьяно взялся за рукоять и дернул так, что побелели костяшки пальцев. С громким стоном он отпрянул назад, не сдвинув меч и на волос.

Дальше напирали: Кередигаун Гвинеддский и король соседних с ним земель Огриван, Морганог, следовавший примеру сына и пре-

успевший не больше его, старый Антоний из Кантии, согбенный старостью, но ретивый не по летам... и другие: лорды, короли, вожди. Каждый хотел подержаться за рукоять. Сыновья не отставали от отцов.

Каждый, кто думал править, подошел к камню и отступил несолоно хлебавши, пока не остался один Артур. Гогочущая, орущая толпа замолкла, глядя на него.

Артур стоял: высокий и мрачный, глаза цвета набухшего неба, плечи расправлены, в сжатых губах ни кровинки. Суровость его меня потрясла, остальные тоже ее заметили. Да, вот достойный соперник камню — оба словно изваяны из одной глыбы.

Он протянул руку и взялся за рукоять, словно выдергивал меч из вражеских кишков. Сталь заскрежетала о камень, толпа ахнула: Артур поднял меч над головой и потряс им, чтобы все видели.

Немногие — да славятся вечно их имена! — тут же преклонили колени, видя своего короля. Большая часть осталась стоять. Люди годами ждали этого мига, а когда он пришел, не поверили своим глазам.

Кого они ждали? Ангела в сияющем одеянье? Божества из Иного Мира?

— Обман! — Это выкрикнул один из воевод Морканта. Полагаю, ему заранее велели поднять шум. — Самозванец!

Рассеянные в толпе сторонники Морканта подхватили, стараясь напугать собравшихся на Артура. Но Мерлин был к этому готов.

Прежде чем началась потасовка, он кивнул Урбану, и тот, встав рядом с Артуром, примиряюще простер руки.

— Тише! — воскликнул он. — Почему вы упорно не верите тому, что видели своими очами? В день Рождества да не будет меж нами распри. Давайте войдем в храм и, как надлежит христианам, попросим Господа нас направить. Потом сядем и будем держать совет.

Этого никто не ждал. Зачинщики помышляли только о беспорядках и кровопролитии, спокойные доводы Урбана застали их врасплох. Эктор тут же поддержал епископа.

— Славно сказано! — воскликнул он. — Мы люди разумные и спокойные. Чего бы нам не посидеть, не побеседовать? И где, как не в святой церкви?

Смутьянам нечего было ответить. Откажись они, народ распознал бы предательство и объявил Артура королем. Согласиться же на предложение Урбана означало признать, что у притязаний Артура есть под собой почва. Они оказались в западне.

Урбан видел их колебания и понимал причину.

— Идемте же, — убеждал он. — Отложим вражду и суетные распри. В этой святой день да будет меж нами мир. Идемте в храм Божий.

Народ одобрительно загудел, и короли поняли, что эта битва проиграна.

— Отлично, — воскликнул Моркант, не собираясь сдаваться. — Давайте посоветуемся и решим, что лучше. Я созываю Совет королей.

Таким образом он давал понять, что вопрос далеко не решен и распоряжаться по-прежнему будет он, Моркант. С этими словами он повернулся и первым направился в церковь.

Если он надеялся занять почетное место, то жестоко обманулся. Мерлин посоветовал Урбану расставить кресла по кругу — по обычаю, принятому во времена Аврелия и Утера, но позже забытому.

Теперь короли были в равном положении, и слова каждого звучали одинаково весомо, а значит, Моркант не мог по-прежнему подавлять остальных королей.

Ему это пришлось не по нраву, но поделаться ничего было нельзя: он подошел к своему креслу и опустился в него по возможности величаво. Остальные расселись по обе стороны от Морканта кто где хотел. Советники встали рядом с королями, а следом в церковь набились и любопытные лондонцы. Вскоре огромное помещение, освещенное сотнями свечей и наполненное ароматом ладана, уже гудело, как осиный рой. Урбан и не ждал на Рождество подобного наплыва гостей.

Разумеется, он не мог не воспользоваться такой удачей и начал совет с наставительной молитвы (на латыни и языке бриттов, чтобы все поняли) — и говорил довольно долго.

— Отче Всеведающий, — заключил он, — Наставник и Податель всякого блага, веди нас, да познаем в мудрости, мире и добродетели короля, которого Ты избрал. Благослови же наше собрание, дабы каждый из нас угодил Тебе словом, делом и помышлением.

Закончив наконец молитву, Урбан встал и повернулся к королям.

— Давно этот Совет не собирался в добром согласии, давно, на нашу беду, в Британии нет Верховного короля. — Он помолчал и, прежде чем продолжить, обвел взглядом толпу. — Посему заклинаю вас не расходиться, не исправив зла и не восстановив верховную власть.

Народ одобрительно закричал. Урбан повернулся к Мерлину:

— Готов во всем вам служить.

— Спасибо, епископ Урбан, — сказал Мерлин и тут же обратился к Морканту. — Раз ты, Моркант, созвал этот Совет, возможно, ты

объяснишь, почему отвергаешь знак, который, по общему согласию, должен был указать Верховного короля Британии. Ибо, если ты не выведаль некоей веской причины, по которой мы должны отринуть свидетельство наших собственных глаз, то Верховный король стоит перед тобою ныне с Мечом Британии.

Моркант нахмурился.

— Вот это и есть причина, по которой мы не должны доверять увиденному. Все мы знаем, времена нынче недобрые, много развелось вокруг всякого чародейства. Как знать, что "свидетельство наших собственных глаз", — последние слова он произнес с издевкой, — не наваждение колдовских чар?

— Каких это чар, Моркант? — спросил Мерлин. — Скажи яснее: ты обвиняешь Артура в колдовстве?

Моркант нахмурился еще сильнее. Легче намекнуть, что дело нечисто, чем подтвердить свои слова. Он сам знал, что доказательств у него нет.

— Что я, колдун? Где мне в этом разбираться! — вспылил он.

— Ты первый произнес обвинение в этом грехе. Я спрашиваю тебя, Моркант: Артур — чародей?

Лицо Морканта перекопилось от гнева, однако он сдержался и отвечал спокойно:

— Мое доказательство — меч в его руке. Пусть ответит, какою силою извлек меч, если не колдовской.

— Силою добродетели и подлинного благородства, — объявил Мерлин. — Всякий, кто к ним прибегает, получает такую же силу.

Народ разразился одобрительными криками, и Моркант понял, что Мерлин побеждает его остроумием и логикой. Однако он уже не мог удержаться и, протянув руки к собранию, возгласил:

— Так ты умаляешь благородство сошедшихся здесь добрых людей? Принижаешь их добродетель?

— Ты сам это сказал, Моркант, а я лишь превозношу благородство и добродетель того, кто стоит перед нами. — Мерлин указал на Артура. — Если в его присутствии ты чувствуешь себя маленьким и низким, — продолжал он, — то истина и впрямь нашла дорогу в твоё сердце.

— Ты что, Бог, чтобы знать истину? — фыркнул Моркант.

— А ты что, настолько отдалился от истины, что больше не узнаешь ее? — Мерлин повел рукой, словно отмахиваясь от Морканта. — Довольно точить ляды. Если у тебя есть возражения, говори. — Он

повернулся к остальным. — Если кто-то знает, почему Артур не может вступить на Верховный престол, пусть говорит сейчас!

Тишина стояла такая, что, казалось, можно было различить, как падает за окном снег. Никто, включая Морканта, не знал ни одной законной причины, по которой Артур не мог бы стать Верховным королем, исключая их собственную гордыню.

Мерлин обвел золотистыми очами королей и народ. Пришло время настоять на своем. Он медленно поднялся и вышел в центр круга.

— Итак, — тихо промолвил, — как я и думал, никто не может возразить против Артура. Теперь я спрашиваю, кто выступит за него?

Первым вскочил Эктор.

— Я выступаю за него! Я признаю его королем!

— И я признаю. — Это произнес Бедегран.

— Я признаю его королем, — сказал Мадок, вставая вместе с ним.

Те, кто уже преклонил колени, вновь провозгласили Артура своим королем. Однако радостные возгласы толпы скоро затихли — больше никто из королей не признал Артура. Совет разделился. Малочисленные сторонники Артура не могли возвести его на престол наперекор смутьянам.

Моркант не терял времени.

— Мы не признаем его своим королем, — прокаркал он. — Надо избрать кого-то другого.

— Он держит меч! — вскричал Мерлин. — Будущему королю надо прежде забрать клинок у Артура. Ибо, истинно нам говорю, без этого никому из вас не быть королем Британии!

Моркант в ярости стиснул кулаки. Как ни уводил он разговор в сторону, Мерлин постоянно возвращал его обратно.

— Иди сюда, Артур, — сказал Мерлин.

Молодой человек встал рядом с Эмрисом.

— Вот он, — молвил Мерлин, отступая в сторону. — Кто из вас первым попытается отнять меч?

Артур стоял один в кольце королей. В дрожащем свете рождественских свечей он держал меч легко, решительно, бесстрашно, словно ангел-мститель. Глаза его горели праведным огнем.

Было ясно, что без боя он меч не отдаст. Даже этим глупцам хватило ума не вступать в поединок с неведомым молодым воином. Ни один не откликнулся на призыв Мерлина.

И все же Артур не мог сразу потребовать себе Верховный престол. У него не было ни земель, ни казны, ни дружины, ни достаточного

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

числа сторонников. Мы снова были в тупике. Ничто не изменилось со вчерашней ночи.

Однако Мерлин еще не договорил.

ГЛАВА четвертая

Весь тот зимний день и немалую часть ночи короли бились и упирались, но Мерлин держал их железной хваткой. Он стоял, как скала, и Артур стоял насмерть. Никакая сила на земле не смогла бы сдвинуть этих двоих...

...Как никакая сила на земле не принудит к уважению человека, который сам того не желает.

А местные князьки не желали склоняться перед Артуром. Значит, надо было внушить им уважение. И Мерлин поставил себе цель: доставить Артуру такую возможность.

Он этого достиг: возродил титул *Dux Britanniarum*, Верховный военачальник Британии (так звался Утер, когда возглавил войска Аврелия), и предложил увенчать им Артура.

На это Совет в конце концов согласился хотя бы для того, чтобы не сразу провозглашать Артура королем. Впрочем, получив уступку, Мерлин продолжал гнуть свое: Британии-де нужна сводная дружина, которую ради общей пользы будут в равной мере содержать все короли — легкое на подъем войско, призванное защищать страну. Если все короли будут вносить равную долю, ни один не сможет претендовать на главенство, и независимая дружина будет разить где и когда нужно без оглядки на союзы и сговоры местных князьков.

Коль скоро у Британии общий враг, ей нужна общая дружина и предводитель, не связанный ни с кем вассальными узами.

Однако уломать на это королей оказалось куда труднее, ведь Морканту и Коледаку пришлось бы отказаться от прежних разбойничьих замашек, дабы не встретить отпор дружины, которую они сами помогли бы создать.

Вот чем был хорош замысел Мерлина: если Артур становится предводителем, королям волей-неволей приходится замириться. Но в этом же заключался и главный недостаток его плана: кто же из смутьянов согласится поддержать Артура в ущерб себе!

Многих пугало иное: дружина, не подвластная никому из королей, может оказаться пострашней захватчиков-саксов, от которых призвана защищать.

Однако, согласившись сделать Артура боевым предводителем, короли вынуждены были идти до конца — что за воевода без войска? Все соглашались, что затея эта нужная. Итак, объявили, что Артур становится воеводой, а короли обещали собрать дружину.

Да, предводитель — еще не Верховный король. Однако задумка Мерлина открывала Артуру возможность заслужить Верховный престол, как оно в конечном счете и получилось.

Когда Артур вышел из церкви в ночь — студеную, ясную, ветреную — на черный, блестящий под луной лед и двинулся широким шагом с мечом Британии на бедре, это был уже не тот юноша, что ступил под священные своды сегодня утром. Злоба удельных властителей, их подлость и мелочная зависть ожесточили его сердце. Однако пути Всеведущего Духа неисповедимы: отныне Артур знал, чего они стоят.

И в этом было его преимущество, потому что короли не знали о нем ничего.

Артур всегда все схватывал на лету. Мальчиком в доме Эктора он учился латыни и арифметике у Мелумпа, учителя-галла из соседнего монастыря Аберкерни, и усваивал урок с первого раза, со второго же запоминал на всю жизнь.

Частенько, когда я днем заходил за мальчиками, чтобы дать им урок фехтования или верховой езды, то заставал такую картину: Артур терпеливо втолковывает Каю слово или пример, а Мелумп дремлет на солнышке, сложив руки на животе. Артур умел не только учиться, но и учить, хотя действие предпочитал размышлению.

Его влекли любые подвиги и в первую очередь — непосильные.

Один пример первым всплывает в памяти. Мы ехали в Гвинедд по пути в Каер Мирддин к Теодригу. С нами были Эктор, Кай, небольшой отряд воинов и, разумеется, Мерлин.

В то лето, если не ошибаюсь, Артуру шел одиннадцатый год. Пронесся слух, что ирландцы возобновили набеги на западное побережье. Мерлин хотел обсудить положение с Теодригом и Меуригом, а заодно сам посмотреть, как обстоят дела. Мой хозяин собирался ехать тихо, один, но Артур, прослышав о поездке, немедленно объявил, что они с Каем тоже едут, и ни в какую не пожелал идти на по-

пятный. Мы побоялись ехать с Артуром без стражи, и в итоге получился довольно большой отряд.

Все шло ладно, пока мы не достигли Ир Виддфы. Завидев холодные серые громады, Артур от изумления чуть не свалился с лошади.

— Только посмотрите! Ну и горы! Выше не бывает! Вон на той до сих пор лежит снег!

— Да, зрелище достойное, — согласился Мерлин.

— А у нее есть имя?

— Имя есть. Все вместе называется Ир Виддфа, Область снегов. — Мерлин указал на самый высокий пик. — Гора, на которую ты глязеешь, — Эрири.

— Она... — Артур старался подобрать слово — ...огромная! Огромная и прекрасная! — Он смотрел в изумлении, не в силах насытиться зрелищем. — Кто-нибудь на нее взбирался?

Вопрос застал Мерлина врасплох.

— Вряд ли, — отвечал он. — Сомневаюсь, что это возможно.

Именно этого ему, конечно, не следовало говорить.

— Отлично! Значит, я буду первым, — решительно объявил Артур и, взмахнув поводьями, направился к горе.

Мерлин хотел его позвать, но вмешался Кай.

— Пожалуйста, Эмрис, я бы тоже хотел подняться на гору.

— Ты, Кай? — Мерлин повернулся и взглянул в его розовое лицо. Ясные голубые глаза излучали столько надежды, сколько способно вместить человеческое существо. Обмануть эту надежду было немислимо. Мерлин видел: как ни сильно желает Артур покорить гору, Каю хочется этого еще больше, но совсем по другой причине.

— Нет, Кай... — начал Эктор.

Мерлин остановил его движением руки.

— Ну конечно, — сказал Мерлин. — Я уверен, что пришло время покорить гору. И кому же это сделать, как не вам? Давай быстрее, а то не догонишь.

Он махнул Каю, и мальчик поскакал вслед за Артуром.

— Ты думаешь, это разумно? — спросил Эктор, не без тревоги провожая глазами сына. Он всегда старался оберегать хромоногую Кая — мальчик упал с седла в первый же раз, как его посадили на лошадь, и кость плохо вправили.

— Нет, — отвечал Мерлин. — Отпустить их было чистойшей глупостью.

— Так почему...

Мерлин улыбнулся и поднял руку к горе.

— Если б мы остановили их сейчас, они бы никогда уже с открытым сердцем не замахнулись на непосильное.

— Неужто это так важно?

— Для обычных людей — нет. — Мерлин покачал головой, провожая взглядом скачущих мальчиков. — Но мы, Эктор, растим не обычных людей.

— Они могут упасть и разбиться!

— Значит, они умрут славной смертью, — объявил Мерлин. Эктор открыл уже рот, чтобы возразить, но мой господин не дал ему ответить, продолжив: — Эктор, они в любом случае рано или поздно умрут, и мы не в силах этому помешать. Разве не понятно?

— Нет. Это бессмысленное молодечество. — Эктор всем своим видом выражал недовольство.

— Мертвые давно мертвы, — сказал Мерлин. — Лучше быть живыми, покуда живы, верно? И потом, взобравшись на гору, они одолеют великана и станут непобедимыми.

— А если нет?

— Поймут, что возможности человека не безграничны.

— На мой взгляд, дороговато обойдется урок, — пробормотал Эктор.

— Тем больше будут его ценить. Ну же, друг, смотри веселей, — подбодрил Мерлин. — Если Господь и ангелы готовы их поддержать, неужто мы не поддержим?

Эктор обиженно замолчал. Мы, развернув коней, направились вслед за мальчиками и довольно скоро настигли их на лугу под кручей — они решали, откуда начать подъем.

— Ну? Что выбрали? — спросил Мерлин.

— Сдается мне, здесь будет проще всего, — ответил Артур. — Остальные склоны слишком крутые, а тут мы довольно долго сможем идти вверх.

— Так вперед, — сказал Мерлин, поднимая глаза к солнцу. — У вас еще есть немалая часть дня. Мы разобьем лагерь и будем вас дожидаться.

— Он прав, — обратился Артур к Каю. — Идем.

Взяв лишь по бурдюку с водой и ячменному хлебу, они попрощались с нами и начали подъем на Эрири. Мы, в свою очередь, разбили лагерь и сели ждать.

После полудня Эктор с несколькими воинами отправились на охоту и вернулись в сумерки с десятком зайцев и дюжиной фазанов. Оленей, которых мы не смогли бы ни съесть, ни увезти с собой, они не трогали.

Покуда наши спутники свеживали дичь и готовили ужин, Эктор рассказывал, какая богатая тут охота, однако взгляд его то и дело возвращался к нависшему над нами горному склону. Наконец он не выдержал и спросил:

— Как по-вашему, они будут там всю ночь?

— Думаю, да, — отвечал я. — Спускаться долго, а они еще наверняка не достигли вершины.

— Неприятно думать, что они карабкаются в темноте.

— Они умные ребята, — сказал я. — Устроятся где-нибудь и поспят.

— Я не о сне беспокоюсь. — Эктор резко повернулся и ушел распорядиться подготовкой к ужину.

Я дивился необычайному спокойствию Мерлина, который всегда пекся о безопасности Артура. Чуть позже, когда зайцы и фазаны жарились на вертелах над огнем, я отыскал его на берегу ручья, где он наполнял бурдюки и поил коней. Я спросил, почему он не волнуется, и он отвечал просто:

— Успокойся, Пеллеас, я не вижу вреда в этом месте.

— Что же ты видишь?

Мерлин выпрямился и вновь устремил взор к горе — ее вершина догорала в малиновом пламени заката. Мгновение он молчал, и глаза его пылали странным горным огнем.

— Я видел гору с человеческим именем, и звалась она Артур.

Мы прождали весь следующий день. Эктор крепился, но, когда с наступлением вечера начало холодать, он подошел к Мерлину.

— Они не вернулись.

— Не вернулись, — подтвердил Мерлин.

— Что-то случилось. — Эктор в тревоге взглянул на темнеющую гору, словно ожидая увидеть цепляющихся за нее мальчиков. Некоторое время он кусал губы, потом выпалил: — Кай! Его нога! Он и так еле ходит! Не надо было его отпускать.

— Успокойся, Эктор. Не стоит тревожиться. Они вернутся, когда осуществят то, за чем отправились.

— Ты хочешь сказать, когда сломают себе шеи.

— На мой взгляд, это маловероятно.

— Еще как вероятно! — пробурчал Эктор, но больше в тот вечер ничего не сказал.

На следующее утро мальчики не вернулись, и я начал разделять тревоги Эктора. Быть может, Мерлин ошибся?

К полудню Эктор уже не находил себе места. Он метался по лагерю, что-то бормоча себе под нос. Он не мог самочинно отправиться на поиски — это значило бы открыто оскорбить Мерлина, которого он безмерно почитал. Однако именно это было у него в голове — при всем своем уважении он не смог бы выдержать еще ночь.

Мерлин делал вид, что не замечает его тревоги, и, чтобы убить время, прогуливался по долине, собирая травы, которые не растут дальше на севере.

Наконец, когда солнце исчезло за краем гор, Эктор решил взять дело в свои руки. Он приказал четырем воинам оседлать коней и ждать распоряжений.

— Подумай, что ты делаешь, — спокойно промолвил Мерлин.

— Я только об этом весь день и думаю! — взорвался Эктор.

— Потерпи, Эктор. Если ты поедешь сейчас, то отравишь им всю радость, они поймут, что ты не верил в их успех.

— А если они лежат, переломанные и окровавленные, там, в расселине? Вдруг они умирают?

— Так пусть умрут как мужчины, какими ты их растил! — отвечал Мерлин. — Эктор, — продолжал он успокаивающе, — поверь мне еще чуть-чуть.

— Я и так слишком долго тебе верил! — воскликнул Эктор. Терзания его были так же сильны, как и любовь. Думаю, он винил себя в увечье сына, ведь лошадь была его.

— Не веришь мне — верь Благому Богу. Успокойся, брат. Ты так долго нес свою тревогу, пронеси ее еще ночь.

— Ты просишь почти невозможного.

— Если они не вернутся к рассвету, тебе не придется возглавлять поиски, Эктор, я сам их возглавлю.

Эктор мотнул головой и чертыхнулся, но принял заверения Мерлина и пошел сказать своим людям, чтобы расседлывали коней.

Быстро темнело. Мне кажется, ночь прежде спускается на возвышенности. Когда мы сели ужинать, на небосводе уже мерцали первые звездочки, хотя свет дня еще не совсем погас. Воины громко разговаривали об охоте, стараясь отвлечь господина от невеселых мыслей.

Мерлин первым услышал крик. Собственно, я думаю, он вслушивался почти весь день и уже гадал, почему ничего не слышит.

Он стоял, призывая жестом к молчанию и склонив голову на бок. И я, и все остальные различали лишь тонкий, пронзительный крик горных жаворонков, летящих на ночлег в гнезда.

Даже я на мгновение подумал, что он ошибся. Остальные нетерпеливо задвигались.

— Это только... — начал Эктор.

Мерлин вновь поднял руку. Несколько мгновений он стоял, словно окаменев, потом повернулся к горе. Улыбка медленно расплывалась по его лицу.

— Смотрите! — воскликнул он. — Победители возвращаются!

Эктор вскочил на ноги.

— Где они? Не вижу!

— Идут.

Эктор пробежал несколько шагов.

— Не вижу!

И тут снова раздался крик. На этот раз я его различил: высокое дрожащее "Э-ге-гей!" — так кричат в горах. Все остальные тоже были на ногах и, напрягая зрение, всматривались в сумерки.

— Это они! — воскликнул Эктор. — Они возвращаются!

Мы не видели их, пока они не подошли совсем близко, — в сером свете одежда сливалась со склоном горы. Когда мальчишки снова закричали, я различил две приближающиеся фигурки.

— Кай! Артур! — заорал Эктор.

Никогда не забуду выражения их лиц в тот миг, когда они показались из темноты. Ни до, ни после не видел я такого восторга. Мальчишки были усталые как собаки, всклокоченные, но лица их светились победой. Они вернулись героями. Богами!

Они дошли до походного огня и рухнули на землю. Даже при свете костра было видно, что щеки и носы у них обгорели: у Артура лупилась кожа, у рыжего Кая пылали шея и лоб! Одежда их была перепачкана и продрана на локтях и коленях, ладони стерты в кровь, руки и ноги — в синяках и ссадинах. Судя по виду, они все три дня продирались через заросли боярышника и чертополоха.

— Дайте им попить! — распорядился Эктор, и кто-то побежал за пивом. Властитель Каер Эдина смотрел на своего отпрыска, раздувшись от гордости, словно токующий тетерев.

Я поднес им остатки ужина.

Артур взял хлеб и откусил полкаравая; Кай от усталости не мог есть, только тупо смотрел на краюху, которую держал в руках.

— Вот, — сказал Мерлин, протягивая им бурдюк. — Пейте.

Кай принялся пить большими глотками, потом передал бурдюк Артуру. Тот с хлюпаньем потянул в себя холодную родниковую воду.

Эктор больше не мог сдерживаться.

— Ну, как вы шли, сынок? Добрались до вершины?

— Да, — благоговейно отвечал Кай. — Добрались. — Он повернулся к Артуру. Глаза у него были как у человека, который постиг глубокую, преобразившую его истину. — Если б не Артур, мне б туда не дойти.

Артур опустил бурдюк.

— Не говори так, брат. Мы взобрались туда вместе — ты и я. — Он повернулся ко всем нам. — Это было дивно! Сказочно! Мерлин! Пеллеас! Надо было вам тоже подняться. Весь мир видно — от края до края! Это... дивно.

Он замолчал, не находя слов.

— Ты сказал, это невозможно, — напомнил Кай Мерлину. — Сказал, никто туда не взбирался. Ну так мы взобрались. На самую-самую вершину! — Кай замолк и добавил тихо, снова поворачиваясь к Артуру. — Он только что не нес меня на спине.

"Я видел гору с человеческим именем, и звалась она Артур", сказал Мерлин.

Весь смысл этих слов открылся для меня много позже, когда барды прознали о юношеских подвигах Артура и окрестили гору "Великой гробницей": Артур, мол, сразил увенчанного снегами гиганта.

В тот день, когда он с Мечом Британии на бедре вступил в Совет королей, ему предстояло одолеть еще одну гору, похоронить еще одного гиганта. Горой этой было единство Британии, гигантом — властолюбие удельных князьков.

Что рядом с ними неприступная вершина Эрири? Кротовая кучка на грядке с репой!

Я часто потом размышлял, чего мы достигли — что получили и что потеряли — в тот страшный день.

Мы, безусловно, упустили Верховного короля. Мы получили Dux Britanniarum — воинского предводителя, пусть только по званию. У него не было ни легионов, ни вспомогательных частей, ни кораблей,

ни конницы. Не было ни дружины, ни даже собственного коня! Звучный римский титул оставался пустышкой, и все это знали.

Все, кроме Артура.

— Я буду их воеводой, — поклялся он. — И стану воевать так, что непременно сделаюсь королем!

Однако войска по-прежнему не было, лишь Бедуир и Кай, преданные душой и сердцем, причем один чуть не с рождения. И даже втроем они являли собой серьезную силу. Всякий король усадил бы любого из них на почетное место, лишь бы заполучить такого богатыря.

Итак, Артуру предстояло первое испытание: собрать войско. Но одно дело — набрать людей, другое — вооружить их, разместить, снабдить конями, кормить и одевать; для этого нужно немереное богатство.

Богатство — от земель, а у Артура их было меньше, чем у муравья в муравейнике.

Но эта забота разрешилась сама собой. Вернувшись к Градлону, мы столкнулись у дверей с Меуригом. Он прискакал из Каер Мирддина с тремя вождями — все четверо смертельно устали и чуть не примерзли к седлам.

— Молю о прощении, лорд Эмрис, — сказал Меуриг, устроившись у очага с кубком горячего вина. И, поспешно повернувшись к Артуру, добавил: — И тебя, лорд Артур. От души сожалею, что опоздал на Совет. Отец очень хотел приехать, но погода...

— Ты ничего не потерял, — ответил Артур.

— Понимаю твое недовольство, — начал Меуриг, — но...

— Он хочет сказать, — вмешался Мерлин, — что твой приезд стал бы для нас радостью, но ничего изменить не смог бы.

— Но, будь я здесь...

— Нет, — Мерлин мотнул головой. — Получилось, что ты зря скакал в такую даль по морозу. И все же, коли ты здесь, выпей за здоровье Верховного предводителя. Перед тобой Артур, *Dux Britanniarum*!

— Что случилось? — Меуриг ожидал, что Артура провозгласят королем.

— Моркант, — процедил сквозь зубы Эктор.

При этом имени Меуриг сделал грубый жест.

— Можно было не спрашивать. Я мог бы догадаться, что старый интриган будет всячески мешать Артуру. И не он один?

Да, Меуриг и впрямь думал увидеть Артура королем. Именно к его отцу, королю Диведа Теодригу, привез Мерлин новорожденного

Артура, так что Меуриг давно догадался, чей это сын. Впрочем, даже Меуриг не вполне сознавал, насколько сильны притязания Артура на британский престол.

Сказать по правде, немногие сознавали это тогда. Пусть он сын Аврелия, но этого мало, чтобы стать Верховным королем. Нужна еще поддержка всех королей. Или хотя бы стольких, чтобы заткнуть рот смутьянам, — что, по сути дела, означало бы то же самое.

Никто по-настоящему не верил, что пятнадцатилетний мальчишка взойдет на Верховный престол, и никто не хотел ему помогать.

— Морканта поддержала вся его свора, — горько отвечал Мерлин.

— Охотно бы я спустил шкуру с его отвислых жиров, — ругнулся Кай, — да что толку!

— Надо было мне поспеть на совет, — повторил Меуриг. — Отец занемог, не то бы и он поскакал с нами. Погода нас задержала. Две лошади пали в пути. — Он повернулся к Артуру. — Прости, малыш.

— Пустяки, лорд Меуриг, — произнес Артур, хотя на лице его было написано совсем иное. В комнате воцарилось подавленное молчание.

— Боевой предводитель Британии? Для начала и это неплохо. — Меуриг, чувствуя свою вину за общее настроение, постарался немного его поднять. — Что будешь делать?

У Артура ответ был наготове.

— Первым делом соберу дружину, какой не видел Остров Могущественного. Буду брать только лучших воинов.

— Тогда тебе нужны земли, чтобы поставлять коней, зерно, мясо, — величаво объявил Меуриг. Артур нахмурился, зная свою бедность, но Меуриг продолжал: — Мы с отцом решили отдать тебе область к югу от Диведа.

— Силурию? Но это же твои земли! — возразил Артур.

— Были мои, — поправил Меуриг. — Отец стар и отошел от дел. Теперь я правлю в Диведе. Нам нужна крепкая рука в Силурии, а поскольку сыновей у меня нет, я счел за лучшее передать землю тебе. Берешь?

Лоб Артура разгладился, но теперь брови поползли вверх.

— Так вот, — напирал Меуриг, — между реками Тафф и Эббо в устье Хабрены есть старое укрепление. Там же есть и гавань. Зовется Каер Мелин. Если не пожалеть сил, выйдет надежная крепость. Земля добрая, потрудишься — оплатит сторицей. — Меуриг лучился от удовольствия, предлагая свой дар. — Ну как теперь? Тебе нечего сказать мне, юный Артур?

— Не знаю, как и ответить.

Юного военачальника так ошарашила весть, что Эктору пришлось похлопать его по спине и крикнуть:

— Ободришься, сынок! Придется тебе принять свою удачу и потихоньку ее осознать!

— Сперва меч, теперь земли! — воскликнул Кай. — Что дальше? Наверняка жена и куча орущих детишек.

Артур скривился от шутки Кая и повернулся к Меуригу.

— Я твой должник. Постараюсь править этими землями, как правил бы ты сам.

— Уверен, так оно и будет. Ты станешь стальной стеной, за которой народ Диведа разжиреет и обленится. — Меуриг захохотал, и тени, обступившие нас с первого дня в Лондоне, отпрянули.

Я налил из кувшина медовой браги. Мы выпили за удачу боевого предводителя и стали думать, как собирать дружину. Решили, что Эктор и Кай вернутся в Каер Эдин, как только позволит погода, соберут людей и поведут к Артуру на юг.

Артур, понятно, хотел поскорее увидеть свои земли. Мальчиком он бывал в тех краях, но прожил в Диведе совсем недолго. Даже зима его не пугала. Он объявил, что мы завтра утром поскачем в Каер Мелин.

— Погоди хоть, пока снег сойдет, — убеждал Мерлин. — Меуриг говорит, зима на юге в этом году суровая.

— Что мне какой-то снег!

— Побереги себя, Артур. Холодно ехать!

— Так наденем по два плаща! Я намерен увидеть свои земли, Мирддин. Хорош правитель, который не наезжает в свои угодья!

— Незазорно и подождать, пока дороги станут проезжими.

— Ты рассуждаешь, словно купец, — фыркнул Артур и начал собираться в дорогу.

Думаю, он все просчитал еще до того, как мы покинули Лондон: как соберет дружину, как будет ее содержать, как выстроит королевство, опираясь на Каер Мелин и богатые южные земли. Он видел будущее так ясно, что маловеры вынуждены были либо идти с ним, либо отойти в сторону. Это вообще было особенностью Артура — он ставлял делать выбор, не оставляя места для колебаний.

Итак, на следующее утро мы покинули Лондон и поскакали на запад. Достигнув реки Эббо (брр, вспоминать холодно, сколько раз пришлось ночевать в снегу), Артур немедленно отправился к укреплению. По обычаю здешних краев, оно стояло на самом высоком холме

в округе, так что вся местность была как на ладони. Каер Мелин окружали укрепления поменьше (общим числом двенадцать), стерегущие входы в долины и устья рек вдоль побережья.

Сразу на восток лежало еще одно кольцо укреплений с Городом Легионов в центре. Каер Легионис лежал в руинах, заброшенный, никому не нужный. Впрочем, Меуриг возвел оборонительный вал чуть севернее, вокруг разрушенной римской крепости; она, как и Каер Мелин, стояла в кольце укреплений поменьше.

Эта цепь колец обеспечивала спокойствие Силурии и Диведа. Впрочем, сам Меуриг никогда в Каер Мелине не жил. Ирландские разбойники давно уже не посягали на юго-западные земли Британии, и укрепления на холмах за ненадобностью постепенно пришли в упадок. Каер Мелин нуждался в починке: надо было заново навесить ворота, насыпать вал, углубить ров, заложить провалы в стене, запасти оружие и провиант...

Меуриг не преувеличивал, сказав, что поработать придется изрядно, однако для Артура это уже была неприступная крепость и великолепный дворец.

Каер Мелин, "золотая крепость"! Так прозвали ее за расположенные неподалеку желтые серные источники, но Артуру она сверкала другим золотом. Он видел будущий блеск, воображая себя во главе королевства.

Впрочем, спать нам пришлось не в воображаемом замке, а на голых вершине холма под колючими звездами и студеными зимними ветрами. Артура это ничуть не печалило. Он был в своих владениях и хотел непременно провести первую ночь в собственной крепости.

Мы развели большой-пребольшой костер и легли возле него, закутавшись в меха и плащи. Перед сном Артур упросил Мерлина спеть ради торжественного случая.

— Это будет первая песня в моих чертогах, — объявил он, сидя под открытым небом, — и ей пристало звучать из уст главного барда на Острове Могущественного.

Мерлин выбрал "Видение Максена Вледига", добавив от себя упоминание об Артуре, чем необычайно угодил юному воеводе.

— Здесь будет мой дом, — провозгласил Артур с жаром. — И да будет с сегодняшнего дня Каер Мелин первым двором Британии!

— Из всех дворов прошлых, грядущих и настоящих, — отвечал Мерлин, — он будет главнейшим, и память о нем не изгладится, доколе живут люди.

Учтите, эти развалины каером-то стыдно было назвать, не то что двором. Промозглым утром, когда мы вылезли из-под плащей на стужу и ветер, хлопая руками, чтобы согреться, у Артура не было ни очага, ни крыши над головой.

...Только радужные обещания Мерлина.

В тот день мы объехали несколько соседних укреплений. Артур остался доволен своим королевством; он словно не видел, что здешнее жилье годится ворону и волку больше, чем человеку. Было ясно, что за дар Меурига придется платить свою цену, но Артур заплатит ее играючи.

Когда солнце двинулось вниз по зимнему небу, мы повернули к Каер Мирддину, где рассчитывали застать Меурига. Зеленоватый свет уже угасал в холмах, когда мы подъезжали к воротам крепости, конские носы покрывал иней, от холок поднимался пар.

И следа не осталось от старой виллы, стоявшей здесь в давние дни, когда юный Мерлин правил страной на пару с Мелвисом, дедом Меурига. Маридун звалось тогда это место, ныне же зовется Каер Мирддин — по имени самого известного из своих владык, хоть он давно уже не король и покинул эти края.

В кольцах на стене уже горели факелы — желтые отблески ложилась на морозную землю вперемежку с синими теньями, однако ворота стояли открытыми. Нас ждали.

Во дворе топтались брошенные без присмотра кони. Я подивился и хотел указать на них ехавшему рядом Мерлину, но Артур уже увидел их и сообразил, в чем дело.

С радостным воплем он хлестнул скакуна кожаными поводьями и на всем скаку устремился во двор. В доме, видимо, слышали его крик, потому что дверь распахнулась, и в тот миг, когда Артур спрыгивал с седла, наружу высыпала куча людей.

— Артур!

От толпы отделился юноша и, подбежав к Артуру, заключил его в медвежьи объятия. Они стояли в льющемся из дома свете факелов, обхватив друг друга за плечи, словно борцы.

— Бедуир! Так ты здесь!

— Где мне быть, когда я нужен моему брату? — Бедуир улыбнулся и потряхнул головой. — Поглядите на него!.. Ишь, воевода Британии!

— Чем тебе не по душе воевода?

— Артур, видеть тебя — для меня небо и земля, — сдержанно отвечал Бедуир. — Но будь я там, ты был бы у меня королем.

— Как так, брат? Разве ты император Западной империи, чтобы возводить на трон королей?

Оба от души расхохотались над шуточной перепалкой и снова обнялись. Тут Бедуир увидел нас.

— Мирддин! Пеллеас! — Он торопливо обнял нас обоих. — Вы тоже приехали. Я и не чаял застать вас здесь. Светлые духи свидетели — мудр и благ Господь!

— Здрав будь, Бедуир! Взглянешь на тебя, сразу видно: истинный царевич Регеда, — сказал я без всякой лести.

Темные волосы Бедуира были заплетены в толстую косу, на запястьях и выше локтя блестели украшенные эмалью золотые браслеты, шерстяной плащ украшал искусно вытканый узор — ярко-желтая и черная клетка, разрисованные змейками мягкие кожаные сапожки доходили до колен. Ни дать ни взять, кельт из древних времен.

— Пеллеас, дай тебе Бог здоровья, я по тебе скучал. Долгонько мы не виделись.

И впрямь, прошло восемь лет с нашей последней встречи.

— Как ты сюда добрался? — спросил Артур. — Мы думали, ты тронешься не раньше, чем сойдет снег.

— Зима нынче на севере теплая, — отвечал Бедуир, — да только это нас и задержало: ирландцы все не могли уговориться, не то бы мы приехали осенью. — Он хохотнул. — Вижу, что удивил даже Мирддина, а ради такого не жалко и повременить!

— Ты приехал нежданно, — отвечал Мерлин, — но я ничуть не удивился при виде того, по кому мы так скучали. Какая же это радость — тебя видеть!

Меуриг, наблюдавший за этой сценой, подошел с факелом в руке. Лицо его сияло.

— Наполнился мой чертог! Сегодняшний пир да будет празднеством дружбы!

Вышло по его слову. Яствам не было конца, мед и пиво лились беспрерывным потоком. Ситовые светильники озаряли просторное помещение, огонь в очаге весело потрескивал, бросая на лица алые отблески. При дворе Меурига был искусный арфист, так что музыка не смолкала. Мы пели и плясали на старинный лад.

Следующие несколько дней были наполнены охотой, едой, питьем, песнями, разговорами и смехом. Из соседнего монастыря Лландаффа

прибыл епископ Гвителин — благословить Артура на новом поприще защитника Британии. Это было незабываемо. И сейчас вижу, как Артур стоит на коленях перед добрым епископом, прижав к губам край простой полотняной ризы, а тот возлагает на него свои святые руки.

В один миг Артур был Верховным предводителем Британии, облеченным ответственностью и почетом, в следующий — кимрским царевичем, веселым и беззаботным. Душа радовалась, на него глядячи.

Господи Иисусе, я не помню поры счастливее! Больше всех веселились Артур и Бедуир, они сидели рядом, смеялись и разговаривали ночь напролет. Когда же погасили огни, они остались сидеть — голова к голове, поверяя друг другу надежды и чаяния на грядущие годы.

Каждому столько нужно было сообщить другому, столько времени наверстать! Артур и Бедуир были знакомы чуть ли не с рождения — мы с Мерлином привезли Артура в крепость Теодрига еще младенцем. Вместе с ним в Каер Мирддине рос младший сын короля Вледдина, Бедуир, тоненький и черноволосый, полная противоположность светлокудному другу. Броская тень ясного солнышка Артура.

Эти двое были неразлучны: золотой мед и темное вино лили им в один кубок. Ни дня не проводили они порознь, пока в семь лет их, согласно обычаю, не отдали на воспитание в разные королевские дома: Бедуира — королю Энниону, его регедскому родичу, Артура — Эктору в Каер Эдин. С тех пор они почти не виделись, разве что на редком совете. Однако их дружба оказалась прочней разлуки.

Никто не удивился, когда в одно прекрасное утро они отправились осматривать Артуровы земли и вернулись три дня спустя. Сразу по возвращении Артур объявил, что в западной части своих владений, где много глубоких укрытых от глаз долин, он будет разводить коней и передает эти края под власть Бедуира.

Они уже заглядывали далеко-далеко вперед, когда числом коней будет определяться число британских воителей.

Итак, этой весной определился путь, которым Острову Могущественного предстояло идти наперекор крепнущим военным ветрам. Сразу после Пятидесятницы начались работы в Каер Мелине. На восьмой день после Бельтана подоспел Кай с первыми дружинниками: двадцатью обученными молодыми воинами, которых Эктор счел лучшими к северу от Вала.

А на седьмой день после Лугназада король Моркант решил испытать юного предводителя на храбрость.

ГЛАВА пятая

Каер Мелина достигла весть, что Моркант собирает дружину, чтобы идти на Мадока и Бедеграна — завершить давний кровавый спор. У Артура было всего двадцать воинов — двадцать три, считая его самого, Кая и Бедуира. Им ли противостоять сотням Морканта?

Однако Артур посчитал: спастись сейчас перед численным превосходством — все равно что сразу отдать старому мерзавцу Меч Британии, а заодно и все притязания на верховную власть.

Я хотел ехать с ними, но Мерлин отсоветовал.

— Останься, Пеллеас. Ты еще пригодишься в других сражениях. Первое пусть они выиграют сами. Победа придаст им смелости и принесет кое-какую славу. И потом, пусть Моркант и ему подобные знают, что Артур — сам себе голова.

Пугало, что первое испытание пришло так рано, но Артура оно не страшило, напротив, радовало.

— Дорыкался, старый беззубый лев, — объявил он. — Уж мы подстрижем его под овцу!

И воины без долгих сборов отправились к крепости Морканта.

Белги — древний-предревний народ, обитающий в окрестностях Вента Белгарум. Они в числе первых признали римское владычество и в итоге получили определенные преимущества над соседями, а Каер Уинтан вырос и укрепился. Служа империи, белги процветали и копили мощь.

Когда легионы ушли, город, как и прочие поселения, захирел, а белги вернулись к земле и дедовским обычаям. Однако часть города уцелела, и здесь-то Моркант держал свой двор.

Каер Уинтан мог некогда похвастаться форумом и базиликой. Правители белгов давно забрали их себе: форум стал дворцом, базилика — королевской палатой. Природный британец Моркант корчил из себя римлянина.

Вступая во дворец, гости словно входили в иное, давно ушедшее время, которое новым поколениям все чаще представлялось золотой эрой порядка, благополучия, учености и мира.

Моркант жил верой в прошлое. Он окружил себя старинными вещами и толпами челядинцев, создавая подобие давно ушедшей эпохи. Он жил... как император в изгнании.

Подобно Лондону, Каер Уинтан был обнесен каменной стеной, у подножия которой в последние годы вырыли глубокий ров. Даже пришедший в упадок, Каер Уинтан по-прежнему оставался крепостью могучего короля.

Только короля-то в нем не было.

Моркант с дружиной разорял поселения на границе с Мадокком, в нескольких днях езды от столицы. К тому времени как алчный король прослышал о вылазке Артура и вернулся к крепости, на стенах уже стояли воины юного предводителя.

Так Артур обнаружил первые проблески военного гения, который ему предстояло явить в будущем. Маневр застал Морканта врасплох. Неужто он ждал, что Артур выступит против него в чистом поле?

На пятнадцать его воинов у Артура приходился только один. В равном бою молодые дружинники не стояли бы перед Моркантом: храбрые и решительные, они не обладали боевым опытом. Артуру никогда прежде не случалось идти в бой с необученными бойцами — да и обученными, признаться по чести, тоже.

Думаю, Моркант надеялся унижить и ославить Артура. Старый лев знал, что юноша не стерпит обиды и сунется в драку со своими слабыми силами. Однако здесь Моркант по обыкновению свалил дурака, а его глупость и прежде стоила жизни многим достойным людям. С этой дурью пора было покончить раз и навсегда.

Вот как все вышло.

Артур подъехал к Каер Уинтану и застал его, как и ожидал, практически без охраны: Моркант, мня себя неуязвимым, не посчитал нужным на время отъезда выставить стражу.

— Мы без труда проникли внутрь, — рассказывал мне Кай, упиваясь каждой подробностью. — Просто въехали, словно нас ждут, со словами "Что вы говорите? Морканта нет? И так-то вы встречаете своего Верховного предводителя? Немедля скачите за королем. Мы пождем внутри"

В крепости мы собираем всех — да там и остались по большей части женщины и дети — и ведем в королевский чертог. Бедуир говорит им,

что позор будет на седую голову Морканта, если предводителя не встретят пиром. Все бросаются готовить угощение и в суматохе даже не замечают, что Артур запер ворота. — Кай хохотнул: рассказ доставлял ему несказанное удовольствие. — Моркант узнает о приезде Артура, во весь опор скачет к крепости — ан поздно: ворота на запоре, на стенах наши люди. Полдня он бушует, но предводитель не желает с ним говорить. Тогда он начинает вопить. О, как он вопит! И сын его, Цердик, такой же горластый. Однако Артур не снисходит до ответа, а отправляет меня. И я кричу со стены:

— Здрав будь, Моркант! Здрав будь, Цердик! Как это мы приехали, а вы нас не встретили? Пришлось нам самим готовить себе праздничный пир.

И старый громогласный лев отвечает:

— Чьей властью вы захватили мой замок и мою крепость?

— Властью Верховного предводителя Британии, — говорю я, — того самого, что трапезничает сейчас за твоим столом.

Да, ему это не по сердцу. Он честит меня всякими словами, а Артура и того пуще. Однако я пропускаю его брань мимо ушей.

— Объясни мне, великий король, — говорю я, — растолкуй, если сможешь. Как так вышло, что твои же ворота заперты для тебя? Это диво, о котором будет судачить вся Ллогрия.

Это злит его еще больше. Он пыхтит, словно гадюка, когда хочет ужалить, но жалить-то некого. И он снова принимается орать.

Цердик вне себя. Он твердит:

— Выйдите и сражайтесь! Труссы! Воры! Померяемся на мечех!

Но я не отвечаю.

Так продолжается до заката. Я иду к Артуру и спрашиваю, что делать дальше.

— Мы долго ехали, — отвечал он, — и нуждаемся в отдыхе. Скажи Морканту, мы ложимся спать, пусть не шумит.

Кай зашелся от смеха, вспоминая эту дерзость.

— Итак, я возвращаюсь на стену и передаю Морканту слова предводителя. Доволен он, Пеллеас? Да ничуть! Визжит, как резаный поросенок. Так ярится, что собственные воины хохочут, а это еще пуще злит его. А чего Моркант ждет? Мы оставляем его на ночь, а на следующее утро я вновь иду его проводить. Он не спал, злой как черт, с красными глазами.

— Вы не оставили мне выбора! — вопит он. — Я взял в осаду собственную крепость.

И впрямь, его люди выстроены под стенами, словно хотят отрезать нам путь к отступлению.

Он думает, что перехитрил нас, но, когда я рассказываю об этом Артуру, тот лишь смеется и велит принести факел. Мы выходим во двор, и предводитель поджигает одну из сараюшек. Веришь, Пеллеас? Я рассказываю чистую правду.

Когда пламя разгорается, Артур говорит:

— А теперь пошли посмотрим, заговорит ли Моркант учтивее со своим слугой, не то острый язык может стоить ему двorca.

Так мы и поступаем.

Артур кричит со стены:

— Приветствую тебя, мой король. Слышал я, будто ты меня звал. Прости, у меня много забот, то одно, то другое.

И так он это говорит — ну просто сама вкрадчивость.

— Не думай избежать наказания, мальчишка! — вопит Моркант. — Будь ты хоть пащенок Аврелия, хоть нет, торчать твоей голове на пике на том самом месте, где ты сейчас стоишь.

Старый дурак дошел до белого каления, и я уже подумываю, не совершили ли мы большую ошибку. Кое-кто из бойцов сжимает мечи и тихо переговаривается, но их можно простить, они еще не знают Артура. Однако положение и впрямь опасное.

— Это и есть твое хваленое гостеприимство? — спрашивает Артур.

Ха! Все в порядке, и он это знает!

Кай загоготал, потом, довольно потерев руки, продолжил:

— Ну так вот, из двора начинает валить дым. Моркант видит это, видит факел у Артура в руке — тот так и вышел с факелом на стену — и вопрошает:

— Что ты там натворил? Что горит?

— Кто-то неосторожно уронил факел, — говорит Артур. — Очень жаль, потому что теперь я не знаю, где буду нынче спать.

Это при том, что день только-только брезжит. Видел бы ты Морканта в эту минуту — редкое зрелище.

— Мой дворец! — визжит Моркант. Лицо его уже черно от гнева. — Ты поджег мой дворец!

Он смотрит на дым, и глаза его лезут из орбит.

— Да, — говорит Артур, и голос его холоден, как сталь. — Я поджег твой дворец. Есть лишь один способ его спасти: немедленно прекрати войну с Мадокком и Бедеграном и выплати мне дань.

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

— Гром тебя разрази! — кричит Моркант. — Никто не смеет мне указывать!

Артур поворачивается, протягивает факел Бедуиру и говорит:

— Иди в конюшни и житницы. Посмотри, так ли быстро они заполыхают, как дворец.

Бедуир идет, — со смехом рассказывал Кай, — он рад стараться.

Моркант, разумеется, все это слышит. Он не верит своим ушам.

— Нет! Нет! — вопит он, не помня себя от ярости.

Артур не слушает, — Кай восхищенно покачал головой. — Артур, он бесстрашный.

— Что дальше? — спросил я, искренне наслаждаясь рассказом.

Кай отхлебнул большой глоток пива.

— Ну, Моркант приказывает своим людям идти на штурм. Их ведет Цердик. Но что они могут сделать? Молотят в ворота рукоятками мечей. Срубили деревце и пробуют пустить его в ход, как таран. Ни у кого нет настоящего рвения.

Артур знает это и велит не забрасывать осаждающих камнями.

— Пусть их, — говорит он. — наших соратников сбили с толку. Не губите их.

Дым поднимается черными клубами. Бедуир не стал поджигать амбары, но высыпал на двор целую кучу зерна и поджег ее, чтобы дым шел погуще. Туда же высыпали телеги две сена и, — Кай прыснул со смеху, — подвели к огню лошадей. Лошади боятся огня и, разумеется, громко ржут.

Моркант слышит это — как ему не слышать?

— Прекрати! Прекрати! — кричит он. — Я заплачу тебе, скажи, сколько! — орет он, захлебываясь от ярости. Цердик воет, как обезумевший пес.

— Тридцать твоих воинов, — отвечает Артур.

— Никогда! — орет Моркант.

— Тогда пятьдесят! — говорит предводитель.

— Проваливай в ад, сучье отродье! — ответ Морканта.

— Кай, лорд Моркант полагает, что мы шутим. Возьми факел, иди в его покои и сокровищницу, — приказывает Артур. Он глядит на извивающуюся внизу гадюку и говорит: — По счастью, топлива здесь много.

Однако в тот миг, когда я уже схожу со стены, вновь раздается крик.

— Стой! Стой! — кричит Моркант. — Я все исполню!

Я не доверяю Морканту. Я вижу ясно, что он убаюкивает нашу бдительность и бросится на нас в тот миг, как мы повернемся к нему спиной. Но Артур уже и это продумал. Он говорит Морканту:

— Отлично, тогда заходи и туши огонь, пока твой дворец не превратился в кучу золы.

И приказывает открыть ворота.

— Как же Моркант не перебил вас, когда его люди вошли в крепость? — спросил я, думая, что именно так должен был поступить Моркант.

Кай запорошил голову и расхохотался.

— Мы впускали их по одному и разоружали в воротах, — ответил он. — Артур все предусмотрел. Он забирал копье и меч, вручал кувшин и кружку — так сказать, заливать пламя. К тому времени, как в крепость вошел сам Моркант, его люди вовсю тушили огонь, а оружие грудой лежало во дворе.

Моркант был зол как черт, но видел, что одному ему Артура не одолеть. Он кипел, как котел, который забыли снять с очага, но не посмел поднять на нас меч. Полагаю, он надеялся позже поймать нас на ошибке.

Кай понизил голос — теперь в нем звучало чуть ли не преклонение.

— Однако Артур взял над Моркантом верх задолго до того, как Каер Уинтан охватил огонь.

— Как вам удалось выбраться живыми? — подивился я. — Артур затеял опасную игру.

— Это и впрямь чудо, — согласился Кай, — в конце концов мы просто выехали в ворота, как прежде в них выехали, но учти, нас было на пятьдесят больше. Предводитель взял дань лучшими воинами Морканта.

— Кай, — сказал мне Артур, — выбирайте с Бедуиром лишь самых лучших. Но берите только тех юношей, у которых не осталось родичей в здешнем войске.

Так мы и поступили.

Я тоже дивился предусмотрительности и дерзости Артура. Да, план требовал не только отваги, но и быстрого ума. Артуру всего пятнадцать, а он уже обещает стать тактиком, подобным легендарному Максену Вледигу. Он выехал с двадцатью двумя спутниками и вернулся с семьюдесятью двумя. Он более чем утроил свою дружину — и без единой капли крови!

— Учти, взяв только юношей, не связанных узами родства ни с кем из бойцов Морканта, — объяснил Кай, — предводитель получил воинов, которые будут повиноваться лишь ему. Они не станут рваться назад к Морканту, а при необходимости без колебаний вступят с ним в бой. — Он помолчал и добавил: — Хотя, сказать по правде, Артур мог бы увести их всех. Любой пошел бы за ним, не оборачиваясь. Говорю тебе, Морканта в войске не любят.

Вот все, что рассказал Кай после победоносного возвращения. Эту же повесть в свой черед выслушал и Мерлин.

— Хвалю, — сказал Мерлин. — Очень хвалю. Попомни мои слова, Пеллеас, Артур завоевал больше, чем славу. Он завоевал сердца всех, кто услышит об этом свершении!

Быть может, Мерлин говорил правду, но пока Артур еле-еле мог обеспечить свою увеличившуюся дружину едой и кровом. Что ни говори, утроить войско — дорогостоящая затея. Летом они, конечно, могли охотиться, но долгой зимой, когда остается только чинить оружие да ждать весны, припасы истощаются с немыслимой быстротой. Поэтому мы без промедления послали за данью ко всем королям, обещавшим нас поддержать.

Тем временем никто не сидел без дела: надо было строить дом для дружины, амбары и житницы, загоны для скота и коней, укреплять стены и земляной вал, запастись припасы. По счастью, и людей у Артура теперь хватало: работали от темна дотемна, а работы был непочатый край.

С приближением осени стали дожидаться телег с данью. С каждым новым днем нужды наши становились все очевиднее, ясно было, что без обещанной подати дружине не продержаться. У нас имелись загоны для скота и амбары — но они пустовали; дом для дружины — но не было ни шкур, чтобы подстелить под себя, ни плащей, чтобы укрыться.

Я уже говорил, что короли обещали платить подать на дружину. Однако, когда начали прибывать первые телеги — по большей части полупустые, да и того, что в них было, не стоило везти в такую даль, — стало ясно, какой бой предстоит выдержать следующим.

— Зачем они так поступают? — Артур в отчаянии указал на скудную поклажу, которую несли из телеги в амбар.

— Держи предводителя в черном теле, и ты сможешь ему приказывать, — отвечал Мерлин. — Тому, кому приказывают, не повинуются.

— Проклятье им! — в запальчивости воскликнул Артур. — Так я силой возьму обещанное!

— Ты ничего этим не достигнешь, — промолвил Мерлин.

— Что ж нам, умереть с голоду?

— Никто голодать не будет. Не бойся, Кустеннин и Меуриг помогут нам пережить зиму.

— А потом? Когда еще мы начнем сеять и жать!

— Умоляю! — вскричал Мерлин. — По одной печали за раз, Артур. Не занимай у завтрашнего дня его треволнений.

— Мы должны все это обдумать.

— Согласен, вот почему я уже решил, что предпринять.

Артур пнул землю кончиком сапога.

— Тогда ради чего ты заставил меня все это терпеть? Или тебе приятно видеть, как я бешусь?

— Если ты ненадолго прекратишь бушевать, я расскажу тебе, что надо делать.

Вот как я оказался на борту корабля, идущего в Арморику по морю, что зовется Муир Нихт.

ГЛАВА *шестая*

Я никогда прежде не плавал на корабле и нашел путешествие в высшей степени неприятным. Хотя море оставалось спокойным, из-за постоянного движения — вверх, вниз, с боку на бок — я чувствовал себя так, словно пьян и скачу на необъезженном жеребце. Путь занял целый день и большую часть следующего, и ни один путешественник не ликовал сильнее меня, завидев вдалеке бурые всхолмья Арморики.

Они стояли темные на алом фоне заката, над ними громоздились серо-багряные облака, а еще выше уже зажигались первые звездочки. Я смотрел на эти холмы и стремился к ним так, словно всю жизнь провел на утлом суденышке, слушая предания о мифической суше, которую будто бы видел кто-то из странников. И вот, благодарение Богу, чудо свершилось — на горизонте возникла земля. Глаза мои затуманились от радости.

Мерлин легко переносил путешествие. Он беседовал с кормчим и командой, стараясь как можно больше из них вытянуть. Так, еще до прибытия он узнал, что творится в Арморике, и мог не страшиться неожиданностей.

Сойдя на берег, Мерлин послал гонца сообщить о нас королю здешней земли, которая зовется Бенвик. Ночь мы провели в прибрежном поселке, где всегда останавливаются корабельщики, а народ дружелюбный и охотно привечает заезжих. Ужин был на славу, а такого чудесного вина я не пивал в жизни. Местные жители много рассказывали о событиях в Галлии, к которой себя не причисляли, считая свои земли скорее частью Британии, что подтверждалось и сходством наших наречий.

Спал я в ту ночь прекрасно, хотя меня и во сне качало на призрачных волнах. На следующее утро, когда мы завтракали, вернулся гонец с приглашением к королю.

Король Бан Бенвикский приходится родичем Хоэлю, тому самому, что укрыл от Вортигерна юных Аврелия и Утера. Этот же Хоэль по-

сылал дружину на помощь Аврелию, когда тот сражался с саксонским предводителем Хенгистом. Таким образом, имя Мерлина было хорошо известно Бану, как и многим другим в этой стране.

Мы сели на коней (я дал себе зарок никогда больше не роптать на тяготы путешествия в седле) и тут же поскакали в Бенвик, где нас с нетерпением дожидался король Бан. Ехать было недалеко, и мы вскоре увидели свою цель: Каер Кадарн — большую, заботливо ухоженную крепость на холме. К северу и западу от нее расстиралось море.

— Здрав будь, Мерлин Эмбриес! — вскричал король, встречая нас верхом у городских ворот. — Давно мечтал я с тобой свидеться. — Он наклонился в седле и взял моего господина за плечи, как родича. — Привет тебе, добро пожаловать в мой дом. Мой очаг — твой очаг, доколе ты здесь, и я молю Бога, чтоб это было подольше.

Мой господин отвечал учтиво:

— Здрав будь, король Бан! Мы наслышаны о гостепринимстве и любезности армориканских владык. Уверен, ты, который так приветствует чужаков, более всех достоин этой хвалы.

Ответ этот пришелся по сердцу королю Бану. Армориканцы падки на лесть и порой на нее напрашиваются.

— Однако вы не чужие, государь мой, — промолвил Бан. — Имя великого Эмбриеса чтится в нашем народе. Ты друг, которого мы досель не имели счастья лицезреть.

Как я сказал, армориканцы стараются непременно произвести хорошее впечатление. С нами это удалось сразу и без лишнего труда, так они в этом искусны.

Нас провели в чертоги короля Бана, где уже было накрыто небольшое угощение: хлеб, сыр и густое сладкое вино. Мы ели, пили и слушали, как Бан рассказывал о событиях этого лета, когда они вместе с братом Борсом, боевым вождем Бенвика, одержали три победы над англами и ютами в Галлии.

— Я хотел бы познакомиться с твоим братом, — сказал Мерлин.

На это Бан отвечал:

— Я заметил, что удачливые люди приносят с собой счастье: мы ждем Борса послезавтра. Он тоже будет рад тебя приветствовать.

Весь день мы провели в седле за нескончаемыми разговорами: Бан стремился во что бы то ни стало показать нам королевство и услышать наши восторги. Что ж, нам не пришлось кривить душой: Бенвик — прекрасная страна, изобильная полями, лесами и охотничьими угодьями. Король Бан воистину богат.

Подобно многим состоятельным людям, он весьма гордился своими владениями и даже чересчур охотно показывал их, говорил о них, превозносил их и выслушивал чужие хвалы.

Впрочем, народ уважал его за спокойный и ровный нрав, а также за неизменную щедрость. Любовь к богатству не помешала ему остаться справедливым. Он никого не притеснял и не обманывал.

Брат его Борс был воин с головы до пят, порывистый, несдержанный, готовый чуть что схватиться за оружие, любитель попок и бахвальства. Никто не мог его перепить, но и на поле боя ему не было равных, как и в умении вести за собой. Этот отчаянный рубака напоминал медведя и силой, и норовом.

Оба брата одинаково любили жизнь и ненавидели варваров. Всякий воюющий с врагами справедливости и порядка мог рассчитывать на помощь Бана и Борса. А при их богатстве помощь эта была значительной.

Вот зачем Мерлин прибыл в Арморику: рассказать об Артуре и заручиться поддержкой братьев. Он надеялся, что Бан поможет Артуру, как его родич Хоэль помог в свое время Аврелию.

Но имелась и другая причина. В черной дубовой воде провидческой чаши из арсенала друидов, к которой Мерлин иногда прибегал, чтобы проникнуть на спутанные тропинки времени, он разглядел нечто тревожное. Что именно, он не говорил, но хотел непременно выяснить, в чем дело.

На второй день нашей жизни у Бана вернулась дружина. В королевском доме подали обильную трапезу — полагаю, не только в честь дружины, но и в нашу честь, — и мы замечательно поужинали. Борс, развеселясь (возвращение домой привело его в отличное состояние духа), с кружкой в руке повернулся к Мерлину:

— Что я про тебя слышу? Говорят, ты бард. Так ли это?

Мерлин не обиделся, понимая, что Борс не стремится его унижить, а в самом деле не знает.

— Государь мой, — смиренно отвечал он, — я и впрямь порою касаюсь струн арфы, и кое-кто находит мое бречание сносным.

Борс расплылся в улыбке и грохнул ладонью по столу.

— Великолепно, клянусь Лудом! Арфа, говоришь? Ну, лорд Эмбриес, ты меня покори!

— Не говори таких слов, пока не услышишь моей игры, — отвечал Мерлин. — Быть может, она не угодит армориканскому уху.

На это Борс только громко расхохотался.

— Так сыграй, чтобы мне оценить британский напев.

По слову хозяина я сходил за арфой, настроил ее и протянул ему. Женщины, которые, согласно обычаю этой страны, ели отдельно, вошли в покой, чтобы послушать песню. Они расселись за столом рядом с мужчинами или у очага.

У Бана был при дворе свой арфист, юноша по имени Риддерх, которого все звали просто Рис — тощий, долговязый, примечательный только своими глазами цвета древесного дыма, большими и на удивление выразительными. Его игру мы слышали в прошлый вечер.

При виде арфы Мерлина Рис поднялся со своего места в дальнем конце покоя и подошел к королевскому столу. Он остановился чуть поодаль, не сводя глаз с Мерлина, который вышел вперед и встал перед собравшимися.

— О чем желаешь послушать, государь? — спросил мой хозяин.

Бан на мгновение задумался, потом ответил:

— Это встреча друзей, так пусть прозвучит рассказ о дружбе и чести.

Мерлин кивнул и начал перебирать струны. Первые звуки слетели в притихший зал, искрясь, словно серебро из неземного кошелька — это пальцы Мерлина принялись сплетать мелодию для его слов.

Мерлин выбрал песню "Пуйл, Владыка Аннона" — лучший из рассказов о товариществе и чести. Он очень подходил к случаю, ведь Мерлин просил дружбы для Артура, как в предании Араун просил у Пуйла.

Мерлин закончил, но все по-прежнему сидели, словно замороженные. Никому не хотелось нарушать священную тишину, наступившую после вдохновенного пения. Когда же последние отзвуки растаяли в Оран Мор, Великой Музыке, как волны растворяются в породившем их море, мы слышали стук: это Борс, вскочив, уронил скамью.

Боевой вождь взобрался на стол, да так и остался стоять, глядя на Мерлина в священном восторге, потом воздел руки над головой и провозгласил так, что слышали все:

— Слушай меня, мой народ! Рухнуть мне мертвым на эти камни, если кто-нибудь так певал под кровлей нашего дома! Да за такую песню не жалко... — он ухмыльнулся во весь рот, — и полцарства!

С этими словами Борс спрыгнул на пол перед моим хозяином и заключил его в горячие объятия, потом снял золотой зарукавник и надел Мерлину к вящему удовольствию всех собравшихся.

Дружинники одобрительно вопили, Бан стучал кубком по столу, требуя еще песню, но Мерлин попросил извинить его, обещав, впро-

чем, что еще споет до отъезда. Не в его обычае было похвальносья своими талантами.

Когда стало ясно, что сегодня он петь больше не будет, воины вместе с женами начали устраниваться на ночлег. Бан и Борс пожелали нам приятных сновидений и тоже отправились на покой.

Однако возле опочивальни нас поджидал поздний гость: юный арфист Рис. Он с ходу заговорил о том, что лежало у него на сердце:

— Много ли у твоего повелителя хороших арфистов?

— Добрый вечер, Рис, — отвечал Мерлин. — Издалека пусть заводят речь ветер и волны, так, что ли?

Рис покраснел от собственной дерзости, но не сдался.

— Прости мою прямоту, я обращаюсь как арфист к арфисту и хочу услышать ответ.

Наглец! Поставить себя на одну доску с Мерлином!

— Говори напрямик, юноша, — сказал Мерлин, — между друзьями неуместна такая скрытность.

Рис ошарашенно замигал и взглянул на меня, ища объяснений.

— Тебе напомнили об учтивости, — объяснил я.

Юноша покраснел еще сильнее, но по-прежнему стоял на своем.

— Увертки претят мне, сударь, если ты об этом.

— Принимаю упрек, Рис, — рассмеялся Мерлин. — Чем могу служить?

— Но я уже сказал. — Он беспомощно развел руками.

— Тогда слушай мой ответ, — промолвил Мерлин. — У повелителя, которому я служу, есть лишь плащ на спине да меч на бедре. Верно, сейчас он собирает дружину и свиту, но арфиста среди них нет. Эта роскошь ему пока не по средствам.

Рис кивнул, словно принял окончательное решение.

— Тогда твоему повелителю Артуру нужен бард, который пел бы у очага о его победах.

(Послушать этого юнца, и можно подумать, что у самого Мерлина в руках весло, а не арфа.)

— Дозволь моему повелителю Артуру прежде обзавестись очагом.

— Тем больше причин взять себе барда, — победно объявил Рис. — Как иначе ему прославиться и обрести сподвижников? К тому же я владею мечом не хуже, чем арфой, а играю и пою лучше всех в Бенвике. Спроси, кого хочешь.

— Тогда поезжай с нами, если тому не будет помех, — отвечал мой господин молодому арфисту. — Однако, полагаю, твой хозяин найдет,

что на это сказать. Как я погляжу, Борс достоин молвы, которая о нем идет. Уверен, твое искусство много лучше вознаградят здесь.

— Государь наш Борс и впрямь достойный военачальник, — охотно согласился Рис. — Но его подвиги воспевают *четыре* придворных арфиста, и (тут все наконец стало ясно)... я последний из них, по рангу, учтите, не по умению. Они завидуют и потому не желают со мной считаться.

— Понятно... — Мерлин погладил себя по подбородку. — Да, это и впрямь затруднение. Думаешь, у Артура тебе будет лучше? В этом дело?

— По правде сказать, да, — серьезно подтвердил Рис. — По крайней мере, много хуже не будет.

— Тогда, коли не боишься вручить ему меч и арфу, то, полагаю, можешь рассчитывать на добрый прием.

На этом мы закончили разговор и не вспоминали о нем до следующего дня, когда за полуденной трапезой к нам подошел Борс.

— Храни вас Господь, друзья! — воскликнул он. — Надеюсь, наша простая еда вам понравилась.

— Вы с братом бесконечно добры и щедры, а еда и впрямь замечательная.

— Превосходно! — вскричал Борс, как будто весь день только и ждал этих слов. — Превосходно! — Он сел на скамью рядом с Мерлином и угостился хлебом и мясом из нашей миски. — Что я слышу, — сказал он, разрывая руками хлебец, — правда ли, что вы сманили моего барда?

— Так Риддерх рассказал тебе о своем замысле?

— Берешь его? — добродушно осведомился Борс.

— Решать не мне, — объяснил Мерлин, — а тебе и Артуру — так я вчера и ответил. Ты его отпускаешь?

Борс некоторое время задумчиво жевал.

— Как ни жаль расставаться с хорошим арфистом, честь обязывает вознаградить тебя...

— Я не прошу награды, — поспешно возразил Мерлин.

— ...вознаградить за вчерашнюю песню, — продолжал Борс. — Я сам, своими устами сулил тебе полцарства!

— Уверяю, ты ничего мне не должен. Я даром получил, даром даю.

— Хочешь, чтобы о Борсе Бенвикском говорили, будто его слово не стоит потраченного воздуха? — Борс серьезно покачал головой, но глаза его смеялись. — Нет, так не годится.

— Верно... — медленно начал Мерлин.

— Так что ты получишь Риса, государь мой Эмбриес, — молвил Борс и с хитрецей добавил: — Но опрометчиво было бы отправлять его одного.

— Тоже верно. Что же ты предлагаешь?

— Хочу отправиться с ним, проследить, чтоб не вышло какой беды.

— Понимаю, — отвечал мой господин. — Умоляю, продолжай.

— Разумеется... — Борс положил в рот кусок мяса и облизал пальцы, — ...одному мне путешествовать не с руки. Я человек общительный, чтоб не скучать, мне понадобятся спутники.

— Да, вдалеке от дома часто страдаешь от одиночества.

— Думаю, хватит сотни отборных воинов. Возьмем еще оружие и коней, так что тоскливо не будет.

Мерлин от души рассмеялся и похвалил Борса за предусмотрительность. Борс сам искренне радовался своей шутке, тем не менее он выставил ладони вперед и воскликнул:

— Уверяю, твои хвалы чрезмерны, я пекусь лишь о своем удобстве.

Бан и Борс догадались, зачем Мерлин приехал, и не заставили его унижаться до просьб — первые предложили помощь. Чтобы избавить его от стыда (мало же они знали моего господина! Ради Артура он готов был не то что просить — молить на коленях), братья таким способом предложили ему людей и коней. Мерлин, разумеется, оценил их деликатность. Видел он в действиях союзников и трезвый расчет: чем больше саксов падет на британской земле, тем меньше их останется в Галлии.

— Скажу тебе, Пеллеас, — говорил он мне позже, — им нет равных в гостеприимстве и доблести. Ах, если бы британские короли были так же расположены к Артуру!

Первая цель нашего путешествия исполнилась куда быстрее, чем мы рассчитывали. О второй Мерлин по-прежнему молчал. На следующий день Бан повез его по королевству, заворачивая в такие места, которые быстрее всего могли произвести впечатление на иноземца. Я остался поохотиться с Борсом, днем мы подолгу скакали верхом, а вечером пировали. Еда была обильной, вино — превосходным, песни — лучше не бывает.

На всех пирах соблюдался странный обычай этой страны: женщины ели отдельно от мужчин и входили в зал только с началом увесе-

лений. Вот почему я увидел ее лишь на третий вечер: девушку несказанной, невиданной красоты.

Она вошла вместе с другими женщинами и села у очага. Я видел, как она сидит: чуть подавшись вперед, чтобы лучше слышать песню, которая сейчас прозвучит, руки на коленях, очи светятся радостью и предвкушением, в улыбке на устах — незамутненная радость жизни...

Борс проследил мой взгляд и сказал со смехом:

— Да, она прекрасна, не правда ли? Ее имя — Элейна.

Элейна! Столько чувств пробудил этот звук, что я онемел.

Элейна...

Из глубины дней всплыло воспоминание: когда Атлантиду постигло бедствие, Аваллах вышел в море с четырьмя кораблями, но лишь три достигли берегов Британии. Последний, четвертый, пропал в море...

Аваллах потерял сына, Киана, Белин, мой отец, — жену и королеву по имени Элейна. Сам отец никогда не произносил ее имени, но историю пропавшего корабля я много раз слышал от придворных и слуг.

Других свидетельств не требовалось. Стать, изящество, манера держаться — все убеждало меня в нашем родстве. Я смотрел, и голова у меня шла кругом от крепнущего убеждения в немыслимом: Дивный Народ в Арморике!

Возможно ли это?

Борс ложно истолковал мой застывший взгляд.

— Ты не первый, кого заворожила фея, — сказал он.

— Откуда она у вас? — хрипло спросил я.

— Все просто. Мой дед, король Банв, взял себе жену из их племени. Она была прекрасна собой, но слаба здоровьем и умерла, не оставив наследника. Он, разумеется, взял другую, но сердце его всю жизнь принадлежало первой жене. Со времен Банва повелось, чтобы при нашем дворе жили феи. Элейна — из их числа. Да, они горды и надменны, но никого не трогают, а живут тихо и уединенно.

— Где они обитают?

— В Броселиандском лесу — это довольно далеко отсюда. — Борс разглядывал меня пристально, словно впервые увидел. Он подался вперед и заговорил доверительным шепотом: — Слыхал я, будто лорд Эмбриес — тоже из них. Так ли это?

— Говорят.

Борс кивнул, словно это многое объясняло.

— А ты?

— И я.

— Так я и думал. Даже Бану сказал, но братец велел не пороть чепухи.

— О нас слишком много сочиняют, — заверил я. — Мы не так сильно отличаемся от прочих людей.

Он с готовностью хмыкнул.

— Во-во! Народ легковёрный! Чего только не выдумают: сам слышал, будто вы и обличье умеете менять: захотите — обернетесь волком, оленем, совой или кем еще.

Разговор постепенно свернул на другие темы, но в мыслях моих по-прежнему звучало: Дивный Народ здесь, в Арморике! Надо сказать Мерлину!

ГЛАВА седьмая

Д о Броселианда оказалось два дня езды вдоль побережья, по пологим холмам Арморики. Земли за Узким морем в сравнении с Инис Придеином не столь сырые и туманные, и дожди здесь идут реже. В разгар лета случается настоящая жара: воздух дрожит, растекаясь с возвышенностей, конские копыта вздымают пыль.

Благодатны здешние края, изобильные ручьями, реками и озерами. Деревья высоки, а в лесах водится множество всякой дичи. Счастлив властитель подобного королевства, я сам знавал многих, кто, не обладая и половиной таких богатств, почитали себя баловнями судьбы.

Тем больше я удивлялся, почти не видя человеческого жилья. Мы проехали две деревни, недавно основанные бриттами. Как многие другие жители восточных и южных областей Британии, они бежали от саксонских набегов в надежде обрести мир по эту сторону моря. Наивная и хрупкая надежда! Саксы не грабят Арморику главным образом потому, что Британия — более легкая и выгодная добыча.

Если Британия падет или сплотится и даст отпор разбойникам, варвары обратят взоры к Арморике, и где тогда от них скроешься?

Мысль, что наши соотечественники — наши родичи! — бегут из страны, угнетала Мерлина. Я тоже огорчился, но мог понять и простить их страх, в то время как Мерлин чувствовал себя преданным.

— Неужто они думают спрятаться от Тьмы за узкой полоской моря? — вопрошал он, с горечью глядя на грубо сколоченные дома. — Истинно говорю тебе, Пеллеас: когда солнце зайдет, свет померкнет для всех, и все будут равно проклинать ночь.

Он вздохнул, медленно покачал головой и добавил:

— А когда свет померкнет, его уже не воротишь.

Так что путешествие выдалось нерадостное. Впрочем, на краю леса мы-таки увидели старое поселение — несколько мазанок и загон за колючей изгородью. Народ здесь оказался дружелюбный и жадный до новостей. Когда мы спросили про обитель Дивного Народа, нам охотно объяснили, куда идти, и готовы были дать провожатого, да мы

отказались. Жители поселка сообщили, что феи живут особняком, сторонятся чужих, но знают много удивительных тайн и нередко выручали их в трудные времена.

Броселианд очень напомнил нам Калиддонский лес, жилище Дивного Народа — дом Кустеннина. Густая чаща скрывала их от мира не хуже самого изощренного колдовства.

Бревенчатое укрепление стояло на обрывистом берегу широкого лесного озера, как и Годдеу в Калиддоне. Лес недовырубили, жилища и амбары стояли между деревьями. Это усиливало впечатление потаенности, но тишина, нависшая над поселком, казалась зловещей и мрачной.

— Безрадостное место, — произнес Мерлин, когда оно открылось нашим глазам.

Мы довольно долго ехали по узкой лесной дороге и остановились на вершине холма, чтобы разглядеть поселок. Среди домов не было видно никакого движения; нас, похоже, еще не заметили.

— Что ж, — продолжал Мерлин, — едем, покажемся им.

Мы тряхнули поводьями и медленно двинулись вперед, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки жизни.

Перед ближним домом — высокими крытыми соломой бревенчатыми палатами — мы остановили коней и принялись ждать. Сердце сжимало мрачное предчувствие. Мерлин, нахмурясь, напряженно вглядывался в дома, словно пытался понять, что случилось с их обитателями. Вокруг по-прежнему не было ни души.

— Их здесь нет, — произнес наконец Мерлин и стал слезать с лошади. — Давай войдем и попробуем разобраться, что с ними стало или куда они ушли.

Внутри пахло гнилью. Тростник на полу покрывала плесень, балки и кольца для факелов заплела паутина. На столе стояла еда, тронутая только мышами. Угли в очаге остыли и отсырели.

Было ясно, что в дом никто давно не входил и последний раз люди покинули его в спешке.

— То же будет везде, — сказал Мерлин. — Они бежали отсюда и, ругаясь, в великом смятении. Давай все же осмотрим другие дома, может быть, сумеем узнать, куда они ушли и когда.

Мы принялись осматривать остальное жилье. Всюду нам попадались следы поспешного бегства: приготовленная, но не съеденная пища, груды собранных и брошенных вещей. В одном из домов забыли на столе зажженную ситовую тростину, и она прогорела, оставив на до-

ске узкую черную отметину. В другом поставили разогреться горшок с похлебкой, он раскололся, не выдержав жара, содержимое обуглилось в пламени.

— Как странно, — сказал я. — Они знали, что должны будут уйти, но не знали, когда. Видишь? — Я обвел рукой полупустое помещение. — Не осталось ни оружия, ни одежды, ни драгоценностей. Однако я не вижу следов разрушений и грабежа; не думаю, что на них напали.

— И все же на них напали. — Мерлин, сузив глаза, разглядывал покой, в котором явно обитал здешний правитель. Подле ложа стоял канделябр, свечи оплыли, превратившись в комья застывшего воска на пыльном полу. — Но не саксы и не другие варвары.

— Тогда кто?

Мерлин только мотнул головой и сказал:

— Давай выйдем отсюда.

Он повернулся и первым направился к выходу. В дверях я уголком глаза заметил какое-то движение. Я повернулся, но там ничего не было. Через мгновение мы с хозяином услышали плеск в озере, словно кто-то сбросил в воду очень большой валун.

Мерлин остановился и посмотрел в ту сторону. Не обменявшись ни словом, мы двинулись мимо коней по дорожке к берегу. Озерная гладь не колыхалась, но на галечной отмели видны были вмятины. Мерлин встал на колени и тронул одну рукой.

— Это следы множества человеческих ног, — произнес он хриплым от скорби голосом.

— Почему? — еле слышно прошептал я, вглядываясь в поверхность озера, словно ожидал увидеть под ней сплетение мертвых тел.

— Вот что я видел в Провидческой чаше, — проговорил Мерлин. — И я пришел слишком поздно. — Он резко повернулся ко мне. — Почему? Спроси лучше ветер — и тот знает больше меня. — Он выпрямился и посмотрел на гладкую, поблескивающую воду, неподвижную в глубоком безмолвии леса. — Но я скажу тебе вот что, — тихо продолжил мой господин. — Здесь все пронизано запахом смерти... он висит... как запах гниющего мяса на земле... как ядовитый туман над топью. Смерть здесь... — И тут он зажмурился и прижал ладони к вискам. Рот его разверзся в пронзительном крике отчаяния и боли. "А-а-а-а!" — крик раскатился над водой и заглох в густой поросли на другом берегу.

Я взял его за локоть, чтобы успокоить. Он медленно открыл глаза, их ясный золотистый блеск был замутнен скорбью.

— Моргана! — выговорил он сдавленным от горя голосом. — Это ее рук дело...

Он повернулся и торопливо пошел к лошадям. Я задержался еще на мгновение, глядя в прозрачную воду. Озеро, холодное, глубокое и темное, хранило свою тайну. Однако, когда я уже повернулся, чтобы идти прочь, взгляд мой задержало что-то блестящее. Под ногами на гальке лежала маленькая серебряная пряжка.

Я поднял ее и поднес к глазам. Простой диск в форме раковины с отверстием, в которое продевают ткань, и длинная серебряная булавка, чтоб пристегнуть к одежде. Рисунок сплюснен — видимо, на нее наступили.

Повертев пряжку, я заметил, что на булавке остался кусок голубой материи. Мне подумалось, что ее сорвали с одежды силой — сорвали с обладателя и бросили под ноги. Я снова посмотрел на безмятежную гладь озера и следы множества ног на берегу. Холодный страх пронизал меня насквозь.

Я сунул пряжку под пояс, догнал Мерлина, залез в седло и повернул лошадь к дороге, стремясь поскорее оставить это скорбное место.

Мы, не медля, тронулись в путь и в молчании ехали темной чащей. Каждый конский шаг отзывался в голове ужасом при воспоминании о покинутом селенье. Что за преступление там свершилось?

Я ехал первым, и Броселианд казался мне еще более чужим и страшным, чем на пути сюда. Никто из нас не проронил ни слова; Мерлин думал о своем, и я, обернувшись через плечо, увидел, что он кутается в плащ, хотя день выдался теплый.

Мы остановились на ночлег у чистого круглого озерца. Вода окаймляла солнечную поляну, дальше темною стеною стоял лес. С ним соседствовал молодой березняк, а на самом берегу росли несколько кустов бузины и молодые ивы.

Я напоил коней, расседлал их и стреножил, оставив веревку подлиннее, чтобы они свободно паслись между деревьями. Покончив с этим, я занялся лагерем. Мерлин сидел поодаль и рассеянно глядел на меня, погруженный в свои мысли.

Уже смеркалось, когда я пошел к упавшей березе наломать сучьев для костра. Вскоре получилась большая охапка хвороста, и я, подхватив ее, направился назад к озеру. На полпути между березой и водой меня остановил звук...

"Что это?" — гадал я, прислушиваясь.

Певучий шелест ветра в траве и голых ветвях? Я пошел дальше. Однако чем ближе к озеру, тем звук становился громче.

Я увидел ее в то же мгновение, что и она меня. Златовласая дева во всем зеленом — платье, накидке и шали — с кожаным ведерком в руке. Она была прекрасно сложена, с большими и темными, словно гагат, глазами. Судя по веснушкам на лице, ей частенько приходилось работать на солнце. При виде меня она вскрикнула и зажала ладошкой рот.

— Прошу, госпожа, успокойся, — произнес я, — тебе нечего страдиться.

Она отняла руку от лица, но продолжала держать ведро так, словно сейчас бросит его в меня.

— Кто ты? — голос у нее был грудной, тягучий.

— Путник, — отвечал я, — слуга знатного человека, который ждет меня возле озера.

Я указал на ивы впереди.

Она взглянула на ведро в своей руке, словно предъявляя мне его в подтверждение своих слов, и промолвила:

— Я пришла за водой.

— Так набирай. — Я снова двинулся к озеру. Она колебалась. — Идем, никто тебя не обидит.

Она нехотя последовала за мной, шагах в двух позади. Мы подошли к тому месту, где сидел, опершись спиной об иву, Мерлин. При нашем приближении он открыл глаза, увидел девушку и встал.

— Она пришла за водой, — сказал я, бросая хворост на землю.

— Добрый день, госпожа, — приветствовал ее Мерлин. — Ты, наверно, живешь где-то совсем близко. Мы не видели селений в этих краях.

— А тут и нет селений, господин мой, — отвечала девица. — Мы с отцом живем одни... — она обернулась и махнула рукой, — вон там.

— Быть может, нам следует засвидетельствовать почтение твоему отцу, — сказал Мерлин, — раз мы проезжаем через его земли.

Девушка прикусила губу и свела брови. Мне больно было видеть такое смятение, и я легонько тронул ее за руку. Кожа оказалась теплой и мягкой.

— Не бойся, — сказал я, — мы люди честные.

Она улыбнулась и потупила взгляд.

— Не считите за обиду, господин мой. Просто... отец уехал охотиться, и я одна. — При этих словах она вскинула голову и посмотрела Мерлину прямо в глаза.

— Как тебя зовут, девушка? — спросил он.

— Нинева, господин мой, — мягко отвечала она.

— А твоего отца?

— Лорд Мелеагант, — замаявшись, вымолвила девица.

— Часто ты остаешься одна, Нинева?

— Довольно часто, господин мой. Но ненадолго, — поспешно добавила она. — Дичи здесь мало, и, чтобы добыть ее, отец порой охотится вдаль отсюда. — Она улыбнулась. Волнение ее понемногу проходило. — Поэтому я часто бываю одна, но мне это привычно.

— А тебе не страшно оставаться одной, Нинева? — Мерлин высказал вслух то, о чем думал я.

Она тряхнула золотыми кудрями.

— Чего мне страшиться? Люди сюда не заходят, диких зверей здесь нет. Отец надолго не отлучается, у меня все есть. Наши места, — она повела раскрытой ладонью, — не такие, как все. Здесь не случается ничего дурного.

— Мы тоже не станем обременять тебя, — промолвил Мерлин, — только проведем ночь у твоего озера.

Она удержала его шелковисто-вкрадчивым голосом.

— О, вам незачем ночевать возле озера, господин мой, ведь у меня есть кров, чтоб защитить вас от ветра, и очаг, чтобы вас согреть. Видно, что вы человек прославленный, негоже вам спать на сырой земле.

— Ты очень любезна, — сказал Мерлин, — но, раз отец твой в отъезде, мы не смеем к тебе вторгаться.

Он хотел показать движением руки, что не смеет ее больше удерживать, и вновь она возразила.

— Дома отец или нет, я вправе сама предложить гостеприимство. А поскольку я верю, что вы люди достойные... — она взглянула на меня и улыбнулась, отчего стала еще красивее, — то сочту за честь, если вы примете мое скромное предложение... — глаза ее сверкнули весельем, — и за обиду, если не примете.

Удивительно, но девица говорила, как высокородная дама, — прямо и учтиво. Я восхищался ею и гадал, как вышло, что она поселилась в такой глуши.

Мерлин рассмеялся.

— Пусть не скажут, что мы обидели кого-то без нужды. — Он повернулся ко мне. — Пеллеас, мы сопроводим девицу в ее жилище.

Я собрал наши пожитки и повернулся к коням.

— Тут близко, — сказала Нинева. — Лошади могут остаться здесь.

— Пусть пасутся, — промолвил Мерлин.

— Но... — Я открыл рот, чтобы возразить.

— Все будет хорошо, — сказал Мерлин. — Оставь их.

Мне не хотелось оставлять лошадей без присмотра, но дом находился поблизости, место было безопасным, и я повиновался. Взяв подмышку оружие, я догнал их и пошел за Ниневой.

Дом и впрямь оказался близко. Не знаю, как мы не заметили его, подъезжая; возьми мы на десять шагов правее — мы б непременно его увидели. Может быть, наше внимание захватило озеро, или дом за-слонили нвы...

Это было основательное каменное строение. Мы прошли через дворик, чистый и хорошо ухоженный. Сбоку виднелся загон, но овец я не заметил. Внутри пол был выложен камнем, стены оштукатурены. Везде ощущалась заботливая рука. Судя по всему, Нинева и ее отец жили безбедно и гордились своим скромным достатком.

В очаге горел огонь, на вертеле жарились три куропатки. Близ огня булькал горшок с кашей. Единственную комнату почти целиком занимал большой стол, какие можно увидеть в королевских палатах. Белая воловья шкура скрывала нишу у очага, которая служила спальней. Другая белая шкура отделяла дальний конец комнаты.

За ней-то Нинева и исчезла, войдя в дом, чтобы тут же вновь появиться с бурдюком вина и серебряными кубками на гладком деревянном подносе.

Она разлила вино по кубкам и, плеснув несколько капель через край в жертву домашним богам, протянула один Мерлину.

— Гостевая чаша, господин мой. Здоровья тебе и долголетия.

Она подождала, пока он осушит кубок, и лишь затем протянула второй мне. Я поднес кубок к губам, но, едва рубиновая жидкость коснулась губ, почувствовал непреодолимую потребность чихнуть. Я чихнул раз со всей силы, потом второй.

Оправившись, я вновь поднес кубок к губам, но тут же чихнул снова. Нинева искоса поглядывала на меня. Что-то таилось в ее глазах. Тревога? Или страх?

Чтобы успокоить ее, я извинился и сказал:

— Со мной такое бывает от вина. Не обижайтесь, но я откажусь. — И с этими словами поставил кубок на стол.

Вечер прошел приятно. Мы ужинали кашей и куропатками, разговаривали о делах королевства. Нинева жадно ловила каждую новость и много расспрашивала. Было видно, что она очень умна и наслышана

о событиях в большом мире. Надо полагать, мы не первые останавливались под кровом ее отца.

После ужина мне пришлось в голову проведать лошадей. Я по-прежнему тревожился за них и посчитал, что нелишним будет на них взглянуть. Я встал и объяснил, куда направляюсь. Нинева подошла и, взяв мои руки в свои, промолвила:

— Не ходи, господин мой. Темно, ты можешь свалиться в озеро.

— Выплыву, — со смехом отвечал я и шагнул наружу.

Ночь была ясная, над головой ярко светила луна. Я легко отыскал тропинку и направился к озеру. Оно сияло в лунном свете, словно упавшая на землю звезда. Кони стояли бок о бок, опустив головы. При моем приближении они тихо заржали. Я потрепал их по холке и ободрил ласковым словом, потом проверил веревки, убедился, что они держат, и пошел назад.

Наверное, я потерял направление в лунном свете, потому что, пройдя порядочное расстояние, так и не вышел к дому.

В чужом месте легко заблудиться, особенно в темноте. Однако к озеру я вернулся без труда. Пытаясь отыскать тропу к дому, я различил напев — ту же беззаботную мелодию, что перед встречей с Ниневой, — хотя никого не мог разглядеть.

Я пошел дальше и через некоторое время вновь был вынужден вернуться к озеру. В третий раз я двинулся по тропке — без сомнения, это была нужная тропа, а не какая-нибудь другая, потому что я старательно запоминал путь. Однако очень скоро я очутился в густых зарослях бузины. И вновь моего слуха коснулось нездешнее пение. Я крикнул, но никто не откликнулся. Я подождал и крикнул во второй раз. Пение смолкло.

Снова повернув к озеру, я отметил, что на этот раз обратный путь занял больше времени. Тропинка плутала и путалась.

Наконец я вышел к воде, на этот раз — с другой стороны. Я был в недоумении, но, вместо того чтобы снова искать тропинку, сел и задумался.

Дом поблизости — не более чем в сотне шагов от озера. Промаянчиться невозможно: луна светит ярко, тропинка натопанная.

И все же я заблудился трижды. Вздохнув, я вновь побрел к дому, стараясь держаться спиной к озеру, не обращая внимания на тропку и полагаясь лишь на собственное ускользающее чувство направления.

Шел я дольше, чем ожидал, и уже готов был повернуть назад, когда увидел его. Прямо впереди, поблескивая в лунном свете, стоял

дом: в дверях слабо желтел свет очага. Через кровлю, словно болотные испарения, медленно сочился серебристый дымок.

Я пошел на свет и у дверей снова услышал пение: нежное, ласкающее слух; тем не менее меня передернуло. В нем, как ни в чем другом, сквозила тоска холодного осеннего ветра, завывающего в голых ветвях ив.

Я помедлил на пороге и прислушался, но последние звуки растаяли в тишине, и песнь смолкла.

— Лошади... — начал я и застыл.

Мерлин лежал на полу у очага, головой на коленях Ниневы. Она держала в руке его кинжал. Когда я вошел, она повернулась ко мне, и — точно не уверен — в дрожащем свете мне показалось, что черты ее искажены невыразимой злобой. Мне почудилось, что копье вошло мне в живот и повернулось во внутренностях.

Нинева улыбнулась и, приложив длинный палец к губам, шепнула:

— Твой хозяин уснул. — Она разгладила ему волосы и наклонилась, чтобы поцеловать его.

Ярость вспыхнула во мне, как молния.

— Нет! Не смей... — Я метнулся к ним, но она предостерегающе выставила ладонь.

— Шш! Ты его разбудишь! — Потом тише: — Я пела, и он уснул... он так устал.

Гнев улегся так же быстро, как и возник. Я стоял, глядя на них и чувствуя себя дураком.

— Простите, — шепнул я, — мне подумалось...

Нинева улыбнулась.

— Ни слова больше. Я поняла. — Она повернулась и, словно забыв обо мне, вновь стала гладить Мерлина по голове, потом нагнулась, целомудренно поцеловала его в лоб и вложила кинжал в ножны. Что-то шепнув ему на ухо, она заботливо переложила его голову на пол.

Затем девушка поднялась, с улыбкой подошла и положила мне руки на грудь.

— Прости, — шепнула она. (Лица наши были совсем близко. Ее дыхание благоухало яблоневым цветом.) — Он спал так мирно, я не могла устоять...

Губы ее разошлись, глаза закрылись. Она припала к моим устам, и я ощутил сладкое тепло ее губ. Она отыскала мою руку и положила ее себе на грудь. В этот миг я желал ее, как ни одну женщину в мире.

Нинева приникла ко мне всем телом. Руки мои ощущали ее тепло, плоть томилась по ее плоти.

В следующий миг я увидел, что она стоит у огня и плащ скользит на пол.

Тело ее было безупречно, свет и тень от очага являли его округлую соразмерность. Она повернулась, поддерживая груди ладонями, и медленно пошла ко мне, словно предлагая свое спелое тело.

Я протянул к ней руки.

В голове моей возник образ совокупляющейся пары: руки и ноги сплетены, тела напряглись — и мне почудилось, что происходит нечто чудовищное. Я увидел, что женщина в моем видении — на самом деле смердящий труп...

Все вожделение угасло, сменившись невыразимым отвращением. Я с гадливостью отвернулся.

— Пеллеас... — Ее горячее дыхание касалось моей шеи, голос был стоном любви. — Возьми меня, Пеллеас, я хочу быть твоей.

— Нет! — безотчетно вырвалось у меня. — Нет!

Она обвила меня руками за талию.

— Люби меня, Пеллеас, я хочу тебя.

— Оставь меня! — снова вскричал я, повернулся и занес руку.

На прекрасном лице Ниневы читалось торжество.

— Ну давай же! — сказала она. — Ударь меня!

Усилием воли я опустил руку. Желание ударить не проходило, но я его пересилил.

— Нет.

Нинева поняла, что чары ее напрасны, но не могла сдержаться.

— Ненавижу слабость, — прошипела она. — Покажи, что ты силен.

Она шагнула ко мне, поглаживая бедра.

— Убирайся прочь, распутница! — с трудом выговорил я. — Именем Иисуса, не подходи!

Нинева остановилась, презрительно кривя губы.

— Ты еще пожалеешь об этом, Пеллеас ап Белин! — прохрипела она, словно ее ударили под дых. Потом развернулась, подхватила одежду и выбежала из дома.

Едва она исчезла, на меня навалилась неодолимая усталость. Комната потемнела, все зыбилось, как отражение в воде. Я чувствовал себя пьяным, хотя даже не прикоснулся к вину. На подгибающихся ногах я еле добрал до лежанки и рухнул на солому...

Разбудил меня бьющий в глаза солнечный свет и конское ржание. Я встал и увидел, что лежу на траве у озера. Стреноженный конь щипал травку неподалеку. Мерлина нигде не было видно.

И тут все воспоминания прошедшей ночи вернулись разом. Я вскочил на ноги. В голове гудело, шею свело, руки и ноги ломило — но и только. Я побежал по тропе к дому.

Дома не было!

Я бегал так, что даже запыхался, но дом как под землю ушел. И с ним Мерлин.

Я понял, что случилось, но поздно. Поздно! Я корил себя за слепоту, за легкость, с которой поддался на чары.

И тут я вспомнил угрозу, которую выкрикнула в ярости Нинева: "Ты еще пожалеешь об этом, *Пеллеас ап Белин*..."

Она назвала меня по имени! Волна холодного страха пронизала все тело. Желчь прихлынула к горлу, и меня вывернуло.

Моргана!

ГЛАВА Восьмая

Самый воздух был напоен страхом. Что если Моргана вернется за добычей?

Господи Иисусе, помоги! Где Мерлин?

Я побежал. Я искал наугад. Спотыкался, падал, вскакивал и бежал дальше, пытаюсь отыскать дом, но не мог найти ни его, ни Мерлина. Я звал его по имени, но ответа не было... Не было...

Наконец я вернулся к озеру, заставил себя встать на колени и попить. Немного освеженный, я вымыл потное лицо и принялся седлать лошадей.

В душе я решил, что отыщу хозяина или погибну. Пусть Моргана вернется... пусть все силы ада ополчатся против меня... я найду Мерлина и освобожу от колдовских чар.

Так поклявшись, я опустил на колени и стал молиться, прося Бога о руководстве, ангелов и архангелов — о защите. Затем я встал, забрался в седло и возобновил поиски.

Может быть, молитвы так редко раздаются в этих диких краях, что ответ на них приходит скорей. А может, чем больше кичится враг, тем быстрее Всевышний исполняет прошение страждущих.

Так или иначе, моя страстная молитва скоро сменилась возгласами хвалы, ибо, не объехав и половины озера, я увидел хозяина. Он лежал ничком под кустом бузины, ногами в воде.

Я спрыгнул на землю, бросился к нему, вытащил из озера, перекатил на спину и, припав ухом к его груди, прислушался. Он был жив. Сердце билось медленно, но мерно. Он спал мертвым, свинцовым сном: без движения, дыша неглубоко и чуть слышно.

Я обнял его и начал трясти за плечи, чтоб разбудить, но не смог.

Я встал, гадая, что делать дальше. Разумеется, в лесу оставаться было нельзя. Мы нуждались в помощи. Надо скакать в Бенвик, но и Мерлина я оставить не мог.

— Прости, хозяин, другого выхода нет. — С этими словами я приподнял его и, нагнувшись, взвалил себе на плечо.

Медленно, с огромным трудом, я переложил спящего на лошадь, а потом, как ни больно мне было, обвил его руки вокруг лошадиной шеи и связал, все время умоляя простить меня за боль, которую, знаю, я ему причинял.

Наконец, убедившись, что он не свалится, я привязал поводья его лошади к луке своего седла и, не оглядываясь, двинулся в Бенвик.

— Мы сделаем все что нужно, — с жаром повторял Бан, — только скажи.

Я не мог придумать ничего другого, кроме как возможно скорее переправить Мерлина в Инис Аваллах. Я рассудил, что если хозяина и можно исцелить на земле, то лишь в храме Спасителя неподалеку от обители Короля-рыболова. И если кто-нибудь на этом свете может ему помочь, то лишь Харита, Владычица озера.

— Еще раз спасибо, лорд Бан, — отвечал я. — Нам бы очень пригодился ваш самый быстрый корабль. Вот все, что нам сейчас нужно.

— Я отправлюсь с вами.

— В этом нет надобности.

— Позвольте хотя бы отправить с вами врача. Я приглашу его из аббатства.

— Я не смею задерживаться и на день. В Инис Аваллахе есть врачи, которые освободят хозяина от чар.

Бан нахмурился.

— Хорошо, отправляйтесь немедленно. Я провожу вас до корабля и сам дам наставления кормчему. И пошлю в помощь слугу.

Мы выехали из Каер Кадарна, как только для Мерлина приготовили носилки. Когда мы достигли гавани, начался отлив; корабль был уже полностью снаряжен. Мы поднялись на борт, едва лошадей надежно разместили, за это время Бан дал указания кормчему. Через несколько мгновений корабль отошел от пристани. Я повернулся проститься с лордом Баном.

— Что бы ни случилось, — отвечал он, — весной мы прибудем к вам. А припасы, о которых вы просите, пришлем сразу, как уберем урожай. Я не забуду своих обещаний!

По правде сказать, я начисто позабыл про Артура и то, за чем мы приезжали в Бенвик.

Все, что можно сказать про морское путешествие, — оно было, благодарение Богу, кратким. С попутным ветром мы быстро домча-

лись до Хабренского залива и под вечер третьего дня сошли на берег у реки Бру. Отсюда мы со слугой короля Бана продолжили путь верхом, следуя вдоль реки к озеру, окружающему остров Аваллаха.

К Тору подъехали на заре, когда он алел в мгlistом свете нового дня. Всю ночь мы скакали, не останавливаясь для сна и еды. Лошади едва не падали от усталости, я тоже.

— Мы дома, хозяин, — обратился я к телу, безжизненно лежащему на носилках рядом со мной. — Помощь близка.

Наш путь лежал в объезд озера и по дамбе, соединяющей Тор с Храмовым холмом и остальным миром. Дальше начался медленный подъем к вершине. Я не сводил глаз с дворца, страшась, что и он, как заколдованное жилище Морганы, внезапно растает в воздухе.

Дворец Короля-рыболова — место удивительное и загадочное. Чем-то он похож на отцовский дворец в Ллионессе, но по сравнению с солнечной обителью Аваллаха царство Белина — черная ночь. Окруженный озерами и солеными топями, в яблоневых рощах по склонам холма, Инис Аваллах воистину остров — на суше, да, но отрезанный от остальной земли, как любая скала в море.

Дивному Народу пришлось приноровить открытые, светлые архитектурные формы утраченной родины к более суровому климату Инис Придеина, однако остались благородные, устремленные вверх очертания и иллюзия света, столь нужная в этом нередко тоскливом уголке мира.

Дивный Народ... феи — так стали называть здесь осиротевших детей Атлантиды. Да, мы и впрямь выше, сильнее, стройнее бриттов, богаче одарены природой. И век нам отпущен совсем другой.

Немудрено, что изумленные обитатели этой земли частенько принимали нас за богов. Простаки почитали нас без нужды, глупцы боялись без причины, суеверные готовы были нам кланяться.

Какое безумие! Мы просто иная раса, и все. К тому же вымирающая.

Я точно знаю, что не оставлю потомства. Я последний в роду. Что ж, если на то воля Божья, пусть так и будет. Я не ропщу.

Мерлин, впрочем, иной. Даже трудно сказать, в какой мере. Он такая же загадка, как и его отец.

Я не знал Талинесина, но говорил с теми, кто его помнит, в том числе с Харитой, которая, пусть недолго, была его женой. "По правде сказать, — поведала она мне как-то, — теперь я дивлюсь Талинесину еще больше, чем прежде, и с каждым годом это чувство сильней и сильней".

Зрелище Тора в первых лучах света пробудило во мне все эти мысли. Окутанный усталостью, как пеленой, я медленно поднимался по вьющейся серпантином дороге.

Еще едва светало, и ворота были заперты. Я разбудил привратника, который по-братски меня обнял и помчался во дворец, крича во все горло:

— Пеллеас вернулся! Пеллеас здесь!

Я в изнеможении едва не падал с седла, так что не мог даже крикнуть ему вслед.

— Здравствуй, Пеллеас!

Я узнал голос Аваллаха и, подняв глаза, увидел приближающегося Короля-рыболова. Он заметил Мерлина на носилках, и улыбка сбегала с его лица.

— Неужели...

Я не успел ответить.

— Пеллеас!

Харита в ночной рубаше босиком бежала по двору. На ее лице смешались надежда и страх. Она смотрела за мою спину, где ждал, горестно понутив голову, слуга Бана.

— Что случилось? Пеллеас, он жив?

— Жив, — хрипло отвечал я. — Но спит смертным сном.

— О чем ты? — Ее зеленые глаза искали на моем лице утешения и не обретали его.

— Я не могу его разбудить. Это... — я не мог подобрать слова, — чародейство.

Привычка ухаживать за больными и умирающими пришла Харите на помощь. Она повернулась к привратнику:

— Беги в монастырь, сейчас же приведи настоятеля.

Голос ее звучал ровно, но в нем явственно слышалась вся неотложность поручения.

Аваллах склонился над Мерлином.

— Помогите мне, надо внести его в дом.

Вместе со слугой короля Бана они подняли Мерлина с носилок, и Король-рыболов на руках внес его во дворец.

От усталости у меня помутилось в глазах, и я пошатнулся. Харита поддержала меня рукой.

— Ой, Пеллеас, прости, я не...

— Пустяки, госпожа моя... — начал я, но она не слушала.

— Ты устал. Идем, я тебе помогу.

— Я могу идти сам.

Я шагнул, и земля ушла из-под ног — если б не Харита, я бы непременно упал. Кое-как мы вошли во дворец и добрались до отведенной мне комнаты.

— Отдыхай, Пеллеас, — сказала Харита, накрывая меня покрывалом. — Ты свое дело сделал, дальше я сама позабочусь о сыне.

Было уже поздно, когда я проснулся. Солнце только-только коснулось края холмов, небо на западе пылало расплавленным золотом. Голодный как волк, я встал, умылся и пошел в зал. Харита ждала меня и молилась, склонив голову. Подле нее на столе находился поднос с мясом, хлебом и сыром, а рядом — кубки и кувшин с пивом.

Когда я вошел, она поднялась и с улыбкой промолвила:

— Теперь ты больше похож на Пеллеаса, которого я помню. Есть хочешь?

— Смертельно, — признался я, — но могу немного и подождать. Есть перемены?

Она медленно покачала головой.

— Нет. Я думала, что делать, целый день листала книги, ища средство. Но... — Харита не договорила. — Прежде всего ты должен поесть, — сказала она, подводя меня к столу и усаживая, — восстановить силы.

— Мы его вызволим, — смело сказал я не столько из убежденности, сколько от желания подбодрить Хариту.

Она положила руки мне на плечи, нагнулась и поцеловала меня в щеку.

— Ты честно служишь ему, Пеллеас. Не как слуга, а как лучший из друзей. Ему повезло — большое счастье иметь подобного спутника. Я рада, что он выбрал именно тебя.

Она села рядом и разлила пиво по кубкам.

— Госпожа моя, ведь это я его выбрал, — напомнил я, — и никогда не брошу. — Я глянул в высокое окно. Свет понемногу гас. Гаснет ли он и для Мерлина?

Я съел почти все, что передо мной поставили. Сколько дней у меня не было во рту и маковой росинки? Впрочем, я более чем вознаграждал себя за невольный пост, а насытившись, отодвинул поднос и взял кубок.

— Твой спутник, — сказала Харита, когда я закончил есть, — сообщил Аваллаху, что он из Арморики, из королевства под названием Бенвик. Там с Мерлином... это случилось?

— Да, — отвечал я и поведал о цели нашего путешествия. — Беды здесь на юге — глупая война Морганта, десятки уособиц — только начало. Тем более нам нужен Верховный король, но у Артура слишком мало сторонников.

Я рассказал о Совете, о том, как Артура провозгласили боевым вождем, и о нашем путешествии к Бану в Бенвик за помощью. Рассказал про девушку-фею при дворе короля Бана... и про Броселиандский лес.

Харита подалась вперед.

— Пеллеас, чтобы я помогла Мерлину, мне надо знать: что случилось с обитателями Броселианда?

— Точно сказать не могу, но думаю, это козни Морганы.

— Морганы! — Харита вскинула руки, словно защищаясь от удара.

— Да, госпожа моя.

— Когда ты сказал про чары, я и не думала... — Она осеклась, помолчала, потом кивнула, как будто с усилием проглотила горький отвар. — Расскажи, что было с моим сыном, — промолвила она. — Я выдержу.

Медленно, горестно поведал я о встрече с Ниневой. Владычица озера слушала спокойно, прямо держа голову, но в глазах ее сквозила душевная мука.

— Это и впрямь Моргана, — шепнула она, когда я закончил.

— Боюсь, что да, — сказал я. — Не знаю, как это вышло, но она нас ждала. Более того, я полагаю, что она нарочно заманивала нас на нашу гибель.

— Но вы не погибли.

— Не погибли, — отвечал я. — Господь милостив, мы уцелели.

— Как хотелось бы мне сказать, что ты ошибся и возможно другое объяснение, но душа подсказывает, что ты прав: это козни Морганы.

— Когда я нашел его и понял, что он жив, моей единственной мыслью было доставить его сюда. Если Мерлина можно спасти, то лишь здесь. — Я говорил куда убежденней, чем вправду ощущал.

— Твоя вера, Пеллеас, достойна хвалы, но я ничего не знаю о чародействе. Мне неизвестно, как разрушить чары или как освободить от них Мерлина.

Харита вздохнула, и во вздохе ее звучало отчаяние.

В комнате было светло от свечей. Словно для того, чтобы порождение тьмы не похитило ее сына, Харита приказала зажечь их повсюду.

ду. Вдвоем мы вошли в покой, налитанный теплым запахом пчелиного воска.

Мерлин лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Настоятель Элфодд сидел подле него на кровати, приблизив ухо к самому рту Мерлина и вслушиваясь в дыхание спящего. Лицо монаха было спокойно, глаза — печальны.

— Все по-прежнему, — тихо сказал Элфодд, когда Харита подошла к ложу.

Они много раз вот так же сидели с больными и не нуждались в приветствиях.

— Чары наложены Морганой. — Харита высказала то, чего всего сильнее страшилась.

— Ай-яй, — добрый настоятель провел рукой перед глазами. — Господи, помилуй!

Мы замолчали, глядя на Мерлина и гадая, можно ли ему помочь, и если да, то чем?

Элфодд первый стряхнул отчаяние.

— Вот он! — вскричал он, обводя рукой комнату. — Чувствуете его? Этот страх, этот ужас — часть заклатья. Он призван отнять у нас силы. Победить нас еще до того, как мы вступим в борьбу.

— Ты прав, — сразу согласилась Харита.

— Ну, — воскликнул Элфодд, — я знаю кое-что посильнее страха. — И тут же громко начал читать псалом: "Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Призову достопоклоняемого Господа и от врагов моих спасусь".

И сразу в комнате стало легче дышать, тягостный страх отступил.

Настоятель повернулся ко мне и молвил:

— Итак, Пеллеас, расскажи мне все, что знаешь об этих чарах, но только не здесь. Мы пойдем в зал. Прости нас, госпожа, — обратился он к Харите, — мы скоро вернемся.

Я поведал ему все то же, что прежде Харите. Добрый настоятель слушал мой горестный рассказ, хмурился и время от времени кивал головой.

— Без сомнения, — заключил он, выслушав до конца, — все, как мы и заподозрили: сильнейшее колдовство. Чтобы победить его, потребуется оружие не менее сильное.

— Что ты задумал, Элфодд?

— Скоро увидишь. А сейчас, Пеллеас, принеси немного елея. И крест, который Давид дал Аваллаху, — его тоже возьми. Я пока вернусь к Мерлину.

С этими словами настоятель торопливо вернулся в комнату, а я отправился выполнять его поручения: взял сосудец с елеем и пошел к Аваллаху за крестом. Крест этот я как-то раз видел, много лет назад, но не знал, где он хранится. Аваллах я застал в покоях одного: старое увечье снова его мучило, и он лежал на ложе.

— Я не стал бы тревожить тебя, господин, — молвил я в ответ на разрешение войти, — но нам нужен крест, который тебе дал Давид.

Король медленно приподнялся на локте.

— Крест Давида? — Взгляд его упал на сосудец в моей руке. — Все по-прежнему?

— Да, — отвечал я. — Сейчас с ним Элфодд.

— Крест здесь. — Аваллах показал шкатулку на столе рядом с ложем. — Возьми его. Я пойду с тобой... — Он попытался встать, но помешала боль. — Ах! — Он упал на спину и, стиснув зубы, попытался подняться вновь.

— Прошу, оставайся здесь, — быстро сказал я, — и поддержи нас своими молитвами. Мы так в них нуждаемся.

— Хорошо, — согласился он, снова откидываясь на спину. — Буду молиться... Но новости сразу сообщи мне.

Я пообещал и вернулся к Мерлину с крестом и елеем. Крест Давида, как называл его Аваллах, был маленьким, незатейливо вырезанным дубовым распятием, за долгие годы сгладившимся от прикосновения рук.

Элфодд поцеловал крест, который я ему протянул, и, возложив ладонь на сосудец с елеем, освятил его молитвой.

Он подошел к ложу, сел напротив Хариты, налил немного елея на левую ладонь и, коснувшись освященного масла пальцами правой руки, помазал Мерлину лоб.

Когда он опустил руку, на челе Мерлина поблескивал в свете горящих свечей знак креста.

Взяв распятие, настоятель поднял его над головой Мерлина и возгласил:

— Всемогущий, Защитник, Избавитель всех, призывающих Твое имя, прости над рабом Твоим десницу Твою. Он спит, Отче, смертным сном, ибо враг уловил его и связал сильными чарами. Дух его отравлен, Отче, мощным и гнусным чародейством. Молим Тебя, исцели

нашего брата и восстави. Царь Небесный, посети его милостью Твоею и возврати нам.

Боже Живой, яви Свое могущество в защите Своего достоинства, да восхвалим Тебя с высот. Молим Тебя во имя Святейшего и Всемиловитейшего Твоего Сына Иисуса Христа.

Закончив молитву, Элфодд тихо положил крест на грудь Мерлину. Харита выдавила слабую улыбку.

— Спасибо, Элфодд.

Настоятель сложил руки и взглянул на Мерлина.

— Мы сделали все что могли, — сказал он.

— Должно помочь, — промолвила Харита. — Дай Боже, чтоб помогло.

— Я посижу с ним, — вызвался Элфодд. Он шагнул к низкому ложу, взял Хариту за руку и поднял. — А теперь иди и поспи немного. Когда будет нужно, я за тобой пошлю.

Харита неотрывно смотрела в лицо Мерлину.

— Нет... я побуду здесь. Все равно мне не успокоиться, пока я его не вижу.

— Тебе лучше уйти, — сурово произнес Элфодд. Голос его утратил всякую мягкость.

— Если ты так думаешь... — начала Харита, впервые отрывая глаза от сына.

— Поверь мне. Будет надо, я тебя позову.

Харита нехотя подчинилась, а мне сказала:

— Побудь с настоятелем, Пеллеас. Вдруг ты ему понадобишься.

— Как пожелаешь, госпожа моя.

Она вышла, тихонько притворив за собой дверь.

— Ей тяжело, — вздохнул Элфодд, — но, поверь мне, так будет лучше. Она всячески стремится ему помочь, но тревога, такая естественная в матери, может оказаться только во вред ему. Увидишь, враг ею воспользуется. Страх, боязнь, сомнения — вот пища для проклятия.

Настоятель придвинул к ложу стул и приготовился бдеть всю ночь.

— А теперь иди, Пеллеас, я за ним посмотрю.

— Я останусь, как обещал.

— Хвалю твое побуждение, но ты больше поможешь хозяину, если позаботишься о себе. Иди спать. Надо будет, я разбужу.

Хотя небо на западе еще не погасло, я пошел к себе и растянулся на лежанке, думая, что не смогу уснуть. Однако, стоило закрыть глаза, дремота накрыла меня с головой.

Во сне я вошел в то состояние, когда человек ближе всего к Иному Миру. Завеса, разделяющая миры, истончилась, и я ощущал окутавшую Тор бурлящую тьму. Глубокую, непроницаемую, черную, как смерть, тень ненасытного зверя — мерзкой крылатой твари, которая свивается, подобно змее, стискивая кольцами Тор и дворец на нем.

Я не различал мерзкое чудище, но слышал его яростный рык и ощущал леденящий холод, исходящий от него. Я трепетал, думая о силе, которая пробудила его к жизни и выпустила в мир.

Но, как ни могуче было это порождение ада, что-то его сдерживало, хотя я не мог понять, что.

Сон сгущался, мой внутренний взор затуманился, однако чувства были острее, чем наяву. Я спал и не спал. Душа во мне бодрствовала и чуяла окружающую опасность.

Опасность была близка. Величайшая опасность.

Мне казалось, что я обрел крылья и полетел, потому что земля проносилась вниз: острые скалы и каменистые холмы, размытые скоростью полета и мгlistой тьмой. Дальше и дальше летел я над этой жуткой пустыней, куда-то стремясь, но не достигая цели.

И вот, когда мне казалось, что полет будет длиться вечно, тьма вокруг начала светлеть. Слабый свет обратил черноту в серость.

Я повернулся к источнику света, и облачная мгла разделилась: внизу была тьма, вверху — слабый, но уловимый свет.

В тот же миг я стал тяжелее: члены мои налились свинцом. Я стремительно полетел на острые камни. И, хотя я знал, что сплю, мне чудилось, что, упав на скалы, я непременно разобьюсь и погибну.

Я раскинул руки и принялся барахтаться, как в воде, но падение только ускорилось. Мысль о стремительно приближающихся острых камнях приводила меня в ярость. Я боролся изо всех сил.

Земля приближалась все быстрее. Руки и ноги цепенели от усилий, и я понимал, что долго не продержусь, но сжал зубы и поклялся себе, что буду барахтаться, пока мышцы не сведет судорога.

Так я бился и падал ниже и ниже. Казалось, прошла вечность, и вот силы мои иссякли...

Но вместо того, чтобы падать, я поплыл вверх.

Я поглядел и увидел, что, пока я барахтался, свет стал ярче. Казалось, мои слабые усилия как-то разогнали тьму. Неведомая сила влекла меня к свету, которому я помог воссиять; свет, который я сам разжег, теперь пришел мне на помощь.

Очень скоро я оказался там, где свет горел ярко и без помех. Он был ослепительно белый, словно сияние утреннего солнца на чистом снегу. Прикрыв глаза ладонью, я оглянулся и увидел, что вовсе не лезть и прилагал совсем не столько усилий, как мне казалось. Ибо свет озарил ровную тропу, по которой меня вели шаг за шагом.

И мне подумалось, что именно так душа идет к Богу: начинает свой путь во тьме, среди опасностей и смятения, и устремляется к немеркнущему свету, который всегда притягивает ее и поддерживает...

ГЛАВА девятая

Когда я проснулся, комнату заливал свет. Я вскочил. Сколько же я спал? Уже день! Однако в тот самый миг, когда мне это подумалось, свет померк. Заря только брезжила.

Я встал и поспешил к Мерлину. Элфодд дремал в кресле подле лежа; когда я вошел, он вздрогнул и поднял голову. Я понял, что он не спал, просто склонил голову в молитве.

— Как он? — спросил я.

— Так же, — отвечал настоятель. — Все по-прежнему.

— Я здесь и готов тебя сменить.

Он, колебавшись, тронул Мерлина за руку.

— Я побуду еще немного.

— Ты свое выполнил, Элфодд, — произнес я мягко, но настойчиво. — Теперь позволь мне.

Добрый аббат зевнул и тяжело поднялся с кресла, держась рукой за крестец.

— Хорошо, я немного посплю, — сказал он, направляясь к двери, — чтобы лучше служить ему.

Через несколько мгновений после его ухода появилась Харита.

— Ой, — тихо сказала она, и в глазах ее погасла искорка надежды.

— Я думала, он проснется.

— Да, госпожа, — был мой ответ. — И я надеялся увидеть, что чары разрушены.

Не обменявшись больше ни словом, мы продолжили свое бдение.

Три дня лежал Мерлин в колдовском сне. Мы молились, читали над ним псалмы, призывали защиту Всевышнего, купали его, мазали елеем, говорили с ним, наполняя его и свои сердца словами ободрения.

Все это время он в недвижимом оцепенении находился между жизнью и смертью. Каковы бы ни были наши страхи, мы оставляли их за

дверью комнаты, его же окружали лишь надеждами и целительными молитвами.

Под вечер третьего дня Элфодд вернулся из аббатства, куда уехал с наступлением дня, и привел с собою двенадцать любимейших монахов, людей самой святой жизни. Все были тверды и дерзновенны в вере, все хорошо знакомы с происками врага. Они собрались из церквей, монастырей и аббатств далеких и близких, когда прослышали, что Мерлин околдован и лежит при смерти.

Аваллах, печальный и бледный, торжественно принял их в зале и угостил хлебом, мясом и вином, чтобы восстановить их силы перед предстоящими трудами.

Затем Элфодд повел их в комнату Мерлина, где ждала Харита. Она увидела монахов и, думая, что они пришли совершить обряд над умирающим, закрыла лицо руками.

— Успокойся, сестра, — сказал Элфодд, — не думай о худшем, но надейся, ибо эти люди пришли нам помочь. Мы не полагаемся на плоть и кровь. Противник наш силен, и мы должны быть сильнее. За три дня, Харита, мы не смогли ослабить злодейские чары, и я призвал этих добрых братьев помочь нам в нашей борьбе.

Харита кивнула. В глазах ее стояли слезы.

— Теперь иди, — сказал Элфодд, — и отдохни немного. Вернешься, когда восстановишь силы.

Он сделал мне знак, чтобы я проводил Хариту.

— Идемте, госпожа моя, — сказал я и взял ее под руку. Она не противилась. Я проводил ее до опочивальни, зашел на кухню, велел принести еды и вернулся посидеть рядом, покуда она ест, а заодно проследить, чтобы она легла.

Харита лишь взглянула на еду и отодвинула миску. Я придвинул ее обратно.

— Непременно надо что-нибудь съесть. — Мне больно было видеть ее муки. — Ему не станет лучше оттого, что ты себя заморишь. Ешь.

Она неохотно взяла деревянную миску и начала мешать похлебку, потом поднесла ложку ко рту, разжевала и проглотила кусок. Не думаю, что она ощущала вкус, но это было неважно. Ложка следовала за ложкой, и скоро миска вернулась на стол — пустая.

Харита встала и слабо улыбнулась.

— Мне немного лучше. Спасибо, Пеллеас. Теперь я посплю. — Она повернулась к ложу.

— Я уйду, чтобы ты могла лечь, — сказал я, направляясь к двери, — а потом зайду и посижу еще.

— Пожалуйста, не заботься обо мне, лучше побудь с Мерлином.

Я тут же вернулся в комнату. Братья стояли на коленях, а Элфодд переходил от одного к другому с чашей и хлебом. Причастив их, он подошел ко мне. Я преклонил колени и принял из его рук хлеб и вино.

Потом все двенадцать встали, подняли ложе с Мерлином и вынесли его на середину комнаты. Каждый взял по свече из тех, что зажгла Харита, и по кадильнице, которую Элфодд зажигал от свечи. Держа свечу в одной руке и кадильницу в другой, братья окружили ложе, опустились на колени и склонили головы. У некоторых неслышно шевелились губы. Комнату наполнил сладкий аромат ладана, дым завитками поплыл в неподвижном воздухе.

Я встал в дверях на тот случай, если добрым братьям что-нибудь понадобится.

Через несколько мгновений аббат Элфодд начал читать латинскую молитву, и братья один за другим присоединились к нему. Я плохо знаю ученый язык, но кое-как разобрал, что они просят Всемогущего явить Свою мощь и спасти Своего раба.

Я слушал и постепенно понимал, что молитва на самом деле — предложение жертвы: каждый был согласен занять место Мерлина, лишь бы освободить того от страшного сна.

Я дивился их вере. Каждый готов был отдать за Мерлина жизнь. Растроганный их любовью, я упал на колени и, распростершись на полу, стал повторять в душе суть их молитвы: "Великий Свет, отдаю себя ради моего брата. Восстави его, молюсь и, если за жизнь надо отдать жизнь, прошу, возьми мою".

Так я молился снова и снова, пока молитва не перешла в литанию, рвущуюся из глубины души и растекающуюся благовонным фимиамом у Господня трона.

Не знаю, как долго я так лежал. Я не ощущал ни хода времени, ни чего-то другого. Казалось, человеческий мир перестал существовать, бесчисленные узы, связывающие душу, ослабели, и я обрел полную свободу. Остались лишь голоса монахов, аромат ладана и молитва в моем сердце.

Я заметил легкое движение света. Пахло горячим воском. Я решил, что свеча догорела и поднял голову. В этот самый миг послышался звук, который иногда издает арфа от дуновения ветра.

Воздух слегка заколыхался, словно задетый оперенным крылом. Я почувствовал прохладу на лице и мед на языке. Ноздри мои наполнило неведомое благоухание.

В тот же миг появилась дева в развевающейся белой одежде, высокая и дивно прекрасная, с волосами цвета солнца и молочно-белой кожей. Глаза ее были, как самый лучший нефрит, зеленые и глубокие, губы — цвета спелой вишни. Высокое чело украшал венец из золотых дисков, и каждый сверкал золотым солнцем. Тонкий стан опоясывала цепь из ярких золотых дисков.

Я не помню, открывалась ли дверь — открывалась, наверное, — и все же мне показалось, что дева просто возникла среди нас.

В руках дивное видение держало серебряный поднос с чашей, накрытой белым шелком, тонким и легким, как облако. Чаша под шелковым покровом сияла ясным и ровным светом.

Без единого слова девица приблизилась к ложу, на котором лежал Мерлин. Добрые братья и настоятель Элфодд в изумлении отпрянули; одни осеняли себя крестным знамением, другие стояли на коленях, низко склонив головы.

Я лежал, как оглушенный, и смотрел на деву; чтобы отвести взгляд, мне пришлось бы вырвать свои глаза. От изумления и восторга сперло дыхание, я думал, сердце мое разорвется. Иисусе Сладчайший, ничего прекрасней и страшней не было в моей жизни!

Дева стояла у ложа, с бесконечным состраданием глядя на спящего, умирающего Мерлина. И тут она заговорила — слова снежным пухом слетали с ее губ.

Она сказала:

— Мерлин, твой сон окончен. Теперь проснись, дорогой друг, труд твой не завершен.

При этих словах девица подняла руку и сняла с чаши покров. В тот же миг чаша вспыхнула, как полуденное солнце, и засияла слепящим светом. Я не мог его вынести и закрыл руками глаза.

Когда я решил их открыть, света уже не было; чашу снова скрывал покров. Девица улыбнулась и легонько коснулась лба Мерлина.

— Встань, — сказала она. — Ты исцелился.

В этот самый миг снаружи раздался рев — шум пронсящего ураганного ветра. Дворец содрогнулся; где-то стукнула, закачавшись на петлях, дверь. И в шуме ветра я различил вой — вой зверя, которому копьё охотника вошло в грудь, но пронзительный и бескровный. Так воет неземнородная тварь.

Мерлин, бледный и исхудавший, открыл глаза и сел.

Свободный от злых чар мой хозяин в недоумении озирает собравшихся. Потом, поняв, что к чему, он закрыл лицо руками и зарыдал.

ГЛАВА *Десятая*

Своплями радости мы кинулись к нему. *"Мерлин исцелился! Чары разрушены! Слава Искупителю-Богу! Мерлин жив!"* Наши крики звенели под потолком и эхом разносились по дворцовым коридорам.

В дверях появилась испуганная Харита, но тревога ее исчезла, сменившись ликованием при виде сына, восставшего с одра смерти.

Она бросилась к нему и заключила в объятия. Мерлин тихо плакал, и мать плакала вместе с ним, нежно покачивая его из стороны в сторону, как маленькое дитя. Я стоял близко и слышал, как он шепчет: "Я недостоин... недостоин... Великий Свет, зачем я родился слепым?"

Странные слова! Мерлин родился слепым? Однако он рыдал, как человек, раздавленный горем, как будто сердце его разбилось в груди, как будто ничто не исцелит зияющую рану в его душе. Не помню, чтобы на моих глазах человек так убивался.

Горе его было безутешным.

Я и сейчас вижу, вижу все: Харита обнимает сына, и оба тихо покачиваются взад-вперед, вокруг столпились растерянные монахи, не знающие, радоваться или плакать, ярко горят свечи, в комнате висит дымное марево, плечи Мерлина вздымаются и опадают — рыдания рвутся из его раненого сердца.

А девушка — Светлая Посланница, освободившая Мерлина от колдовского сна, — где она?

Исчезла. Пропала так же тихо, так же загадочно, как появилась. Исчезла, и с ней чудесный Грааль.

Да, и в душу мою вновь вползает тупое отчаяние... ревушая пустота бесплодности... опустошенность поражения, сознание того, что в битву лишь предстоит вступить, но битва уже проиграна.

Мерлин мгновенно это понял. Он был истинный пророк; он увидел все. В слепящем свете своего избавления он прозрел холодный, остывший пепел грядущего поражения.

Немудрено, что он зарыдал.

Долго он ничего об этом не говорил... Потом, когда смог подобрать слова, понемногу сумел объяснить причину своих слез.

— Это была гордыня! — говорил он мне. — Я ослепший от гордыни осел! И не думай меня переубедить! Все напрасно! Лучше б ты оставил меня умирать.

Я пытался смягчить его укоры, но тщетно.

— Я отправился в Броселианд за знаменем. Мне было дано без счета знамений, но я им не внял! Видишь, каким невеждой я оказался? Каким болваном? Царица воздуха и мрака обвела меня вокруг пальца, словно малое дитя! Какая великолепная глупость! Неужто ты не восторгаешься мной, Пеллеас?

— Но, хозяин...

— Удивляюсь, что ты до сих пор называешь меня хозяином. Я не стою того, Пеллеас. Поверь, я говорю правду. Никто еще не покрывал себя подобным позором.

— Но ты же не знал...

— Не знал? Должен был знать! Я недооценил ее силу. Я не заметил опасности.

Он без остановки ходил по залу.

— Как мог я не узнать ее в такой близости? Как она сумела так притвориться?

— Нинева?

— О, она не просто назвалась другим именем. Она была сама невинность. Как порок сумел одеться в такую прекрасную и чистую оболочку? Это, — заключил он, — и есть мера власти Морганы. То, что она может полностью преобразиться, — воистину жутко. О, великий Мерлин! — издевался он над собой. — Такой могучий и мудрый! Мерлин неуязвимый! Неужто не видишь, Пеллеас? Моргана действует нагло, в открытую, а мы против нее бессильны. Теперь ее не остановить.

Мне стало страшно. Я никогда не видел его в таком состоянии.

— Есть Грааль, — сказал я, хватаясь за соломинку.

Мерлин перестал ходить. Он повернулся и взглянул на меня. Его золотистые глаза вспыхнули.

— Да, — медленно произнес он, прикладывая палец к губам. — Есть Грааль. Про это забывать нельзя. — Он пристально взглянул на меня. — Я ведь видел его однажды, но никому не сказал. Думаю, видел и Аваллах. А теперь и ты, и Элфодд, и другие.

— Да, но что это? — спросил я. — Никто еще мне не объяснил.

— Это, — отвечал Мерлин, медленно подбирая слова, — чаша, из которой наш Спаситель пил на Тайной вечере. Ее привез сюда торговец оловом Иосиф Аримафейский, тот самый, что основал церковь на Храмовом холме и первым проповедал учение Христа на Острове Могущественного.

Та чаша, которую Иисус благословил, сказав: "Сие есть Кровь Моя, за многих изливаемая во оставление грехов". В ту ночь, когда Он был предан, двенадцать апостолов передавали чашу из рук в руки. Из нее пил наш Господь!

Трапезу в тот вечер устроил на свои деньги Иосиф. После смерти и воскресения Христа, когда ученики Его отправились проповедовать Евангелие, Иосиф пришел сюда. И принес с собой чашу.

Я никогда не слышал этой истории, о чем и сказал.

— Неужто? — удивился Мерлин. — Впрочем, немудрено. История старая, и говорят о ней редко. Те, кто видел чашу, по большей части молчат. Здесь действует загадочная и мощная сила...

— Не совсем так!

— Так или не так, но Грааль настолько свят, что не хочется поминать его всуе.

И впрямь, Мерлин больше не стал говорить о виденном.

На следующий день, помолившись и благословив Мерлина, монахи разошлись. Мерлин поблагодарил их за любовь и помощь и наделил подарками. Элфодд задержался: проводив братьев, он остался поговорить с Мерлином.

— Я не спрашиваю, как ты попал под действие чар, — сказал настоятель, — но вижу, что в мире действуют могучие и страшные силы. Мне будет спокойнее, если я узнаю, что у тебя с колдовством.

Мерлин склонил голову набок.

— Ты что, думаешь, я какими-то темными волхвованиями сам навлек на себя беду?

Элфодд нахмурился.

— Я не укоряю тебя, друг мой, однако мы в храме знаем, как хитры бесы. Мы почти в осаде. — Чело его нахмурилось еще больше. — И мы много слышим о друидах...

— А поскольку я бард, ты счел...

— Ты же не отрицаешь, что учился у друидов?

— Ничего я не отрицаю! И ради нашей дружбы, аббат Элфодд, я готов немедленно забыть твои слова.

— Я сказал их как раз из дружбы!

Мерлин помолчал и медленно набрал в грудь воздуха.

— Ты прав. Прости меня.

Элфодд только отмахнулся.

— Я не обиделся на твои слова, не обижайся и ты на мои.

— Я забыл, что Ученое Братство нынче не то, что встарь, — печально признался Мерлин.

— Да, — настоятель с чувством сжал руки. — Мне горестно видеть тебя в смятении. Пойми, нельзя сражаться с врагом его же оружием, даже если защищаешь добро.

— Знаю, — вздохнул Мерлин. — Не бойся за меня.

— Чародейство губительно для души...

— И не сомневайся во мне, — добавил Мерлин. Он говорил тихо, но в голосе его слышалась сталь. — Я поступлю, как нужно.

Аббат мгновение смотрел на Мерлина, потом кивнул и повернулся, чтобы идти.

— Прощай, Мерлин, — сказал он. — Будешь уезжать, зайди в храм за благословением.

— Прощай, Элфодд. — Мерлин смотрел вслед настоятелю, пока тот не пересек двор и не исчез в воротах, и лишь потом повернулся ко мне. — Он думает, я занимаюсь колдовством; все так думают. Господи, они что, помешались? Почему они мне не верят?

— Потому что плохо тебя знают, — отвечал я, хотя ответа не требовалось.

— Неужто я так долго служил Истине только для того, чтобы выслушивать упреки? Пеллеас, они считают меня отступником!

— Они сбиты с толку. Они не знают.

— Они не *думают*! — простонал он.

Говорить с ним было без толку, я бы только пуще распалил его, если б попробовал урезонить. Он ничего не желал слышать.

Впрочем, я и не знал, что ему возразить. Сердце мое было с Мерлином, и люди верующие могли бы больше верить в него. Все его мысли были отданы Истине, и Британии, и служению людям. Как сказал кто-то: "Мерлин — душа Британии".

Да, он обладал силой. Великой силой.

Однако скажу вам правду: Мерлин никогда не использовал эту силу ради себя. Небеса свидетели! Ведь он, если б только захотел, мог стать Верховным королем. Да что там королем, императором!

В это трудное и горькое для себя время Мерлин искал спасения в одиночестве. Он бродил вдоль озера, среди налитых золотой спелос-

тью яблок, и целительное спокойствие Стеклянного Острова проникало в его душу. Думаю, будь его воля, он охотно остался бы здесь до конца дней.

Однако, когда дни стали пасмурней и холодные ветры напомнили о наступающей зиме, Мерлин внял их предупреждению.

— Время бежит, мы нужны в другом месте, — сказал он как-то дождливым утром. — Артур, наверное, гадает, что с нами случилось.

По этим словам я понял, что Стеклянный Остров его исцелил и Мерлин вновь готов к встрече с миром людей. Аваллах и Харита горевали, что мы уезжаем так быстро, но и словом не выказали неудовольствия. Я весь день собирал провиант, а Мерлин поехал в храм помолиться и взять у Элфодда обещанное благословение.

Я закончил сборы под вечер, но Мерлин еще не вернулся. Я ждал. Пришла Харита, мы поговорили о том, о сем, но взгляд ее вновь и вновь устремлялся к двери. Она тоже тревожилась о Мерлине.

Наконец, когда небо на западе погасло, она сказала:

— С ним что-то случилось. Едем.

Я согласился. Мы спустились по крутой и узкой дороге к дамбе, пересекли болото и направились вдоль озера к маленькому аббатству, выстроенному у подножия храма.

Навстречу нам попались несколько монахов, которые сказали, что Мерлин действительно ушел в храм и попросил оставить его в одиночестве. Никто его с тех пор не видел. Никто не посмел его беспокоить.

Харита поблагодарила братьев, и мы начали подъем по крутой тропке.

Храм стоит на пригорке у самого подножия Тора. Место это свято, ибо именно здесь учение Христа было впервые проповедано на Острове Могущественного. И отсюда пошло на нашей земле почитание Истинного Бога.

Само святилище маленькое, круглое, стены его сплетены из прутьев, заполнены землей и побелены. Голый земляной пол метут каждый день, соломенную крышу каждый год обновляют, и церковка всегда как новая.

Не так давно у основания холма выросла монашеская обитель, так что о храме постоянно заботятся. Сам же монастырь попечением Хариты превратился в место врачевания недужных. Владычица озера — как зовет Хариту простой люд — славится даром исцеления.

Мы поднялись на холм и подошли к храму. Оттуда не доносилось ни звука. Ветер утих, все было неподвижно, и даже птицы замолкли.

Мгновение мы прислушивались, потом шагнули в низкий дверной проем. Внутри уже сгустились сумерки.

Сначала мы ничего не увидели, кроме темной кучи перед алтарем — словно нерадивый монах забыл на полу кипу тряпья. Мы подошли, и Харита опустилась на колени.

— Мерлин? — Она коснулась кучи рукой, и та шевельнулась от ее прикосновения. Зашуршала ткань, из-под ее края выкатился Мерлин.

— Мерлин?

— Ой, мама... — Лицо его бледно поблескивало в угасающем свете. — Я... кажется, я заснул.

— Идем, — промолвила Харита, наклоняясь над ним, — мы заберемен тебя домой.

— Мама, — сказал Мерлин, поднимаясь на колени и разматывая с себя алтарный покров. Лицо его было изможденным, как будто во сне он сражался с демонами. — Прости. Я собирался провести последний день с тобой, а сам...

— Все хорошо, — быстро отвечала Харита. — Ну, идем домой.

Мерлин медленно встал. Я поднял покрывало, встряхнул, положил на алтарь и повернулся, чтобы идти за Мерлином и Харитой. В этот миг мой взгляд привлекло темное пятно на полу... Пот? Слезы?

Земля отсырела там, где припал к ней лицом Мерлин.

ГЛАВА *одиннадцатая*

Мы покинули Стекланный Остров, как и собирались, на следующий день, к большому огорчению Хариты. Прощание вышло печальным. Мы знали, сколько на острове зла и какие напасти способна наслать Моргана. Всех мучили тяжкие предчувствия.

С наступлением нового времени года мир стал более холодным и диким. Лето промчалось, как олень через папоротник, и зима-охотница уже приготовилась устремиться за ним в погоню.

Земля вынашивала беду. Зловещая, угрожающая, словно лихо притаилось за каждой корягой и гибель — за каждой кочкой. Зло поселилось в пустынных местах, из глухих уголков растекалась пагуба.

Не помню края, столь придавленного страхом. И сам путь странно преобразился: привычные дороги пугали неведомыми опасностями. Каждый шаг давался с трудом.

Мерлин ехал, закутавшись в плащ, склонив голову и положив ладони на переднюю луку седла. Случайный встречный подумал бы, что он молится. Но нет — то разбитый военачальник возвращался домой с позором.

Как-то серым вечером, проезжая владения Морганого, мы встретили человек пятьдесят икенов — старики, женщины и дети гнали перед собой несколько коров и десятков овец. Сзади подпрыгивали четыре возка. Люди молчали, в сгущающемся тумане слышалось лишь блеянье овец да скрип деревянных колес.

Мерлин заговорил с икенами и выслушал печальные вести: их поселение, как и многие соседние, три дня назад разорено саксами.

— Горько слышать, — сочувственно отвечал Мерлин.

— Да и рассказывать нерадостно, — сказал предводитель икенов, мужчина с раной от топора в боку. — Прибрежные укрепления пали. Весь край остался без защиты.

— А что Коледак? — спросил Мерлин.

— Убит вместе со всей дружиной. Никого в живых не осталось. Морские волки никому не дали уйти. Захватив укрепления, они принялись за деревни. Мы ушли, как только увидели дым на востоке.

— Наша деревня маленькая, соседние сожгли и разграбили еще раньше, — поведала изможденная женщина рядом с ним.

— Да, — печально подтвердил раненый. — Боюсь, им досталось похлеще нашего. Говорят, южнее, на саксонском берегу, еще хуже.

Поручив их Богу, мы двинулись дальше.

Той ночью Мерлин всматривался в пламя нашего походного костра, ища знак. То, что он увидел, сулило мало утешения, мало света, чтобы рассеять сгущающийся мрак. В целом путь наш был наполнен горестями и страхом.

В Каер Мелин приехали под проливным дождем. Промокшие до нитки, дрожащие от холода, стояли мы перед огнем в новехоньком чертоге Артура, чувствуя, как жизнь понемногу возвращается в застывшие члены. Молодой предводитель принес и своей рукой подал нам горячий глинтвейн.

— Мирддин! Пеллеас! Радость какая! — приветствовал он нас. — Как вам жилось на юге, друзья мои?

Мерлин даже не попытался смягчить ответ.

— Беда подступает, мой мальчик, — сказал он, — и тьма может скоро поглотить нас.

Артур по-прежнему с улыбкой на широком лице переводил взгляд с меня на него, словно не желая верить. И впрямь — в доме было тепло, огонь пылал ярко — слова отчаяния казались пустым звуком.

— Как так?

— На этой земле есть сила, которая не успокоится, пока не покорит нас всех.

— Ладно, это забота на завтра. Сегодня я с друзьями, и вино — доброе. — Артур поднял кубок. — За гибель наших врагов! И за ваше благополучное возвращение!

Думаю, только радостный прием, который оказал нам Артур, помог Мерлину выбраться из пучины отчаяния.

Я видел, как мой хозяин смотрит на юного предводителя, исполненного жизни и молодого рвения, и решает ради него отбросить навязчивую тоску. На моих глазах Мерлин расправил плечи и вскинул голову. Он улыбнулся, пусть через силу, но все-таки улыбнулся, и привет его был искренним.

Итак, вскоре после нашего прибытия в Каер Мелин пелена, лежавшая у Мерлина на душе, стала спадать. Как я уже сказал, это заслуга Артура. С самого начала он проявлял редчайшее качество: радость, которая рождалась из трудностей, крепла в невзгодах и расцветала в страданиях.

Артур умел отыскать золотой лучик надежды в поражении, проблеск синевы среди ненастного неба. Вот что делало его победителем — человеком, за которого охотно отдадут жизнь. Пыл и уверенность Артура стали кремнем и огнем для сухого трута людских сердец. Научившись высекать искру, он мог зажечь пламя, когда сочтет нужным. И это, скажу вам, было зрелище!

В ту ночь, когда мы вместе сидели у очага, мой хозяин вопреки всему поверил в наше спасение. Думаю, перед ним начали проступать очертания грядущей надежды: больше, выше, величественнее, чище и много сильнее всего, что виделось ему прежде.

— Конечно, — говорил он позже, — всему этому следовало произойти. Иначе и быть не могло.

Так оно и сбылось во благовремени. Ненадолго, но все же сбылось.

Впрочем, в день возвращения только юный Артур отогревал наши сердца своей безграничной радостью. О, как он любил Мерлина!

— Расскажите о вашем плавании, — воскликнул Артур. (Столы уже готовили к трапезе.) — Как Бан вас принял? Поможет он? Пришлет людей? А когда...

— Артур, умоляю! — вскричал Мерлин, выставляя ладони вперед, чтобы остановить поток его любопытства. — По одному вопросу за раз.

— Отвечай на любой, только Расскажи мне хоть что-нибудь!

— Я все тебе расскажу, — пообещал Мерлин. — Только дай сесть и обсудить все своим чередом, как принято среди учтивых людей. Мы весь день скакали верхом, и я голоден.

Мы сели за стол и стали ждать, когда принесут похлебку.

— Ну вот, — воскликнул Артур, когда трапеза закончилась и мы принялись за кубки. — Пой, бард. Я жду.

— Да, Бан нас принял. Да, он пришлет помощь. Припасы отправят, как только соберут урожай...

— Отлично! — Артур так грохнул кулаком по столу, что задрожали кубки. — Молодец, Мирддин! Я знал, что у тебя получится.

— ...люди придут весной с Борсом. — На удивленный взгляд Артура Мерлин ответил: — Да, вдобавок к припасам Бан посылает свою дружину под водительством брата Борса.

— Все лучше и лучше! — вскричал Артур, вскакивая на ноги. — Кай! Бедуир! — заорал он через весь зал несколькими только что вошедшим воинам. — Сюда!

Они подошли и встали возле стола. С их мокрых плащей на пол стекала вода.

— Привет вам Мерлин, Пеллеас, — сказал Бедуир. — Какие новости вы доставили нам?

— С нами ли Бан? — спросил Кай.

Судя по всему, всех волновало, чью сторону примет король Бен-вика.

— Люди и припасы! — Артур почти кричал. — Борс везет свою дружину.

— И лошадей? — любопытствовал Бедуир.

— Сотня воинов, все верхами. Припасы для них и для нас. Так сговорились.

Бедуир и Кай переглянулись, широко улыбаясь, потом разом повернулись к Артуру. Бедуир хлопнул Мерлина по спине и воскликнул:

— Воистину ты творишь чудеса!

— Кубки! — вскричал Кай. — Несите вина! Это надо отпраздновать.

— Они придут только весной, — сказал Мерлин.

— Тогда отпразднуем еще раз, — рассмеялся Бедуир, — а сейчас дай нам отметить первую добрую весть с самого вашего отъезда.

— Что такое? Что случилось, пока нас не было?

Бедуир взглянул на Артура, и тот ответил:

— Мы слышали, что Моркант заключил против нас союз с Идрисом и Коледаком.

— Оуэн Виндду обещал им людей и коней, — сквозь зубы процедил Кай. — А нам сказал, что не сможет даже овса отсыпать, самому на зиму не хватит. Будь они все прокляты!

— К лету они рассчитывают собрать против нас рать в тысячу воинов, — добавил Бедуир. — Больше, если поддержат соседи.

В их голосах звучала неприкрытая боль и обида. Мерлин сочувственно кивнул.

— Что ж, — заметил он, — до этого может не дойти. По крайней мере один из них уже не сможет весной против вас выступить.

— Почему? Что ты знаешь? — спросил Артур.

— Коледак убит, — отвечал Мерлин, — и с ним почти вся дружина.

— Ха! — зло гоготнул Кай. — Поделом предателю!

— Как это вышло? — спросил Бедуир.

— Морские волки захватили Саксонский берег. — Мерлин помолчал, давая им время осознать услышанное.

Артур заговорил первым.

— Насколько плохи дела?

— Крепости захвачены, селения сожжены, даже маленькие. Коледак пал в первом же бою, дружина перебита. Никто не спасся. После этого враг двигался беспрепятственно.

Артур, сузив глаза, мысленно взвешивал опасность. Руки его с такой силой стиснули кубок, что сплющили бронзу.

— Как далеко в глубь суши они продвинулись?

— Точно не знаю, — отвечал Мерлин. — Судя по тому, что нам рассказали, главный удар пришелся дальше на юг.

Невеселым получилось торжество по поводу нашей встречи. В последующие дни мы еще не раз выслушивали горькие вести: оставшиеся без крова жители по пути на запад просили убежища в каере и рассказывали о своих злоключениях.

Постепенно из многих спутанных и разноречивых историй вырисовывалась истина: саксы под предводительством некоего Эллы взяли несколько старых крепостей на юго-восточном побережье между Уошем и Темзой. Впрочем, главный удар был направлен чуть южнее, между Темзой и Эфоном, по древним землям Кантии. Его возглавил король Кольгрим при поддержке Окты, сына Хенгиста, который подрос и вернулся мстить за отца.

Эти юго-восточные области римляне называли Саксонским берегом, поскольку здесь они воздвигли маяки и укрепления для защиты от Морских волков.

Здесь-то, на южном берегу, Вортигерн и поселил Хенгиста и Хорса с сородичами в тщетной надежде остановить бесконечные набеги, отнимавшие у Британии последнюю кровь. И с этого-то берега варвары и нападали на соседей, пока Аврелий не разбил их и не изгнал с острова.

Теперь они вернулись и сразу захватили больше земли, чем в дни Хенгиста. Саксонский берег — имени суждено было сохраниться, но по иной причине. Захватчики не собирались уходить.

Всю долгую зиму мы терзались тревогами. Мысль о том, что саксы порабащают британские земли, жгла Артура огнем, но ему оставалось только терпеть. У нас не было выбора. Надо было дожидаться весны.

даться весны, когда подоспеет Борс с обещанной дружиной. А потом, прежде чем выступать против саксов, следовало приструнить Морканта.

Итак, зима выдалась невеселая. Несмотря на щедрую помощь короля Бана, припасы начали истощаться еще до солнцеворота. Нам хватало зерна, но не хватало мяса. Канун Рождества застал нас всех на охоте: сжимая копыя в замерзших руках, мы высматривали оленя, кабана, зайца — любую дичь, лишь бы на столе появилось мясо!

Мерлин часто пел в королевском доме, всячески стараясь поддерживать наш дух. Однако по весне все приуныли и с тревогой дожидались Борса. С каждым прошедшим днем Артур все больше досадовал на местных князьков.

Весна не принесла облегчения. Погода стояла холодная, с серого неба день за днем сыпал ледяной дождь. Долгими холодными ночами ветер дико завывал в холмах, и казалось, что земля никогда не согреется под солнцем, никогда не наступит желанное тепло.

И вот однажды утром прояснилось. Облака разошлись, и солнце ярко засияло с высокого синего неба. Свет вернулся на землю, а с ним пришла весть, которой мы страшились всю зиму.

Гонец не успел соскочить с лошади, а по каеру уже пронесся крик: на нас скачет Моркант!

— Где он? — спросил Артур.

Гонец утер пот со лба.

— Они едут вдоль побережья и сейчас, наверное, уже пересекли Эббо.

Артур резко кивнул. По реке Эббо проходила восточная граница его владений. По берегу Хабренского залива войско будет ехать куда быстрее, чем напрямик через овраги и буераки. А Морканту нужна именно скорость.

— Сколько их?

— Три сотни?

— Что?! — вскричал Кай. (При появлении гонца он сразу подбежал к Артуру.) — Где их старый лев столько набрал?

— У нас еще есть время.

С наступлением весны Артур приказал поставить дозорных в укреплениях по холмам, особенно вдоль побережья, где со дня на день ожидалось корабли короля Бана. Один из таких дозорных — в Пенигаере — и увидел войско Морканта при переправе через реку Эббо.

— Артос, — спокойно спросил Кай, — где ты думаешь дать бой? Их триста, нас семьдесят.

— Согласен, силы неравные, — Артур беззаботно улыбнулся, — и все же Морканту придется худо. — Он повернулся ко мне. — Пеллеас, зови сюда Бедуира и Мирддина. Соберемся в моих покоях.

— Сию минуту, государь.

Они с Каем заходили по двору. Охотничий рог уже трубил общий сбор. Мерлина и Бедуира я отыскал в амбаре — они осматривали быстро убывающий запас ячменя.

— Привет тебе, Пеллеас, — сказал Бедуир, когда я бегом устремился к ним. Он увидел мое лицо, и улыбка его погасла. — В чем дело? Что стряслось?

— На нас идет Моркант с тремя сотнями всадников.

— Мы не можем дать им бой, — заметил Бедуир. — Их слишком много. Даже если Меуриг придет нам на помощь, все равно будет один против трех.

— Где они? — В голосе Мерлина не было ни удивления, ни тревоги.

— Перешли реку Эббо, чтобы напасть на нас с юга.

— Да, — задумчиво произнес Мерлин. — Я поступил бы так же.

— Так или иначе, в Каер Мирддин скакать уже поздно.

— Артур ждет вас немедленно в своих покоях, — сообщил я.

Артур и Кай сидели за длинным столом Артура, в дальнем конце зала.

— Ничего не выйдет, — говорил Кай, когда мы вошли. — А если бы и вышло, риск слишком велик.

Артур с улыбкой протянул руку и взъерошил Каю рыжие кудри.

— Уж Кай риск посчитает.

— Истинная правда! Я и впрямь осторожен. Должен же кто-то предостеречь остальных. — Кай сложил руки на груди и насупил медные брови.

— Что за невозможный план предложил он на этот раз? — со смехом спросил Бедуир, усаживаясь на скамью. Я сел рядом, Мерлин остался стоять.

Кай с выражением боли на краснощекоем лице поднял вверх руки.

— И не просите, я это повторять не стану.

Артур спокойно взглянул на Каю и пожал плечами.

— Наверное, наш друг прав, это невозможно. — Он повернулся к Бедуиру и Мерлину. — Ну, мудрые советчики? Советуйте мне мудро, коль не хотите, чтобы это сделал Моркант.

Мы переглянулись, молча подсчитывая свои шансы остаться в живых.

— Ладно, — произнес Мерлин после недолгого молчания, — может быть, пришел день невозможных свершений. Кто знает?

— Боюсь, другого выхода нет, — пробормотал Кай.

— Так мы услышим твой невозможный план? — спросил Бедуир.
— Говори.

— Я просто подумал, — медленно начал Артур, — как в здешних холмах разносится эхо...

Солнце стояло прямо над головой, а войск Морканта все не было видно. Посланные лазутчики вернулись и подтвердили, что триста или более всадников и впрямь приближаются вдоль побережья. Они переправились через Эббо и направлялись к Глин Ромино — долине реки Ромино.

Глубокая долина полукружием опоясывает Каер Мелин с востока и лишь затем на юге соединяется с Хабренским заливом. Всякий полководец сочтет ее естественной дорогой в самое сердце владений Артура.

Юные предводитель знал эту долину как свои пять пальцев и понимал, что враг увидит в ней его слабость. Однако гений Артура состоял, в частности, в удивительном умении читать землю.

Ему довольно было раз взглянуть на местность, чтобы запомнить ее: каждый пригорок и впадину, каждый ручей и озерцо, каждый бугорок и ложбинку, косогор и стоячий камень. Он знал, где безопасный брод, где кустарник гуще всего, где встречаются потайные тропы и куда они ведут. Он знал все древние стежки, по которым можно проехать незамеченным, за какой горушкой можно укрыться, в какой балке спрятаться, где сама природа воздвигла укрепления, где лучше наступать, где отходить, где устроить засаду...

Все это и более Артур мог прочесть в складках и морщинах земли. Земля говорила с ним, охотно раскрывая свои тайны его зорким глазам.

Вот как я очутился на склоне холма над бродом через Ромину с кустом боярышника в руке среди так же замаскированных воинов. По другую сторону долины залег укрытый невысоким травянистым валом Кай со своими бойцами. С севера расположился другой отряд, еще один с юга — и так вдоль всей долины.

Время шло. Я смотрел то на тени от облаков, бегущие по соседнему склону, то на юг, вдоль извилистой долины, силясь уловить стук

копыт и гадая, что задержало Морканта. Быть может, он все же раздумал идти через Глин Ромино?

Ветер переменялся, теперь он дул с севера, так что мы бы все равно ничего не слышали, даже если б Моркант уже и вступил в долину. Почему старого льва все еще нет?

Может быть, он проехал дальше по побережью, чтобы напасть на нас с запада? Или пересек Ромино и отклонился дальше к востоку, выбрав для нападения одну из речушек поменьше? Может быть?.. Я не успел закончить мысль, потому что в этот миг я его различил: быстрый, рокочущий грохот бьющих в землю копыт.

Я вытянул шею и стал вглядываться сквозь куст. Еще мгновение, и я увидел воинов Морканта, скачущих по долине. Они ехали в беспорядке, захлестнув всю долину людским потоком. Не войско — толпа.

В этом-то и была вся суть. Моркант настолько не сомневался в успехе, так верил в свои превосходящие силы, что не удосужился выстроить войско в боевом порядке. Он рассчитывал накатить на дружину Артура, как волна накатывает на берег, и смести нас своей громадой.

Я смотрел, как беспорядочный поток катится по долине, и во мне разрасталось алое пламя гнева. Глупец! Моркант не ставит Артура ни в грош. В своем презрении он даже не посчитал разумным построить войско. Да, дерзость ослепляет, гордыня делает глухим.

Я видел все и больше не думал, что нас семьдесят против трехсот. Господи Иисусе, если мы падем сегодня, дай нам умереть с честью, как пристало воинам.

Первые всадники достигли брода. Кто-то сразу направил коней в реку, кто-то остановился попить — бессмысленное отребье, жалкое в своей наглости. Гнев все сильнее разгорался во мне.

Как только большая часть дружины перешла брод, пронесся могучий клич, всесокрушающий клич, клич, от которого содрогнулось самое основание земли: "АЛЛИЛУЙЯ!"

Я поглядел и увидел Мерлина. Он одиноко стоял на холме, воздев руки над головой, и плащ его развевался по ветру. В этот самый миг из-за долины грянуло ответное: "А-л-л-и-л-у-й-я!"

Раскатилось эхо: "Аллилуйя!.. Аллилуйя!"

Я тоже кричал что есть сил, и воины рядом со мной кричали: "Аллилуйя!"

Крики неслись теперь со всей долины, и эхо, как набат, звенело снова и снова. "Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!"

Результат не заставил себя ждать. При первом громком крике войско остановилось. Крики "Аллилуйя!" неслись со всех сторон. Воины вглядывались, ища врагов, но никого не видели. А теперь и эхо взяло их в кольцо, гремело со всех сторон... "Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!"

Войско Морканта дрогнуло. Передовые поскакали назад через ручей, прямо на тех, кто еще медлил позади. Видя, что путь отрезан, другие поворотили в холмы. Человек двадцать скакали прямо на нас.

Мы ждали. Ближе... ближе...

С громким криком отбросили мы ветви боярышника: "Аллилуйя!"

Мы вылетели из засады с мечами в руках и принялись вытаскивать из седел ошеломленных всадников. Мы швыряли их на землю и разворачивали перепуганных коней вниз, на смешавшееся войско. Яглянул на другую сторону долины. За валом, где укрылся Кай и его воины, творилось то же самое.

Вопли, крики, вой — долина гудела от пугающих нездешних звуков. Рать Морканта в страхе перед невидимым, но неуязвимым врагом беспорядочно хлынула назад.

Завидев это, мы кинулись к лошадям, привязанным за гребнем холма. В следующее мгновение мы уже неслись с кручи на бегущих врагов. Моркант и Цердик стояли у брода, глядя, как мимо них потоком проносится воинство. Они в ярости призывали бегущих остановиться.

И тут в гуще врага возник Артур со своими одиннадцатью товарищами. Казалось, они просто выросли из-под земли вместе с конями.

Это было уже слишком. Цердик развернул коня и понесся вдогонку своим людям. Моркант в гневе уже не думал о себе, он поднял меч и поскакал на Артура. Двое столкнулись. Блеснула сталь, Моркант упал. Тело его скатилось в поток и осталось лежать неподвижно.

Борьба на этом не кончилась. В тот день мы лишь избежали смерти.

Как ни радовались мы, что идем по земле живых, возвращаясь в каер с последними лучами солнца, мы знали, что выиграли лишь один бой. Никто из нас не погиб, лишь двое были ранены. Цердик увел войско, почитай, без потерь: до конца весны он будет лечить уязвленную гордость, потом вернется мстить за отца. Те, кому на руку вражда, будут его поддерживать, и война не прекратится никогда.

Покуда бритты ведут междоусобную брань, к берегу снова пристанут корабли, вновь запыхают селения. Тень будет расплзаться

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

все дальше и дальше. И саксы, как прежде, укрепятся на британской земле.

ГЛАВА Двадцатая

— Это безумие, Мирддин! — выкрикнул Артур. — Не хочу, хоть режь!

— Вот и твой отец не хотел, — спокойно отвечал Мерлин. — Да и Утеру, что бы про него ни говорили, это тоже было не по душе. Но они себя заставили, заставишь и ты.

— Будто у нас нет других дел, кроме как истреблять братьев! Я потерял за этот месяц шестнадцать кимброгов. Шестнадцать! Слышишь?

— Весь мир тебя слышит, Артур.

— А все Урбан! Зачем он суется не в свое дело? Окажись он здесь, я бы... я бы... — Артур захлебнулся, не находя от возмущения слов.

— Преподнес бы ему его собственную голову на блюде? — с надеждой предположил Кай.

— И то мало было бы, — процедил Бедуир.

Мы сидели за столом в палатке Артура. Несмотря на поднятый пол, внутри было душно — заканчивался знойный, выматывающий день. Все устали и не наелись скудным ужином, так что настроение испортилось задолго до того, как разговор коснулся Урбана.

Вероятно, Артур был прав. Желание Урбана всех помирить только усиливало раздор. Честолюбивый епископ не обладал ни чутьем, ни талантом государственного мужа. Он не понимал, что за силы вступили в борьбу.

Для Урбана дело казалось простым: надо выбрать Верховного короля, который устроил бы всех. Если Артура не признают, власть над Британией должна достаться другому.

Он не видел, как подрывает этим авторитет Артура. Не видел, что его стремление всех помирить затягивает войну.

Если бы церковь решительно встала на сторону Артура, смутьяны остались бы без поддержки. Более того, продолжать мятеж значило бы для них противостоять церкви. А так нерешительность Урбана давала надежду бунтовщикам. И война продолжалась.

Она началась весною, когда пал Моркант, — четыре года назад. Четыре года... Длись она и сто лет, мы были бы так же далеки от победы.

Цердик в стремлении отомстить за отца и алчный Идрис в надежде расширить унаследованные от Дунаута владения сплотили вокруг себя мятежных владык.

Они подняли возмущение против "Артуровой казны": подати на единую дружину Британии. "Он слишком много требует! — кричали они. — У него нет на это права! Если мы не заплатим, его люди нам отомстят. Он хуже любого сакса!"

Ложь, все ложь, но она давала им предлог объединиться против Артура, оправдывала их предательство. Более того, им удалось смутить таких людей, как Оуэн Виндду, Огриван и Райн, которые примкнули к мятежникам. Другие мелкие племенные вожди увидели здесь возможность расжиться награбленным добром и краденой славой.

Из друзей Артура только Кустеннин, Меуриг и Бан исправно снабжали его людьми и припасами. Горько, но даже возможные союзники — Мадок, Бедегран, Морганог и иже с ними — выжидали, кто возьмет верх. И все же мы кое-как держались благодаря бесстрашию Артура и щедрости его друзей.

Первый год дался нелегко. Борс с дружиной подоспел вовремя — если б не он, нас бы всех перебили. К осени второго года мы все до единого были уже закаленными бойцами. На третий год нам удалось перенести бои из владений Артура на земли Цердика. Теперь, в конце четвертого года, мы сражались чуть ли не через день. Да, мы выигрывали бои, но почти без отдыха и голодные, а это не всякий выдержит.

Если б не Борс, не знаю, что бы с нами было. Он поддерживал нас, пока мы осваивали воинское искусство. Вместе Артур и Борс вели в бой последнюю надежду Британии, вместе спасали страну от неминуемого разгрома. И не раз, не два, а снова, снова и снова.

Мы не знали, сколько еще продержимся, но каждый день черпали силы во вчерашней победе и продолжали биться.

— Мы тесним их все лето, — сказал Артур. — Они должны сдаться. — Его мгновенный гнев прошел. Он вернулся к прежним мыслям, пытаясь определить, когда короли запросят пощады. — Еще год это длиться не может.

— Может и год, — заметил Бедуир. — Скоро осень. Они вернутся по домам собирать урожай и полагают, что мы сделаем то же самое. На зиму, как всегда, заключим перемирие.

— Ладно, пусть возвращаются к себе собирать урожай. Не будет им перемирия... — Он замолчал в задумчивости. Все мы, сидящие за столом, увидели, как вспыхнул свет в его голубых глазах — словно солнце из-за туч выглянуло.

— Что такое? — спросил Бедуир. — Что я такого сказал?

— Мы будем воевать с ними на их же собственных полях, — объявил Артур.

— Я не понимаю, чем это нам... — начал Кай, но Бедуир уже все понял.

Он увидел то же, что увидел Артур.

— Мы поскачем вперед!

— Сожжем их посевы!

— Пусть поголодают зиму, как голодаем мы!

Борс хлопнул ладонями по столу.

— Мне это по нраву!

Кай покачал головой.

— Все равно не вижу, чем это нам поможет.

Артур обнял Кая за мощные плечи.

— Если они потеряют свое драгоценное зерно, то на следующий год дважды подумают, прежде чем вновь затевать войну, — объяснил он. — Они вынуждены будут либо сдаться, либо закупать зерно в Галлии.

— А это дороговато, — промолвил Бедуир. — Только Цердик с его мощной может себе такое позволить.

— Да и он не очень-то после нынешнего года, — вставил Борс. Он хохотал и молотил кулаком по столу так, что звенели блюда и кубки. — Пусть Цердик поразмыслит об этом зимой, и весной его не очень-то потянет в драку.

— Славно сказано! — Артур одобрительно хлопнул себя по колену.

— Но я все равно не вижу, зачем нам голодать вместе с ними, — упорствовал Кай.

— Да? Ты можешь предложить что-то другое? — небрежно осведомился Бедуир.

Кай нахмурился.

— Не жечь урожай. Собрать его.

— Мы не землепашцы! — возразил Бедуир.

— Перековать мечи на орала? — хохотнул Борс.

Кай еще сильнее нахмурил лоб. Его зеленые глаза потемнели, как всегда, когда он подозревал, что над ним потешаются.

— Кай прав, — тихий голос Мерлина заставил умолкнуть смех. — Мы голодны. Жечь зерно — грех. Никто из нас не умрет, если его увидят с серпом в руках.

— Но мы не можем...

Радостный вопль Артура оборвав Бедуира на полуслове.

— Отлично! — Артур вскочил. — Дивно в своей простоте! Мы спасены!

Он замолотил Кая по спине, и тот, перестав хмуриться, недоверчиво улыбнулся.

— Мы соберем за них урожай... — начал Артур.

— И они позволят его унести? — Бедуир покачал головой. — Нет, пока хоть один из них способен держать копье.

— Мы соберем зерно, потому что они будут отбивать атаки злокозненного Борса и его несносных армориканцев. — Артур заходил вокруг стола широкими уверенными шагами, рубя воздух ладонью; мысли его неслись впереди нас всех. — А зимой, когда они будут голодными глазами смотреть на лошадей и собак, мы предложим им выкупить зерно. — Он помедлил для большей выразительности, и в голосе его зазвучала сталь. — А выкупом станет присяга на верность.

Мерлин мрачно улыбнулся и трижды стукнул по земле посохом.

— Молодец, Артур! Молодец! — Потом простер руку к Каю. — И ты молодец, Кай. Основательно подумал и крепко стоял на своем. — За хвалебными словами угадывалась чуть слышная ирония.

— Так ты согласен, Мирддин? Это и впрямь самый лучший план?

— Да, Артур, но и самые лучшие планы порой проваливаются.

— Думаешь, провалится? — спросил Бедуир.

— Неважно, что я думаю, — отвечал Мерлин. — Убеждать надо не меня, а ваших воинов.

— Что до этого, — заметил Артур, — любой из них охотно отложит меч на денек-другой.

— Даже если взамен надо будет приняться за серп и цепь? — Борс брезгливо скривился.

— Не тревожься, лорд Борс, — успокоил Артур, — ты не станешь касаться этих мерзких орудий. Ты со своими людьми будешь устраивать вылазки, набеги, все что угодно, лишь бы отвлечь этих псов, пока мы крадем их зерно.

— Вот это по мне! Клянусь Богом, Который меня сотворил, с этим я справлюсь.

Они тут же начали придумывать, как отвлечь мятежных королей и перевезти собранное зерно. Мерлин в обсуждении не участвовал. Он тихо вышел из шатра в ранние сумерки.

Я вышел следом. Мерлин стоял, глядя на последние алые отблески заката. Я немного постоял рядом, потом спросил:

— В чем дело?

Мерлин не отвечал, по-прежнему глядя на небо и стаю ворон, слетавшуюся на ночлег к соседнему лесу.

— Поход за зерном окончится неудачей?

— По правде сказать, не знаю.

— Так в чем дело? Что ты увидел?

Он долго не отвечал, а когда ответил, слова его были такие:

— Корабли, Пеллеас, и дым. Я видел, как острые ладьи разрезали пену, и множество ног, плеча, вступало на берег. Я видел, как дым, тяжелый и черный, стелется по земле.

— Саксы?

Мерлин кивнул, по-прежнему не сводя глаз с неба.

— На севере... Думаю, Эборак пал.

Эборак пал перед саксами? Мы ничего об этом не слышали. Впрочем, я не сомневался в словах хозяина: время покажет, что он был прав.

— Что делать?

— Что делать? — Он повернулся ко мне, и золотистые глаза вспыхнули внезапным гневом. — Подавить бессмысленный мятеж! Безумие! Мы рвем друг друга в клочья, а саксы нагло захватывают нашу землю. Этому надо положить конец.

Он повернулся и пошел вниз, к ручью, но через несколько шагов остановился и глянул через плечо.

— Удастся ли поход за зерном? — крикнул он и сам себе ответил:

— Молись, Пеллеас! Из всех сил молись, чтобы он удался. Не то саксонское племя пустит среди нас корни.

Жители селения молча и зло смотрели, как воины Артура укладывают на телегу последний мешок с зерном. Когда погонщик с бодилом подошел развернуть волов к дороге, старик — один из крестьян, наблюдавших за погрузкой зерна, — шагнул вперед и встал перед Каем.

— Несправедливо забирать все, — произнес крестьянин. — Оставьте нам хоть немного.

— Жалуйся своему господину, — резко отвечал Кай. — Виноват Цердик.

— Мы будем голодать этой зимой. Если вы ничего нам не оставите, мы умрем.

— Так умирайте! — крикнул Кай, вскакивая на коня, и уже из седла крикнул: — Скажу правду: мы бы не тронули ваше зерно, если б Цердик не нарушил клятву и не взбунтовался против Артура. А так мы забираем лишь то, что нам было обещано.

С этими словами он развернул коня и потрусил вслед за телегой.

Как и в других селах, никто не пытался нас остановить, но это ничего не меняло. Довольно было молчаливого осуждения в глазах. Мы все чувствовали себя варварами.

— Потерпите еще немного, — твердил Артур. — Скоро все кончится, и война останется позади.

Только неизменные заверения Артура и поддерживали в нас силы. Так, селение за селением, по три, по четыре за день, мы быстро собирали годовой урожай ячменя и пшеницы, а заодно угоняли скот — быков, овец и коров. Борс хитроумными вылазками отвлекал на себя войско мятежных лордов.

Да, все получалось. Может быть, даже слишком хорошо. Наверное, нам следовало задуматься над этим.

Впрочем, когда Цердик и мятежные лорды наконец поняли, что к чему, зерно уже лежало за стенами Каер Мелина. По правде сказать, мы не смогли разместить все — не хватило амбаров, и отвезли добрую часть Меуригу, а то, что и он не смог взять, высыпали грудами во дворе и накрыли воловьими шкурами.

В тот год дожди начались рано, когда последние телеги еще вползали на холм к каеру. Воины, сопровождавшие обоз, спасаясь от дождя, поскакали к воротам. Там их приветствовал Артур.

— Ну вот и все, — промолвил он некоторое время спустя, когда последний воз, раскачиваясь, въехал в ворота. Предводитель смотрел на холмы и не шелохнулся, когда Бедуир подошел и встал рядом.

— Вот и конец, — сказал Артур.

— Надеюсь, — Бедуир медленно покачал головой.

Артур повернулся к нему.

— Что ты так хмуришься?

— Честно признаюсь, Артур, мне стыдно.

— А ты предпочел бы умереть? — рявкнул Артур. — Попроси Цердика, он не откажет.

— Нет-нет, — примиряюще отвечал Бедуир. — Согласен, что это нужно. Ради Бога, Артур, я все понимаю, хотя мне это не по душе. И еще, мне будет спокойней, когда возвратится Борс.

— Он запаздывает, вот и все. — Артур махнул рукой и пошел туда, где разгружали возы. Промокший мешок соскользнул на землю перед Артуром, лопнул, и зерно золотым потоком посыпалось к ногам предводителя.

Он мгновение смотрел на рассыпанное зерно, и лицо его медленно багровело.

— Подберите! — зло выкрикнул Артур. Воины, сгружавшие зерно, удивленно подняли головы. — Подберите все, слышите! Я не позволю сгубить ни одного зернышка! — Он стряхнул пшеницу с сапог и пошел прочь.

Да, Борс запаздывал. Это тревожило всех. Он должен был вернуться два дня назад, но до сих пор не прислал никаких вестей, и мы уже гадали, не случилось ли с ним чего.

Шли дни. Артур изводился, как и мы все. Рис, арфист Борса, пел каждый вечер, стараясь поднять наш дух. Увы, усилия его не трогали раздраженных, невнимательных слушателей.

— Я еду за ним, — объявил как-то вечером Артур. — Видит Бог, мы не можем больше сидеть и ждать.

Наступило темное промозглое утро. За окошком клубился густой туман. Артур отобрал себе двадцать воинов. Когда они седлали коней, из-за ворот долетел крик:

— Откройте! Впустите Тегала!

Ворота тут же распахнулись, и всадник — дозорный из пограничной башни — остановил коня, соскочил на землю. Его тут же окружила толпа.

— Что случилось? — спросил Артур, протискиваясь к Тегалу.

— Государь мой, сюда движется войско.

— Сколько людей?

— Пятьсот.

— Цердик! — Голос Артура разил, как меч. — Ладно, сегодня все решится раз и навсегда. К оружию! Мы поскачем навстречу.

Каер охватила суматоха — дружинники надевали доспехи и седлали коней. Однако скакать нам в тот день не пришлось. Мы даже не успели выехать за ворота каера.

В то время как дружина строилась во дворе (следуя римскому обычаю, мы выезжали на битву стройными рядами), появился гонец

от Цердика. В правой руке он вез ветку ивы — знак, чтобы его не трогали.

— Пусть въедет, — сказал Артур. — Послушаем, что он скажет.

Ворота открылись, всадник въехал. Артур встал перед ним.

— Не трудись спешиваться, — сказал предводитель. — Говори, что тебе велено. Что хочет сказать нам Цердик?

Гонец удивленно поднял брови, как будто мы должны были знать причину его появления.

— Лорд Цердик спрашивает позволения подойти к крепости.

— Зачем?

— Чтобы говорить с тобой.

Прежде чем ответить, Артур взглянул на Бедуира и Кая. Никто из них не возражал, и он ответил:

— Скажи Цердику, что я разрешаю ему подойти к крепости. Он может взять с собой трех советников, но не более.

Гонец склонил голову и, развернув коня, поскакал обратно.

Мы ждали Цердика на укреплении, туман каплями собирался на плащах и волосах. Довольно скоро мы увидели, как войско Цердика и мятежных вождей переваливает через дальний холм и начинает переход через долину перед нашей крепостью.

— Он привел их всех, — выдохнул Кай, — до последнего пса.

— Что ж, — сказал Артур, — пусть все решится сегодня.

Мерлин тоже стоял на стене, но он промолчал.

У подножия холма войско остановилось. Мы ждали. Четыре всадника отделились от остальных и начали подниматься по склону. Через некоторое время мы смогли их разглядеть: рядом с Цердиком ехали двое его союзников, Идрис и Маглос, а между ними — кто-то третий.

Лишь через несколько мгновений мы поняли, кто это, а как только поняли, все стало ясно.

— Борс! — вскричал Кай. — Господи Боже, у них Борс!

Увы, это была правда. Между Идрисом и Маглосом ехал Борс со связанными за спиной руками. Воины глухо зароптали, но Артур быстрым взмахом руки заставил их умолкнуть.

Все четверо подъехали к воротам и остановились.

— Здрав будь, Артур! Приветствую тебя, — дерзко воскликнул Цердик. — Так-то ты встречаешь своих повелителей: за закрытыми воротами с мечом в руке?

— Я согласился тебя выслушать, — холодно ответил Артур. — Так что довольствуйся этим и не жди гостевого кубка из моих рук.

Цердик глумливо хохотнул.

— Думаешь, в моих привычках принимать гостеприимство воров и подлецов?

— Я убью его, — процедил сквозь зубы Кай.

Артур словно не слышал оскорблений.

— Если тебе есть что сказать, Цердик, говори, я слушаю.

— Я хочу предложить тебе сделку... — начал Цердик.

— Нет, Артур! Не соглашайся! — выкрикнул Борс. Маглос резко ударил его ладонью по лицу. Из разбитой губы хлынула кровь.

— Еще раз тронешь его, — грозно предупредил Артур, — лишишься руки.

— Побереги свои угрозы, предводитель Артур, — фыркнул Цердик, — не ты здесь командуешь. Сделка такая: украденное зерно за жизнь твоего приспешника. Я предлагаю только раз. Что скажешь? Я подожду, пока ты спросишь своих советников, но предупреждаю — не заставляй меня ждать долго.

— Коли так нетерпелив, отвечу сразу. Слушай меня: можешь убить Борса и его дружину, если таково твое намерение, ибо я поклялся, что никто из вас не получит и зернышка, кроме как при одном условии.

Улыбка сошла с лица Цердика. Он повернулся и быстро посоветовался с союзниками.

— Что за условие? — спросил Цердик.

— Присягните мне на верность и заново поклянитесь оказывать мне помощь. Когда вы внесете подать в военную казну Британии, я верну ваше зерно.

— Никогда! — взвыл Цердик. — Никогда я не присягну тебе!

— Тогда ты не получишь зерна.

— Я убью его! — Цердик ткнул пальцем в Борса.

— Делай с ним, что хочешь. Я меняю зерно только на верность и обещанную дань.

— Ты ценишь зерно больше его жизни? — недоверчиво спросил Идрис.

— Я ценю жизнь друга не меньше собственной, но еще выше ценю Британию. Войне пора положить конец, — Артур говорил смело и решительно. — Зерно останется здесь, пока вы не поклянетесь мне в верности.

— Так подавитесь им! — вскричал Цердик. — Я сожгу эту крепость до основания.

— А что будешь говорить своим людям, когда зимой им начнет сводить животы? Когда их дети начнут умирать с голоду? — Голос Артура был холоден, как могила.

Идрис и Маглос сморгнули — они не собирались поддерживать Цердика в ущерб своим людям. Полагаю даже, они устали от войны и хотели положить ей конец.

— Ну, Цердик? Я жду. Каково твое слово?

Цердик извивался от нерешительности.

— Ты проиграл, Цердик, — выговорил Борс, шевеля окровавленными губами. — Покорись с честью.

— Нет! Я могу сражаться. Мы победим вас и заберем свое.

— Мы сражались все лето, Цердик, и каждое лето четыре года подряд. Говорю тебе: войне конец.

— Нет, покуда у меня есть силы проклинать тебя, негодяй!

Холодало, туман перешел в редкую морось. Идрис и Маглос беспокойно переглянулись. Они замерзли и пали духом. Терпение их истощилось, они хотели одного: скорее с этим покончить.

— Сударь, — начал Идрис, — у нас нет иного выбора, кроме как покориться.

— Он прав, — поддержал Маглос. — Покончим с этим здесь и сейчас.

— И вы против меня? Что ж, идите. Забирайте своих людей. Я буду биться один. — В глазах Цердика сверкнула ненависть и... внезапное вдохновение. — Что скажешь, бастард Британии? Сразишься со мной? Или ты и впрямь такой трус, как о тебе говорят?

— Я не боюсь сразиться с тобой, Цердик.

— Так выходи из-за стен и сразимся.

— Нет, Артур, — сказал Кай, — позволь мне сразиться вместо тебя.

— Успокойся, брат, — отвечал Артур, — все будет хорошо.

— Ты не будешь с ним биться, — вставил Бедуир. — Он уже разбит. Идрис и Маглос от него отступились. Он проиграл.

Артур решительно мотнул головой.

— Он этого не понял. Я не отпускаю его отсюда плести новые козни. Те, кто поддержал Цердика, должны увидеть, что проиграли. Или мне присягнут все, или никто. — С этими словами предводитель повернулся к Цердику. — Я сражусь с тобой, Цердик. Победишь — получишь назад зерно. Но если победа будет за мной, ты присягнешь мне на верность. Согласен?

— Согласен, — поспешно ответил Цердик. — Начнем.

По приказу Артура ворота Каер Мелина открылись, во двор въехали Цердик, Идрис, Маглос и Борс.

— Развяжите его, — сказал Артур.

Идрис вынул кинжал и разрезал веревку на руках Борса.

Артур сел на коня, взял меч и щит и крикнул всем стоящим вокруг него:

— Слушайте меня, кимброги! Если я паду, пусть никто не поднимет руку на Цердика. Пусть никто не мстит за меня. Клянись, что так будет.

Воины отвечали в один голос:

— Да будет, как ты сказал.

Артур взял поводья и повернулся к Цердику, занявшему место с другой стороны двора.

Бедуир повернулся к моему хозяину.

— Мирддин, останови его. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— О нет, из этого выйдет много всего хорошего. Если Артур победит, он получит Британию. Полагаю, ради такой награды стоит рискнуть.

Бедуир воззвал ко мне, но я знал: если уж Мерлин что решил, его не переубедишь — легче уговорить гору вырвать свои основания или реку потечь вспять.

— Пусть будет, что будет, Бедуир, — сказал я. — Верь.

— Я верю в Артура, — отвечал он, — но очень не доверяю Цердику.

Соперники повернулись лицом друг к другу. Мы встали вокруг кольцом. Пошел дождь, мы стояли молча, ожидая начала смертельной схватки.

Вот как это было.

Цердик пускает лошадь вперед и рысью едет вдоль внутренней стороны кольца, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Артур делает то же, и они кружат, кружат, кружат, примеряясь один к другому.

Внезапно Цердик поворачивает коня и вылетает на середину двора, но ему не удастся застать Артура врасплох — тот дергает поводья и мчится навстречу Цердику.

Звон шибки отдается в наших ушах. От удара сотрясается земля под ногами. Цердика отбрасывает в седле. Всадники разъезжаются. Цердик снова начинает кружить. Лицо его напряжено, сосредоточено.

Как и прежде, они кружат друг за другом, потом поворачиваются и несутся навстречу на полном скаку.

Воздух трещит от силы их столкновения. Сверкают мечи. Вот Артур покачнулся в седле. Лошадь Цердика падает на колени, и король летит на землю.

Кимброги вопят от радости. Они думают, Артур победил. Но Цердик на ногах, в руке его меч, щит наготове. Лицо его сумрачно: Артур оказался сильнее, чем он думал.

В глазах Цердика ненависть, но теперь к ней примешивается страх.

Артур легко соскальзывает на землю. Он наступает на противника.

Они сближаются. Цердик с диким криком кидается на Артура, заносит меч и рубит, рубит, рубит в безумном остервенении. Артур отражает удары щитом.

С каждым ударом меч Цердика все глубже врубается в щит. Летят щепки, металл не выдерживает. Вот разлетелась бляха, теперь обод. Обломки падают на землю.

Артур!

Могучим усилием Цердик заносит меч над головой и обрушивает вниз. Разбитый щит Артура разлетается пополам. Цердик снова размахивается — и наносит удар.

Артур отбрасывает остатки щита. Рука его окровавлена. Цердик мечом рассекает воздух, метя в незащищенную грудь Артура.

Берегись!

Но Артур быстрее Цердика. Меч Британии встречает в воздухе клинок Цердика. Слышен звон, словно молот ударил о наковальню.

Удар так силен, что меч в руке Цердика дрожит. Артур бросается на врага, опрокидывает его. Цердик падает на спину, выбрасывая вперед меч, чтобы защититься от града ударов.

— Сдавайся, Цердик! — кричит Артур, вздымая над головой меч Максена.

— Никогда! — дерзко кричит Цердик и, взмахнув мечом, ранит Артура в бедро.

С громким стоном Артур обрушивает на него меч. Клинок, словно молния, рассекает серое небо и разделяет воздух. Цердик закрывает голову щитом. Удар приходится прямо по бляхе, и рука Цердика не выдерживает. Стальной обод щита бьет Цердика по лбу, и тот падает замертво.

Бой окончен.

Но радостных воплей не слышно. Никто не приветствует криками победу Артура. Тишина висит над толпой. Ибо мы видели то, чего еще не видит Артур.

Он поворачивает и победно вскидывает клинок. И видит: Меч Британии разлетелся на куски.

ГЛАВА тринадцатая

Артур сильно горевал о мече Максена. Да, он получил Британию — после поражения Цердика мятежные вожди заключили с ним мир. Но Артура это не утешало. Причина была проста: он чувствовал, что с Мечом Британии утратил и законное право на престол. Ерунда, конечно, в чем и убеждал его Мерлин, но Артур ничего не слушал.

Так что для него зима выдалась долгая, да и для всех нас тоже.

— Так продолжаться не может, — в отчаянии воскликнул однажды Мерлин. — Гляньте на него! Сидит и воет, как пес, которого прогнали от очага. Если так пойдет дальше, его тоска отравит все королевство.

Дело шло к солнцевороту, близилось Рождество. Я сказал об этом и добавил:

— Может быть, праздничный пир его ободрит.

— Ему нужен не пир, а другой меч.

— Так добудем ему меч.

Мерлин хотел уже ответить, но внезапно замолк. Некоторое время он сидел, склонив голову на бок, и вдруг выпалил:

— Да! Это-то мы и сделаем! Спасибо, Пеллеас! В грядущие годы вся Британия восхвалит тебя!

Прекрасно, но в следующие два дня я пожалел, что раскрыл рот.

Ледяная мгла кутала холмы и плыла над нашими голосами. Мы ехали по длинной, петляющей лошине. Северный ветер, по счастью, дул еле-еле, но и он пробирал до мозга костей. Лошади брели по глубокому снегу, выпуская облачка пара. Я прятал руки под седло, грея их о теплую конскую спину. Артур и Мерлин ехали впереди, с головы до ног закутанные в длинные меховые плащи.

За весь день мы лишь раз видели солнце уже под вечер, когда въезжали на крутой, заросший вереском холм. Облака на западе разошлись, и нам предстал багровый садящийся диск.

Мы были в дороге четвертый день, а не покрыли и половины намеченного пути. Все приуныли, однако свет пробудил надежду: последние умирающие лучи осветили селение внизу, в долине. По крайней мере нам не придется спать на голой земле.

— Мы попросимся на ночлег, — сказал Мерлин. — Давно мне не случалось петь за свой ужин. Уж в эту-то ночь я не намерен оставаться голодным.

Я ничуть не тревожился, зная, что пение Мерлина всегда заслужит награду.

— С голоду не умрем, — мрачно заметил я. — Если ничто другое не поможет, я сам спою!

Артур рассмеялся. Впервые за весь день у нас потеплело на сердце.

Облака затянули просвет, в ложбине стало темно. Ледяной ветер задул сильнее. Мы пустили коней рысью и направились к поселку.

У кучки каменных домишек на берегу чистого ручья нас встретил большой черный брехучий пес. Мы остановили коней и стали ждать, когда кто-нибудь выйдет на лай. И впрямь, вскоре появилась девочка лет шести-семи от роду с каштановыми косами.

Она обняла пса за шею:

— Тише, Тиран!

Пес замолчал, и Мерлин, нагнувшись в седле, обратился к девочке:

— Добрый день, дитя мое.

— Кто вы? — простодушно спросила она, глядя на обернутую в ткань арфу, притороченную к седлу Мерлина. Удивительно, но дети всегда первым делом замечали ее.

— Мы путники, голодные и замерзшие. Найдется нам место у вашего очага?

Девочка не ответила, но бегом бросилась назад в дом. Я услышал ее крик в то мгновение, когда она исчезала за воловьей шкурой, висящей в дверном проеме: "Эмрис! Эмрис здесь!"

Мерлин изумленно покачал головой.

— Неужто до этого дошло? — удивился он. — Даже малые дети знают меня в лицо.

— В здешних местах не так много арфистов, — предположил Артур, указывая на сверток за седлом Мерлина. — А Эмрис и вовсе один.

— Мне не по душе, что весь остров знает о каждом моем шаге.

— Брось тревожиться, — весело отвечал Артур, — беды здесь нет. — Он потянулся в седле и взглянул на быстро темнеющее небо.

Поднявшийся ветер по-волчьи завывал в холмах. — Хоть бы кто-нибудь нами заинтересовался.

Желание его исполнилось. Через мгновение каменистый двор наполнился людьми. Хозяин дома (его звали Бервах) ласково приветствовал нас.

— Недобрый день для путешествия, государи мои. Садитесь к огню, прогоним холод из ваших костей. Мясо на вертеле, брага в мехах.

— Мы принимаем приглашение, — отвечал Мерлин, слезая с седла, — и отплатим за твою доброту.

Бервах широко улыбнулся щербатым ртом.

— Не говори так! Эмрис не платит за ночлег под кровом Берваха ап Гевайра.

Тем не менее глаза его невольно устремились на арфу, и улыбка сделалась еще шире.

— И все же ты получишь свою награду, — пообещал Мерлин. Он подмигнул мне, я отвязал арфу от седла и взял в руки. Наших лошадей отвели в конюшню.

— Недобрый день для путешествия, — повторил Бервах, когда мы, пригнувшись, входили под низкую крышу. — Ветер пробирает до костей. Заходите, друзья, и будьте как дома.

Артур шагнул к большому очагу, целиком занимавшему стену. Он встал и протянул руки к огню, вздыхая от приятного ощущения тепла.

Бервах мгновение смотрел на Артура, и в глазах его поблескивало любопытство.

— Сдается мне, я должен знать твоего спутника, — сказал он Мерлину, пытаясь таким образом вытянуть у него имя. Когда Мерлин не клюнул на наживку, Бервах добавил: — И все же я вижу его впервые.

Во взгляде Мерлина боролись гордость и осторожность. Он опасался раскрывать имя Артура — мы были в чужой земле, а у юного предводителя еще оставалось немало врагов. С другой стороны, Мерлин хотел, чтобы Артура узнали, понимая, что однажды ему понадобится любовь и уважение народа.

Борьба была недолгой. Победила гордость.

— Коли ты спрашиваешь, — отвечал Мерлин, — я скажу, кто стоит перед твоим очагом: Артур ап Аврелий, предводитель Британии.

У Берваха глаза полезли на лоб.

— Я с первого взгляда угадал знатного господина. — Он медленно кивнул, потом, пожав плечами, вновь повернулся к нам. — Слышал я

о предводителе Артуре, только не думал, что он так молод. Ладно, я загораживаю вам очаг. Встаньте ближе, а я принесу согревающее питье.

Было видно, кто из двоих для Бервах важней.

Мы встали рядом с Артуром. Пламя весело пылало под длинным вертелом, сгибавшимся под тяжестью огромной ляжки. Аромат дичи наполнял просторное помещение. Дым висел густыми клубами и медленно просачивался через плотную тростниковую кровлю. На краю очага пеклись ячменные хлебы.

Жили тут явно в тесноте, да не в обиде. В дом набились соседи со всей деревни, они взволнованно переговаривались вполголоса. Бервах достал роги для питья, а народ все валил, так что казалось, яблоку уже некуда упасть. А люди по-прежнему шли и шли: мужчины, женщины, дети — все население деревни.

Женщины стучали деревянной и глиняной посудой. Переговариваясь вполголоса, они быстро и ловко собрали импровизированный пир. Ясно было, что никто не хочет пропустить посещение Эмриса. Никто и не пропустил.

Бервах ап Гевайр встал по крайней мере на эту ночь вровень с любым из владык Острова Могущественного, ибо сегодня Эмрис спал под его кровом. Все, что случится в эту ночь, будет помниться и обсуждаться, отсюда пойдет отсчет последующих событий. Внукам и правнукам расскажут, что Эмрис проезжал через селение, останавливался в нашем доме, ел нашу пищу, пил наш мед и спал у этого самого очага.

А еще он пел! О да, он пел...

Мерлин прекрасно понимал, чего от него ждут. Несмотря на усталость, желание поесть и забыться сном, он решил уважить хозяев.

Итак, после трапезы — она оказалась не хуже, чем в иных домах побогаче, — Мерлин сделал мне знак подать арфу. Я, конечно, настроил ее и подал ему под возгласы восторга и вздохи удовольствия.

— Будь я король, — объявил Мерлин громко, чтобы все слышали, — мне и то не удалось бы поесть сытнее. Но, раз я не король, то должен по мере сил отблагодарить за гостеприимство.

— Прошу, будь нашим гостем и не думай, что должен нам платить. Но, — серьезно произнес Бервах, помолчал и внезапно улыбнулся во весь щербатый рот, — коль тебе угодно скрасить пеньем дорожные тяготы, мы, так и быть, потерпим.

Мерлин от души рассмеялся.

— И снова я твой должник. И все же мне будет приятно, если ты выслушаешь песню — ради меня.

— Ладно, раз уж тебе так хочется, но только короткую. Неохота нам слишком утомляться из-за тебя.

Мерлин спел "Детей Ллира", длиннейшую, весьма замысловатую песнь дивной и страшной красоты. Я слышал ее дважды: первый раз в лагере Аврелия, второй — при дворе короля Бана. Но Мерлин пел по-особому.

В недвижном воздухе тянулись серебряные нити мелодий, и голос Мерлина вплетал в них свой напев, повторяя стародавние слова. Слова! Каждая нота, слово, дыхание рождались в жизнь заново: яркие и свежие, тварные, цельные, беспорочные, незапятнанные.

Слышать его пение... О, слышать его пение значило присутствовать при рождении живого. Песня была живой!

Столпившиеся в ту ночь под кровом Берваха слышали творение истинного барда, как мало кому доводилось слышать. И они радовались, как мало кто радовался в то скорбное время.

Когда песня смолкла и Мерлин отложил еще трепещущую арфу, уже стояла глухая ночь; казалось, вечер пролетел в мгновение ока, в одно сердцебиение. Думаю, так оно и было — покуда Мерлин пел, мы, слушающие, выпали из времени и унеслись туда, где оно над нами не властно.

Под звуки пения мы дышали воздухом Иного Мира, наполненного жизнью более совершенного рода.

Мерлин обладал этим даром; полагаю, здесь он был подобен отцу.

— Теперь я знаю, как пел Талиесин, — сказал я позднее, когда мы остались вдвоем.

Он решительно покачал головой, и в углах его рта собрались печальные складки.

— Талиесин был столь же даровитей меня, как зрячий зорче слепорожденного. Нечего и сравнивать.

На следующее утро, перед самой зарей, мы распрощались с Бервахом и прочими жителями деревни, которые собрались во дворе, чтобы нас проводить. Когда мы садились на коней, матери стали протягивать Эмрису детей, прося благословить их. Мерлин благословил, но было видно, что он расстроен.

Мы молча проехали вниз по долине. Только в полдень, когда мы сделали привал, чтобы напоить лошадей и поесть самим, Мерлин открыл, что его тяготит.

— Нехорошо это, — пробормотал он. — Я не святой, чтобы благословлять детей.

— Что за беда? — сказал я. — Людям надо на кого-то смотреть.

— Так пусть смотрят на Верховного короля! — не подумав, вскричал Мерлин. Артур скривился, словно в него метнули нож.

— Нет... нет, — поспешно сказал Мерлин. — Я не о том. Прости, Артур. Ты тут ни при чем.

— Я понял, — сказал Артур, но выражение боли осталось на его лице. — В конце концов я еще не король.

Мерлин печально покачал головой.

— Да, враг расставил коварную ловушку. Здесь западня, и надо идти осторожно.

Печальный дух разговора, подобно темным дождевым облакам, висел над нами до самого конца путешествия — пока мы не прибыли в Инис Аваллах.

Вид Стеклянного Острова обрадовал наши сердца. В чертогах Короля-рыболова нас ждали питье, еда и тепло, благословенное тепло. И хотя ледяной ветер хлестал замерзшее тело, вышибая слезы из глаз, мы, подбадривая коней, быстро летели по склону к озеру. Артур кричал во всю глотку от радости, что достиг цели.

Озеро и соленые топи не замерзли, и сюда слетелись зимовать утки всевозможных пород. Проносясь вдоль озера, мы вспугивали их целыми стаями.

Хотя рощи опустели, а деревья стояли голые и безжизненные, белоснежный покров на земле придавал острову вид поистине отлитого из стекла. Внезапно сквозь облака проглянуло вечернее солнце и залило рассыпчатым светом Тор: сияющий маяк на фоне ненастного неба.

Однако на подъезде к дамбе Мерлин остановил коня и сказал:

— Сегодня мы попросимся переночевать в монастыре.

Я повернулся к нему, не веря своим ушам. Зачем ночевать в монашеской келье, если сразу за озером — роскошь королевских палат? Мы и оглянуться не успеем, как будем там!

Не успел я выразить свое изумление, как Мерлин повернулся к Артуру:

— Меч, который тебе предстоит получить, близко. Ты проведешь ночь в святилище Спасителя Бога, молясь и готовясь к тому, чтобы его принять.

Артур выслушал эти слова без вопросов, и мы повернули коней к аббатству у Храмового холма. Настоятель Элдофф ласково нас при-

ветствовал и пригласил согреться у очага. Он благословил Артура, которого сразу узнал, хотя никогда прежде не видел.

— Разумеется, мы будем рады принять вас под своим кровом, — сказал он, вкладывая нам в руки кубки с подогретым вином, — но вас, наверное, ждут Аваллах и Харита.

— Они не знают, что мы едем, — ответил Мерлин.

— Вот как?

— Мы скоро их увидим, но прежде должны исполнить одно дело.

— Ясно.

— Артур приехал сюда, чтобы посвятить себя спасению Британии. Элфодд поднял брови.

— Неужто? — Он с новым интересом взглянул на Артура.

— Да, — твердо ответил тот.

— Мы хотели бы провести ночь в святилище, — объяснил Мерлин.

— Как угодно. Я не возражаю, только там холодно и негде развести огонь.

— Это ничего.

Мерлин и аббат немного поговорили о делах королевства, Артур время от времени вставлял слово-другое, но я заметил, что предводитель поглядывает на дверь, словно ему не терпится идти. Наконец Мерлин встал.

— Спасибо, что напоил-накормил. Мы бы посидели еще, но нам пора за дело.

— Как сочтете нужным. Не смею вас задерживать.

Мы откланялись и вышли во двор. Небо почти потемнело, вновь набежавшие облака скрывали закатное солнце.

— Вот святилище. — Мерлин указал рукой на белую церковку на вершине ближайшего холма. — Иди и бди.

— Ты со мной?

Мерлин легонько покачал головой.

— Не сейчас. Может быть, потом.

Артур серьезно кивнул, повернулся и пошел по склону к святилищу. Мне подумалось, что слова Мерлина о бдении, молитве и подготовке, о том, чтобы посвятить себя Британии, начали на него действовать, унимая душевные терзания, вызванные утратой меча Максена.

— Все прекрасно, Пеллеас, — тихо произнес Мерлин, провожая Артура взглядом. — Побудь с ним сегодня, а я вернусь на рассвете.

Лошади стояли рядом. Он вспрыгнул в седло и тряхнул поводьями. Я прошел несколько шагов следом.

— Куда ты?

— Устронть, чтобы Артур получил свой меч, — крикнул Мерлин через плечо и галопом поскакал прочь.

Мы провели вместе долгую, холодную ночь, я и Артур. Я кое-как уснул, завернувшись в плащ. Артур стоял на коленях перед алтарем, склонив голову, скрестив руки на груди.

В какой-то миг я заворочался, думая, что уже утро, и увидел зрелище, которого не забуду по гроб жизни. Небо снаружи расчистилось, и по-зимнему яркая луна засияла в крестообразное окошко над алтарем.

Артур стоял на коленях в озере света — все в той же позе, в какой я видел его, засыпая: голова опущена, руки на груди. Я думал, что он уснул. Однако, пока я смотрел, предводитель Британии поднял лицо и подставил его свету, воздев руки, словно стремился обнять лучащий-ся сноп.

Артур стоял так неимоверно долго. Голова вскинута, руки раскрыты, весь он омыт серебристым светом и тихо-тихо молится.

Вся церковь наполнилась такой тишиной и покоем, что я понял: это священный знак. Я не сомневался, что Артур говорит сейчас с Самим Христом и Тот озаряет его светом Своей благодати. Сердце мое едва не разорвалось, я понимал, что сподобился узреть чудо.

Чуть позже снаружи донесся тихий свист. Я встал и вышел навстречу Мерлину. Тот вел в поводу лошадей.

— Пора, — сказал он. — Зови Артура.

Я поднял глаза. На востоке всходило солнце. Луна, столь яркая мгновение назад, тускло белела на светлеющем небе. От холодного ветра я окончательно проснулся и пошел в церковь звать Артура. При звуке своего имени он встал и вышел наружу.

Мы сели на коней и молча направились вдоль озера к дамбе. Мир казался только что сотворенным, хрупким и в то же время неуязвимым в своей красе: чистый белый снег под ногами и синее-синее небо над головой... окаймленная тростником черная озерная гладь... алое золото встающего на востоке солнца...

Я думал, мы отправимся напрямиком к Тору, но перед дамбой Мерлин свернул и продолжил путь вдоль озера. Он остановился у купы облетевших ив. Здесь мы спешили. Мерлин повернулся к неподвижной воде и указал на заросший камышом берег.

— Там есть лодка. Войди в нее и правь через озеро к острову. Там ты встретишь женщину. Слушайся ее. Она даст тебе меч.

Артур ничего не ответил; в этом не было нужды. Лицо его сияло надеждой и светом восходящего солнца. Он спокойно вошел в камыши и наткнулся на лодку — я узнал рыбацкий челнок Аваллаха. Взяв шест, Артур оттолкнулся от берега. Зашуршал, раздвигаясь, камыш, и вскоре лодка уже скользила по чистой воде.

Мерлин чувствовал, что все во мне бурлит от любопытства.

— Харита встретит его и отдаст меч, — сказал он. — Она ждет в роще.

— Зачем? — спросил я, не понимая, к чему столько ухищрений. — Ведь это просто меч, не так ли?

— Для Артура нет, — отвечал Мерлин, глядя, как предводитель поднимает и опускает шест. — С этого дня и до тех пор, пока остров не избавится от саксов, этот меч будет его жизнью.

Он повернулся ко мне.

— И потом, это хороший меч. Второго такого нет в мире.

— Чей он?

— Артура.

— Но...

— Харита заказала его для Аваллаха, потом, вспомни, носил я. Но он никогда не был моим. Думаю, он сделан для Артура и только ему будет принадлежать истинно.

Я повернулся к озеру и увидел, что Артур достиг острова. Он спрыгнул на берег и пошел вверх к роще. Деревья стояли голые, облепившие ветки чернели под тонким покровом снега.

В следующий миг Харита легко вышла из-за деревьев. Артур увидел ее и остановился. Она приветственно вскинула правую руку, и я увидел в левой обнаженный клинок. В следующий миг она подняла меч, положила на ладони и протянула Артуру.

Предводитель подошел — лицо его было торжественно, поступь медленна и тверда. Харита протянула меч, но Артур не взял. Он опустился на колени и поднял руки. Она что-то сказала и вложила меч в его обращенные вверх ладони.

Только тогда поднялся Артур, сжимая меч. Утренний свет вспыхнул золотом на кованом острие. Артур взмахнул клинком, и на лице его проступил священный восторг.

— Едем, — сказал Мерлин, снова поворачиваясь к лошадям. — Едем к ним.

Мы проехали по дамбе и повернули к роще, ведя в поводу лошадь Артура. Харита поцеловала сына, потом меня.

— Ты видел, Мирддин? — вскричал Артур, почтительно любуясь мечом. Клинок и впрямь был прекрасен — длинный, тонкий, холодный и смертоносный. Две сплетенные змейки образовывали рукоять, в глазах их поблескивали самоцветы. Выкованный в давние времена мастерами, каких уже нет, это был, как и сказал Мерлин, клинок мечты, достойный руки Бога.

— Да, — отвечал Мерлин, касаясь меча пальцами. — Я видел его раз или два. Как ты его назовешь? — Он не сказал, что сам когда-то сражался этим клинком.

— Назову?

— У такого меча должно быть свое имя.

— Есть у него имя, госпожа? — спросил Артур у Хариты.

— Не слышала, — отвечала она. — Но мне сказали, что эта сталь прочнее любой в Британии.

— Назови его Калибурн, — предложил Мерлин.

Артур наморщил лоб.

— Латынь... что это значит?

— Кимры сказали бы: "Каледволх".

— "Руби сталь"! — воскликнул Артур, вновь вскидывая меч. — Что ж, коли я — римский кельт, я назову его Каледволх.

Артур нарадоваться не мог новому мечу, все держал его в руках, водя пальцами по странной вязи на клинке у рукояти.

— Эти значки, — сказал он, снова поворачиваясь к Харите, — я не могу их разобрать. Что они означают?

— Это атлантические письмена, — объяснила она. — Здесь сказано "Возьми меня", — она перевернула клинок, — а здесь "Отбрось меня".

Артур нахмурился.

— Я никогда его не брошу, — поклялся он и, подняв глаза на Хариту, добавил: — Отныне я твой должник, госпожа. Что бы ты ни попросила, я исполню, если то будет в моих силах.

Харита улыбнулась.

— Этот меч — дар, добытый для одного короля и врученный другому. Я ничего не прошу взамен.

— И все же, — отвечал Артур, в который раз пробегая взглядом по безупречному лезвию, — я счел бы за честь отплатить тебе в меру своих сил.

— Едем во дворец, — вмешался Мерлин, кладя руку Артуру на плечо, — позавтракаем. Ты не забыл, что сегодня за день? Рождество! Так начнем праздновать.

С этими словами мы по узкой крутой дорожке направились в жилище Короля-рыболова. Дорога взбиралась все выше и выше. Артур широко раскрытыми глазами смотрел, как блистают под солнечными лучами окрестные холмы и долины. Во двор он въехал, окончательно плененный дивной красотой Тора.

Мы не стали ждать, когда нас выйдут встречать, но сразу поспешили в зал, чтобы согреться. Аваллах был здесь; при виде нас он вышел вперед с радостным приветствием на устах. Впрочем, он держался за бок, как всегда, когда рана его беспокоила.

— Храни вас Бог! — прокатился по дворцу его громовой голос. — Мерлин! Пеллеас! Как часто я думал о вас в эти дни, как мне вас не хватало! Заходите, садитесь у очага. Издалека?

— Мерлин заезжал вчера ночью, но ты уже удалился в опочивальню, и мы не стали тебя беспокоить, — объяснила Харита, беря сына под руку.

— Дедушка... — Мерлин протянул руку к Артуру. — Вот, познакомься, Артур ап Аврелий, военный предводитель Британии.

Король Аваллах долго смотрел на юного предводителя, взгляд его был разом цепок и величав. Артур держался молодцом: не съезжился, но и не напыжился в ответ, как иные на его месте. Он стоял неподвижно, расправив плечи, вскинув голову, глядя прямо на короля, — мол, вот я весь, судите обо мне, как хотите.

Я знаю Аваллаха много лет, но никогда не видел, чтоб он так смотрел, тем более на гостя. Харита открыла уже рот, чтобы вмешаться, но Мерлин сжал ее руку, призывая к молчанию.

Закончив разглядывать юношу, Король-рыболов поднял ладонь к плечу и сказал:

— Здрав будь, Артур, предводитель бриттов, мы долго ждали тебя.

Затем, шагнув вперед, Аваллах стиснул Артура в объятиях. Простой жест, но было в нем что-то необычайное.

Глаза у Мерлина сузились. Значимость мгновения всколыхнула его, обострила его чувства. Знаю, он разглядел в приветственном объятии Аваллаха больше, чем мы с Харитой.

— То было единение сил, Пеллеас, — объяснял он позднее. — Разве ты не видишь? Знаешь, что это значит?

Я не успел сказать, что ничего не понял, как он с жаром продолжил:

— Да, это так! Все, на что мы надеялись, ради чего трудились долгие годы, — все принесло плоды! Артур — Летний Владыка! Он устанавливает Царство Лета.

— Потому что Аваллах его приветствовал?

— Потому что Аваллах его признал.

— Мы и прежде знали, что все начнется с Артура.

Мерлин поднял указательный палец.

— Мы всегда *надеялись*, что Артур станет Властителем Лета. Вот в чем разница.

Я по-прежнему не понимал, что изменило приветствие Аваллаха и почему Мерлин так в этом убежден. Полагаю, с годами Аваллах обретал все большую чуткость к мельчайшим проявлениям духа. С каждым годом он возрастал в мудрости и святости — постоянной молитвой и размышлениями над Священным Писанием, и, вероятно, что-то в Артуре его затронуло.

Впрочем, неважно, что думаю я. Что-то в объятии Аваллаха убедило Мерлина в непреложности Летнего Царства, и это главное.

После завтрака мы поскакали в аббатство к рождественской обедне. Мерлин вновь представил Артура аббату Элфодду, тот помолился над ним и похвалил за умиротворение Британии. Отслужили обедню, монахи пропели псалмы и благословили всех нас.

После службы Аваллах пригласил Элфодда разделить нашу трапезу. Все было весело и торжественно, хотя я невольно вспоминал пиршество у старого Пендарана и двор Мелвиса, как не мог не вспомнить рождественских обеден, отслуженных святым старцем Давидом.

Впрочем, все это было давным-давно, и больше уж так не будет.

В тот вечер, когда после трапезы мы сели у очага, Мерлин достал арфу и заиграл. Некоторое время мы слушали, и вдруг он перестал.

— Когда я был ребенком, — сказал он, — в такие ночи мама рассказывала о видении, которое ей доверил мой отец, Талиесин. Как вам известно, я все делал для того, чтоб претворить его мечту в явь. Однако тебе, Артур, я никогда не говорил об этом видении, как говорили о нем мне. Хотя ты знаешь о нем, но никогда не слышал так, как слышал это я. Сегодня ты услышишь, но не из моих уст. Пусть скажет та, кто всегда сберегала его в своем сердце. — И, взглянув на мать, он попросил: — Расскажи нам о Царстве Лета.

Харита мгновение смотрела на сына, потом поднялась, встала перед нами, сложила ладони и, закрыв глаза, начала.

И вот что она поведала.

— Я видел землю, сияющую добротой, где каждый защищает достоинство брата, как свое собственное, где забыты нужда и войны, где все народы живут по одному закону любви и чести.

Я видел землю, светлую истиной, где слово — единственная порука, где нет лжи, где дети спокойно спят на руках у матерей, не зная страха и боли.

Я видел страну, где цари вершат правосудие, а не разбой, где любовь, доброта и сострадание изливаются, как река, где чтят добродетель, истину, красоту превыше довольства или корысти. Землю, где мир правит в сердцах людей, где вера светит, словно маяк, с любого холма, а любовь, подобно огню, горит в любом очаге, где все поклоняется Истинному Богу и соблюдают Его заповеди.

Харита открыла затуманенные слезами глаза.

— Так говорил Талиесин. Внемлите и запомните, — промолвила она, опуская взор. У ног ее стоял на коленях Артур, держа на ладонях подаренный меч. Никто не видел, как он встал со своего места.

Мерлин вскочил, лицо его сияло в свете огня. Волнение исказило его черты.

— Артур?

Харита движением руки остановила Мерлина. Она легонько тронула Артура за щеку. Он поднял голову. Глаза его тоже сияли — не от слез, не от отблесков пламени, но от сказочного видения, пробужденного словами Хариты.

— Что случилось, Артур? — спросила она.

— Ты подарила мне меч... — Дыхание его перехватило. — А теперь подарила видение, которому надо служить этим мечом. Теперь я знаю, зачем родился на свет: я буду Летним Владыкой. С помощью Божьей и ангельской я это сделаю. Я установлю Царствие Лета.

— Чего ты от меня хочешь?

— Посвяти меня, госпожа моя, цели, для которой я родился.

— Но я... — Харита умоляюще взглянула на аббата Элфодда. Тот подошел, встал рядом с ней и, запустив руку в рукав, вынул маленький сосудец с елеем, который и вложил Харите в ладонь, понуждая ее исполнить просьбу Артура.

Она взяла сосудец и, возложив руки на голову юноше, заговорила тихо и ласково:

— Я, раба Спасителя Бога, посвящаю тебя твоей благородной задаче, Артур ап Аврелий. Именем Иисуса Христа, помазываю тебя этим маслом как символом Его власти и постоянного присутствия. — Она обмакнула пальцы в сосуд и начертала крест на его челе. — Возрастай в Его власти, наполняйся Его премудростью, будь крепок в Его любви, справедлив и милосерден в Его милости. Восстань, Ар-

тур, следуй видению, данному тебе Господом нашим Иисусом Христом.

Артур взял руку Хариты и прижал к губам. Потом он встал, и я взглянул на него новыми глазами. Это был не прежний Артур: он преобразился.

Руки его решительно сжимали Каледволх, синие глаза лучились радостью и покоем. Да, исходивший от него свет горел высоким и священным огнем.

Мерлин встал рядом с ним и воздел руки, словно друид. Торжественно и громко он заговорил и сказал вот что:

— Узрите короля в кольчуге кованой, увенчанного величием и светом. Узрите воина, идущего против язычников с Крестом Господним на раменах! Узрите повелителя, в котором прочие черпают достоинство и суть!

Узрите двор его, воздвигнутый справедливостью! Узрите дом его, построенный честью! Узрите земли его, питаемые милосердием! Узрите народ его, в сердцах которого царит истина!

Узрите царствие мира! Узрите царствие правды! Узрите короля, чьи верные советчики — мудрость и сострадание!

Узрите Артура, о ком сказано: дни его были подобны огню Бельтана, разносящегося от одной вершины к другой, ласковому южному ветру, напоенному сладостным ароматом, весеннему дождю над цветущими вересковыми холмами, урожаю по осени, приносящему изобилие в каждый дом, — дар Щедрого Бога народу смиренному!

Узрите Царствие Лета!

КНИГА

Вторая

Б Е Д У И Р

ГЛАВА первая

Э то пишу я, Бедуир, королевич Регеда. Мой отец — Вледдин ап Кинфал, правитель Каер Трифана, что на севере, родич Теодрига ап Тейтфаллта и властителей Диведа на юге.

Умирать буду — не забуду, как впервые увидел Артура. Это случилось в Каер Мирддине, в Диведе. Мирддин тайком доставил сюда Артура, спасая от врагов; тогда же отец привез меня, чтобы, согласно древнему обычаю, отдать на воспитание в дом Теодрига. Артур еще не вышел из пелен.

Мне и самому едва минуло пять, но я уже считал себя великим и прославленным воином. Я бродил по стенам крепости Теодрига, сжимая древко коротенького деревянного копья, что вырезал мне отец.

Покуда короли совещались о делах государства, я расхаживал по каеру, воображая себя повелителем здешних мест. Все мои мысли занимало одно: придет время, я стану воином, как отец, предводителем дружины, стану убивать саксов, и народ будет мною гордиться.

Стать воином! Единственная золотая мечта! Я даже спать ложился с игрушечным копьем. Жизнь воина манила меня несказанно — другой я попросту не знал. Но ведь я был еще совсем мал.

Летнее солнышко припекало, и Каер Мирддин — прежний Маридун — сверкал под его лучами. Повсюду кипела работа, вспыхивал на солнце металл, удары молота набатно звенели в дрожащем воздухе. Каер был куда больше нашего родного в Пенлинне. Он говорил о богатстве и могуществе короля. И впрямь, у Теодрига в отличие от нас был свой кузнец. Да и палаты он выстроил просторнее: рубленые, крытые соломой, с полом из больших, окованных железом досок. Над земляным валом поднимался высокий бревенчатый частокол.

Я стоял на краю рва, воображая, что в одиночку защищаю ворота и от меня зависит исход сражения. Погруженный в мечты о будущей славе, я внезапно почувствовал, что кто-то тянет мое копье, и обернулся. Малыш Артур схватился рукой за древко и улыбался мне беззубой улыбкой.

Я сердито дернул копьё, но он держал крепко. Я дернул сильнее, но Артур не выпускал. Ну и хватка! Разумеется, я должен был показать ему, кто тут старший, поэтому шагнул ближе и толкнул его копьём в грудь. Он не устоял на коротеньких ножках и плюхнулся спиной в пыль. Я смеялся над ним, радуясь своей силе.

Я думал, он поднимет рев, но он смотрел на меня все с той же улыбкой, без тени укоризны в больших синих глазах.

Во мне боролись злоба и стыд. Стыд победил. Оглядевшись — не видел ли нас кто, — я наклонился и, взяв за толстенькую ручонку, помог ему встать.

Думаю, в этот миг и началась наша дружба. Маленький Артур стал моей тенью, я — солнцем на его горизонте. Редкий день мы проводили врозь. Мы разламывали один ломоть, пили из одного кубка, дышали одним воздухом. А потом, когда перешли в мальчишеский дом, стали ближе, чем братья.

Теперь, когда говорят об Артуре, представляют себе императора, дворец и земли. Или вспоминают военачальника, за которым тянется драгоценная цепь блестящих побед. Воображают неуязвимого Пендрагона, который держит всю Британию крепкой, уверенной хваткой.

Господь свидетель, для них он пришелец из Иного Мира, выросший из земли или вызванный Мирддином Эмрисом из тумана на высотах Ир Виддфы, но никак не человек с детством и отрочеством, как у любого другого. Ведь барды о них не поют.

Слухами земля полнится, и легенды растут, как мох на упавшей ветке. В иных есть крупица правды, во многих нет и того. Наверное, любого рассказчика тянет присочинить, и всякая повесть при повторении становится более яркой.

Но в этом нет надобности. Истинное золото не нуждается в позолоте.

Учтите, речь идет о боевом вожде Артуре. Не был он Artorius Rex. За долгие годы войн прочие короли так его и не приняли. Вот псы! Они предводителем-то — смех сказать! — признавали его неохотно, тем не менее он с гордостью нес свой титул и сражался за них с врагами.

Войны... славные и ужасные, не похожие одна на другую, все они заканчивались одинаково.

Общим счетом двенадцать войн. Первая разразилась на следующее же лето после того, как Артур одолел Цердика в поединке и усмирил

мятеж. Зиму он провел в Инис Аваллахе и вернулся по весне с новым мечом, окрыленный видением Летнего Царства.

Я как раз был в отъезде — решил проведать табун в укромных лощинах к востоку от Каер Мелина и посмотреть приплод. Как раз пришла пора жеребиться кобылам, и я задержался, чтобы помочь пастухам принимать молодняк.

Весна медлила, и я был рад ненадолго вырваться из каера. Не люблю сидеть в четырех стенах, то ли дело — холмы и небо. Ночами подмораживало, но я с удовольствием ночевал в лачуге пастухов, а днем вместе с ними ездил в табун.

Как-то холодным утром я вел трех жеребых кобыл в ложбинку у нашей лачуги, где им предстояло разрешиться от бремени. Ветер обдувал лицо, сердце во мне взыграло, и я запел — громко и от всей души, не то бы услышал окликавшего меня всадника.

Я не слышал его, пока он не заорал во все горло:

— Бедуир! Бедуир! Погоди!

Я обернулся и увидел, что ко мне во весь опор несется молодой воин. Я поздоровался; он, придержав коня, поехал рядом со мной.

— Привет тебе, Друз, зачем ты здесь?

— Меня послал лорд Кай. Артур вернулся и хочет тебя видеть. Через три дня выступаем.

— Куда?

Я знать не знал ни о каких врагах.

— Кай не сказал. Едешь?

— Прежде отведу кобыл. Отдохни немного, поедем вместе.

Я спустился в ложину, передал кобыл пастухам, забрал в лачуге плащ и оружие и немедленно поскакал в каер. Всю дорогу я ломал голову, что же могло случиться.

От Друза толку добиться не удалось, и я утешался тем, что летел по холмам во всю конскую прыть. Господь свидетель, не будь спешки, я бы торопился не меньше, так мне хотелось скорей увидеть Артура.

Когда я подъехал, он стоял посередине шумного двора и разговаривал с Каем. Я спрыгнул с коня и устремился ему навстречу.

— Хвала Иисусу! Вернулся, пропащий! — вскричал я.

— Здравствуй, Бедуир! — отвечал он, расплываясь в улыбке. — Есть ли у нас табун?

— Табун есть. Пятнадцать жеребят уже и еще двадцать на подходе. Видеть тебя — радость моим очам, Артур.

Я подошел ближе, и мы, как братья, взяли друг друга за локти, после чего он стиснул меня по-медвежьи, аж ребра хрустнули.

— Здоров, я погляжу. — Он звонко хлопнул меня по спине. — Ну что, как тебе зима?

— Длинновата немного, — признался я, — но не холодная.

— Кай говорит, ты совсем замучил Риса своими жалобами. Он всего лишь бард, где ему управлять погодой!

— Хватило б и новой сказки, чтоб скоротать время. Однако ты-то, Медведь, сдается, поладил с феями!

Артур загадочно улыбнулся, вынул из ножен меч и протянул мне — любуйся, мол.

— Это Каледволх, — сказал он, — мне дала его Владычица озера.

Я никогда не видел подобного клинка, в чем и признался.

— Таким мечом можно завоевать царство, — сказал я, пробуя рукоять, и тут же клинок словно сросся со мной, превратился в стальное продолжение рук.

— Славно сказано, — отвечал Артур, — и у царства этого есть имя.

И дальше продолжать не стал.

— Идем в мои покои. Я позову Мирддина. — С этими словами он пошел со двора.

Я взглянул на Кая. Тот пожал плечами, не меньше меня изумленный перемены в Артуре. Ибо наш друг и впрямь преобразился. Или, может быть, после долгой разлуки я увидел Артура с другой, неведомой прежде стороны? Но нет, мы же братья! Я видел его насквозь и понимал: что-то в Инис Аваллахе произошло. Я решил испытать все из Мирддина.

— Слышал, мы через три дня трогаемся, — сказал я Каю, когда мы оба направились к дому. — Не знаешь, куда?

— На Саксонский берег.

Я остановился, взял его за плечи и развернул к себе.

— Опять твои дурацкие шуточки?

— Да не шучу я. — Зеленые глаза на краснощеком лице и впрямь были серьезны. — Именно это он мне сказал, и ни слова больше. Теперь ты знаешь не меньше моего.

— Ты заметил, как он улыбался? — продолжал я. — Дважды мне доводилось видеть такую улыбку: первый раз у деревенского придурка, который украл отцовскую свинью и был пойман на базаре при попытке ее продать, второй — у старого Геронтия, который умер во время молитвы.

Кай громко расхохотался.

— Не думаю, что Артур воровал свиней, хотя чем черт не шутит.

— Правду говорю, Кай, не нравится он мне. Попомни мои слова — ничего путного из этого не выйдет.

— Из чего?

— Из этого! Ты понял, о чем я.

Он снова рассмеялся и хлопнул меня по спине.

— Ты слишком много думаешь, Бедуир. Тебе бы друидом быть. Брось, все обрзается.

Мы прошли через зал в покои Артура и сели ждать. Вошел Пеллеас и приветствовал нас ласково — на свой необычный манер.

Дивный Народ всегда меня поражал. Они ничуть на нас не похожи. Гордые и недоступные, они всегда словно немного в стороне от окружающей жизни. С виду писанные красавцы, они тем не менее замкнуты и никогда не показывают своих чувств. По мне, так это заносчивость.

У Мирддина этого меньше, но ведь он только наполовину их родич... Хотя кто он на другую половину — и вовсе неведомо.

— Есть новости от короля Аваллаха? — спросил я Пеллеаса. Сам я никогда не бывал у Короля-рыболова, но столько слышал о нем от Мирддина, что легко мог представить себе и дворец, и его обитателей.

— Мы прекрасно провели зиму, королевич Бедуир, — отвечал он. По-видимому, это были все подробности, которые он намеревался мне сообщить. Я знаю Пеллеаса сизмальства, и он всегда говорит со мной так.

— Правда, что на Стеклянном Острове никогда не идет снег? — Кай говорил будто бы всерьез, но я видел, как подрагивают кончики его губ.

— Эх ты, ума палата, ну конечно, там идет снег! — Это сказал Мирддин, входя в покой на полшага впереди Артура. — Привет вам, Кай и Бедуир.

— Мирддин! — Я повернулся и крепко обнял его.

— Оголодал за зиму, отощал к весне? — хохотнул он, сжимая меня за локти и заглядывая мне в глаза, будто хотел прочесть в них ответ. Он всегда так смотрит. Говорят, некоторых это пугает.

— Как Бог свят, отощал! — объявил я. — А вот ты, видать, всю зиму уписывал жареных уток да медовые пироги. Только посмотри на себя!

И впрямь, он выглядел таким же крепким и ладным, как и до отъезда, — впрочем, он вообще не меняется.

— Садитесь все, — сказал Артур, указывая на скамьи возле стола Совета. — Надо поговорить.

Он придвинул стул — походный стул Утера. Мне так и не удалось выяснить, откуда он у Артура, разве что Теодриг каким-то образом раздобыл.

Упершись ладонями в стол, Артур принялся разглядывать свои пальцы, будто решая, который из десяти ему более люб.

— Я намерен три дня спустя выехать к Саксонскому берегу.

Я обвел взглядом остальных. Никто и бровью не повел. Может быть, я ослышался, и Артур сказал: "Я намерен поужинать бараниной"?

Но поскольку никто никак не отозвался, то я спросил:

— Прости, брат, следует ли понимать, что мы через три дня идем войной на Саксонский берег?

Артур снова улыбнулся своей непонятной улыбочкой и мотнул подбородком.

— Не войной. Я хочу предложить им мир.

— Мир? — Я ошолбенел. — Ну, Артур, теперь ясно, что у тебя вместо мозгов солома. Мало того, что это не тебе решать, с чего ты взял, что они не нарушат этот твой договор?

— Я — предводитель Британии, боевой вождь. Кто, если не я, вправе предлагать мир?

— Но это *саксы*! Ты забыл, какую бойню они учинили четыре года назад?

— Не забыл, но готов простить, если они будут жить с нами в мире.

— А если нет?

— Тогда мы исполним свой долг, — сказал он и в этот миг стал чуть больше похож на прежнего Артура. — Но мы не будем христианами, если не предложим мир, прежде чем поднять меч.

— Так. А что помешает им снести тебе голову с плеч еще до того, как твой язык перестанет болтать? Они же саксы!

— И все же они люди, как и мы. А я не буду объявлять войну человеку — будь то сакс или бритт, — не предложив прежде мира. — Он говорил с нерушимой убежденностью.

— И никак иначе?

— И никак иначе. — Легче было бы сдвинуть скалу, чем Артура. Уж если он что-то вбил в голову, его не переубедить, хоть кол на голове теши. Не зря он прозывался Медведем Британии.

— Я пошлю гонцов ко всем королям, приглашу их поехать с нами, — продолжал Артур. — Молю Бога, чтобы хоть кто-нибудь согла-

сился. Но с ними или без них, мы выезжаем из Каер Мелина через три дня.

— И да хранит нас Бог, — сказал я.

Мы заговорили о том, как снарядить дружину, — двинуть в путь такое множество народа всегда непросто. О сумасбродном плане Артура больше не вспоминали. Когда закончили, Артур потребовал пива. Мы выпили и разошлись по своим делам.

Так что возможность поговорить с Мирддином появилась у меня только за ужином.

— Скажи мне, мудрый Эмрис, — воскликнул я, подсаживаясь к нему, — что стряслось с нашим обожаемым предводителем?

Он устремил на меня золотистые глаза.

— Он вошел в силу.

— Это не ответ. В какую силу? Откуда она взялась? Кто дал? И почему от нее случилось размягчение мозга?

— Изменился не мозг его, но сердце.

— Мозг, сердце — да я его не узнаю!

Мирддин понимающе улыбнулся.

— Дай срок, он снова станет собой.

— Рад твоей уверенности. Только к этому сроку мы все будем мертвы. Саксам не нужен мир, им нужны наши земли и скот.

— Артур познал более великую истину. Его царство будет строиться на справедливости и милосердии к каждому, кого приютил этот остров.

— Даже к саксам?

— Да, Бедуир, даже к саксам. Так должно быть.

— Это не истина, а безумие.

— Уж кому б, как не мне, ненавидеть саксов, — мягко промолвил Мерлин. — Знаешь, что говорил мой друг Хафган?

Я знал, что Хафганом звали друида, у которого Мерлин учился. Теперь его помнили как одного из Трех Истинных Бардов Острова Могушественного.

— Нет, Мудрый Эмрис, просвети меня. Что говорил тебе Хафган?

— Он говорил, что однажды люди копали колодец и уперлись в большой плоский камень. Оказалось, это краеугольный камень нашего мира. И вот они решили его поднять, чтоб посмотреть, что же лежит внизу. Подняли и, знаешь, что обнаружили?

— Не знаю. Что?

— Любовь, — просто отвечал Мирддин.

— Любовь? И все? — Я досадовал, что купился на детскую сказочку Мирддина.

— А ничего другого и нет, Бедуир. Все держится на любви. Артур это увидел. Его царство будет стоять на единственном прочном основании.

Я ушел, качая головой. Не то чтобы я не верил. Как Бог свят, если б сан давали за одну веру, я был бы Римским Папой! Но кое-что я про саксов знаю. И трудно проповедовать любовь Христову человеку, который всадил тебе в голову топор!

Удивительная доброта этого плана могла сравниться только с его несусветной глупостью!

Однако, коли уж Мирддин поддержал Артура, ничего не изменить. Борс, наверное, еще поспорил бы, но он в Бенвике и вернется не раньше, чем улягутся весенние ветры. Кая на свою сторону не перетянуть — он, прости его, Господи, ничего не желает слушать против Артура. Его преданность не знает границ, любовь не ведает удержу. Он отдал себя целиком, без остатка. Прав Артур или ошибается — для Кая это неважно.

Причина, полагаю, в каком-то давнем случае. Однажды я слышал этот рассказ от Пеллеаса — как они вместе лезли на какую-то гору. Колченогому Каю это было, наверное, нелегко. Так или иначе, после того случая Кай проникся к Артуру невероятной любовью — ревнивой, глубокой, самоотверженной, сильнее и крепче смерти.

Что ж, коли так, мне оставалось молиться и острить меч.

ГЛАВА Вторая

Саксонский стан — зрелище не из приятных. Варвары — они варвары и есть.

Однако после тринадцати дней в седле под проливным дождем я и нору в земле готов был считать дворцом. Тринадцать дождливых дней! Тут поневоле завоюешь волком!

Думаю, саксы тоже впали в тоску и рады были любому разнообразию. А может, дождь их смягчил. Так или иначе, мы нашли их в редком расположении духа — смиренном.

Это значит: они не убили нас, как только увидели.

Мы выехали из Каер Мелина на третий день после того, как вернулся Артур, и медленно двинулись на восток к реке Уз — древней границе иценов, где и стали лагерем. Мы знали, что Элла, предводитель здешних саксонских войск, уже заметил наше передвижение. Мы давали ему понять, что не собираемся напасть сразу, поэтому разбили лагерь на прибрежной глине и стали ждать.

На второй день мы проснулись от звука барабанов и рогов: на противоположном берегу стояло саксонское воинство. Артур приказал оседлать трех лошадей: ему, мне и Каю. Мирддин непременно тоже хотел ехать, но предводитель и слышать об этом не пожелал.

— Если что-то случится со мной, — сказал он, — пусть хоть Душа Британии останется в живых. — Каю и мне он молвил: — Оставьте оружие в лагере. Если все пойдет хорошо, оно нам не понадобится.

— А если плохо? — спросил я.

— Тогда не поможет.

Мы нехотя повиновались, хотя это было чересчур даже для верного Кая.

— Поможет — не поможет, а с мечом в руке мне было бы спокойнее, — ворчал он, когда мы садились на коней.

— Могло быть и хуже, — заметил я. — Хоть дождь перестал. Очень не хотелось бы погибать под дождем.

Долина Уз глубока, броды здесь — редкость. Мы разбили лагерь у одного из самых удобных — в древности тут разыгралась не одна битва — и теперь направились к нему, держа в руках зеленые ивовые ветви. Саксы и сами пользуются этим знаком и потому признают его, если считают нужным. Я молился, чтобы так вышло и в этот раз.

При нашем приближении саксы подняли оглушительный вой. Выли они долго, потом увидели, что к ним направляются всего лишь трое с ивовыми ветками, замолкли и стали ждать, что мы сделаем.

Артур выехал на середину брода и остановился. Мы с Каем остановились по бокам от него.

— Ну, — сказал Артур, — проверим, что они за люди.

Я бы и так ему сказал, что за люди саксы!

— Элла! — крикнул Артур. — Выходи, Элла! Я хочу с тобой говорить!

Я смотрел на войско перед нами: не сто, не двести — тысяча варваров, и ни одной приветливой хари. Все молчали. Через мгновение от толпы, стоящей под одним из жутких значков с черепами и конскими хвостами, отделился воин. Здоровенный детина с двумя длинными косами цвета свежей соломы и такой вызывающе дерзкой поступью, что я сразу понял — это и есть сам Элла.

Он подошел к кромке воды, сжимая в руке большой боевой топор.

— Я Элла, — произнес он, даже не стараясь спрятать презрение. — Что вам нужно?

О да, он говорил на нашем наречии. Напрасно удивляетесь: многие саксы жили на нашем берегу дольше, чем на своем собственном. Британия стала их единственной родиной.

— Мир, — сказал Артур. Прямо так и сказал.

Я чуть с коня не рухнул. И так глупо о чем-нибудь договариваться с саксами, но уж коли решился — будь хитер. Они уважают только острое лезвие меча да силу, которая за ним стоит, все остальное для них — позорная слабость. Мы пропали.

— Артур, думай, что делаешь! — зашипел я.

— Я знаю, что делаю! — отвечал он.

Элла стоял на берегу и моргал. И тут пошел дождь.

Саксонский вождь глянул на Артура одним глазом, на тучи — другим и решил, что это надолго. По крайней мере, поговорив с Артуром, он мог укрыться от туч.

— Идем, — крикнул он. — Я желаю с тобой говорить.

Услышав эти слова, Артур тряхнул поводьями и пустил лошадь вперед. Мы с Каем двинулись следом.

На саксонском берегу нас сразу окружили телохранители Эллы — хускарлы, двадцать свирепых великанов, которых и отбирают за рост и храбрость. Их синие глаза не выражали ничего, кроме ненависти.

— Кто ты... Wealas? — брезгливо произнес Элла. Он собирался сказать что-то оскорбительное и, клянусь, получил бы за это башмаком в рожу, но ему достало ума сдержаться.

— Я Артур, боевой предводитель Британии. Приехал предложить мир тебе и твоему народу.

Элла задумался, разглядывая наш лагерь за рекой. Нас было меньше двух сотен — из британских королей один Меуриг соизволил поехать с нами. Элла, разумеется, видел нашу малочисленность, и она говорила не в пользу Артура.

— Ты настолько силен?

Станный вопрос. Внезапно до меня дошло: Элла и впрямь растерян. Он не знает, что думать об Артуре.

Я начал видеть дело его глазами. Британский вождь выезжает на встречу огромному воинству с небольшой дружиной, безоружный, и предлагает мир — чистой воды безумие. Или этот вождь на самом деле очень, очень силен — настолько силен, что не нуждается в большой дружине и поддержке остальных британских владык. Но кто обладает такой силой?

— Я такой, каким ты меня видишь, — отвечал Артур, еще больше смутив сакса. Что означает такой ответ?

Дождь не переставал, по нашим лицам текли струйки воды. Варвары словно не замечали их.

— Идем, посидим в сухом месте, поговорим.

Элла довольно долго смотрел на Артура, принимая решение. Потом, резко кивнув, он повернулся и что-то гаркнул на своем мерзком наречии. Хускарлы повернулись как один и быстро пошли назад. В тот же миг все войско двинулось прочь от реки.

— Мы пойдем в мой стан, — объявил Элла и зашагал вперед, показывая дорогу.

Саксы разбили лагерь неподалеку — через долину и холм к востоку от Уз. По пути мы миновали сожженное поселение, и это было тяжело. Ни Кай, ни Артур не смотрели на обугленные остатки домов, но я видел, как оба они крепче стиснули поводья.

Я уже говорил, что саксонский стан — гнусное место. Варвары оскверняют все, к чему притронутся, даже землю, на которой сидят. Несколько шалашей из травы и веток да грубых шатров из звериных шкур стояли большим кругом, посреди которого горел костер. На земле рядом с обглоданными костями валялись разрубленные бараны и коровьи туши. Пахло мусорной ямой и нужником.

Ближайший шатер принадлежал самому Эллу — туда и направился предводитель варваров. Мы спешили у входа и последовали за ним. Это оказалась темная, сырая, вонючая нора, но от дождя она защищала. Мы сели на голую землю — Элла опустился на бычью шкуру — и стали ждать, покуда раб установит факелы по обе стороны от предводителя саксов. Я заметил, что раб — галл, но не сомневался, что в лагере есть и рабы-бритты.

— Что ты хочешь мне сказать? — спросил Элла.

Так начались переговоры. Вождь саксов не считал нужным пригласить советников. Если не считать гадателей, которых они весьма почитают, варварские правители редко совещаются с подчиненными.

— Вот что я хочу тебе сказать, Элла, — легко и уверенно начал Артур. — Земли, которыми ты нынче владеешь, тебе не принадлежат. Это британские земли. Чтобы их заполучить, ты убил наших людей и сжег наши селения.

Элла грозно нахмурился и открыл было рот, но Артур поднял руку и продолжал:

— Я мог бы потребовать жизнь твою и твоих людей в уплату за причиненное зло. Я мог бы двинуть на тебя все воинство Британии и одержать верх. Ты был бы убит.

Элла нахмурился еще сильнее.

— Другие пытались. Меня не так-то легко убить. Может, я тебя убью.

— Может. Возможно, мы оба будем убиты, и все наши воины вместе с нами. И что потом? Против вас поднимутся другие вожди и правители. Война будет длиться, пока не полягут все.

— Мы готовы к войне, — упрямо пробормотал Элла.

— Но ее можно избежать, — промолвил Артур. — Можно заключить мир между нами, между нашими народами. Кровавопролитию придет конец, а захваченные земли останутся в твоём владении.

— Как это может быть? — с опаской спросил сакс.

— Я дам вам землю, — ответил Артур, — в обмен на твою клятву.

— Какую клятву?

— Не воевать против моего народа. Это первое. — Артур пальцем провел по земле черту. — Оставаться по эту сторону Уз.

Он провел вторую черту. Элла внимательно следил за ним.

— Что еще?

Артур провел третью черту и сказал:

— И вернуть тех моих сородичей, кого вы обратили в рабство.

Элла с подозрением разглядывал черты на земляном полу, словно это уловка, которой Артур хочет его поймать.

— Если я не соглашусь? — сказал он наконец.

— Ты будешь мертв еще до Бельтана.

Сакс набылчился.

— Я не боюсь.

— Я боевой вождь Британии, — напомнил ему Артур, — и усмирил всех, кто восстал против меня. Я добьюсь мира для этой земли, Эллы. Сегодня я предлагаю мир по доброй воле... завтра я завоюю его мечом.

Это было сказано с такой убежденностью, что Элла нимало не усомнился в словах Артура. Несколько мгновений он смотрел на дождь, потом встал и вышел наружу.

— Скоро мы получим ответ, — сказал Артур.

Мы с Каем неуверенно переглянулись, не зная, что и сказать. Снаружи стучал дождь, заполняя водой следы. Наши лошади стояли мокрые и несчастные, опустив головы, с их грив бежали ручьи.

— Не тревожься, брат, — сказал Артур. Я повернулся и увидел, что он смотрит на меня. — Верь. Мы делаем Божье дело, и Он нас не оставит.

Я кивнул, попытался выдавить улыбку, но только пожал плечами.

— Интересно, так и будет сегодня лить весь день? — пробормотал Кай.

— С чего бы сегодняшнему дню быть лучше других? — отозвался я.

— Мужайтесь, — сказал Артур, — дождь нам только на руку. Никто не любит сражаться под дождем, тем паче саксы.

— Верно, — с сомнением выговорил Кай.

Мы сидели довольно долго, и я уже начал подумывать, что Элла про нас забыл. Однако, когда я уже собрался встать и размять ноги, снаружи послышался шум. Кто-то кричал, сбежалась изрядная толпа. В ответ на крик слышались шипящие угрозы на варварском наречии. Зазвенела сталь.

Я хотел встать, но Артур потянул меня обратно.

— Сиди. Нам встречать не след.

Он был прав, тем не менее мы, вытянув шеи, выглянули из-за полога. Я видел только спины столпившихся у костра варваров. Однако, судя по возгласам и бряцанию стали, там шел поединок.

Бой кончился так же быстро, как начался. С гудением — согласным или осуждающим, я не понял — толпа разошлась.

Через мгновение в шатре вновь появился Элла. Он был перепачкан глиной и тяжело дышал. Из глубокой царапины на груди капала кровь, но саксонский предводитель улыбался, опускаясь на бычью шкуру. Он взглянул на Артура, и на широком лице мелькнула слабая тень чувства. Не знаю, что это было. Гордость? Раскаяние? Благодарность?

— Будь по-твоему, — сказал наконец Элла.

— Ты не пожалеешь об этом, Элла, — промолвил Артур. — Верь мне, я прослежу, чтобы твоим людям не чинили обид.

Поднялся полог, вошел сакс с круглым щитом, на котором стояли два длинных рога — у варваров такие в большой цене. Щит поставили между Артуром и Эллой.

Элла поднял кубок и подал Артуру.

— Was Hael! — произнес он и, взяв другой кубок, одним глотком проглотил содержимое. Артур отпил и передал кубок мне. Я пригубил кислотоватую бурду и протянул рог Каю, которому пришлось допить остальное.

Элла смотрел на нас и сопел, потом, схватив кинжал, набросился на бычью ляжку, отхватил кусок и протянул Артуру. Второй кусок он отрезал себе и принялся пожирать мясо, отрывая его зубами.

Артур несколько раз откусил и передал мясо мне, а я, в свою очередь, Каю.

Элла по-прежнему смотрел на нас и, когда мы закончили, одобрительно засопел. Я понял, что это какой-то ритуал. Теперь, когда он завершился, Элла смотрел на нас с неожиданным расположением. Он указал рукой на кубки, и слуга, собрав их, вышел вместе со щитом.

— Мы вместе пили пиво и ели мясо, — сказал Элла. — Теперь я принесу клятву, которую ты просишь.

Артур покачал головой.

— Не клянись, просто скажи мне, что будешь соблюдать мир, как мы с тобой порешили.

— Буду соблюдать, — отвечал Элла, — и люди мои тоже.

— Хорошо, — с улыбкой промолвил Артур. — Мир наступил. Да будет проклят тот, кто его нарушит.

Предводитель саксов смотрел недоуменно. Он медленно покачал головой.

— Какой залог ты возьмешь?

— Я не прошу залога, но верю, что ты будешь всеми силами хранить мир, заключенный сегодня нами.

Элла на мгновение задумался, потом тряхнул головой, встал и жестом велел нам следовать за ним. Мы вышли и увидели стоящую под дождем девушку. Ее тонкие плечи укрывала мокрая шкура. Элла объяснил, что это дочь его сестры, ближайшая родственница, которую он, по саксонским обычаям, призван беречь, как зеницу ока.

— Ее зовут Бехрта, — сказал Элла, подзывая племянницу. — Вручаю ее вам. Если я нарушу мир, убейте ее.

Артур медленно покачал головой.

— Я вижу всю искренность твоих намерений. В заложниках нет нужды.

Но предводитель саксов стоял на своем.

— Это не для меня, *Wealas*, это для них. — Он указал на застывших в ожидании воинов. — *Они* должны знать, чем я поручился за этот мир.

Теперь и я понял, в чем дело. Девушка из знатного саксонского рода, со временем она может стать королевой у своих соплеменников. Отдавая ее Артуру, умный вождь, как мог, скреплял заключенный мир.

Артур повернулся к Каю.

— Она едет с нами. Посади ее на мою лошадь.

Кай подошел, ласково взял девушку за руку и повел к лошади.

— Поедешь со мной к Окте? — спросил Артур, вновь поворачиваясь к Элле. — Я хочу и с ним заключить мир на тех же условиях.

— Завтра поедем, — кивнул Элла.

Мы сели на коней и повернули к реке. Проезжая через лагерь, я увидел нагое тело сакса, которого Элла убил во время короткого спора возле палатки. Судя по зарукавному браслету на правой руке, это был один из воевод. Кровь еще бежала из раны в его груди.

Мирддин стоял на дальнем берегу, ожидая нашего возвращения. Когда мы показались на вершине холма, он бегом бросился в воду и встретил нас уже по ту сторону брода.

Артур с радостным воплем прыгнул на землю и сгреб Мирддина в охапку.

— Я молился за вас до самого этого мига, — сказал Мирддин и, взглянув на девушку, добавил: — Не буду спрашивать, как дела, вижу, что хорошо.

— Так захотел Элла, — промолвил Артур. — Я не желал брать заложников, но он был непреклонен. Сказал, что его люди должны знать цену заключенного мира.

Мирддин покусал губы.

— Умно. Да, понимаю. А если с ней что случится, у него будет повод нарушить мир. Его решение — обоюдоострый меч.

Они направились к броду и на середине реки вдруг разразились хохотом. Их смех, подхваченный эхом, звенел по всей долине. О, они все очень хорошо продумали, эти двое.

Я смотрел на Артура и Мирддина, которые, обнявшись за плечи и вздымая брызги, шли по воде, и меня разобрал такой же дурацкий гогот. Я рассмеялся вслух. Кай поглядел на меня — и тоже покатился от смеха!

Мы справились! Мы побывали в логове льва и вышли, держа в руке клочок его бороды! Бывало ль такое прежде?

А главное, удастся ли это во второй раз?

ГЛАВА третья

Элла со своими хускарлами прибыл в наш лагерь на заре следующего дня, и мы вместе тронулись на юг вдоль реки Уз. Ехать пришлось медленно, чтобы держаться вровень с пешими саксами. Они боятся и не любят коней. Так что путешествие с самого начала получилось скучным, тем более что Артур решил обойти Лондон стороной.

Зато хоть погода прояснилась. Как и прежде, мы разбили лагерь у брода через реку — на этот раз Стур — и стали ждать Окту. И он пришел, в точности как до того Эллы.

Окта пожаловал вместе с родичем Кольгримом, и мы встретили его у брода — вместе с Эллой. Это вызвало некоторое смещение на том берегу, где стояли со своими дружинами Кольгрим и Окта. Я видел, как они соображают: что это значит? Элла перешел на сторону врага? Взят в плен? Но где тогда британское воинство?

Артур дал им время помучиться сомнениями, потом, как и прежде, выехал на середину реки и крикнул:

— Окта! Кольгрим! Я хочу говорить с вами!

Кольгрим посоветовался с Октой, и тот ответил:

— Зачем ты приехал?

Он не сводил глаз с Эллы, который стоял среди нас с топором на бедре.

— Хочу заключить мир.

Кольгрим и Окта удивленно переглянулись. И вновь ответил Окта, указывая на Эллу:

— Пусть Элла подойдет, мы будем говорить с ним.

— Элла волен идти, куда пожелает. — Артур простер руку к предводителю саксов, и тот пошел по воде к сородичам.

Некоторое время все трое стояли и разговаривали, то и дело показывая на нас и сильно размахивая руками.

Потом Элла повернулся и сделал нам знак подъехать. Едва выехав на тот берег, Артур спешился и бросил поводья Каю. Саксы смотрели

на него с подозрением — не кроется ли за всем этим западня, однако вид британского военачальника, который без оружия смело идет к ним, возбуждал невольное любопытство. Что делает этот безумец?

— Я Артур, — сказал он им, как раньше Эллу, — боевой вождь Британии, пришел предложить мир вам и вашим людям.

Кольгрим и Окта устали сперва на него, потом на Эллу. Они что-то сказали Эллу на саксонском наречии. Элла ответил и с улыбкой положил руку Артуру на плечо.

Потом, прежде чем кто-нибудь из нас успел охнуть, он выхватил из-за пояса нож и приставил Артуру к горлу.

Западня! Артур беззащитен. Кольгрим ухватился за кинжал. Окта взмахнул топором и приготовился дать сигнал войску.

Но не успел Окта издать клич — не успели мы с Каем броситься Артуру на выручку, — как Элла опустил кинжал и протянул его Артуру рукояткой вперед. Потом поднял клинок, зажатый Артуром в руке, и приставил к своему сердцу.

Полное изумление было написано на лицах саксов. Кольгрим и Окта смотрели широко раскрытыми глазами, будто только что видели немыслимое чудо. Да, наверное, так оно и было.

В следующий миг все саксы уже говорили одновременно, трогали Артура и молотили его по спине. Своим простым, хоть и страшным жестом Элла достиг большего, чем дал бы целый день уговоров.

— Я думал, мы осиротели, — шепнул я Каю, вытирая лоб. Кай только хмыкнул и закатил глаза.

Итак, мы сели и начали переговоры. Как и Элла, Кольгрим с Октой приняли предложенный мир, после чего приказали нести еду и вино, и мы разделили трапезу — так саксы показывают мирные намерения.

Когда с этим покончили, Кольгрим встал и объявил — по большей части через Окту, который немного владел нашим наречием, — что устраивает пиршество в честь заключенного мира. Я был в ужасе. Пировать с саксами! Ни за что!

Однако пришлось. Артур настоял, Мирддин согласился.

— Надо уважить их доброе намерение, — сказал он. — Вы не умрете, если посидите рядом с саксами за пиршественным столом.

— И все равно, — зловеще проворчал Кай, — я возьму меч.

Артур разрешил нам взять кинжалы, но не мечи, не копья и не щиты.

— Не по-мирному это будет, — сказал он.

Ну так вот, все оказалось не так плохо, как я боялся... а много хуже!

Вообразите! Во-первых, для саксов пир — выложить на стол груды плохо прожаренного мяса и жрать до отвала, бочонками поглощая кислятину, которую они называют пивом. А когда все упьются, начинают мутузить друг дружку. Двое главных силачей выходят на середину, остальные встают кружком и принимают их науськивать. Главная цель, как я понял, — чтобы один искалечил другого на всю жизнь. Вопли, крики, сопение — все для того, чтобы кинуть собрата в костер.

Когда представление заканчивается, все в изнеможении валятся на пол, и кто-нибудь из их бардов — или скальдов, как это у них зовется, — выходит и заводит преотвратительный вой. Саксы в упоении молотят кулаками по полу, так это им нравится. От воплей, которыми они сопровождают каждое слово, может оглохнуть пень.

Короче, саксонский пир омерзителен сверх всякой меры. Но что взять с варваров?

Я думал, мы вернемся в Каер Мелин. Добившись летней передышки от саксонских набегов — столько, прикинул я, продержится мир, — было бы естественно уведомить об этом мелких королей и выслушать их ответ. Как Бог свят, я не сомневался: едва владыки Британии услышат о том, что совершил Артур, на наши головы посыплется град упреков.

Заклучил мир с саксами? Его сделали предводителем для того, чтобы истребить их проклятый род. А он что? При первой же возможности дарит им захваченные земли.

Итак, я думал, мы вернемся в Каер Мелин и будем ждать, когда разразится буря. Но я ошибся. Мы отправились в Лондон и сели на корабль, держащий путь к северу, к Оркадским островам. Мы — это Артур, Мирддин и я. Пеллеас и Кай повели дружину в Каер Мелин, чтобы там дожидаться Борса.

Делать на корабле было нечего, и я сумел вытянуть из Артура, чего ради он вздумал предложить мир исконным врагам Британии.

— Вот уже более трехсот лет мы воюем с саксами, пиктами, ирландцами и скоттами. Подумай, Бедуир! Ни одно поколение на этом острове не видело мира, — сказал Артур, стоя на палубе и глядя, как вздымается и опадает линия берега.

— Господь с тобой, Артур, да на всей земле ни одно поколение не видело мира!

— Может, и так, — согласился он, — но это не значит, что так должно быть всегда. Я верю, мир возможен, просто кто-то должен начать.

— Ты начал, Медведь. Только не жди, что наши князьки осыплют тебя золотом. Скорее уж сталью.

— Бойню надо остановить. Если мне придется терпеть обиды, что ж, я буду терпеть их с радостью. Но войне пора положить конец. — Он улыбнулся. — Помни, что и наш Спаситель претерпел ради людей.

Я тряхнул головой и взглянул на серые волны, слушая протяжные крики летящих за нами чаек. В том, что говорил Артур, безусловно был смысл. Однако я-то знаю Артура — Господь свидетель! — и не могу поверить, что он так наивен, доверчив и безыскусен.

— Ты мне не веришь? — спросил Артур, чуть помолчав.

И тут-то я все высказал.

— Я верю тебе, Медведь, и, клянусь, молю Бога, чтоб ты оказался прав. Но это так на тебя не похоже. — Я повернулся и увидел, что его голубые глаза устремлены на меня, а в уголках рта притаилась улыбка. — Думаешь, это смешно? Я так не думаю. У меня от страха мурашки бегут по коже. Еще бы! Мы отдали земли нашим заклятым врагам — о чем Вортигерн в славе своей даже не помышлял. И все же мы это сделали, не прося взамен ничего, кроме посулов. Саксонских посулов! — выпалил я и замолк.

— Ты думаешь, я осел. — Голос Артура был тих.

— Бог с тобою, Артур, я знаю, что ты не осел. Вот что меня и тревожит. Ты сам не свой с тех пор, как съездил в Инис Аваллах.

Артур медлил с ответом, глядя вдаль, и лицо его было сурово, как береговые утесы.

— Что случилось с тобой в Инис Аваллахе? — спросил я, не зная, ответит ли он. В первый миг показалось, что не ответит.

Однако он, постояв, простер руки к далекому берегу и сказал:

— Мне было видение, Бедуир. Я видел землю, напоенную светом. Я видел землю, благословенную Богом, где все люди живут, как братья и родичи. Я видел землю — *эту* землю, Британию — в мире под управлением Справедливости и Добра. Я видел это и многое другое. И я поклялся воплотить видение в явь, Бедуир. Жизнь моя — жертва Летнему Царству, ибо я — Повелитель Лета.

Что было на это сказать? Видение значит видение. Но так ли его надо воплощать?

Внезапно Артур рассмеялся.

— Так что, может, я и в самом деле осел?

— Видит Бог, Медведь, я не знаю, что мне и думать.

— Я еще кое-что расскажу тебе, ладно? — Он поднял голову к береговым обрывам. — Ты ведь знаешь, север очень далек от юга.

— Прекрасно знаю. Иначе мы неплыли бы на этой дырявой посудине.

Он кивнул и продолжил все тем же шутливым тоном:

— Никто еще не придумал, как сражаться с пиктами и англами на севере и отражать саксонские набеги на юге. Господь свидетель, я не могу быть в двух местах сразу.

— О чем ты?

— Победу надо одержать на севере. Там мы или завоюем, или утратим свою свободу. — Артур прочитал сомнение на моем лице. — Не веришь? Тогда подумай: нашествия всегда начинались на севере. Оттуда лежит кратчайший путь к сердцу Британии. Римляне это поняли, как и невозможность его защитить. — Он указал рукой на извилистый берег. — В этом море десять тысяч заливов и бухт, и в каждой легко укрыться Морским волкам. Им достаточно пристать к берегу, и пикты с радостью их примут.

— Кольгрим и Элла напали с юга, — возразил я.

— Вот как?

— Ты сам знаешь, что так.

— И ты, как все остальные? Думай, Бедуир! Как смогли они атаковать так быстро, так слаженно?

Я оторопело смотрел на Артура.

— Саксония так далеко! Путь по морю очень труден — а они сходят на берег и сразу в бой? Невозможно. Что же они сделали? Думай, Бедуир!

— Думаю, Артур! Что же они сделали?

— Все очень просто! Они высадились на севере и перезимовали, потому что там их дожидались друзья. Они объединились с теми, кто приплыл раньше, скопили за лето корабли, людей и оружие. А уж потом, подготовившись, напали на слабые южные укрепления. — Артур мрачно улыбнулся. — Как я и сказал, самый быстрый, самый верный путь на юг лежит через север.

Да, Артур сказал правду. Я раньше об этом не задумывался, но сразу понял его правоту. Более того, я узнал прежнего Артура, о чем ему и сообщил.

— Ты думаешь, я захотел мира, потому что разучился сражаться?
— Он медленно покачал головой. — Я не изменился, мой друг, по крайней мере, настолько.

— Так что мы теперь делаем? Чего сможем добиться на севере мы трое?

— Будем держать совет с королем Лотом Оркадским. У него много кораблей и сильная дружина. Узнаем, захочет ли он меня поддерживать.

— Корабли? Кони у тебя есть, теперь корабли понадобились?

— Мне нужно столько кораблей, сколько я смогу раздобыть, — все, что согласится дать Лот. Остальные я намерен построить. Мне нужен флот, как тот, с каким Цезарь приплыл на Остров Могущественного.

— Но мы не можем сражаться на море.

— Еще как можем. Чему надо, научимся. Даже если не придется сражаться на море, нужен способ доставлять людей и коней быстрее, чем сушей. Это слишком медленно, а...

— Знаю, знаю: север очень далек от юга, а ты не можешь быть в двух местах сразу.

Артур улыбнулся и хлопнул меня по спине.

— Молодец! А мне уж стало казаться, что ты тугодум. — Он расправил плечи и потянулся. — Что-то в горле пересохло от долгого разговора. Надо смочить.

Я смотрел, как он идет по палубе, и думал: "А действительно ли я знаю этого человека?". Он обернулся и спросил:

— Ну что, не хочешь?

Не в моих правилах отказываться от кубка, и я поспешил за ним вслед.

Оркады — нагромождение голых скал, торчащих из Северного моря, словно головы и плечи исполинских утопленников. Они покрыты редкой жесткой травой, так что тощим овцам есть что пощипать. Как-то не верится, чтобы тут обитал славный король. Россыпь деревушек язык не повернется назвать королевством. И все же владыки Инисоедд Эрх испокон веков относились к своей земле с неукротимой, но понятной гордостью.

Я гадал, как-то нас тут встретят. Конечно, Лота должно обрадовать предложение дружбы с югом. Его положение и в лучшие-то времена было не слишком завидным — от южных королей его отделяли

пикты и англы. Правда, поговаривали, что живет он за счет торговли и дружбы с англами и саксами. Впрочем, не припомню, чтобы кто-нибудь сказал такое Лоту в глаза.

Когда наш корабль подходил к Ллискайту, где над каменистой бухтой высится крепость Лота, тучи набежали на солнце, свет потускнел. Над водой пронесся ветер, и меня передернуло, но, думаю, не только от холода.

От крутого берега навстречу нам отошла лодка. Кормчий окликнул нас и спросил, что нового. Кто-то из корабельщиков ответил, потом Мерлин попросил доставить нас к королю Лоту.

Кормчий охотно согласился, а вот нам пришлось без всякого достоинства переваливаться через борт в лодку. На берегу нас уже встречали.

— Привет вам и Божье благословение, государи мои, если вы пришли с миром, — произнес первый из встречающих.

Он говорил учтиво, но я видел за поясами у них длинные ножи и мечи.

— Храни вас Бог, — отвечал Мирддин, — лишь мира мы и хотим.

— Тогда добро пожаловать. Засвидетельствуете ли вы почтение королю?

— С превеликой охотой. Скажите королю Лоту, что военный предводитель Британии прибыл, чтобы держать с ним совет.

Советник Лота склонил голову набок.

— Значит ты — тот самый Артур, о котором мы слышали?

Мирддин покачал головой и указал на своего юного спутника.

— Вот Артур.

Осторожная заинтересованность на лице советника сменилась недоверчивым изумлением:

— Ты? Ты — Артур?

— Я, — отвечал предводитель.

— Мы проделали долгий путь и устали с дороги, — напомнил Мирддин.

Советник тут же повернулся к нему.

— Прости, Эмрис. Прости, я... — начал он, поскольку понял, кто в таком случае Мирддин.

— Не стоит извинений. Прошу, отведи нас к Лоту.

— Конечно, Эмрис.

Советник повернулся, и нас повели по длинному, вырубленному в скале проходу к каеру, обнесенному каменной стеной и окруженному

зарослями можжевельника. Ворота были открыты, и мы вошли в маленький, чисто убранный двор.

Лот стоял посреди двора, скрестив руки на груди, и смотрел на трех лошадей, привязанных у коновязи. Когда мы вошли, он повернулся к нам, и выражение его лица мгновенно переменилось — не скажу, чтобы в лучшую сторону.

Хотя он тут же раскинул руки и обнял Мирддина, я невольно подумал, что радушие это показное.

— Мирддин, ты хорошо выглядишь. Давно мы с тобой не виделись. Добро пожаловать в гости. — Лот улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

— Спасибо, — отвечал Мирддин. — Вижу, Бог тебя не обидел. Ты процветаешь.

Лот кивнул, но не ответил и резко повернулся к Артуру.

— А это может быть только предводитель Артур, о котором все говорят. — Он так же холодно приветствовал Артура, потом взглянул на меня.

— Я Бедуир, — представился я. — Храни тебя господь, король Лот.

— А, Бедуир ап Вледдин из Регеда. Мы и о тебе слышаны. — Лот испустил натушный смешок. — Не удивляйся. Мы не так отрезаны от мира, как кажется. Думаю, в торговле эти маленькие острова уступают одному Лондону. Мы много слышим и видим то, что ускользает от других.

— И впрямь вы многое знаете, — сказал я, — если слышали даже обо мне.

Покончив с любезностями, Лот вновь перенес внимание на лошадей, объяснив:

— Этих жеребцов прислал мне купец из Монота. Я не вижу в них никакого изъяна, и все же они мне не нравятся. — Король повернулся Артуру. — Может быть, ты покажешь, что я недоглядел.

— Помогу, если сумею, — сказал Артур. Он обошел жеребцов, поглаживая и ощупывая каждого. Я тоже разбираюсь в лошадях, поэтому стал смотреть вместе с ним.

— Эти по бокам — неплохи, хоть и жидковаты в крупе. Они быстроноги, но, впрочем, будут быстро утомляться на бездорожье. Я бы выбрал того, что посередине.

— Этого? По мне, так он хуже всех.

— Он еще молоденький, — ответил Артур, — подрастет, нагуляет силу.

— Посмотри, как он стоит — словно ноги болят, — возразил Лот, проявляя себя куда большим знатоком, чем объявил вначале.

— Дело в подковах, — объяснил Артур. — Думаю, его подковали наспех перед тем, как привезти сюда.

Лот подошел к жеребцу, нагнулся, поднял ему переднюю ногу и осмотрел копыто.

— Верно, — сказал он, отпуская ногу. — Подкова велика, гвозди забиты кое-как. Чудо, что он вообще стоит.

— Прикажи его перековать и увидишь другого жеребца.

— Молодец, предводитель Артур, в конях ты разбираешься, — сказал Лот, внимательно разглядывая Артура. — А как начет кораблей?

— Я знаю, что на корабле быстрее, нежели верхом, можно до-мчаться до дальнего берега, где затаился враг. Знаю, что ирландцы и англы приплывают на кораблях, значит, чтобы их остановить, тоже нужны корабли. Знаю, что оркадские мастера строят самые быстрые корабли на Острове Могущественного. — Артур помолчал и пожал плечами. — Больше, признаюсь, я не знаю о них ничего. Вот почему я здесь.

Лот, сузив глаза, смотрел на Артура, словно пытаясь заглянуть в глубь сказанного. Видимо, удовлетворившись, король указал рукой на свои палаты.

— Идем, предводитель Артур. Думаю, нам надо поговорить.

ГЛАВА четвертая

— Римских времен кораблей в Муир Гуидане не строят, — сказал Артур, — но верфи сохранились — я видел их на Фиортском заливе возле Каер Эдина. Рыбаки зимой держат там свои лодки и время от времени строят новые.

Лот в глубокой задумчивости кивнул.

— Если все так, как ты говоришь, можно справиться. — Он надолго замолчал. — Есть рядом хороший лес?

— Столько, что можно построить десять тысяч ладей, и еще останется.

— Моим мастерам надо будет вернуться к зиме, чтобы чинить мои собственные корабли.

— Охотно позабочусь об этом. Что ты сказал?

— Я сказал, начинай подыскивать кормчих, и у Британии скоро вновь будет флот.

Предводитель, сияя, испустил ликующий вопль, и обычно ледяной Лот оттаял в лучах Артуровой радости. Он протянул руку к Мирддину, словно прося того благословить их с Артуром союз. Мирддин в качестве одобрения похлопал Лота по спине и сказал:

— Единение сильных властителей будет к поражению врага. Хвала Щедрому Богу!

Лот велел кравчим нести вино и подавать трапезу, хотя небо на западе еще не погасло. Здесь, на севере, солнце заходит поздно, а в середине лета и вовсе не заходит всю ночь!

Мы выпили и заговорили о том, как и где можно с большим толком использовать корабли. Я заметил, что Мирддин отставил кубок, встал и удалился. Я немного подождал и вышел вслед за ним.

Он стоял посреди двора, глядя в огромное северное небо.

— Что не так, Мирддин? — спросил я, подойдя к нему.

Он отвечал, не спуская глаз с безоблачного янтарного свода.

— Артур получил свои корабли — или скоро получит, Лот — наш союзник, что может быть не так?

— Ты не доверяешь Лоту. Почему? — Я пустил стрелу наугад, но неожиданно попал в цель.

Мирддин перестал изучать небеса и перевел на меня все тот же пристальный взгляд.

— Я его не знаю. Трудно полностью доверять тому, кого не знаешь.

Ответ прозвучал убедительно, однако я хорошо изучил Мирддина. За этим крылось что-то еще.

— Он уже доставлял тебе неприятности, — снова наугад попробовал я.

— Неприятности? — Мирддин направился к воротам крепости — они стояли открытыми. Я пошел рядом. — Нет, но он часто меня озадачивал. Ты, наверное, слышал, что меня хотели провозгласить Верховным королем. Да, очень немногие, но среди них Лот. Однако если у остальных были на то какие-то причины, то у него — нет... Я тогда очень удивился и удивляюсь до сего дня.

— Ты подозреваешь измену?

— Подозреваю ли... — Мы прошли в ворота и направились к морю. На галечном берегу Мирддин остановился и стал смотреть в сумеречную даль. Волны плескались о камни, пахло солью и гниющими водорослями. Мы довольно долго стояли рядом, потом Мирддин перевел на меня свой золотистый взгляд.

— Ты малый толковый, — сказал он. — Что думаешь о Лоте? Доверяешь ли ему ты?

Теперь наступил мой черед медлить с ответом. Доверяю ли я Лоту? Что я о нем думаю? Я, стараясь быть честным, мысленно взвесил многочисленные свидетельства за и против.

— Ну?

— Мне кажется, — медленно начал я, — король Лот не привык, чтобы людям с ним было хорошо. Вероятно, его терпят и наверняка слушаются — он как-никак король. Однако не любят. Возможно, у него совсем нет друзей.

Мирддин кивнул.

— И почему, как ты думаешь?

Ну, живя на дальних островах, отрезанных от остального мира морем и безлюдными северными пустошами, трудно поддерживать дружбу со знатными южными семействами. По этой-то, да и по другим причинам южные владыки к северянам всегда относились с предубеждением: они-де глупы, грубы и невежественны. Немногим лучше пиктов, а то, может быть, и хуже.

Судя по Лоту и его людям, это всего лишь пустые предрассудки, и здешние обитатели просто не похожи на других. Да, несмотря на все отличия, они не менее учтивы и образованны, чем любой южный владыка и его свита. Однако жизнь на голой, окруженной морем скале воспитывает суровость, редкие встречи с южными соседями — осторожность и резкость. Если во всем искать скрытое оскорбление, непременно его найдешь.

Все это я подумал и высказал Мирддину.

— У короля Лота нет друзей, — заключил я, — потому что он всех подозревает в злом умысле. Нет, им движет не коварство, а мнительность.

— Да, мнительность. И еще кое-что: гордость.

— Мнительность и гордость, — сказал я, — две собаки, которым плохо лежит рядом.

— Верно, — кивнул Мирддин. — И обеих лучше не злить.

Ну вот, подумал я, теперь ясно, что тревожило Мирддина.

— Однако беспокоит меня не это, — промолвил он.

— Не это? — Всегда он такой. Только думаешь, что расколол крепкий орешек, как он вытаскивает из кармана новый, еще крепче. — А что же?

— По правде сказать, Бедуир, это имеет малое касательство к Лоту и все же имеет самое прямое к нему касательство.

Вот это тоже его особенность: напускать таинственность. Мирддин обожает загадки и парадоксы.

— Мало, много, — кисло заметил я, — так мы и к утру не закончим.

— Это отец Лота — точнее, жена его отца.

— Мать Лота, ты хочешь сказать?

— Разве я так говорил? Нет, я сказал, жена отца Лота. Король Лот-старший был женат дважды. Первый раз — на матери Лота, и она умерла. Второй раз Лот женился на женщине по имени Моргана.

— Говори яснее, Мирддин. Кто и что для нас эта Моргана?

И впрямь, сколько мы знакомы, это имя не разу не соскользнуло с его уст. Впрочем, про Мирддина многое неведомо.

Вместо ответа Мирддин спросил:

— Знаешь, почему эти острова прозвали Инисоедд Эрх — Острова страха?

Я оглядел неприятные скалы и серую крепость над морем. Оркады — дикое и сиротливое место. Вполне понятная причина для такого названия. Об этом я и сказал Мирддину.

— Нет. Это из-за нее, Морганы, Царицы воздуха и мрака.

Меня вообще-то нелегко испугать, но я не люблю, когда поминают лукавого, даже в шутку. Когда Мирддин произнес это имя, по коже пробежал холодок. Дуло с моря, но волосы на моей голове зашевелились совсем по другой причине.

— Ты ее знаешь?

— Да, но лучше бы мне ее не знать!

Это было произнесено с таким жаром, что я опешил. И еще я услышал в голосе Мирддина то, чего не слышал раньше: страх. Великий Эмрис боится Морганы, уж кто там она есть.

— Мирддин, — спросил я тихо, — кто она тебе?

Он резко повернул голову и вперил взор в меня. Лицо его кривила гримаса, глаза излучали боль.

— Она — моя смерть!

На следующий день принялись решать, как проще переправить мастеров на Фиортский залив. Артур и Лот сидели бок о бок в королевских покоях или расхаживали по крепости, целиком поглощенные своими замыслами и стратегиями. Видно было, что они крепко сдружились; между тем Мирддин час от часу становился все мрачнее.

Мне, глядя на него, тоже сделалось не по себе. Я видел, как он бродит на ветру по голым холмам или в мрачной задумчивости сидит на скале над морем. Он редко говорил в нашем обществе, ограничиваясь короткими ответами.

Артур словно не замечал этого. Но замечал я.

Дни проходили в вынужденном безделье. Время тяжело давило на мои плечи, мне не терпелось вернуться в Каер Мелин. Там у меня уйма дел — надо учить воинов, объезжать коней, запастись провиант и, не забывая, умиротворять разгневанных королей. Наверняка Пеллеас и Кай сбиваются с ног, пока я тут изнываю от скуки.

С каждым днем я все больше мечтал хоть о каком-нибудь занятии. Наконец мое желание исполнилось, и я тут же об этом пожалел.

Ничто не предвещало беды. Как-то утром на заре вдали показался корабль. Он направлялся в бухту. В королевских палатах засуетились, кто-то отправился на берег. Не успел корабль бросить якорь, как пришла весть: ирландцы высадились и продвигаются вглубь суши, чтобы соединиться с пиктами.

Услышав это, я бросился к Лоту — они с Артуром как раз заканчивали дела — и едва не наступил на пятки королевскому советнику, объявившему:

— Государь Лот, вернулся Гвальхмай с тревожным известием: множество Морских волков высадились на берег и пробираются дальше. Пикты на их стороне.

— Где они? — спросил Артур.

— В заливе Иревин.

Я оторопел: это совсем близко от моего родного Регеда.

— На Каер Трифан напали? — спросил я, но никто мне не ответил.

— Что с Гвальхавадом? — спросил Лот.

В этот самый миг распахнулась дверь, и поспешно вошел молодой человек в развевающемся сине-зеленом плаще. Черные волосы и горящий взор говорили о родстве с Лотом. Серебряная гривна на шее свидетельствовала о благородном рождении.

— Гвальхмай! — вскричал Лот. — Где Гвальхавад?

— Он вместе с нашим отрядом отправился вслед ирландцам — проследить, куда они двинутся. Не бойся, он обещал держаться на расстоянии.

На лице Лота проступило облегчение: так волноваться может только отец о любимом сыне. Через мгновение догадка подтвердилась. Лот повернулся к Артуру и сказал:

— Предводитель Артур, познакомься с моим сыном Гвальхмай, он только что вернулся из Манау, с которым мы торгуем.

Юноша — мой или Артура однолетка — приветственно склонил голову.

— Предводитель Британии, — сказал он, — я давно стремился тебя увидеть, хотя и не ожидал, что могу встретить здесь.

— Привет тебе, принц Гвальхмай. Что еще ты можешь рассказать нам об этом вторжении?

— Ирландцы вошли в залив Иревин и двинулись вверх по реке. Мы насчитали тридцать ладей. Похоже, они собирают силы. Думаю, кого-то поджидают.

— Род Тара начал войну, — сказал Мирддин, выступая из тени очага. — Они ждут, когда подтянутся другие племена.

— Они не нападут до летнего солнцеворота. У нас еще есть время, — молвил Артур.

— Не так много, — заметил я.

До середины лета оставалось менее месяца.

Артур повернулся к королю.

— Государь Лот, мне понадобятся твои корабли раньше, чем я думал.

— Они твои, — отвечал Лот, — как и моя дружина.

— Распоряжайся мной, предводитель Артур, — сказал Гвальхман.

— Мой корабль готов и ждет в гавани.

— Коли так, отплывем на заре.

Мы надеялись схватиться с ирландцами до того, как к ним подойдет подкрепление, да вышло не по-нашему. Из Каер Мелина Артур сразу разослал гонцов к британским королям, созывая их дружины. Его кимброги, ясное дело, собрались молниеносно, их Артур отправил вместе с большей частью коней под предводительством Кая, Пеллеаса и Меурига. Другие короли медлили.

Бог им судья, они сердились на Артура за мир с Эллой, Октой и Кольгримом и в отместку не торопились с помощью. К тому же им не хотелось защищать север силами своих воинов. Кому нужны эти вересковые пустоши да болотные кочки! Пусть достаются ирландцам и пиктам — так они думали.

В конце концов им все равно пришлось сдержать слово. Итак, через четыре дня после летнего солнцеворота мы собрались на заре на берегу Абертафф возле Каер Дидда — люди с конями, припасами и вооружением. С нами были три короля: Идрис, Бедегран и Маглос.

Старый епископ Гвителин и его прославленный ученик Тейло отслужили мессу. Из ближайшего монастыря пришел дать свое благословение чтимый подвижник Иллтид. Старец укрепил нас чтением Священного Писания и поручил защите Господа Иисуса. Потом мы все преклонили колени прямо на прибрежном песке, под плеск прибоя и звуки чаек. Мы стояли на коленях, все как один, и молились Всемогущему Богу о скором плаванье и еще более скорой победе.

Закончив молитву, все встали и запели хвалебную песнь Спасителю Богу. А я скажу вам, нет ничего красивей, чем пение кимров. Нас было три тысячи человек, и громкий же глас летел к Престолу Всевышнего!

И вот, когда солнце поднялось над холмами за Хабренским заливом и первые алые лучи протянулись над водой, мы погрузились на корабли и отплыли на север. Общим счетом сорок пять ладей — по большей части принадлежащих королю Лоту, но и Артур сумел раздобыть еще несколько. Такого флота Остров Могуущественного не ви-

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

дел с римских времен! А ведь первый корабль самого Артура еще даже не заложили!

Сорок пять кораблей! Господи Иисусе, вот это было зрелище!

ГЛАВА пятая

Под вечер мы вошли в Ирвинский залив и разбили лагерь на берегу. Больших костров не разводили, по холмам вокруг бухты расставили дозорных на случай, если где-то поблизости затаились ирландцы. Однако ночь прошла спокойно.

На заре следующего дня двинулись вперед на соединение с Каем и кимброгами. Встречу назначили в месте, которое я хорошо знал: у брода, где сливаются, сбегая с гор на равнину, реки Ирвин и Глейн.

Селений в этих краях нет — жители давным-давно перебрались отсюда, спасаясь от постоянных набегов. Мы выстроились в две колонны по римскому образцу: впереди ала — конница, за ней пехота, дальше обоз. Поскольку мы прибыли на корабле, то смогли взять лишь четыре воза и сто лошадей — много меньше, чем хотелось бы. Однако мы рассчитывали через день-два встретить Кая, а до тех пор продержаться.

Только подойдя к Глейну, мы осознали свою ошибку.

— Их, наверное, тысяч десять, — прошептал я.

Мы с Артуром выехали на гребень холма. Под нами в сгущающихся сумерках лежала долина Ирвина. Мы отправились на разведку — и не зря! Вражеский стан расползлся темным пятном в две стороны от брода. Дым от бесчисленных костров застилал небо.

— Ни разу не видел столько ирландцев сразу, — продолжал я. — Не думал, что их во всей Ирландии наберется так много.

— Здесь не одни ирландцы. — Артур, сощурился, всматривался вдаль. — Смотри, видишь, два лагеря, здесь и здесь? — Он указал на скопление людей слева. — Костры там больше и расположены по кругу. А здесь, — он указал на другое пятно, — костры меньше и разбросаны в беспорядке; это ирландцы.

— А кто другие? Саксы?

Саксы часто ставят лагерь кольцом вокруг большого костра.

— Англы, — отвечал Артур.

— Англы, саксы, какая разница? Все одно, варвары.

— Да, — мрачно усмехнулся Артур, — все они варвары. Но, будь это саксы, я бы знал, что Элла и Кольгрим нарушили мир.

— Слабое утешение, — заметил я. — Что будем делать, Медведь? Они встали там, где нам завтра встречаться с Каем.

— Встретимся с ним южнее.

— Что они там делают внизу?

— Ждут.

— Сам вижу. Ответь мне, высокий предводитель, чего они, по-твоему, ждут?

Артур легонько потряхнул головой.

— Не знаю, и это меня тревожит.

— Предложишь им мир?

— Да. Зачем сражаться за мир, если можно достичь его без кровопролития?

— Может быть, ты прав, Артос, — согласился я. — Молюсь, чтоб это было так. Но не думаю, что они сложат оружие и отплывут с миром. Они здесь, чтобы сражаться, и вряд ли отступят от задуманного.

— Боюсь, ты прав. — Артур поднял поводья и развернул скакуна. — Едем, расскажем Мирддину, что видели.

Наш лагерь был разбит всего в двух долинах от вражеского. Смеркалось, в ложбине было уже темно, хотя небо на западе еще догорало. Артур созвал королей в свой шатер и отдал приказ немедленно гасить костры.

Мирддин ждал подле палатки Артура и подержал поводья, когда мы спешили.

— Ну, как вам понравилось?

— Ты не предупредил, что их будет так много, — беспечно отвечал Артур, словно говорил о встреченном по дороге стаде овец.

— Сколько их? — спросил Мирддин, склоняя голову набок.

— Десять тысяч, — отвечал Артур.

— Точно? — удивился Эмрис.

— Я сам их пересчитал, — заверил я. — Всех до одного.

Мирддин медленно покачал головой.

— Так не должно было начаться. Я видел иначе.

— Неважно, — ответил Артур. — Нам же лучше.

В этот самый миг неспешно подошел Идрис, за ним показался Маг-лос.

— Будем держать совет в моем шатре, — сказал Артур, — только подождем Бедеграна.

Двое королей вошли в палатку, и Артур повернулся к Рису, своему арфисту и кравчему.

— Пусть принесут еду и пиво.

В шатре уже зажгли лампы. Красноватые отблески падали на грубую доску, служащую столом совета. На ней же стояли кубки, пока пустые. Идрис и Маглос сели один напротив другого, опершись локтями о стол.

— Что-то увидели? — спросил Идрис, когда я опустил на скамью подле него.

— Я видел долину Иревина, — отвечал я. — Занятное зрелище.

Король с сомнением взглянул на меня, потом пожал плечами. "Лучше камень спрашивать". Он отвернулся и вновь заговорил с Маглосом.

Я с симпатией отношусь к Идрису — во всяком случае, сумел преодолеть прежнюю неприязнь. Он хорошо обращается со своими воинами, те платят ему уважением. Жаль, что он поначалу встал на сторону Морканта и Цердика. Впрочем, он в этом раскаялся, поэтому и решил отправиться с нами. Он всячески стремился загладить свою вину и потому сражался за Артура с таким же пылом, как прежде против него.

Он был крепок, но худошав, волосы и усы носил длинные, по древнему кельтскому обычаю, и, хотя в жизни не переступал церковного порога, выучился читать у эборакских монахов.

Маглос, напротив, был почти такой же коренастый, как Кай, хотя далеко не такой рослый. На коне он сидел, как пень. Однако этот пень пустил глубокие корни. Маглос ап Морганог из древнего народа думониев обладал спокойной уверенностью своих соплеменников, происходящей от давней привычки к влиянию и богатству, но без их упрямой гордыни. К тому же он всегда был в добром расположении духа.

Нам впервые предстояло сражаться бок о бок, и я не знал, так ли легко они подчинятся Артуру, как вручили ему свои дружины. Что ж, увидим.

Приподнялся полог, вошли Артур, Гвальхмаи, Бедегран и Мирддин. Предводитель нес в руке кувшин с пивом. Он своею рукой налил кубки каждому из собравшихся и лишь после этого сел. Мирддин остался стоять за спиной Артура. Гвальхмаи опустил по левую руку от предводителя (по правую сидел я), Бедегран — напротив меня.

Артур поднял кубок и выпил одним махом, наполнил снова и оставил стоять.

— Мы не можем встретить Кая и Меурига у брода через Глейн, — сказал он. — Долина заполнена ирландцами и англами.

— Англами? — Гвальхман в изумлении поставил кубок на стол.

— Они здесь, — подтвердил я. — В великом множестве.

— Сколько их? — спросил Идрис.

— Десять тысяч.

Слова повисли в тишине. Короли силились представить такую тьму людей. Артур дал им переварить услышанное, прежде чем продолжил.

— Я предложу им мир. Будем молиться, чтобы они согласились.

— А если нет?

— Если они останутся глухи к словам мира, то, может быть, их убедит британская сталь.

Все замолчали, прикидывая наши шансы остаться в живых при таком численном превосходстве противника.

— Конечно, — продолжал Артур, — Кай не хотел бы пропустить такую славную битву.

Маглос рассмеялся.

— Думаю, не он один.

— Поэтому завтра вы поскачете на юг встречать кимброгов и Кая. Мы с Бедуиром возьмем ивовые ветви и направимся в лагерь ирландцев и англов.

Я мысленно поблагодарил его за эту особую честь.

— А если они выйдут из долины? — спросил Бедегран.

— Мы их остановим.

— Мы не можем с ними биться, — настаивал Бедегран. — Нас слишком мало.

— И все же их надо остановить, — спокойно ответил Артур.

Бедегран открыл рот, чтобы снова возразить, но передумал и молча отхлебнул пива.

Артур обвел глазами собравшихся — кто еще не согласен. Все молчали, и он продолжил:

— Кай должен подоспеть в ближайшие дни. Он едет по римской дороге через Каер Лиал, что у Стены. Мы поскачем на юг и восток, чтобы встретить его у конца дороги.

— Со всем уважением, предводитель Артур, — Идрис прочистил горло, — не следует ли нам подождать остальных? Десять тысяч — это больше, чем трое на одного нашего. Я буду сражаться спокойнее, зная, что за моей спиной больше воинов.

— Скоро подойдут брат и отец с оркадской дружиной, — вставил Гвальхман.

— Сколько у них воинов? Триста? — с надеждой спросил Идрис.

— Пятьдесят...

— Пятьдесят! И все? — задохнулся Идрис и негодуя обратился к Артуру: — Пятьдесят...

— Успокойся, Идрис, — произнес Маглос. — Считаю себя счастливым. Чем меньше королей, тем больше добычи каждому.

Идрис ожег его гневным взглядом.

— Так ли ты запоешь, когда во время сечи на твоей руке повиснет десяток варваров? Они изрубят нас на постромки.

— Где твоя доблесть? — Маглос поднял кубок и воскликнул: — Впереди у нас бой, так покроем себя славой! — Он залпом допил пиво и утер рукавом усы.

— Молите Бога, чтобы битвы удалось избежать, — промолвил, вставая, Артур. — Молитесь все о торжестве мира.

На следующий день, когда наши товарищи сворачивали лагерь, мы с Артуром сели на коней и поскакали во вражеский стан. На берегу реки остановились нарезать ивовых ветвей. Я выбирал побольше и позаметнее, хотя не очень надеялся вернуться живым.

Переехав реку, мы направились к неприятелю. Наше перемещение не осталось незамеченным, так что на въезде во вражеский стан нас встречали несколько предводителей ирландцев и англов. Они хохотали и глумились над нами, но сразу не убили. Спасибо и на том!

— Я Артур, военный вождь Британии, — сказал им Артур, — и хочу говорить с вашим бретвальдой.

Услышав слово, которым варвары называют военного предводителя, англы переглянулись, и один заговорил:

— Я Бальдульф, — начал он, сильно коверкая нашу речь. — Чего вам надо?

— Мира, — отвечал Артур, — который я обещаю вам с радостью.

Бальдульф что-то тихо сказал своему советнику, тот так же тихо ответил. Ирландцы из племени, которое зовется скотты, сильно нахмурились, но промолчали.

— Какие твои условия? — спросил Бальдульф.

— Ты должен покинуть эти земли. Поскольку ты не успел никому причинить вреда, я прослежу, чтобы тебе тоже не чинили обид. Но ты должен уйти немедленно.

И вновь Бальдульф посовещался со своими воеводами, потом повернулся к нам. Лицо его кривила усмешка.

— А если мы не уйдем?

— Тогда погибнете. Я обещал Богу мир в этой стране.

— Так убей нас, если сумеешь, — храбро отвечал Бальдульф. — Может, это ты погибнешь вместе со своим Богом.

— Ручаюсь тебе, словом или мечом, но мир воцарится в Британии. Сегодня я дарю тебе жизнь, завтра ее отниму. Выбирай сам. — С этими словами Артур поворотил коня, и мы поскакали назад в лагерь.

Все было готово, ждали только нашего возвращения. Артур выбрал дозорных — следить за вражеским лагерем, и мы двинулись на восток, навстречу Каю.

Солнце поднялось уже высоко, но ветер с моря нагнал облака, пошел дождь, и к полудню земля под ногами превратилась в мокрую грязь. Фуры застревали, их то и дело приходилось вытаскивать. Мы продвигались еле-еле.

Это должно было бы послужить нам предостережением.

Однако мы почуяли беду, лишь когда завидели одного из дозорных: он мчался во весь опор на взмыленном коне. Мы с Артуром ехали впереди, и он, обогнав колонну, устремился напрямик к нам.

— Они двинулись, — задыхаясь, выговорил он.

Артур остановил коня.

— В какую сторону?

— Вверх по долине — на восток...

На миг Артур замер, воскрешая в памяти облик долины. В следующее мгновение он уже весь был действие.

— Бедуир! — крикнул он, разворачивая коня. — За мной!

— Куда ты, Артур?

— Если они выйдут из долины, мы погибли!

Я кричал ему вслед, но он не слышал. Через мгновение я уже скакал вдоль колонн, разворачивая воинов обратно. Погонщикам в самом конце я закричал:

— К оружию! Бросайте фуры!

Появились Бедегран и Идрис.

— Варвары двинулись! Вооружайте своих людей.

— Мы не можем с ними биться! — Бедегран смотрел на меня, как на помешанного.

— Не понимаю, зачем... — начал Идрис.

— Вооружайте людей и за нами! — крикнул я и поскакал предупредить Маглоса и Гвальхмаи, прежде чем устремиться вдогонку Артуру, уже исчезнувшему за гребнем холма. Мирддин был с ним.

Когда я догнал их, они смотрели на долину Ирвина — много точнее того места, откуда мы смотрели вчера. Ирландцев и англов видно не было.

— Все как я и надеялся, — говорил Артур. — Они движутся медленнее нас. Мы успели.

Долина сужалась, переходя в узкую ложину, и я сразу понял, что задумал Артур. Если враг пойдет вдоль реки, ему предстоит вступить в ущелье, где будем поджидать мы. Тогда их численное превосходство окажется бесполезным, потому что нас нельзя будет взять в кольцо.

— Затаимся у реки или будем дожидаться в холмах? — спросил я.

— И там, и там, — отвечал Артур. — Пешие пусть станут здесь. Конных разместим там и вон там... — Он указал на крутые склоны по обе стороны реки, — и они бросятся в бой, если нам попытаются зайти в тыл.

Предводитель повернулся к Мирддину.

— Поддержишь нас?

Мирддин кивнул, его золотистые глаза были темны.

— Зачем спрашивать? Я поддержу вас силою Троицы. — Он обвел глазами небо на востоке и южные холмы. — Погода за нас, — отметил он. — Когда кончится дождь, поднимется туман. Если они будут идти медленно, дымка нас скроет.

Так и получилось. Дождь с запада прекратился, но на востоке, за нашими спинами, уже клубился над рекой густой влажный туман; с юга ползли тяжелые низкие тучи. Потянуло холодным ветром.

Подоспели первые всадники. Я поставил Идриса и Маглоса с пятьюдесятью конниками по дальнюю сторону долины, а сам с Гвальхмаи и другими пятьюдесятью остался по эту. Артур и Бедегран представляли пехотинцев в ложине.

Дымка, не дымка, но когда я чуть позже взглянул вниз, их уже не было видно. Девятьсот человек исчезли в мгновение ока. Наступила неестественная тишина, только клубами наплывало с востока марево.

Укрытый за гребнем холма, я закрыл глаза и стал молиться Спасителю Богу — как всегда перед сражением. Это помогает мне собраться и наполняет сердце отвагой.

Немного времени спустя кто-то тронул меня за плечо, и Гвальхмай шепнул в самое ухо:

— Они идут.

Плашмя, прижимаясь лицом к земле, так что ноздри ощущали запахи осоки, я подполз и заглянул за гребень. Передовые отряды противника входили с запада в долину. Они шли беспечно, растянувшись толпой, то более плотной — видимо, возле вождей, то более редкой. Шли медленно, впереди ирландцы, за ними англы. Пиктов я не видел, и это меня удивило.

— Как же они неосторожны, — шепнул Гвальхмай. В голосе его звучало презрение к вражеской глупости.

— Но их так много, — напомнил я.

Он улыбнулся, в тумане блеснули его белые зубы:

— Тем больше нам славы, друг Бедуир.

— Слушай!

По долине раскатился могучий гул — это Рис поднял охотничий рог Артура, подавая сигнал к атаке. А вот и сам Артур вынырнул из речного тумана и устремился на ошеломленных врагов. Вдоль всей реки вставали наши люди. Их крики неслись к холмам и эхом прокатывались по долине.

Варварское войско пришло в смятение. Передовые обратились в бегство, задние продолжали напирать. Бритты ринулись вперед вслед за Артуром. Он был на белом коне, чтобы его было видно в тумане, и устремился на врага, как ястреб на добычу. Видя, как он бесстрашно врубился в сплошную стену врагов, Гвальхмай аж задохнулся.

— Он всегда такой храбрый?

— Всегда.

— Впервые такое вижу. Есть ли ему равные?

Я рассмеялся.

— Нет. В бою он медведь, огромный дикий медведь. Никто не сравнится с ним отвагой и силой.

Гвальхмай покачал головой.

— Мы слышали, что он доблестный воин, но это... — Он замолк, не находя слов.

— Учти, — предупредил я, — он ждет этого от всех, кто идет за ним.

— Я пойду за ним, куда угодно, — торжественно поклялся Гвальхмай.

Я рукой в перчатке хлопнул королевича по спине.

— Что ж, Гвальхмаи ап Лот, сегодня тебе выпал счастливый случай показать свою доблесть.

С этими словами я встал, надел боевой шлем и обернулся. Мои люди уже сидели в седлах. Я вскочил на коня, сжал длинное копьё и подал сигнал. Мы въехали на гребень холма и остановились, готовые устремиться вниз.

Ждать долго не пришлось. Передовые англы уже разгадали замысел Артура и бежали вверх по склону в надежде окружить кимров. Внизу продолжалась сеча. Пока никто из варваров не сумел перейти реку и напасть на Артура с фланга.

Я поднял копьё к небесам. "За Бога и Британию!" — вскричал я, и сотня глоток подхватила мой крик. И вот я уже лечу с холма, плащ развевается за спиной, острие копья со свистом рассекает воздух.

Так неосторожны были англы, что не видели нас, пока мы не врезались в их ряды. Передовые варвары полегли, как спелые колосья под серпом. Мы с разгону оказались в самой гуще варваров, которая, впрочем, стремительно рассеивалась.

Мы снова выстроились в боевой порядок, во весь опор взлетели обратно на гребень, развернулись и опять понеслись на врага. Англы при виде этого бросились врассыпную — они бежали, падали, катились по склону, вскакивали и бежали снова. Мы гнали их перед собой, как овец на бойню. Они даже не отбивались.

Я натянул поводья и собрал вокруг себя своих конников.

— Пусть бегут! Пусть бегут! Скачем на подмогу Артуру!

Я указал копьём вниз по склону, где кипела сеча. Ирландцы только за счет численного перевеса сумели остановить наших. Мы могли налететь сбоку, рассечь ирландцев надвое и сдержать англов, лишив их возможности вступить в бой.

Да, Артур хорошо выбрал место для битвы. Земля помогала нам и мешала врагам; превосходящая численность не давала им ни малейшего преимущества.

Взяв копьё наперевес, я развернул коня и рванул вперед. Рядом раздался пронзительный боевой клич, и мимо меня пронёсся Гвальхмаи, его лицо светилось иступлением битвы. Я хлестнул коня, поровнялся с ним, и мы поскакали вместе. Земля тряслась от конского бега. Копыта выбивали барабанную дробь.

Вниз и вниз мы летели, словно орлы с высот, быстрее ветра. Ирландцы, заслышав грохот, выставили круглые щиты, но где им было заслониться от бури!

Шум нашей сшибки прокатился по долине, словно тысяча молотов разом обрушилась на тысячу наковален. Блеснула сталь. Раздались крики. Всколыхнулся воздух. Я вновь и вновь разил копьем, рассчитывая себе дорогу.

Гвальхмай скакал по правую руку, разя без передышки. Вместе мы пробивались в самую гущу сечи, туда, где взлетал на дыбы белый конь Артура. Все, кто попадался нам на пути, падали под ударами копыта или под страшными копытами обученных боевых лошадей.

Хотите, я расскажу вам, что значит сражаться верхом?

Ты ощущаешь под собой могучий сгусток энергии, конские бока ритмично вздымаются и опадают в такт бегу. Сила скакуна становится твоей силой, она поднимается в тебе и выплескивается в копье, которое ты сжимаешь в руке. Крепкое ясеневое древко становится несокрушимым, ярое стальное острие пронзает все на своем пути: дерево, кожу, кость.

Когда ты устремляешься в атаку, враг кажется сплошной безликой стеной. При твоём приближении она дробится и оседает назад. Потом ты видишь отдельные бревна — людей — в тот миг, когда они валятся на землю. В какое-то страшное мгновение тебе предстают их выкаченные глаза и разверстые в крике рты. Но вот они повержены, и ты свободен.

Сквозь тебя словно прокатывается морская волна. В ушах грохочет битва, глаза застилает туман. Ты видишь блеск стали. Ты видишь наконечник своего копья, словно светящуюся точку, словно головню в ночь Бельтана, — он разит и разит.

Ты ощущаешь густую, соленую сладость крови.

Ты сильнее и больше, чем можешь вообразить. Ты наполняешь собой весь этот земной мир. Ты могуч. Ты неуязвим. Ты — Божий воин, тебя направляет Его десница. Мир Его изливается из твоего сердца, как из колодца.

Все это и еще многое другое ощутил я, когда метеором летел на помощь Артуру. Ирландцы падали передо мной и больше не поднимались.

— Артур! — вскричал я, раскидывая последних врагов, которые еще преграждали мне дорогу.

— Славно, Бедуир! — отвечал он.

Здесь, в самой свалке, с копьем было не развернуться. Артур рубил мечом, рука его вздымалась и падала. Я вставил копье в петлю под ногой, вытащил меч, одновременно снимая со спины щит, и ринулся в бой.

Повсюду кимры теснили врагов. Да, неприятель отступал, но до чего же медленно! Мы напирали — было ощущение, что брели против течения.

И вдруг в один миг прилив сменился отливом, увлекаая нас за собой. Я взглянул на противоположный склон лощины, пытаясь понять, отчего это, и увидел, что англы пытаются прорваться по другому берегу реки, но на них скачут с холма Идрис и Маглос. Атака была отбита, не успев толком начаться.

Видя, как гаснет последняя надежда, ирландцы обратились в бегство.

— Они бегут! — вскричал Артур. — За мной!

Он поднял меч, и его боевой возглас потонул в крике бегущих ирландцев. Белый конь взял с места в карьер, и мы устремились в погоню.

Мы преследовали их до самого брода через Глейн. Здесь, в широкой и гладкой долине, англы прекратили бегство, чтобы снова дать бой.

Мы остановились чуть поодаль — осмотреть диспозицию и перевести дух. Короли подъехали к Артуру посоветоваться.

— Они думают здесь нас одолеть, — заметил Артур.

— И скорее всего одолеют, — ответил Идрис. — Глядите, насколько растянулись передовые ряды. Они легко возьмут нас в кольцо.

Кому как, а мне надоели эти малодушные сомнения.

— Если это смелость, Идрис, — сказал я, — ты показываешь ее весьма необычным способом.

Гвальхмай хохотнул, Идрис стиснул зубы, но ничего не ответил.

— Мы ударим сюда, в центр, — сказал Артур, который все это время внимательно обозревал вражеские ряды. Он указал туда, где враги стояли плотнее всего. — Англы воюют, как саксы, но еще больше боются лошадей. Так что ала оттеснит их за брод и рассечет надвое. Когда это произойдет, фланги начнут сходиться, чтобы заполнить брешь.

— И окружают нас. — На этот раз опасения высказал Маглос.

— Да, — спокойно отвечал Артур, — и наши пехотинцы нападут на них сзади.

— Но мы-то будем в ловушке, — настаивал Бедегран.

— В ловушке должна быть приманка, — вмешался Гвальхмай, избавляя меня от необходимости отвечать, — иначе крыса в нее не полезет.

— Мне это не по душе, — засопел Идрис. — Слишком опрометчиво. Я повернулся к нему.

— Они боятся коней! Разве ты не видел, как они дают стрекоча при одном виде лошади? К тому времени как они возьмут нас в кольцо, подоспеет пехота, и сам неприятель окажется окруженным!

Я повернулся и увидел, что Артур смотрит на меня во все глаза.

— Что? Думаешь, ты один в силах отличить острие от рукояти? — спросил я.

Артур повернулся к остальным.

— Ну? Слышали, что сказал Бедуир? Он ударит в центр, мы с Беграном, как и прежде, возглавим пехотинцев. Да будет с нами Бог!

И он поскакал к пешим дружинникам, ожидавшим по ту сторону реки.

Идрис был прав — Артур задумал отчаянное дело. Однако именно этот план позволял наилучшим образом использовать наших немногочисленных лошадей. Если сразу нагнать на врага страху, то будет не так важно, что нас много меньше.

Пока мы медлили в нерешительности, англы перешли в нападение. С оглушительным ревом они бегом устремились на нас.

— Копья наизготовку! — крикнул я, убирая в ножны меч и вновь доставая копье, потом, взмахнув поводьями, пустил лошадь рысью. Ала выстроилась по обе стороны от меня.

С рыси мы перешли на бег, с бега — на галоп. Гвальхмай закричал, перекрывая грохот копыт, в следующий миг мы все подхватили его боевой клич. Я почувствовал, как горячая кровь быстрее побежала в жилах, и боевое иступление ледяным спокойствием снизошло на меня.

Это уже не Бедуир скакал навстречу врагу. Я стал пламенем, летящей по ветру огненной головней. Сердце во мне звенело ликующей песней битвы. Движения мои были отточены, мысли — прозрачны, как хрусталь.

Глаза, уже не принадлежащие мне, взглянули и увидели взаимное расположение войск. Мы ближе... ближе... ближе...

Хрясь!

Я с разгону влетел во вражеские ряды. С десятков англов упали на землю; кто-то пытался подняться, другие были мертвы.

Один из противников тупо глядел на щит, словно приросший к груди. Он с усилием оторвал щит и увидел у себя в груди обломок копья. Странное дело — мое копье стало вполовину короче. Я бросил его на землю.

Выхватив меч, я развернул коня. Нам и впрямь удалось прорвать вражеские ряды; удивительно, скольких бойцов могут уложить всего пятьдесят конников. Более того, мы не потеряли ни одного товарища.

Однако атака увлекла нас дальше, чем я предполагал: мы были у брода, почти у самой воды. Англы спохватились, и в следующее мгновение нас окружили; но не успели они снова сплотить ряды, как высоко и чисто затрубил охотничий рог Артура.

Я выстроил алу вокруг себя и приготовился с боем пробиваться к Артуру. Сеча стала горячее. Нас теснили со всех сторон, но мы продолжали двигаться вперед, медленно, с трудом, ибо англы стояли насмерть.

И вот, когда все зависело от того, удастся ли наш план, случилось худшее. Пикты, которых никто до сих пор не видел, посыпались с холма у Артура за спиной. Вскоре в наших товарищей полетели их смертоносные маленькие стрелы.

Итак, мы были окружены вдвое превосходящим противником. Трудно вообразить худшее положение.

Артур сделал, что мог, — отправил против пиктов Идриса. Однако этим он ослабил свои силы. Видя это, ирландцы и англы набросились на него с новым остервенением.

С оглушительным воем хлынули они вперед, и вокруг Артура сомкнулось море орущих варваров. Он возвышался впереди всех на белом коне — и в следующее мгновение пропал из глаз.

— Артур! — вскричал я, но мой вопль утонул в шуме сражения. Бурлящие воды вражеского войска захлестнули место, где он стоял.

ГЛАВА шестая

Ала врезалась в самую гущу врагов. Мы скакали по поверженным телам. Да простит меня Господь, но конские копыта почти не касались земли!

Мы достигли брода. Вода в реке покраснела; прибрежная пена сделалась алой. Трупы плыли по воде, раскинув руки и ноги, или, застряв на камнях, таращились незрячими глазами в вечерние небеса.

Когда мы достигли брода, двигаться стало легче, но только самую малость. Саксы бросались на нас с остервенением, как дикие звери. Они размахивали топорами, кололи длинными ножами, хватали, тянули, вопили.

Мы рубили их, как лес, и они падали. Но на место убитого вставлял десять других.

Я вглядывался в самую гущу сражения, высматривая Артура, но не мог различить его в хаосе мелькающих рук и мечей.

Теперь стрелы долетали и до нас. Хотя Идрис сумел немного отеснить низкорослых варваров, смертоносные жала все так же метко летели в цель. Воина слева от меня ранило в плечо; еще одна стрела засела в моем щите.

Мы упрямо продвигались вперед. Свинцовое небо потемнело, стало чугуном. Налетел порывистый ветер, неся вдоль реки туман. Полил дождь. Конские копыта скользили. Кровь и вода потоком лились по земле. Бой продолжался.

Снова и снова кричал я:

— Артур! Артур!

В ответ слышался только грохот побоища, проклятья и крики боли. И за всем этим — топот ног и глухой рокот копыт...

Конских копыт... Я понимал, что такого не может быть, хотя знал этот звук, как биение своего сердца.

Я поднял глаза. Из тумана в долину скакал целый табун, серые призрачные тени едва различались в сумерках. Словно орел, камнем падающий с небес, он неся в самую гущу сражения.

Возможно ли это? Я посмотрел еще раз и понял, в чем корни чуда. Впереди мчащегося табуна скакали двое. Одного скрывали туман и дождь, но второго я узнал сразу — никто не сидит в седле так, как Кай.

Враги увидели коней одновременно со мной. В следующее мгновение они уже бежали через реку, бежали сотнями и тысячами, топча и топя друг друга.

Мы рубили их, бегущих, но они даже не отбивались. Отупев от ужаса, они, не думая, подставляли головы под наши мечи.

Лошади были все ближе. Гвальхман повел команду воинов развернуть табун. И над грохотом боя я различил хор сильных мужественных голосов: это наши товарищи, гоня перед собой коней, пели боевую песнь кимров.

Сражение закончилось. Я остановился перевести дух и смотрел, как варвары волной выплескиваются через Глейн на дальние холмы. Часть кимброгов продолжала преследование, топча бегущих, но враги уходили десятками, о чем я жалел. Однако сил для погони уже не было.

Товарищи во мне не нуждались, поэтому я вновь принялся искать Артура. Дождь перестал так же внезапно, как и начался. Туман рассеялся, и передо мной предстал Артур.

Он был пешком — лошадь под ним убили в самом начале боя. Медведь Британии увидел меня и приветственно вскинул обгаренный кровью меч.

— Здрав будь, Бедуир! — крикнул он и резко опустился на камень.

Я хотел ответить так же, но рука отказалась поднять меч. Я сполз с седла и привалился к коню.

— Славу Богу, — сказал я, утирая пот тыльной стороной рукавицы. — Я думал, тебя убили. Не подоспей Кай вовремя, мы пошли бы на корм воронам.

Артур оперся на меч, глотая ртом воздух.

— Да, зато теперь придется делиться добычей.

— Делиться! Пусть забирает всю! Умирать буду — не забуду, как он пригнал коней!

Тут появился Мирддин.

— Вот и вы, — он внимательно оглядел нас и, удостоверившись, что мы живы-здоровы, соскочил с лошади на землю. — Как вам туман?

— Отличный туман, — объявил Артур. — Прости, мне, наверное, следовало выразить больше чувств.

Он попытался встать, но не смог, снова опустился на камень и уперся локтями в колени.

Я тряхнул головой, глядя на Мирддина и не веря, что можно быть таким бессердечным.

— Ты знаешь, что нас чуть было не перебили? Еще немного, и проклятые пикты перестреляли бы все вонство Британии.

— Вот почему я и подумал о лошадях, — спокойно объяснил Мирддин. — Пикты верят, что в лошадей вселяются духи умерших, поэтому боятся их убивать.

— Послушай, наши товарищи лежат мертвыми, а ты болтаешь про туман и лошадей!

Мирддин повернулся ко мне.

— Оглядись, Бедуир Отважный. Мы не потеряли ни одного человека.

Ярость вскипела во мне.

— Ты что, рехнулся?

— Только погляди. — Мирддин обвел рукой поле боя.

Я перевел взгляд на убитых... и, о диво! Хвала Господу и Спасителю Иисусу Христу!

Мирддин не лгал.

Это было чудо!

На землю спустились сумерки. При свете факелов мы снимали с мертвецов золото, серебро и еще одно сокровище, в ценности которого сумели убедиться: английские боевые кольчуги.

Англы научились делать неведомые прежде доспехи. Рубаха, сплетенная из тысяч мелких стальных колец, защищала от удара, но не стесняла движений. Такие кольчуги у англов ценятся очень высоко, их носят лишь короли и знать.

Я шел по полю боя, переворачивая мертвых и осматривая их одежду. Иногда монеты или драгоценные камни оказывались у варваров во рту, и, чтобы достать их, приходилось ломать челюсти; или в кожаных мешочках, которые надо было вырывать из застывших рук. Мертвым все равно, напоминал я себе, срезая кольцо с распухшего пальца или сдирая кольчугу с окостеневшей спины.

Обирать трупы — дело подлое, но неизбежное. Нам до зарезу была нужна военная добыча и стальные кольчуги. Добыча — чтобы кормить и одевать дружину, а также для таких, как Идрис и Маглос. Кольчуги — для защиты от стрел и мечей.

Вернулись кимброги, которые преследовали врагов. Пеллеас и Меуриг приветствовали нас сообщением, что варвары снова объединились и уходят на север.

— Что делать с мертвыми? — спросил Маглос. — Этак мы утомимся копать могилы для всех.

В дрожащем свете факела Артур поднял глаза к небу. Облака разошлись, на востоке вставала полная луна.

— Скоро будет светло, — сказал он. — Если копать неглубоко, мы не очень сильно устанем.

Бедегран засопел, кроткий Маглос вздохнул, Идрис фыркнул. В кои-то веки я был с ними согласен.

— Может, ты в силах трудиться день и ночь, как Виланд-кузнец, а мы весь день сражались, завтра будем преследовать врага. Мы падаем от голода. Нам нужны пища и отдых.

Артуру не хотелось бросать мертвецов не погребенными, даже вражеских мертвецов. Но поделаться ничего было нельзя.

— Оставь, Медведь, — сказал я, — в этом нет бесчестья.

Артур по-прежнему колебался. Мирддин вышел вперед и положил руку ему на плечо.

— Они правы, — сказал Эмрис. — Идем, оставим их Богу и Его слугам. Вышли кимброгов вперед, пусть ставят лагерь, чтобы к нашему приходу все было готово.

Артур сдался.

— Я последую твоему совету, — сказал он. — Отдай приказ, Меуриг.

И, повернувшись, пошел во тьму.

Когда мы прибыли в лагерь, чуть выше по течению реки, было совсем поздно, однако нас ждала горячая пища и сухое место, где можно было прилечь. В ту ночь мы спали сном Брана Благословенного, а утром двинулись на север вдогонку врагу.

Край этот мне хорошо известен, потому что граничит с Регедом, землею моих отцов. Теперь, когда с нами соединились Кай и кимброги, у нас хватало коней на четыреста воинов, и мы передвигались куда быстрее. Путь наш лежал вдоль Ирвина, обратно в залив. Там нас ждали король Лот и Гвальхавад, которые подоспели как раз вовремя, чтобы увидеть отступающих к северу англов. Отец и сын остались стеречь корабли, чтобы англы, отступая, не сожгли их и не захватили.

— На ладьи они даже не взглянули, — сказал Лот, встречая нас на берегу, — но быстро направились к северу.

— Так мы и подумали, — заметил Кай, — однако из-за темноты не могли быть уверены.

— Они идут по Гарнохской ложине, — сообщил Гвальхавад. — Если мы поспешим, то, может быть, их нагоним.

Мне пришлось взглянуть на него дважды, чтобы убедиться, что это не по-другому одетый Гвальхмаи. Сыновья Лота — близнецы и похожи, как человек и его отражение. Гвальхавад — это имя означает Сокол Лета — казался чуть осмотрительнее брата, но других отличий мне заметить не удалось.

— Я попрошу тебя остаться у кораблей, — сказал Артур Лоту. — Враги попытаются достичь берега.

— Так отведем корабли, — предложил Гвальхавад.

— А вы сможете увести столько ладей? — удивился Артур, ибо теперь их было больше пятидесяти, не считая захваченных ирландских.

Лот рассмеялся.

— Тебе еще многое предстоит узнать про корабли, предводитель Артур. Да, я могу увести их все силами только своих людей.

— Так отведите их на корабельные верфи Каер Эдина, — распорядился Артур. — А мы прискачем туда, как только покончим с варварами.

И мы, не тратя больше слов, двинулись по Гарнохской ложине на север, куда ушел противник. Даже слепой не сбился бы с их следа. Всю дорогу я гадал, зачем они повернули на север, а не погрузились на корабли и не отправились восвояси.

Единственное объяснение, которое мне приходило в голову: враги вовсе не считают себя разбитыми наголову. И я был не очень далек от истины. Мы напали на них врасплох, когда они чего-то или кого-то ждали. Помню, мы еще говорили об этом с Артуром, и он сказал, что встревожен. Теперь тревожился я. Чего они все-таки ждали?

Двумя днями позже, когда мы вышли к великой реке Клайд, я взглянул через долину в направлении Каер Алклида и получил ответ.

Долина Клайда образует широкий проход, пересекающий северные пустоши с востока на запад от Каер Алклида в среднем течении до самого устья. Кроме того, она отсекает южные холмы от северных гор в самом узком месте острова. Всякий, кто хочет скорее попасть с одного берега Британии на другой, должен идти по долине Клайда.

Или иначе: захвати долину Клайда — и весь север твой. Все просто. Варвары знали это и ждали, пока сойдет весенний разлив, чтобы

обложить Каер Алклид, древнюю крепость, стерегущую долину с востока, как Каер Эдин оберегает ее с западной стороны.

Мы просто спугнули варваров, заставив их действовать раньше срока. Они не оставили свой замысел и вовсе не собирались покидать наши пределы. Более того, глядя на воинство, расположившееся под стенами крепости, мы поняли, что оно еще увеличилось. Может быть, англы прятались по всем окрестным лощинам, чтобы сойтись вместе в намеченный день.

Впрочем, и нас стало больше: Лот и его пятьдесят дружинников, кимброги и... Я замер, пораженный внезапной мыслью.

— Артур, — сказал я, поворачиваясь к нему, — кто там в Каер Алклиде?

— А ты не узнаешь знамя над крепостной стеной?

Я, сощурясь, посмотрел на дальнюю скалу, увенчанную старинной крепостью. И впрямь, на стене была выставлена пика, с которой свисало длинное знамя. Оно раскачивалось и трепетало на ветру. На солнце вспыхивали золото и синева.

— Борс?

— Он самый.

— Борс! Как он здесь оказался?

Артур только пожал плечами.

— У него и спросишь. Однако, сдается мне, прежде придется очистить ворота от варваров.

Это было сказано так, словно речь шла о пустычной заминке. Видит Бог, в тот день началась работа, которая продолжалась целое лето.

Мы трижды сходились с врагом и трижды одерживали победу. Однако варвары твердо решили взять крепость, понимая, что с ней обретут власть над всей западной частью долины.

Первым же боем мы освободили Борса, запертого в Каер Алклиде. Он прибыл из Бенвика на второй или третий день после нашего отплытия и вместе с кораблями направился в устье Клайда, надеясь встретить нас здесь. Увидев на берегах воинство англов, он поспешил укрыться в крепости. Враг взял его в осаду, но тут появились мы.

И вот что увидели: в широкой долине, вокруг большой крепости, или дуна, как зовут их в здешних краях, раскинулся вражеский стан. Артур приказал закрыть вход в лощину и отправил быстрых гонцов на юг к Кустеннину в Калиддонский лес и к властителям Регеда, призывая их всех явиться. А мы стали ждать.

Вожди Регеда, включая моего отца, прибыли, как только узнали о боях. Из Каер Эдина пришел Эктор, отец Кая. Кустеннин Калиддонский привел двести бойцов.

Как только подросли дружинники из дальних краев, Артур собрал кимброгов, и мы помолились о победе. Мирддин благословил нас, мы облачились в доспехи, сели на коней и выехали из ложины во главе объединенного войска.

Нападение было продумано мастерски. Не зря Артур подолгу разглядывал вражеский стан. Он знал, как выстроятся боевые порядки, знал задолго до самих варваров, как они поведут себя в бою. Такие вещи он чувствовал нутром.

Первый бой получился коротким и стремительным. Бальдульф был разбит раньше, чем успел призвать людей к обороне. Конница проносилась по вражеским телам, разворачивалась и снова неслась в атаку. Страшная то была резня, много пролилось крови.

Долина оказалась для саксов гибельной ловушкой. Осада была прорвана. Из ворот крепости выступил Борс со своей дружиной и погнал врагов к Клайду, где многие и утонули.

Видя, что нас не одолеть, Бальдульф приказал отступать к берегу, думая погрузиться на корабли и спастись морем. Однако Артур предусмотрел и это: на подступах к ложине тоже стояли наши. В отчаянии англы вместе со своими приспешниками бежали на север.

Они отступили в озерный край к северу от Клайда и затерялись среди лесистых холмов. Артур, видя это, призвал нас к себе.

— Кай, Бедуир, Пеллеас, Борс! Разделите дружины между собой — будем преследовать врага.

Как раз в это время подошел Идрис и с ним прочие короли.

— Эти леса опасны, враг легко может устроить засаду, — посетовал Идрис.

Бедегран его поддержал.

— Лошадям негде развернуться в такой чащобе. Мы только навредим себе.

Артур не мог скрыть презрения.

— Коли боитесь, никто и не отправит вас на такое опасное дело. Я собирался поручить вам другое.

Упрек им не понравился, но что делать — сами виноваты.

— Чего ты от нас хочешь? — спросил Маглос.

— Отправляйтесь с Эктором и Мирддином в Каер Эдин, защищать и восстанавливать верфи.

— Мы что же, должны теперь сделаться моряками? — фыркнул Идрис, почитавший такое занятие ниже своего достоинства.

— Пока остров не избавится от врагов, все мои военачальники будут моряками. Мы должны сражаться на море не хуже, чем на суше.

С этими словами Артур отпустил их сопровождать Мирддина и Эктора, а мы пустились вдогонку неприятелю.

Идрис и Бедегран не преувеличивали опасность. Мы тоже видели ее, однако понимали: каждый ушедший варвар вернется жечь и убивать. Англы отвергли предложенный мир и выбрали войну. Поэтому мы преследовали их без жалости, ни давая им ни отдыха, ни срока. Мы углублялись все дальше и дальше в холмы, гоня противника перед собой.

Холмы к северу от Клайда крутые, между ними зажаты длинные, узкие, глубокие озера с холодной черной водой. В эту вотчину орлов мы день за днем теснили противника.

И вот, много дней спустя, мы выехали на такое место, где между двумя озерами высится большой гребень. Одно из озер соединяется с морем и не имеет имени; второе называется Ломонд. Между ними, в глубоком ущелье, бежит речка Дубглас. У нее-то и собрались варвары.

Бальдульф поступил мудро. Узкое ложе, дававшее защиту от конницы, переходило в пологую возвышенность, где был необходимый простор для их войска: если нет брода, англам сгодится и холм. И здесь они остановились.

Мы напали снизу и встретили мощный отпор. Мы отступили, слово не выдержав вражеского натиска. Бальдульф, стремясь отомстить за прошлое поражение, устремился в погоню. И сейчас помню блеск оружия в ярком солнечном свете, когда варвары, победно вопя, неслись по каменистому ущелью. Нечеловеческий вой разбудил лес, деревья качались, словно от сильного ветра. Англы бежали под гору, одержимые одной мыслью: истребить нас всех.

И это была их ошибка.

Вторую часть войска Артур оставил в засаде. Как только Бальдульф устремился в погоню, загудел охотничий рог. Пеллеас, Кай и Борс заранее обогнули холм и теперь ударили на варваров с тыла.

Бальдульф оказался между двумя войсками, и более многочисленное располагалось выше него. О, как же быстро победные крики сменились воплями ярости!

Сперва они сражались из мести, теперь бились за свою жизнь. О, ярость сечи! Я ринулся с копьём в самую гущу противника. Щит за-

звенел под градом ударов. Рука заныла, но я рубил без усталы, и с каждым ударом на землю валился враг.

Лощина гудела от звона, криков и стонов. Наши товарищи теснили варваров сверху, и мы отступили на травянистые берега озера.

Теперь Бальдульфа ничто не сдерживало, но бежать было некуда! Сзади и с обеих сторон наседали войска Артура, впереди сверкало серебром озеро Ломонд. Не знаю, что бы сделал я на его месте, но Бальдульф ринулся в озеро. В озеро!

Это было не так глупо, как может показаться. На Ломонде видимо-невидимо островов: есть голые камни, пригодные только для чаек, есть островки побольше, с рощицами, в которых можно укрыться. А перебегая с островка на островок, можно пересечь неширокое озеро и оказаться на другой стороне.

Появился раскрасневшийся на бегу Кай.

— Они уходят! Будем преследовать?

Мы стояли, глядя, как враг, барахтаясь, плывет от берега. Артур не отвечал.

— Пожалуйста, Артос, покончим с ними сейчас, не то эта война затянется до конца лета.

Кай был, разумеется, прав, но в своем волнении учел не все обстоятельства.

— Что ты предлагаешь? — спросил я. — Плыть за ними вдогонку?

— Они убегают! — сетовал Кай, тыча мечом в сторону озера.

Артур повернулся к нему.

— Бери кимброгов, скачи по южной дороге на ту сторону озера. Убивайте всех, кто не сдастся.

Кай отсалютовал и поспешил исполнять приказ. Предводитель повернулся ко мне:

— Командуй остальной дружине по коням, и за мной.

— Нет, Артур! — крикнул я вдогонку ему, потому что догадался, что у него на уме. — Это невозможно.

Он остановился и повернулся кругом.

— А кто-нибудь пробовал?

— Н-нет, не думаю. Но...

— Так откуда ты знаешь? Ангел сказал?

— Не надо мне об ангелах! Господь свидетель, я серьезно!

— И я серьезно, Бедуир. Я намерен без дальнейших потерь положить конец этой битве. Вот увидишь, никто даже не вымокнет.

Он снова повернулся и велел Рису трубить построение. Мы тут же вскочили на коней и поскакали на юг, вслед за Каем.

Через каждые сто шагов Артур ставил по одному всаднику и по одному пехотинцу между ними. Так он окружил всю южную половину озера Ломонд. На восточном берегу мы встретили Кая — он возвращался.

— Сумел кто-нибудь переплыть озеро? — спросил Артур.

— Только немногие. Большая часть утонула. Они не сдавались, пришлось их зарубить. Остальные укрылись на островах. Я поеду дальше на юг, чтобы никто не проскользнул там.

— Нет надобности, — отвечал Артур.

— Но они могут переплыть на тот берег, пока мы болтаем. Выберутся в лес — и ищи-свищи.

— Надобности нет, — объяснил я, — потому что Артос окружил озеро.

— Окружил озеро! — вскричал рыжеволосый удалец. — Я не ослышался?

— Не ослышался, — кисло заверил я. Мне не казалась такой уж умной идея брать в осаду большие пространства воды.

Мгновение Кай хватал ртом воздух, но так и не придумал подходящий ответ. Под конец он вздохнул — словно на горячие уголья выплеснули полный рог пива.

— И что нам делать дальше?

— Ждать, — отвечал Артур. — Просто ждать.

— Этак можно прождать все лето! — взвился Кай. Вот у кого любое чувство сразу выплескивалось наружу. — На островах полно зверья и птиц. Воды — полное озеро. Они сумеют продержаться несколько месяцев!

— Значит, мы будем ждать несколько месяцев, — твердо ответил Артур. — Лучше я буду ждать, пока снег не засыплет нас до подбородка, чем потеряю хоть одного человека в сражении с Бальдульфом!

Когда на Артура находит, его не переубедить, я и пытаться не стал. Мы разбили лагерь на восточном берегу озера Ломонд и поставили шатры среди высоких сосен и кряжистых дубов.

Брать врага измором — утомительное занятие. Никому не советую.

Одного терпения требуется уйма — цена, которую стоит основательно взвесить заранее. Вот почему я никогда не любил осад. Лучше

быстрый и яростный бой — копье под ребра, мгновенный удар мечом, — чем медленная и мучительная смерть.

Дважды в день всадники развозили еду дозорным, расставленным вокруг озера. Все это — приготовить еду, погрузить на телеги, доставить на посты — требовало немалых трудов. Через день усталых дозорных сменяли товарищи.

В остальное время мы всячески старались себя занять. Охотились по берегам озера, ловили рыбу, боролись или состязались в различных играх, испытывая силу и удачливость. И главное — не сводили глаз с озера.

То и дело на каком-нибудь островке удавалось заметить врагов, чаще всего в сумерках или ранним утром. По большей части они прятались от глаз, хотя как-то в конце долгого дождливого дня с островов донесся крик: варвары подошли к кромке воды и принялись всячески нас поносить, вызывая на бой.

Кай рвался в сражение, но Артур не соглашался ни в какую. Вечером варвары уgomонились. Среди ночи снова слышались крики, на островах зажглись костры и замелькали факелы. Впрочем, огни со временем погасли, и вновь воцарилась тьма.

Однажды утром я увидел Пеллеаса — он сидел на камне у воды и смотрел на самый большой остров.

— Плохая смерть, — сказал он, когда я сел с ним рядом.

— Могли бы не умирать, — возразил я. — Сдались бы, поклялись больше не воевать, и Артур отпустил бы их с миром.

— Тому, кто не держит своего слова, страшно довериться чужому, — промолвил Пеллеас.

— Страшнее, чем умереть?

— Это мы увидим, Бедуир ап Вледдин, — задумчиво произнес он.

Прошло много дней. Я почувствовал скорую развязку, когда ночью, чуть позже полуночи, послышался плеск, а на следующее утро мы увидели возле берега трупы. От своей ли руки погибли эти варвары, или от руки соплеменников, или утонули, пытаясь выбраться вплавь, мы так и не узнали, но поняли, что ждать осталось недолго.

Артур приказал выловить тела из озера и похоронить в лесу, а сам сел в лодку и начал грести от берега. Встав в лодке, он крикнул Бальдульф:

— Бретвальда! Слушай меня! Знаю, вы умираете с голоду. Знаю, у вас нет больше еды! Слушай! Вам незачем умирать. Поклянись больше не воевать с нами и ступай, куда хочешь. Мир, бретвальда!

На берегу ближайшего острова появился Бальдульф. Он вошел в воду и с ненавистью взглянул на Артура. Вслед за ним из леса вышли другие варвары.

— Ты хочешь убить нас! Мы умрем, но не сдадимся! — Он захохотился, однако плечи его повисли, словно он не мог смотреть прямо перед собой. Это был сломленный человек.

— Зачем говорить о смерти, бретвальда, если ты можешь жить. Поклянись не воевать против нас и ступай восвояси.

Бальдульф еще стоял в воде, раздумывая, как поступить, когда несколько его людей прыгнули в воду и поплыли к Артуру. Другие поплыли прямо на берег, туда, где стояли мы. Ни у кого из них не было оружия.

У берега они в изнеможении падали на камни, не в силах даже вылезти из воды, не то что поднять меч.

Те, что стояли с Бальдульфом, увидели, как Артур вытаскивает их товарищей из воды и сажает в свою лодку. Они видели, что мы вынимаем их соратников из озера, а не добиваем копьями. Уже не колеблясь, они прыгнули в воду и поплыли вслед за родичами. Хотел того Бальдульф или нет, осада озера Ломонд окончилась.

Мы подбирали врагов до конца дня. За первой маленькой струйкой хлынул настоящий поток. Из пришедших с Бальдульфом осталось всего три тысячи, по большей части англы. Попадались ирландцы, но ни одного пикта. Полагаю, они сумели уйти в леса и не остались помогать англам.

Бальдульф последним ступил на берег, но прибыл он в лодке Артура. Бретвальда шел с гордо поднятой головой, словно это он был победителем. Артур своей рукой свел его с лодки.

Да, чудное то было зрелище. Кровные враги стояли рядом, и ни один не сказал другому резкого слова, будто не было ожесточенных боев и отважные друзья не спят в земляных домовинах, омытые собственной кровью, словно война — пустой звук.

Но Бальдульф стоял рядом с Артуром как ни в чем не бывало. И такова была милость Артура, что он пощадил противника, от которого сам бы никогда не дождался пощады. Бальдульф без колебаний пронзил бы мечом ему горло, и все это знали.

Артур явил истинное величие духа, когда заключил с язычником мир. Условия его были просты: покинуть Британию и никогда больше не грабить наших земель. Когда Бальдульф согласился, Артур приказал, чтобы варваров покормили и дали им отдохнуть.

Мы пробыли у озера Ломонд еще два дня и начали долгий переход к Клайду, а дальше — к Каер Эдину и верфям на Фиорте, где стояли английские корабли.

Переход был долгим и медленным, но мы в должное время достигли Каер Эдина и посадили англов на их ладьи, еще раз велев под угрозой смерти не возвращаться на Остров Могущественного. Мы стояли на берегу, провожая взглядами паруса, пока те не скрылись за морскими валами.

— Вот и все, — сказал я Артуру. Как же радостно было не видеть больше варварских кораблей!

— Молись, чтобы мир продержался, — отвечал Артур, потом повернулся к собравшимся воинам.

Он хотел заговорить, но кимброги разразились ликующими возгласами, и голос его потонул в них. Кимброги чествовали своего предводителя. Вскоре возгласы перешли в пение, Артура подняли на плечи и понесли.

Так мы вступили в крепость Эктора: наши голоса звенели, песня лилась, Артур плыл высоко над нашими головами, его белокурые волосы сияли на солнце, на шее горела золотом гривна, а меч Каледволх был устремлен в небо.

ГЛАВА седьмая

Мирддина мы в Каер Эдине не застали.

— Уехал семь дней назад, — объяснил Эктор. — Думаю, вернулся в Каер Мелин, но точно не знаю. Не захотел говорить, куда едет. Я предложил послать с ним воинов, но он отказался.

Артур удивился, но Мирддин — сам себе хозяин и никому не дает отчета о своих планах. Одно можно было сказать наверняка: планы эти самого таинственного и неожиданного свойства.

— Жаль, — не без огорчения промолвил Артур. — Хотелось бы, чтобы он вместе с нами отпраздновал победу.

Он думал, что это все, но Пеллеас рассудил иначе.

— Господин Артур, я должен за ним ехать.

— Для чего?

— Ему может понадобиться моя помощь.

Пеллеас больше ничего не стал объяснять, но я вспомнил странное поведение Мирддина при дворе короля Лота и тоже ощутил смутную тревогу.

— Конечно, — медленно сказал Артур, не сводя с Пеллеаса пристального взгляда, — если ты считаешь, что так нужно.

Обычно уступчивый Пеллеас говорил твердо.

— Да, я так считаю, господин мой.

— Тогда езжай, и да будет с тобой Господь, — отвечал Артур. — Только возьми с собой шестерых воинов. В холмах все еще скрываются враги. А лучше, возьми корабль, так быстрее.

Все семеро отправились в путь, как только удалось сыскать им свежих коней и погрузить провизию на корабль. Я проводил их, жалея воинов, которые не смогут разделить с нами заслуженное торжество. Впрочем, Артур проследил, чтобы все шесть спутников Пеллеаса получили свою долю военной добычи — кинжалы и золотые браслеты, так что они не очень и горевали.

Пир продолжался три дня, и Рис, бард Артура, пел героическую песнь о недавнем сражении. Я-то считаю, что ему больше пристал

охотничий рог, в который он так славно трубил в бою, но должен признать — петь он тоже стал много лучше. Более того, я заметил, что его пение уже не режет мне слух. По крайней мере, я могу слушать его и не морщиться.

Да, но он — не Мирддин Эмрис.

Другие короли тоже привезли своих арфистов, и уж хвалы своим подвигам мы наслушались. Добрый Эктор не поскупился: темное пиво и золотистая медовая брага текли рекой. Полагаю, мы выпили весь его зимний запас. Однако и повод был достойный.

Я не меньше других люблю пировать, но через три дня мне прискучило празднество. Сам понимаю, как это странно, но я вновь и вновь отправлялся смотреть на корабли. Некоторые покачивались на якорях, другие были вытасканы на берег для починки.

Под вечер четвертого дня меня вновь потянуло на верфь. Чистое, без единого облачка, небо отливало бронзой, с моря летел свежий ветер, выдувая из волос и одежды дым палат. Тишину нарушали лишь крики чаек, промышлявших рыбу на мелководье.

Артур нашел меня на пустой палубе ладьи, засевшей килем в прибрежной глине.

— Привет тебе, Бедуир! — воскликнул он, направляясь ко мне по чавкающей грязи. — Что ты тут делаешь, брат?

— Думаю, каково орудовать мечом и копьем на качающейся палубе, — сказал я, протягивая руку и помогая ему взобраться на борт. — И еще думаю, что мы приновимся.

— Не хуже, чем с седла, — заметил он и вдруг рассмеялся. — Помнишь, как нехорошо мы подшутили над Куномором?

Я помнил. Мы, тогда еще совсем мелюзга, только начинали учиться приемам боя вместе со старшими мальчишками. Среди них был невыносимый хвостун тринадцати весен от рода — Куномор ап Кинир, сын одного из регедских вождей. Месяц мы смотрели, как этот осел задирает нос, а потом немного поколдовали с его оружием и подпругами, так что у всех его копий отлетели наконечники, а седло съехало набок, когда он мчался по кругу во весь опор. Смеху было! Он до конца лета не смел поднять глаза.

— Бедняга Куномор, — заметил я. Слова Артура вызвали в памяти образ красного от стыда и натуги юнца. — Боюсь, мы на кораблях будем выглядеть такими же болванами, как он на съезжающем седле!

— Хуже! — рассмеялся Артур.

Как приятно было снова видеть его веселым! Мирддин не ошибся в своем предсказании: Артур, похоже, впрямь стал самим собой. Удивительная серьезность осталась, но ушла вглубь. Думаю, он выстраивал себя заново, и святое видение Летнего Царства стало его прочным основанием.

Словно подтверждая мои наблюдения, он продолжил:

— Но мы выдюжим, Бедуир. Должны. Иначе Британия погибнет, и с ней — многое другое.

— Не сомневаюсь в этом, Медведь. — Я перевел взгляд с Артура на колеблемый валами простор Муир Гидан. Море под темнеющим небом было мирным и добрым.

— Скоро домой, — произнес Артур, вместе со мной обращая взор к горизонту. — После Лугназада.

До названного дня оставалось не так много времени.

— Вот как? Я думал, ты будешь восстанавливать верфи.

— Эктор справится без меня. Лот обещал остаться и проследить за постройкой первых судов. Я нужен в другом месте. До зимы необходимо собрать подать и объездить коней.

— Подать! — Я совсем про нее забыл. — Лучше сражаться с пиктами, чем собирать подать!

— Одно без другого не получится, — заметил Артур.

— Так ты не веришь, что мир с Бальдульфом надолго?

Предводитель медленно покачал головой.

— Нет, Бальдульф себя еще покажет. Что до скоттов и пиктов — когда они держали данное слово?

— Можно было перебить их всех — и дело с концом.

— Пришли бы другие. А эти, быть может, что-нибудь поняли. И потом, если сражаться снова, так уж с известным врагом. Впрочем, не горюй, Бедуир, на этот год с боями покончено.

— Ты уверен?

— Да. — Он ухмыльнулся и хлопнул меня по спине. — А мы завоевали славу и честь — не говоря уж о горе золота. Есть чему порадоваться.

Через несколько дней после осеннего праздника Лугназад мы с утренним отливом отплыли в Каер Мелин. Артур велел каждому из своих военачальников взять по три-четыре корабля, чтобы постепенно свыкаться с морским искусством. Святые угодники, эти корабли непослушнее китов! Все равно что вести дружину верхом на борах!

Артур хотел показать, что берега Британии вновь под охраной, поэтому мы плыли не спеша, заходили во все порты и пользовались любым случаем покрасоваться. Нам и впрямь удалось немного освоиться с корабельным управлением и собрать подать с прибрежных королевств, так что время было потрачено не зря.

Тем не менее в Абертаффе я был рад сойти с морского чудища на твердую землю. Мы свели на берег лошадей и поскакали к каеру, усталые, предвкушающие возвращение домой, исполненные одной мыслью — как бы поскорее устроиться у очага с кувшином пива и свежим горячим хлебом.

Как только мы въехали во двор — о, как же нас встречали! — Артур забеспокоился.

— В чем дело, Артос? — спросил я. Приветственные крики еще звенели в моих ушах.

Он быстро огляделся, словно ожидал увидеть пылающую кровлю или разрушенный дом.

— Не вижу Мирддина.

— Уверен, он в доме, разливает пиво, — предположил я.

— Будь Мирддин здесь, он встречал бы нас у ворот. — Артур спрыгнул на землю и вбежал в дом. — Где Мирддин? — спросил он управителя двора, тощего старика Ульфина.

— Эмрис в отъезде, предводитель Артур, — ответил Ульфин.

— Куда он поехал?

— Он мне не сообщил.

— Сказал хоть, когда вернется?

— И этого не сказал, — сухо отвечал Ульфин. — Вы знаете, господин, каким он бывает скрытным.

— А где тогда Пеллеас? — Артур уже кричал.

— Господин Пеллеас заезжал сюда, но тут же уехал, полагаю, на поиски Эмриса.

По спине моей пробежал холодок.

— Когда он уехал? — спросил я, думая, что в любом случае кто-то из них должен был бы уже вернуться.

Ульфин склонил голову на бок, припоминая.

— Несколько дней спустя Лугназада, господин. И он поехал один. Артур отпустил слугу и повернулся ко мне.

— Непокойно мне, Бедуир. Что-то случилось. Я их разыщу.

— Позволь мне, Артос, — сказал я. — Ты нужен здесь. Короли захотят узнать про битвы на севере.

Предводитель помолчал, не желая соглашаться.

— Откуда ты начнешь?

— С Инис Аваллаха, — отвечал я. — Не тревожься, Медведь, я привезу их назад, оглянуться не успеешь.

— Возьми с собой Гвальхмай, — произнес Артур, сдаваясь. — Или Борса. А хочешь, обоих.

— Хватит Гвальхмай.

Одна ночь сна под прочной соломенной крышей — и я снова в седле, снова в дороге. Мы выехали на серой заре, когда солнце еле-еле угадывалось в утренней дымке, и направились на юг, в Инис Аваллах. Чтобы спрямить путь, мы пересекли Хабренский залив на корабле, правил я сам. Как ни мало хотелось вновь отправляться по морю, это было лучше, чем лишняя неделя в седле. А я оказался неплохим кормчим.

Сойдя на берег, мы поспешно поскакали вперед, не останавливаясь для отдыха, а только для еды, и в сумерках второго дня были у подножия Тора. От озера и окрестных болот поднимался туман, и вершина Тора плыла в белой дымке, словно воздушный замок в облачном море. Крутые зеленые склоны, увенчанные дивным дворцом, казались зачарованным королевством — вроде тех волшебных холмов, что, ко всеобщему изумлению, появляются и пропадают на глазах.

Я уже говорил как-то, что никогда прежде не видел Стеклянного Острова, хотя слышал о нем от Мирддина и Пеллеаса с тех пор, как научился понимать взрослую речь. Я чувствовал, что знаю его, и на меня накатило странное ощущение, будто я после долгой отлучки вернулся в дом, где никогда до этого не бывал. Кажется, у друидов есть для этого слово — не знаю, какое.

Когда мы в малиново-алом закатном зареве подъезжали по змеящейся дороге к дому Короля-рыболова, я ловил себя на том, что припоминаю подробности, как если бы вырос здесь, узнаю даже песню жаворонка, льющуюся с высоких небес над Тором. У Гвальхмай глаза стали размером с бляху на щите, он в изумлении пожирал взором высокие стены и башни. Ворота — добрые старые ворота, в которые я входил тысячи раз и не входил ни разу, — стояли настежь. Нас встретили слуги короля Аваллаха.

— Они все, как Пеллеас! — громким шепотом произнес Гвальхмай. — Неужто все феи такие?

— За что бы иначе их прозвали Дивным Народом? — ответил я, хотя сам поражался не меньше. Конечно, мы привыкли к Пеллеасу,

но при виде его соплеменников мне захотелось поверить во все досужие сплетни, что распускают о них невежды.

— Вон на того глянь! — Гвальхмай только что не вопил в полный голос.

Он был вне себя от волнения — уроженец Оркад, что с него взять!

— Не тычь пальцем! Это Король-рыболов, — прошипел я. — В конюшне хочешь ночевать?

Король Аваллах выступил вперед. Его алый атласный наряд подпоясывал серебряный кушак из подобных рыбьей чешуе пластин, черные кудри и борода блестели, смазанные маслом. Он с улыбкой раскрыл нам объятия. Я почувствовал, как он нам рад, хоть еще и не знает, кто мы такие.

— Храни вас Господь, друзья. — Голос его звучал из глубины широкой груди, словно из полого холма. — Будьте гостями, заходите и отдохните с дороги.

— Здрав будь, король Аваллах, приветствую тебя! — произнес я, прикладывая ко лбу тыльную сторону ладони.

— Ты меня знаешь? — спросил Король-рыболов.

— Мы никогда прежде не встречались, я знаю тебя только по имени и по виду. Мирддин Эмрис рассказывал мне о тебе.

При упоминании Мирддина король кивнул.

— Я приехал по поручению Артура, предводителя Британии.

— Да, да, — отвечал Аваллах. — Так вы друзья Артура?

— Я — Бедуир ап Вледдин из Регеда, а это...

— Наконец-то я вижу прославленного Бедуира! — радостно воскликнул великий король. — Да благословит тебя Господь, Бедуир ап Вледдин. Артур много рассказывал мне о своем соратнике.

— ...Гвальхмай ап Лот Оркадский, — закончил я, указывая на онемевшего северянина.

При этом имени Король-рыболов напрягся, глаза его сузились. Он разглядывал Гвальхмай как неведомую змею, которая вполне может оказаться ядовитой. Я сперва удивился, потом вспомнил, что говорил Мирддин: Моргана, Царица воздуха и мрака, — бабка Гвальхмай. Его сродница!

Осел! Я внутренне застонал, на чем свет стоит ругая себя за тупость. Почему, ну почему я вспомнил про это только сейчас? Я не мог бы выбрать себе худшего спутника!

— Добро пожаловать, Гвальхмай ап Лот, — хрипло выговорил Аваллах.

Не думаю, чтобы Гвальхмай заметил этот холодный прием. Полагаю, он вообще ничего вокруг не замечал, кроме ослепительной красоты идущей к нам женщины. Она вошла вслед за Аваллахом и теперь решительно направилась к нам.

Я никогда не видел женщины прекрасней лицом или сложением. Да, то была несравненная Владычица озера. Я узнал ее, как узнал Аваллаха, — со слов Мирддина. Но ему удалось передать лишь десятую часть ее красоты и величия.

Длинные волосы струились золотом, словно солнечный свет на цветущем лугу, кожа белая, точно снежная шапка на поникшей ветви или самый дорогой алебастр, губы алые, как зимние розы на молочной белизне кожи. Глаза, смотревшие на нас, были подобны лесным озерам — столь же синие и безмятежные. Утонченный изгиб бровей говорил о благородстве и гордости.

На ней была длинная рубаха изумрудного шелка, покрытая тончайшим золотым шитьем, и алая накидка без рукавов, расшитая сверкающим серебром. На шее она носила тонкую гривну тянутого золота, какая пристала бы кимрской королеве. Ну разумеется, ведь она же и впрямь была королевой.

— Воистину, она богиня! — ошеломленно прошептал Гвальхмай.

— Не забывай, что она — мать Мирддина, — напомнил я, как ни мало мне верилось в это самому.

Харита подошла и вместо приветствия поцеловала меня в щеку.

— Да будет с тобой мир Христов, Бедуир, — сказала она ласковым грудным голосом.

— Вы знаете меня, госпожа? — выговорил я.

Наверное, изумление было так ясно написано на моем лице, что дама мило рассмеялась и ответила:

— Почему же мне тебя не знать?

— Но мы никогда доселе не виделись, — ответил я, запинаясь.

— Во плоти — нет, — согласилась Харита, — но, когда Артур жил здесь прошлой зимой, ты невидимым духом стоял за его плечами.

— Он говорил обо мне?

— Уж будь уверен, — вмешался Аваллах. — Если он не говорил о чем-то другом, то расточал хвалы своему брату Бедуиру.

— Вот как я тебя узнала, — сказала Харита. — Так же, как и ты меня, — со слов моего сына.

Она обратила взор к Гвальхмай, который смотрел на нее, будто зачарованный.

— А это — Гвальхмаи ап Лот Оркадский, — сказал я, локтем толкая его в бок. Бесплезно; он по-прежнему таращился на нее, как недоумок.

При звуке этого имени в Харите пронзошла перемена: хотя ни в выражении ее, ни в поведении это не проявилось, словно некая теплая волна прокатилась от нее к Гвальхмаи. Глядя прямо в глаза юноше, она взяла его за плечи и расцеловала в обе щеки.

— Мир Христов да будет с тобой, Гвальхмаи, — сказала она.

— И с тобой, госпожа, — прошептал он, густо краснея, как маков цвет.

— Будь нашим гостем, — торжественно произнесла она и тут же, просияв, объявила: — Какое приятное завершение хорошего дня. Мы поужинаем вместе, и вы расскажете, как поживал мой сын с нашей последней встрече.

Из этих слов я понял, что ни Мирддин, ни Пеллеас не заворачивали на Стекланный Остров, и нам вскоре предстоит вновь пуститься в дорогу.

Нас провели в небольшой покой, где вокруг длинного стола были расставлены стулья. Рядом с кувшином алого вина стояли серебряные кубки. Вино разлили, мы выпили и начали рассказывать, что произошло с прошлой зимы, когда Артур и Мирддин покинули Инис Аваллах. Рассказ получился долгим.

Гвальхмаи ковырял в тарелке ножом. Будь он птичкой, он бы и то, наверное, съел больше. Во все время беседы он сидел на стуле мешком и смотрел на Владычицу озера таким ненасытно-восторженным взглядом, что я дивился, как она не убежит из-за стола или не поднимет его на смех.

Меня радовало, что я не дама и не должен терпеть его дерзкие и томные взгляды. Впрочем, даже будь я дамой, разве мог бы я сравниться учтивостью с леди Харитой!

Несмотря на невежливое поведение Гвальхмаи, вечер прошел приятно, точнее будет сказать, пролетел, словно краткая соловьиная трель. Мы спали в ту ночь на свеженарезанном тростнике, застеленном тончайшим полотном, и я проснулся на следующее утро с мыслью, что еще никому в мире не случалось так выспаться.

Тем не менее самый сладкий сон когда-нибудь кончается. Сразу после завтрака я сбивчиво выразил сожаление, что мы должны немедленно продолжать путь. Не желая тревожить Хариту — упаси меня Бог причинить боль прекраснейшей из дам! — я ничего не сказал о

поисках Мирддина, просто повторил, что мы выполняем поручение предводителя и очень спешим.

Мы неловко распрощались и вскоре уже спускались по склону Тора к дамбе. Новый день только-только позолотил восточный край неба.

— Мирддин сюда не заезжал, — сказал я спутнику. — Этого я и боялся.

Гвальхмай вздрогнул, словно очнувшись от сна. Он глядел через плечо на величественную громаду Тора.

— Есть какие-нибудь догадки, куда он мог направиться?

— В Лионесс, — отвечал я, ибо в сердце моем рос страх, и мне припомнилось, где и когда я впервые его испытал: на берегу моря, в тот день, когда Мирддин впервые упомянул Моргану.

Я чувствовал: где Моргана, там и Мирддин. Пеллеас тоже это угадал, вот почему он так сильно тревожился о Мирддине и с такой поспешностью бросился за ним вслед.

— Где это место, куда поехал Мирддин, этот Лионесс? — удивился Гвальхмай.

Вопрос заставил меня резко повернуться к нему.

— Неужто никогда не слышал? — спросил я.

— Если бы слышал, не стал бы спрашивать, — беспечно отвечал он. — А сам-то ты знаешь?

Я пристально вгляделся в него, решил, что он говорит правду, и вновь перевел взгляд на дорогу.

— Это где-то на юге; вот все, что я знаю.

Лионесс — источник моего страха, средоточие моей глубочайшей боязни. Теперь я знал: Мирддин поехал, чтобы сразиться с Морганой. Путь мой был ясен: надо ехать в Лионесс и отыскать его там.

Мы остановились в селении неподалеку от Тора, спросили путь и услышали от старосты (в то время как остальные за спиной складывали пальцы от зла), что если ехать на юг и запад, то попадешь туда... коли не передумаешь.

Я плохо помню дорогу. Дни и ночи смешались. Казалось, мы ехали через медленно умирающий мир. Впереди тянулись голые пустоши, бесприютно завывал ветер; по ночам он проносился с чуть слышным плачем. Каждый шаг давался с трудом, с каждым днем гасла вера в успех нашей затеи. А тяжесть! Тяжесть давила на сердце и угнетала душу.

Наконец мы подъехали к укреплению Дивного Народа; на мгновение во мне всколыхнулась надежда, что здесь мы увидим Мирддина

или хотя бы услышим о нем весть. Увы, крепость была покинута. Я не стал ничего искать, все было пусто, даже утесник высох и умирал.

Так или иначе, Мирддина здесь не было, и мы продолжили путь на юг вдоль побережья. Гвальхмаи бодрился, как мог, даже пытался петь, но красивые слова не шли с языка в этом страшном краю.

Мы ехали через опустошенные земли: голые каменистые холмы и мертвые лощины, зловонные топи и смрадные, похожие на гнойники, болота, из которых торчали кривые высохшие деревца. Там и сям зияли глубокие трещины; из некоторых шел ядовитый желтый туман, растекавшийся по дороге и кутававший землю, так что мы все время боялись угодить в одну из этих адских ловушек.

Нигде ни проблеска зелени, ни птичьего крика. Все твари, мелкие и крупные, покинули эти края. Повсюду смерть и запустение — королевство, загубленное творившимся здесь злом. Я даже вообразить не мог, что так опустошило эти края. Не знаю, кто уж такая эта Моргана, но ее злая мощь превосходит все мыслимое и немислимое.

Страх змеею вползал в сердце, но я продолжал ехать вперед, не заботясь о том, что будет со мной. Я молился. Я просил Благого Бога о защите. Безмолвно распевал я хвалебные и победные псалмы. Я призывал милость Спасителя на эти разоренные земли.

Гвальхмаи ехал рядом, и мы были опорой друг другу. Шепотом я рассказывал ему о Христе, и сын Оркад уверовал. Что бы ни случилось с нашими телами, души наши в Крепкой Деснице. И в этом было утешение, пусть и слабое.

Тем не менее путь становился все труднее, конский шаг — все медленнее. И вот, когда я уже думал, что проще ехать совсем без дороги, впереди показался морской утес. Море непрестанно било в его скалистое подножье, сверху кружили морские птицы и, что меня удивило, вороны.

Воронье! Я понял, где искать Мирддина. Жив он или мертв, но поиски наши закончены.

— Побудь с конями, — сказал я Гвальхмаи.

Он молча спешил и привязал лошадей к обугленному пню, потом сам уселся на этот пень, положив на колени обнаженный меч.

С молитвой на устах я начал долгий подъем на скалу, время от времени останавливаясь, чтобы крикнуть. Впрочем, я не ждал ответа; его и не было...

Мирддин сидел на камне на самой вершине утеса, сгорбившись, закутавшись в драный плащ, хотя солнце палило нещадно. Кругом,

словно развалины крепости, лежали груды треснувших от жара камней. Слава Богу, он был жив! И, когда я вскарабкался на скалу, обернулся на звук шагов.

Я увидел его лицо и чуть не упал в море. Его глаза — Господи Иисусе! Его глаза обратились в потухшие угли, некогда яркий блеск невиданных золотых очей стал белесой золой!

Его брови были опалены, губы потрескались, кожа слезала клоьями. В спутанных волосах запеклась кровь.

— Мирддин! — Я бросился к нему, рыдая от радости, что он наконец нашелся, и от того, что с ним сделали.

— Что с тобой? Что она с тобой сотворила? — Я прижал его к себе, словно мать умирающее дитя.

Он заговорил, но что это был за голос! Хриплый сбивчивый шепот, слова давались с большим трудом.

— Бедуир, ты наконец пришел. Я знал, кто-нибудь придет. Знал... думал, это будет Пеллеас.

Пеллеас! Что с Пеллеасом? Я взглянул на склоны утеса, но никого не увидел.

— Я ждал... ждал... Я знал, Артур... кого-нибудь... придет... Где Пеллеас?

Куда девался его дивный голос? От жалости у меня слезы навернулись на глаза.

— Не говори, Эмрис. Прошу, не утомляй себя. Я о тебе позабочусь.

— Все хорошо... ее нет...

— Морганы?

Мирддин кивнул и облизал растрескавшиеся губы, отчего из них побежала кровь. Он пытался найти слова.

— Пожалуйста, Эмрис, — молил я, рыдая без стеснения. — Не говори. Давай уйдем отсюда.

Мирддин сжал мой рукав, его мертвые белые глаза незряче шарили вокруг.

— Нет... — прохрипел он. — Все в порядке... она бежала...

В первый миг я не поверил.

— Со мной Гвальхмаи; у нас лошади. Давай мы унесем тебя из этого ужасного места. Она может вернуться.

— Она бежала... сила ее сломлена. Я сразился с ней... Моргана разбита... ее больше нет... — Он задрожал, закрыл глаза и тяжело привалился ко мне. — Я так устал... так устал...

Сон или обморок стал для него избавлением. Не без труда я взвалил его на плечо и понес вниз к тому месту, где дожидался с конями Гвальхмаи.

При виде Мирддина юноша содрогнулся.

— Что с ним? — испуганно прошептал он.

— Не знаю, — отвечал я, медля сообщать правду. Как сказать, что виной всему Моргана, его кровная родственница? — Может, расскажет, когда очнется.

— А где Пеллеас? — спросил Гвальхмаи, вновь поднимая глаза к утесу.

— Может быть, задержался где-то еще. Будем молиться, чтобы это и впрямь оказалось так.

Тьма стремительно спускалась на этот обугленный краешек земли. Мы устроились на ночь в лошине, Гвальхмаи наносил столько сухого дерева, что хватило до утра. Я отыскал воду, сварил отвар из сухих трав, бывших среди прочего провианта, и подал Мирддину в своей глиняной чашке.

Похоже, от сна ему полегчало: он выпил отвар и попросил сухарей. Ел он в молчании, потом откинулся на спину и снова заснул.

Всю ночь я сидел над ним, но он спал крепко. К рассвету меня сменил Гвальхмаи, и я немного вздремнул. Мирддин заворочался, когда мы уже готовились к отъезду.

— Ты должен помочь мне, Бедуир, — хрипло произнес он, и я заметил, что голос его немного окреп.

— Я сделаю что прикажешь, господин.

— Сделай брение и залепи мне глаза.

Я колебался, и он ткнул рукой в мою сторону:

— Делай, что сказано!

Я развел водой глину и залепил Мирддину глаза, как он попросил, потом, оторвав край от рубахи, замотал поперх глины полотном. Мирддин ощупал повязку и похвалил работу.

Так началось наше медленное возвращение в мир живых — слепой Мирддин, прямой и безмолвный, высился в седле, а мы с Гвальхмаи по очереди вели в поводу его лошадь.

ГЛАВА Восьмая

Тремя днями позже, когда наш скудный провиант был на исходе, мы выехали из Лионесса. Я не оглядывался. Этот скорбный край оставил черную отметину в моей душе.

Мирддин все это время ни с кем не разговаривал. Он сидел в седле, расправив плечи, с завязанными глазами, рот его вновь и вновь кривила гримаса боли — или омерзения.

Мы ехали день и ночь, а когда наконец остановились отдохнуть, между нами и горькой опустошенной землей лежали многие лиги. Я разбил лагерь у ручья, Гвальхмай добыл на ужин двух жирных зайцев. Мы зажарили их и съели в молчании, не в силах говорить от усталости. Здесь была трава для коней и хорошая вода для всех нас.

Хотя ночь была не холодная, я развел костерок — больше для света, чем для тепла. Мы сидели рядом, на высоком осеннем небе зажигались первые звездочки. Ночь медленно накрывала нас своим темным крылом. И вдруг Мирддин заговорил. Голосом сиплым, как зимняя стужа, он провозгласил нараспев:

— Мирддин я есть и буду. Отныне всяк назовет меня Талиесином.

В дольном мире рожден, но в горнем моя обитель, средь Летних Звезд.

Явился в краю Троицы, с Отцом облетел Вселенную, я здесь на земле останусь до Страшного Дня Господня, доколе Христос не придет народы судить во славе.

Кто скажет, я зверь или рыба? Из форм девяти элементов я создан, из Плода Плодов, из первого плода Господня в начале времен.

Создан я Магом из магов.

Из соли земной сотворен, обновленная кровь в моих жилах. Народы рождаются, гибнут и снова восстанут из праха. Я, лучший из бардов, любую речь обращаю в созвучия песен дивных.

Слушай мой смелый рассказ.

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

Вскричу — разбегаются трусы, как искры от брошенной ветки.

Я был драконом в недрах холма, гадюкой в реке, звездой был се-ребряной, древком, копьем в зазубринах алых.

Пятью сорок туманов будут идти за мною, пятью сорок рабынь мне будут служить искусных.

Конь мой соловый быстрее летящей чайки, быстрее, чем ловчий кречет.

Я был языком огня, бревном был в костре Бельтана, бревном, что горит, не сгорая.

Свечой был, церковной лампадой, огнем был в ночи путеводным.

Щитом был царям и клинком в руке Пендрагона Британии.

Подобно отцу, слагаю я сызмальства песни, и арфа — мой истин-ный голос.

Я плутал, я кружил, я воззвал к Разящей Деснице и ринулся в бой.

Оружье мое — справедливость, Спаситель — моя отвага. И ярость моя золотая славней исступления Ллеу.

Я ранил стоглавого зверя, разверзшего страшные пасти. На черном его языке умещалось целое войско. Трижды три сотни когтей эта тварь на меня направляла. Я змея сразил, в котором три сотни душ за-ключались.

Могу с семьянами бойцами еще совладать в одиночку,

Запятнан кровью врагов мой щит с золотою каймою.

Воином был я и буду.

Я спал в сотне царств, в сотне стен крепостных укрывался; сто раз по сто королей меня встретят приветом и лаской.

Мудрый друид, провещай Артуру!

Дни изреки Поборника, скажи, что было, что будет.

Господь соберет Свой народ, и получит тот имя Господне — наро-дом Разящей Десницы его нарекут; и, подобно сверкающей молнии, пробудит он Воинство Вечности!

Я смотрел на него, ошеломленный. И это Мирддин, которого я знал с детства и, оказывается, не знал вовсе! На него снизошло бар-довское вдохновение, лицо светилось — не знаю, отблесками костра или собственным загадочным светом. Он сидел, мерно кивая перевя-занной головой и слушая отзвук своих слов в пустом пространстве ночи.

— Что удивляет моих речам? — спросил он резко. — Вы же знаете, я говорил правду. Впрочем, остерегайтесь происков врага, друзья мои. Но не страшитесь. Не страшитесь! Слушай меня, Бедуир! Слушай меня, Гвальхмаи! Слушайте Мудрейшего из Мудрых и познайте силу Царя, Которому мы служим.

И он начал рассказ о том, что случилось в Ллионессе. Слепой, с перевязанными глазами, он возвысил хрипящий голос и заговорил, сперва медленно и сбивчиво, но вскоре слова полились уверенным сильным потоком. Вот что поведал Мирддин.

— Я отстоял вечерню в храме Спасителя, о чем долго мечтал. Мне было жаль проехать так близко от Инис Аваллаха, не повидав Аваллаха с Харитой, но им нельзя было открывать мой замысел.

Достигнув Ллионесса, я поскакал во дворец Белина и нашел его — как поселение Дивного Народа в Броселианде — покинутым. Но отчего? Вот этого я не мог взять в толк.

Что случилось с Дивным Народом? Какое бедствие их уничтожило? Чего ради их истребили? Да, это я понял: их истребили сознательно и безжалостно. Но зачем? Великий Свет, зачем?

Я не находил покоя. Чем больше я об этом думал, тем больше тревожился. Что за этим скрывается какой-то чудовищный замысел Морганы, сомнений у меня не было...

— Морганы! — ахнул Гвальхмаи.

— Прости, голубчик, — ласково сказал Мирддин. — Это правда. Но не стыдись, вся вина только на ней.

На Гвальхмаи жалко было смотреть. Он упал на колени перед Мирддином, склонил голову и покорно простер руки.

— Прости меня, Эмрис. Если бы я знал...

— Но ты чист. Я тебя не виню, не вини и ты себя. Ты ничего не знал.

— Так в чем состоял замысел Морганы? — спросил я, сгорая от любопытства узнать остальное.

Мирддин покачал перевязанной головой.

— Вот этого-то я никак понять и не мог. Во сне и наяву вопросы жалили меня, словно растревоженный осиный рой. Зачем? Зачем? Зачем?

Я молился Святому Духу о вразумлении. Я постился и молился. Постился и молился, что твой епископ, а сам все ехал и ехал вглубь Ллионесса.

И вот однажды утром я проснулся и подумал, что Морганой, Царицей воздуха и мрака, руководит страх. Все так просто! Почему по-

сле стольких лет она вдруг решила действовать? Значит, что-то ее толкнуло, и это что-то — страх. Моргана боится.

Что могло вызвать такой страх? Думай! Чего бояться тьме, если не света, открывающего тайны пустого сердца? Чего бояться злу, если не блага?

Я спрашиваю тебя, Бедуир: кто стоит между Морганой и исполнением ее чудовищных желаний? Чье правление возвещает начало Летнего Царства? Кто Летний Владыка?

— Артур, — отвечал я. Мирддин сам много раз нам это говорил.

— Да, да. Артура она и боится. Сила его на этом свете растет, и ей это — нож в сердце. Когда сила Артура возрастает, ее идет на убыль, а для Морганы нет ничего горше.

Да, она боится Артура. Но еще больше она боится меня. Ибо это я поддерживаю Артура. Он силен моей силой. Без меня ему не устоять, он еще не настолько окреп. А значит, чтобы победить Артура, надо прежде уничтожить меня. И она вне себя от ненависти и страха.

Из-за этого страха, заключил я, она уничтожила селения Дивного Народа. Почему? Потому что погибель ее — в последних из детей Атлантиды. Да, это так. Это мне было явлено, но лишь самая суть. Я не знаю, что это за погибель.

Потому, чтобы спасти себя, она должна истребить весь Дивный Народ. Значит, скоро она попытается уничтожить Аваллаха и Хариту, как уничтожила Дивный Народ в Броселианде и Белина в Ллионессе. Она должна стереть с лица земли их всех, чтобы хоть немного унять неумолимый страх. И опять-таки она должна покончить со мной.

Отравленное питье и кинжал — но тут помешал Пеллеас. Да, это было бестолковое, детское покушение. На мой позор, оно едва не удалось: я ждал от Верховной блудницы чего угодно, но не этих ребяческих хитростей.

Это само по себе загадка, но ответ проще простого. Мы с Пеллеасом были в ее власти, но уцелели. Почему? Я скажу: у нее не было сил нас уничтожить. Все ложь! Все в ней — ложь! Она может околдовать и заморочить, но не может убить. Говорю тебе, не может, иначе бы непременно убила.

Мирддин словно позабыл, кто с ним, и воображал, что говорит с Пеллеасом. Неважно. Слова его меня зачаровали. Я видел в них скрытый свет правды, такой ослепительной, что ее и вымолвить страшно.

— Каким же я был ослом! Как и все остальное в Моргане, сила ее хваленного колдовства — ложь! Да, по большей части хватает и этой силы, к тому же она заметно выросла в последнее время. Броселианд был первым предвестием.

О да, Моргана не теряла времени даром. Собирала рассеянные нити подвластных ей сил, объединяла разрозненные пряди своей мощи, точила оружие — вот чем она занималась со времени неудавшегося покушения. И во многом преуспела.

Не сомневайся, она собиралась со мной покончить. И поскорее — до того как Артур укрепитя в Свете, до того как расцвет Летнего Царства лишит ее силы творить зло.

Значит, ее цель — найти меня и уничтожить, тогда уже ничто не сможет ее остановить. Она будет все возрастать в силе, по мере того как брошенные ею зерна дадут всходы. И не исчислить бед, которые она причинит.

Не буду тебе лгать, я впал в отчаяние. Я все понял; я все видел ясно, но был бессилён предупредить. Душа моя скорбела. Быть может, уже поздно. Я рыдал от своей никчемности.

И все же Живой Свет дал мне силы заглянуть в самую тень отчаяния, в жуткую сердцевину того, что я ненавидел и чего страшился всю жизнь. И я увидел... вот что я увидел; хвала Спасителю, я увидел, что моя единственная надежда — в сражении с ней. Я — и никто иной — должен встать на ее пути.

Слабая надежда, подумаешь ты. Однако я рассудил, что это мое единственное оружие и никто не даст мне другого. Что ж, я принял его с раскрытым сердцем и просил Бога о мудрости, дабы правильно воспользоваться этим оружием.

Потом я стал ждать. Я постился и молился, а когда понял, что час наступил, то пришел на это место. (Я понял, что Мирддин говорит о скале, на которой я его отыскал.) Я не думал, погибну я или останусь в живых, — говорю тебе, это было уже неважно! Я охотно бы отдал жизнь, чтобы навсегда разделаться с Тьмой.

Удивительно, но едва я ступил на эту дорогу, как покой снизошел на меня в обличье разумения. Ибо я понял наконец, что Моргана скована страхом — страхом перед Артуром, передо мной, перед Царством Лета, как ни хотела бы это скрыть.

Господь и Спаситель, так и есть! Видишь? Спутник всякого великого зла — неодолимый страх. Та, что кажется Владычицей страха, на самом деле — его рабыня.

И это ее слабость! Великий Свет! Это ее уязвимое место. Царица воздуха и мрака не сознается в своем страхе, в своей невыносимой слабости даже самой себе. Она должна казаться бесстрашной и неуязвимой, исполненной той самой уверенности, которую утратила навсегда.

Да, но я-то страшился. Великий Свет, Ты ведаешь, что я познал ужас смерти и отчаянье слабости. Я пережил поражение и горе. Я испытал постыдную беспомощность, да, и жалкое бессилие плоти.

Все это я изведаль и выдержал. Я осушил налитую мне чашу и не отвернулся от нее. Я понял, что в этом моя сила. Залог моей будущей победы.

Теперь видишь? Дивно, не правда ли? Замысел Господень тонок, но сколь же искусен и славен в своей тонкости! Аминь!

Скажу тебе, я ликовал. Я вложил обретенное разумение в свою боевую песнь, я сковал из него меч и щит. Я облекся им, как доспехами, и направил коня навстречу испытанию, которого так долго страшился.

Здесь Мирддин замолчал и протянул руку. Я поспешно вложил в нее кубок. Уже совсем стемнело. Холодало. Я подумал, что к утру выпадет сильная роса, но мы у костра останемся сухими.

Я плотнее закутал Мирддина в плащ, принял у него пустой кубок и подлил туда немного воды. Потом снова сел, кутаясь в плащ, и стал ждать, когда Мирддин продолжит рассказ. Неподалеку завел свою печальную и сладостную песнь соловей.

Мирддин, словно только и ждал этого сигнала, заговорил снова. Однако голос его изменился. Теперь в нем звучали страдание и боль. Глубокая мука и безграничное горе.

— Я не знал, где и когда ее встречу, однако полагал, что она ведает мои пути и нападет вскоре, не в силах больше переносить заключенный во мне свет. И не ошибся.

Я думал, это случится ночью, во тьме. Я полагал, что она придет под покровом своей стихии, и оказался прав.

Во время между времен, когда истончается завеса между тем и этим мирами, она явилась ко мне. Я встал на ночлег в засохшей дубовой роще и немного поспал, но через некоторое время проснулся в тревоге. Луна уже садилась, но света было еще довольно.

Моргана ехала на черном коне, одетая так же, как в первую нашу встречу при дворе Белина: черный плащ, высокие черные сапоги, длинные перчатки, лицо закрыто капюшоном. Она ехала одна, и это меня смутило — ведь она не могла не знать, зачем я здесь.

Она и впрямь знала, но ее самообман требовал смелых действий, а гордость убеждала в собственном превосходстве. Она приехала в одиночку, потому что так ей велело тщеславие.

Если она и тревожилась, то ловко это скрывала, как скрывала до поры до времени всю силу своей гложущей ненависти. Думаю, поначалу верх взяло любопытство. Она не могла понять, что мною движет, и не хотела нападать на врага, не разобравшись в его оружии.

Разумеется, мое оружие ей было неизвестно — смелость, надежда, вера. Я показывал их прямо и без утайки, но Моргана не сумела их различить.

Я заговорил первым.

— Итак, Моргана, — промолвил я, вставая при ее приближении. — Я знал, что ты меня отыщешь, и молился, чтобы это случилось быстрее.

— Ты далеко от дома, Мирддин Дикий, — отвечала она, спрыгивая с седла.

Я ничего не мог прочесть в ее тоне.

— Быть может, — промолвил я. — Полагаю, мы оба здесь чужаки. Она возмутилась.

— Ты себе льстишь, если думаешь, будто мы встретились на равных. Я настолько же выше тебя, насколько солнце выше бесплодной земли, по которой ты тащишься, насколько сокол выше блохи, что кусает твое жалкое тело. Так что нечего нас равнять.

— Когда-то ты предложила мне дружбу, — заметил я. Странные слова; не знаю, зачем я их сказал. Может быть, Господня милость столь безгранична, что могла бы распространиться и на Моргану? Итак, ради этой милости я попросил: — Еще не поздно, Моргана. Отвратись от прежнего, и я помогу тебе. Ты тоже можешь спастись.

Как я и ожидал, она отвечала насмешкой.

— Неужто ты думаешь растрогать меня этим, милый Мирддин? Неужто ты думаешь, что твой жалкий Бог хоть каплю меня занимает?

— Я предложил тебе мир, Моргана, и не отказываюсь от своего слова.

Он выпустила поводья и медленно приблизилась ко мне.

— За этим ты сюда и пришел?

Я чувствовал, как разгорается ледяной жар ее ненависти.

— За что ты так меня ненавидишь?

Моргана взмахнула рукой, и мой костер взвился в небеса. В тот же миг она откинула покрывало, чтобы сразить меня своей жуткой кра-

сой. О напрасное великолепие черт, о пустое изящество! Да, ее прелести изумляли, ослепляли, они были так же сильны, как ее ненависть, и почти столь же безграничны. И все же глядеть на нее значило познать тщету золоченого гроба.

Она нахмурилась, но даже это было обманом.

— С чего ты взял, будто я тебя ненавижу? Ты мне попросту безразличен. Ты для меня ничто — меньше, чем ничего.

Разумеется, это была ложь. Владычица лжи, Моргана не знает другого языка.

— Тогда чего ради ты со мной говоришь? — спросил я. — Чего ради затеяла эту встречу?

Моргана сверкнула глазами.

— Ради своего удовольствия. Мне забавно поговорить с тобой, вот и вся причина. — Она бочком зашла мне за спину — ладони сжаты, руки в перчатках касаются губ. — К тому же мы с тобой родственники. Что бы сказали обо мне люди, если бы я отказала родичу в гостеприимстве?

Моргана по-прежнему сомневалась. Она подозревала ловушку, не в силах поверить в чью-либо искренность.

— Ты уходишь от вопроса, но я за тебя отвечу. Ты ненавидишь меня, потому что боишься. Ты такая же, как все непросвещенные люди: глупцы ненавидят то, что внушает им страх.

— Ты сам, братец, глуп! — зашипела она. Слова ее были как уколы ножом. — Я не боюсь тебя! Я никого не боюсь!

Пламя взметнулось еще выше. В следующий мир Моргана, как ни в чем не бывало, улыбнулась и шагнула чуть ближе. — Уверю, я ровным счетом ничего к тебе не испытываю.

— Вот как? Так зачем ты пришла меня убить?

— Убить? — Она изобразила смешок. Звук получился мерзкий и жалкий. — Дражайший Мирддин, ты что, воображаешь, будто твоя жизнь имеет для меня хоть малейшее значение? Мне совершенно все равно, есть ты или нет.

— Однажды ты пыталась убить меня, но тщетно, — напомнил я. — Это была детская хитрость, но и в ней ты не преуспела. Не трудись отпираться, Нинева.

Она снова рассмеялась; пламя зловеще затрещало. Я чувствовал, что она вот-вот нанесет удар, но не знал, каким этот удар будет.

— Восхищаюсь твоей проницательностью, Мирддин! Так ты все же догадался, что это была я? Что ж, Мудрый Мирддин, на этот раз ты

так легко не отделаешься. На сей раз твой любезный Пеллеас не вмешается.

Я ждал нападения, и все же она застала меня врасплох. Сила ее ненависти ударила меня, как молот. Дыхание сперло, мне показалось, что я падаю под бременем всего мира, как если бы мне на грудь бросили Ир Виддфу. Я отшатнулся и с трудом устоял на ногах, ловя ртом воздух. В глазах помутилось. Неодолимая тяжесть швырнула меня на колени.

Моргана была довольна успехом.

— Вот видишь? Я могу раздавить тебя без единого слова... но не стану.

В тот же миг тяжесть ушла из моего тела. Я, хрипя, рухнул на четвереньки. Легкие разрывались.

Моргана склонилась надо мной.

— Смерть — это только начало, душа моя, — шепнула она. — Я давно замышляла твою гибель и хочу насладиться сполна. Слишком долго мне пришлось дожидаться.

И она медленно пошла вокруг меня, стягивая на ходу перчатки, потом, подняв руки к плечам, ладонями вперед, запела на Темном наречии. Я увидел глаза — шрамы в форме глаз, выжженные на ее ладонях и заполненные черной и серебряной краской. Когда она говорила, они вздрагивали и поблескивали, как живые.

А за спиной у нее вспучивалась тьма, окутывая ее, сопровождая каждый ее шаг. Говорю тебе, тьма была живая! Это нечто, эта живая тень начала извиваться. Еще миг — и она распалась, словно клубок змей.

Я вгляделся и увидел рядом с Морганой шесть исполинских демонов — она призвала их из неведомых бездн в свидетели своей скорой победы. Они стояли подле нее и смотрели, и холодные миазмы их злобы отравляли воздух.

Ужасны они были, но прекрасны обличем. Мучительно прекрасны. Подобно Моргане, они были великолепны в своем совершенстве. Однако то было напрасное совершенство, бездушное и бесчувственное, губительное в своей полнейшей тщете.

При виде них — о, при виде них сердце едва не остановилось в моей груди. Мне стало холодно, по коже пробежал мороз. В воздухе повеяло трупным смрадом. Слезы заструились по моим щекам.

Моргана шагнула ближе. Она была в полном расцвете своей губительной славы. Она сверкала глазами, она источала яд. Выжженные

на ладонях глаза излучали силу ее злобы, подобно волнам, расходящимся по воде от брошенного камня. Все это для того, чтобы привести меня в трепет.

Но я не трепетал и не страшился. Выдержав первую бурю ее ярости, я понял, что Моргана бессильна повредить моей душе. Она может убить меня — ха, то же самое может сделать любой варвар с помощью острой палки! — но не может погубить. Она не заставит меня отречься от Света или умереть, проклиная Господа.

Я обрел голос.

— Неистовствуй, сколько угодно, я не поддамся. Именем Иисуса, Сына Бога Живого, я обладаю силой, чтобы дать отпор.

Не успели эти слова сойти с моего языка, как я ощутил над собой крылья. Понимаю, это звучит странно, но иначе не скажешь. Крылья! Они окутывали меня, защищали, укрывали. Не знаю, чьи это были крылья — ангелов или Самого Господа, — но на меня снизошел мир. Мир в этом месте ужасов. Подумай только! Я твердо знал, что меня оберегает Господь мой и Царь. Десница Его поддерживает меня.

Моргана почувствовала, что в сражении произошел перелом. Она злилась, хотя и не понимала, откуда взялась моя смелость.

— Слова! Слова! Пророк-глупец! Твой жалкий Бог тебя не спасет. Никакая сила на земле не способна тебя уберечь!

Она вскинула руки, скрестила их над головой и начала призывать силы воздуха и тьмы.

Она пела свои мерзостные заклятья, и я слышал застывший вой зияющей черноты.

Чудное дело! В тот самый миг, когда сила ее достигла наивысшей точки, она проиграла. Я не поддался. Она меня ненавидела, а я ее — нет. Не пытался я и спрятаться либо бежать.

Великий Свет, как же хрупки силы врага! Дьявол использует лишь то оружие, которое даем ему мы. Не дай ему ничего — и сила его иссякнет, рухнет, как стрела на излете, как затупленный обломок клинка.

Моргана изрыгала брань и хулу. Она призвала себе на подмогу демонов ада. Видел бы ты ее! Жуткое зрелище. Однако крылья осеняли меня, и я не страшился.

Она призвала огненный ветр. Ну и ярость! Ярость и ненависть били из нее ядовитым и гнусным током. Заблестали черные молнии, высохшая дубрава занялась огнем. Возле меня падали горящие ветви; деревья обратились в факелы и рушились одно на другое. Однако я не ощущал жара, огонь не причинял мне вреда!

Осмелев, я крикнул:

— Наконец-то ты видишь истину, Моргана: сила Святого Истинного Бога защищает меня. Ты бессильна причинить мне вред. Тот, Кто во мне, больше того, кто в тебе. Ему слава, честь и поклонение. Аминь!

Этого Моргана не могла ни стерпеть, ни вынести. Так быстро расходовала она свою силу, что всю истратила, выдохлась и в изнеможении готова была опустить руки.

Я насмеялся над ней.

— Ну же, Моргана! — кричал я. — Твои повелители смотрят. Покажи им, как их порожденье владеет своим оружием.

Она обезумела от ярости. Огонь взвился в самое небо. Деревья лопались от страшного жара. Однако трава под моими ногами даже не опалилась. Лицо овеял свежий ветерок.

Я возликовал и, открыв уста, запел. Я пел хвалу моему Господу. Я пел победную песнь моему Царю. И я плясал перед Ним. Демоны, столпившиеся за спиной у Морганы, задрожали в нагретом воздухе, померкли и пропали с глаз.

Лицо Морганы почернело от бурлящей в груди злобы; вся она затряслась от смертельной ярости. Она завопила; таким воплем можно было бы уложить войско!

Она прыгнула на меня, скрючив пальцы, как когти. Я закрыл руками лицо, но она в меня не вцепилась.

Я услышал голос, зовущий ее по имени. "Моргана!" Внезапный крик остановил ее. Я отнял руки от лица и посмотрел: сквозь пламя к ней мчался всадник на лошади...

Мирддин замолк. При упоминании всадника голос его осип от горя.

— Ты узнал его, — сказал я.

— Я узнал, — отвечал Мирддин. — Прости его, Господи, это был Лот.

— Лот! — хором повторили мы с Гвальхмаи.

Мирддин тяжело опустил голову.

— Да. Я узнал его, несмотря на пламя и дым.

Он окликнул ее. Моргана стояла, окаменев от злобы, но Лот подскочил к ней, нагнулся, подхватил ее и усадил впереди себя на седло. Лошадь вздыбилась, занеся надо мной копыта, и они ускакали прочь.

Я кричал ей:

— Вернись, Моргана! Давай довершим то, что ты начала!

Но они не возвращались. Гнев закипел во мне. И, прости меня, Господи, я бросился за ней. Я не хотел, чтобы она ушла.

На краю рощи они остановились и полуобернулись ко мне. Я думал, Моргана со мной схватится. Но у нее оставалось в запасе одно, последнее колдовство. Вскинув руки над головой, она выкрикнула заклятье. Жуткое, как последний вопль отчаяния.

Я замер. Лот развернул коня. В тот же самый миг молния пала с небес и выжгла меж нами расселину. Они унеслись прочь, а я долго лежал на земле, оглушенный, и голова моя гудела, как набат. Я открыл глаза — они не видели. Молния обожгла меня и ослепила.

Он поднес кончики пальцев к глазам.

— Зрение покинуло меня, как и дар провидения. Я уже не вижу разбросанных передо мной троп; моим ногам уже не ходить путями Иного Мира. Все в тумане, будущее — безвидно и пусто. Я дважды слепец. — Он помолчал и печально тряхнул головой. — Что ж, сам виноват. Я пренебрег Господним покровом, чтобы добиться ее смерти. И теперь я несу шрам своего безумия. Да, но как же мне не хотелось ее отпускать!

Гвальхман, серый даже в свете костра, обратил ко мне полные слез глаза.

— Я отомщу за это зло, — тихо поклялся он, мало понимая, что говорит.

— Как ты можешь себя корить? — спросил я Мирддина. — Одна Моргана всему виной, это она тебя ослепила.

Насмешливая улыбка тронула губы Мирддина.

— Разве ты еще не понял? Сражался не я! Сражались князь тьмы и Царь Света, враг рода человеческого и Спаситель. Я был ни при чем.

— Ни при чем?! Если б не ты, она бы восторжествовала давным-давно!

— Нет. — Мирддин медленно покачал головой. — Я тоже когда-то так думал. Долго я нес это бремя в душе и сердце, но это была ложь. Да, и это тоже была ложь.

— Не понимаю, — упорствовал я.

— Сражался не я, — мягко объяснил Эмрис. — Моя собственная гордыня, мое суетное тщеславие мешали мне это увидеть. — Мирддин горько хохотнул и поднял руку к глазам. — Прежде я был слеп, но теперь вижу ясно: Господь может Сам за Себя постоять. Он не нуждается в моей помощи. Это Он спасал и защищал, а не я, не Мирддин. — Он помолчал, словно раздумывая, потом добавил: — Скажу тебе, враг нарочно внушает нам другое. Но только когда я познал свою слабость, встал беззащитным против Морганы без всякого замысла или цели, только тогда Господь сокрушил ее.

— Но это же ты ее сокрушил!

— Я был ничто!

Молчание. Лишь потрескивание огня да журчание ручейка заполняли ночную тишину.

— Я был ничто, Пеллеас, — тихо повторил он.

— Господин, — сказал я, беря его за локоть, — Пеллеаса здесь нет. Это я, Бедуир, и со мной Гвальхман.

Мирддин Эмрис тронул рукой голову.

— Да, да, — сказал он, — конечно. А где Пеллеас?

— Не знаю, Эмрис. Он поехал тебя искать — еще до Лугназада.

Мирддин вскочил и проковылял несколько шагов вперед.

— Пеллеас! — крикнул он в ночное небо, потом с громким стоном повалился на колени. — О, Пеллеас, бесценный друг, что она натворила!

Я бросился к нему.

— Мирддин?

Боль в его голосе, словно ножом, полоснула меня по сердцу.

— Пеллеас мертв...

Все во мне оборвалось, и я услышал жуткое эхо Морганиных слов: "На сей раз твой любезный Пеллеас не вмешается".

Господи Иисусе, я молился, чтобы и это оказалось ложью.

ГЛАВА девятая

Харита была счастлива, что сын вернулся живым. Она горевала о его слепоте, но тут же приступила к лечению. Увечье Мирддина нарушило обычно неторопливое течение жизни на вершине Тора; Владычица озера пыталась применить свой обширный опыт и совещалась с добрыми братьями из святилища.

Увы, в конце концов они вынуждены были признать, что если кто и вернет Мирддину зрение, то лишь Сам Щедрый Господь. Человеческие знания оказались бессильны, так что надо ждать и покорствовать Господней воле. А до тех пор Мирддину придется носить на глазах повязку слепца.

Моргана не погибла, но утратила свою силу. Она бежала, и нам больше не страшна. Мирддин полагал, что она не сможет вернуть себе свою мощь — израсходованная, объяснил он, колдовская сила возвращается редко. Может быть, он обольщался, хотя кому знать, как не ему.

По-прежнему было непонятно, что думать о Лоте. Он мог поспеть в Ллионесс, если отплыл из Каер Эдина сразу после нашего отъезда. Опередить нас ему не составило бы большого труда.

И все же я в это не верил. Гвальхмай так страдал от стыда, что не высказывал своих мыслей. Он считал, что его доброе имя запятнано, их род опозорен. Униженный и раздавленный, он едва мог смотреть людям в глаза. Он бродил по Тору — прекраснейшей обители на этом свете! — являя собой подлинную картину отчаяния. Я всячески пытался его ободрить, но тщетно. Рана, нанесенная северной гордости, не заживала.

Я говорил об этом с Мирддином.

— Разумеется, Гвальхмай не виноват. Я его не обвиняю. Но я видел, что видел, и не могу этого изменить, — настаивал он.

— Но не мог ты ошибиться? А если это был кто-то другой?

— Конечно, мог, — соглашался он. — Но тогда это кто-то с лицом Лота и его голосом, похожий на Лота, как брат-близнец.

Да, Мирддин признавал, что мог ошибиться, но что толку, ведь, насколько я знал, братьев у Лота не было.

Гвальхмай тоже не помог.

— У моего отца нет братьев, — горько подтвердил он. — У деда был только один сын, я никогда не слышал о другом.

Итак, этих сомнений сейчас было не разрешить, поэтому я переложил их на Божье попечение, а сам занялся своими делами. Мирддин был уже почти готов отправляться в дорогу, а я торопился скорее вернуться в Каер Мелин. Налетели ветры с дождями, холодало день ото дня. Несмотря на всю любовь к Стеклянному Острову, мне не хотелось здесь зимовать. Надо было трогаться в ближайшие дни или дожидаться весны.

Харита, страшась за сына, всячески нас удерживала. Однако она понимала, что ехать нам надо, и показала мне, как менять повязку на глазах Мирддина и как разводить жидкую глину, унимавшую боль. В чаще к западу от Храмового холма я вырезал Эмрису длинный рябиновый посох, чтобы не спотыкаться; с этим посохом он стал похож на древнего друида, и многие, видевшие его, так и думали.

Аваллах предложил нам свою конюшню; мы выбрали коня для Мирддина и выехали первым же ясным днем. Корабль ждал там, где мы его оставили. Я заплатил рыбакам, которые его стерегли, мы погрузили лошадей и отплыли от берега.

День был погожий, дул свежий ветер, и все же, когда я взглянул на удаляющийся берег, боль пронзила меня стрелой. Ибо мы оставляли позади Пеллеаса, и я знал в душе, что нам больше не свидеться.

Если я ощущал горе всем телом, как свежую рану, насколько ж сильнее страдал Мирддин?

— Его нет, — сетовал Эмрис так жалобно, что сердце мое разрывалось. — Яркая звезда упала с небес, и мы ее больше не увидим.

— Как можешь ты быть уверен?

— Ах, Бедуир, — отвечал он. — Будь Пеллеас жив, стал бы я щадить себя, даже и на мгновение? Когда в помрачении рассудка я скрывался в лесах, ведь это Пеллеас меня отыскал. Он искал год за годом и не оставлял поисков. Как мог бы я сделать меньше?

Гвальхмай все это слышал и, сойдя в Абертафф на берег, вместе с нами сел на коня, но вскоре свернул на южную дорогу.

Я крикнул ему вслед:

— Каер Мелин в другой стороне! Куда ты собрался?

Гвальхмай обернулся.

— Искать Пеллеаса! — крикнул он. — Я не сяду за стол с Артуром, пока его не найду!

— Гвальхмай!

Упрямец повернулся лицом к югу и прощально потряс копьём.

— поприветствуйте от меня брата и скажите ему, что случилось!

— Сам расскажешь! Гвальхмай, вернись!

— Пусть едет, — сказал Мирддин, — и пусть исполнит, что должен.

— Но ты сказал, что Пеллеас мертв.

— Да.

— Тогда искать бессмысленно.

— Нет, — отвечал Мирддин. — Его поиски — искупление. Он может не найти Пеллеаса, но найдет и вернет свою честь. Скажу тебе правду, если он останется, то исчахнет от стыда. Пусть едет, он вернется к нам победителем.

Мало кто из нас может спорить с Эмрисом. Я не могу. Я покорился и отпустил Гвальхмай на все четыре стороны.

Артур смирился с этим решением. Как ни жаль ему было терять столь доблестного воина, случившееся не оставляло иного выхода. Он скорбел о слепоте Мирддина, но радовался, что тот вернулся живым. В Каер Мелине полным ходом шла подготовка к зиме, и нам некогда было раздумывать о загадочном предательстве Лота. Мы все лето не занимались крепостью, и многое предстояло сделать, пока с севера не задули ледяные ветры.

Зимой мы тоже не сидели сложа руки: чинили старое оружие, делали новое, поправляли сбрую, упряжь, возы. Звон и стук стояли такие, будто мы — тот самый Город кузнецов, в который попал Бран Благословенный в одном из своих странствий.

Однако Артур знал, что война предстоит тяжелая, и стремился все приготовить. Предводитель намеревался отплыть в Каер Эдин, как только Борс вернется из Бенвика. Он рассудил, что следующий удар будет нанесен по новой британской верфи.

И в этом Артур не ошибся.

Когда мы отплывали, в горах еще лежал снег. Ветер, раздувавший паруса, забирался под плащи, заставляя нас лязгать зубами. Впрочем, прибрежные воды оказались совсем не такими бурными, и если сначала у новоиспеченных моряков паруса нередко начинали хлопать или даже повисали совсем, то вскоре наш флот уже двигался достаточно быстро.

Эктор тоже времени не терял. Он встретил нас на берегу и рассказал, что пять новых кораблей ждут-дожидаются, когда Артур их осмотрит.

— Полубуйтесь на наших красавцев, — квохтал Эктор. — Ну и чудо-мастера у Лота! Работают, только лес подавай. Ну так мы рубили лес, и они работали всю зиму — ни разу на холод не пожаловались!

— Но я же разрешил им вернуться на зиму к Лоту, — сказал Артур.

— А я что им говорил? — отвечал Эктор. — Лот посчитал за лучшее оставить их здесь. Вы оттеснили варваров и спасли его корабли, так что он смог обойтись без своих работников.

— Когда Лот покинул Каер Эдин? — спросил я, надеясь разрешить загадку его появления в Ллионессе.

— Ну... — Эктор потянул себя за рыжую бороду. — Поздно.

— Насколько поздно? — спросил Артур. Он понял, куда я гну.

— Ну, если подумать, не так и поздно. Еще до Рождества.

— Задолго до Рождества?

— Да не то чтобы задолго — за несколько дней.

— А до тех пор он оставался здесь?

— Где же еще ему было быть? — спросил Эктор с подозрением.

— Ты уверен? — спросил я. — Может быть, он отлучался, а позже вернулся?

— Он все время был здесь. Ты сам его видел. Он был здесь и уехал перед самым Рождеством.

— Точно? — спросил Артур.

— Как Бог свят, — промолвил Эктор. — А теперь объясните, к чему эти расспросы?

Артур колебался, и ответил я.

— Лота видели на юге — после Лугназада, но задолго до Рождества.

— Нет, — Эктор решительно потряс головой, — быть такого не может. Я знаю, кто сидит за моим столом. Лот был здесь, со мною.

Итак, вместо того чтоб разрешить загадку, я только сильнее запутался. Естественно, мы ни слова не сказали Гвальхаваду, который провёл зиму у Эктора и встретил нас вместе с ним. Мы сообщили лишь, что брат его отправился искать Пеллеаса. Однако про себя мы продолжали гадать: кто этот второй Лот, который умчал от смерти Моргану?

Старые римские верфи лежат чуть восточнее крепости. Еще не видя их, мы услышали стук молотков и крики работников. Однако ког-

да я увидел зрелище, представшее нам за мысом, то мог бы поклясться, что римляне возвратились.

Великое множество стволов, поваленных и очищенных от коры, лежали на берегу, где десятки людей пилили их и обтесывали. Пятьдесят домов были возведены поблизости и для рабочих, и для кораблей, чтобы не прекращать строительство даже в плохую погоду. На старые каменные столбы настелили новый деревянный причал, а проходы расчистили от ила, чтобы корабли могли заходить для починки в док или загружаться, не дожидаясь прилива.

Куда ни глянь — люди с разнообразными орудиями. А шум! Визг пилы, стук топора, крики — кто-то отдает указания, кто-то откликается, где-то раздается дружное "Ухнем!" Над головой пронзительно орут чайки, волны звучно плещут о каменные столбы. Пахнет смолой, потом, опилками и солью. Казалось, мир очнулся от зимней спячки и принялся строить корабли.

Эктор был горд своими свершениями, и Артур не поскупился на хвалу.

— Ты совершил чудо, — сказал он. — Я пришлю тебе четвертую часть собранной подати.

Эктор протестующе вскинул руки.

— Прошу, предводитель Артур, оставь ее своим людям, тебе нужнее.

— Нет. — Артур был непреклонен. — Тебе одному такое дело не поднять, да и несправедливо это. Отныне ты будешь получать долю от общей подати, но и тогда мне не отплатить за все твои труды.

— Что я сделал, — ответил Эктор, — я сделал для тебя, это правда. И для спасения Британии. Ты, Артур, наша единственная надежда.

Медведь Британии положил руку Эктору на плечо, и властитель Каер Эдина обнял давнишнего воспитанника.

— Будь у меня двенадцать таких, как ты, — сказал Артур, — я возродил бы империю.

— Мне не нужна империя, — тихо и торжественно отвечал Эктор, — но я хочу дожить до того дня, когда ты сплотишь под своєю рукой Британию. Ради этого я живу.

— Так давай посмотрим корабли, которыми ты так горд, — весело промолвил Артур. — Может быть, они приблизят этот день.

Корабли покачивались на воде: пять новехоньких суденышек с четкими обводами, под парусами — хоть сейчас в море. Выстроены они были по саксонскому образцу, но с более короткими мачтами и

острыми носами. Святые угодники, Эктор бил их острые носы железом! Я вообразил, как они разрезают волны, — словно мечом.

— Они выстроены для боя, — объяснил Эктор. — Груз или лошадей на них не повезешь, но попробуй их догнать — легче угнаться за ветром!

Артур взошел на причал и с него на борт ближайшего корабля. Он стоял на палубе, расставив ноги, уперев кулаки в бока.

— Мне это по нраву! — воскликнул он. — Молодцом, Эктор-корабел. Не дождусь, чтобы размахнуться мечом и ударить копьём с этой морской твердыни!

Наверное, морской ветер отнес слова предводителя через море, и варвары, посчитав их вызовом, тут же принялись собирать войско.

Не прошло и пяти дней, а наши ноги уже стучали по палубе, а руки отцепляли причальные тросы, спуская быстрые ладьи, словно свору гончих, готовых устремиться на вепря.

Мы никогда не сражались в море, а зрелище синеватых парусов и темных судов, несущихся нам навстречу, могло б испугать и смельчака. Однако Артур был на передовой ладье, а четыре других корабля — ими командовали Борс, Кай, Гвальхавад и я сам — собрал рядом, словно отряд кимброгов. Мы стали морской конницей!

Пять кораблей, выстроившись наконечником копья, словно чайки, неслись над волнами. Остальные — общим числом тридцать, по тридцать бойцов на каждом — шли за нами сплошной стеной.

У англов было пятьдесят кораблей. При нашем внезапном появлении они свернули на юг и заспешили к ближайшему берегу — лесистому мысу у входа в Фиорт, который зовется Басас из-за окружающих его мелей. Басас, занятное имя!.. Оно также означает смерть.

Пять передовых британских судов устремились прямо в незащищенный вражеский фланг. Знай англы, как быстры корабли Артура, они бы наверняка предпочли бегство. Но где им было знать!

Каждая из наших ладей ударила противника в середину корпуса. Хруст корабельных ребер! Крики людей! Палуба под ногами ходит ходуном! Наши обшитые сталью скакуны разнесли в щепы утлые скорлупки англов. Первые пять вражеских судов камнем пошли на дно.

Мы копьями отталкивали разбитые доски, за которые цеплялись тонущие варвары. Ближайшие корабли развернулись к нам, и мы укрылись за щитами: страшные топоры англов ударили в наши борта. Железные крюки засвистели в воздухе, зацепились, веревки напряглись: варвары взяли нас на абордаж — себе на погибель. Досками, ко-

пьями и мечами отбивались мы от англов. По их узким палубам заструилась кровь.

Колоть копьем и рубить мечом с качающейся палубы, оказалось, как и полагал Артур, не труднее, чем из седла. Англы, ошеломленные и нашим внезапным появлением, и нашей стремительной атакой — они считали, что на море им соперников нет, — дрогнули.

Передовые ладьи англов спешили укрыться за высокой скалой по соседству с мысом. Дин-и-бас она называлась: Твердыня смерти. И мы сразу поняли, за что ей дано это имя.

Ибо англы, не чуя опасности, правили на мели. Камни, таящиеся под самой поверхностью воды, не пощадили никого. Захрустели, ломаясь, доски, варвары посыпались в воду. О крик, о сумятица!

Проклятья одноглазому губителю Водену мешались с воплями отчаяния. Англы бросили разбитые корабли и вплавь устремились к берегу. Несколько британских кораблей развернулись к мысу, чтобы догнать беглецов. Остальные продолжали надвигаться на уцелевшие корабли англов, намереваясь взять их в кольцо.

Варвары, оказавшись между рифами Дин-и-бас и яростными бойцами Артура, спустили паруса и на веслах двинулись прочь от прибрежных камней, прямо к нам в руки. Будь нас побольше, врагу пришел бы конец.

Увы, только пять наших кораблей противостояли двум десяткам вражеских. И, пока мы сражались с первыми пятью — два потопили сразу, — остальные успели скрыться. Англы не пытались помочь товарищам, но сразу взяли курс в открытое море: то ли испугались идущих за нами кораблей, то ли совсем пали духом после неудачной атаки. Так или иначе, они бежали.

Двенадцать вражеских кораблей затонули, еще одиннадцать остались на камнях, и хотя двадцати семи удалось скрыться, мы посчитали это победой. Артур не стал преследовать англов: только пять новейших британских судов могли догнать их в море, а этого было слишком мало. Предводитель разумно решил удовольствоваться оборонительной победой и отпустил врага зализовать раны.

Эктор и Мирддин наблюдали за битвой с укреплений Каер Эдина. Я сказал "наблюдали", потому что, хотя Мирддин не мог ничего видеть, Эктор описывал ему все с малейшими подробностями.

Оба они встретили нас на новой пристани.

— Молодцы! — крикнул Мирддин, ударяя рябиновым жезлом в дубовый настил. — Молодцы, гордость Придеина! Давно воители-

бритты не правили водным краем, но сегодняшний день все изменил. Отныне и до скончания веков Британия будет повелевать светлым царством Манавиддана! Добро пожаловать, герои! Честь вам и хвала!

Приветствие Мирддина было искренним, но хвала — чрезмерной. Удар, который мы нанесли англам, оказался сильным, но не сокрушительным. Позже мы узнали, что они, скрывшись из глаз, просто повернули на юг и направились к восточному побережью, где всегда находили неохраемые бухты и устья рек. Были здесь и небольшие варварские селения, готовые оказать им гостеприимство и помощь.

Итак, они вошли в устье Твида и укрылись в густом лесу на Калиддонских холмах. Отсюда они послали гонцов на родину за оружием и подмогой, а сами остались ждать.

Они ждали, залечивая раны, и месяц от месяца набирались сил. К летнему солнцестоянию от Кустеннина, владыки Калиддона, стали приходить известия о набегах и грабежах. Артур выслушал вестников и заключил, что англы медленно продвигаются вверх по долине Твида, чтобы обойти Каер Эдин.

Все лето Артур собирал и укреплял войско. Кустеннин из Годдеу, мой родич Эннион Регедский, Овейн из Поуиса и Эктор — все присоединились к нам. Как родичи, объединенные одной целью, мы стали называть себя "Люди Севера". С нами были и несколько южных королей: Кадор ап Оуэн Виндду из Корнубии, Огриван из Долгеллау и Кередиг Гвинеддский с сыном Мальгоном, а также Маглос, Меуриг и Идрис. Шли к нам и другие вожди, так что наши ряды росли, как пшеница в поле.

Когда последняя дружина пришла в Каер Эдин, мы препоясались острой сталью и надели шлемы для битвы. Кай, Эктор, Борс, Гвальхавад и Кадор погрузились на корабли — понадобились все до единого. Как только паруса растаяли в Муир Гуидане, мы сели на коней и повернулись к Эйлдонским холмам и темным лесам Калиддона. И мы поскакали, пятнадцать тысяч бриттов, навстречу шестидесятитысячному войску врага.

Послушать бардов, так наша победа была предreshена изначально. Что ж, я, Бедуир, рубился в каждой кровавой битве и спою вам другую песнь.

ГЛАВА десятая

На нехоженных тропах глубоко в черном Калиддонском лесу укрылись варвары. Они не теряли времени даром. Господи Иисусе, они подготовились, да еще как! Бальдульф снова возглавил объединенные силы и заставил свою орду изрядно потрудиться в ожидании боя.

Они рассчитывали, что на их стороне будет черное коварство лесной чащи, и не ошиблись. Но на нашей стороне был Мирддин Эмрис.

Мирддин жил в Калиддоне много лет еще до рождения Артура. Он знал все тамошние обходные тропы и тайные пути. Каждый холмик и ручеек, каждая лощина и заросший овражек, каждый камень, дерево и тинистое озерцо были ему известны. И, несмотря на слепоту, он мог описать все их подробно, словно черты собственного лица.

Да и Артур хорошо знал великий лес. Он частенько охотился здесь и запомнил Эйлдонские холмы не хуже, чем горы родного Диведа. Развалины древнего Тримонтия, римской крепости на берегу Твида, и соседний монастырь в Майлросе были ему такими же родными, как Каер Эдин и Каер Мелин.

Итак, по дороге через Меггет Артур и Эмрис ехали во главе воинства, а мы распевали кимрские песни — древние песни о битвах и победах, о чести, доблести и отваге. И сердца наши взмывали ввысь, словно орлы, парящие в небесах над крутыми зелеными лощинами.

Переход занял три дня. За это время Кай успел оцепить восточное побережье, прежде чем двинуться на соединение с нами. На четвертый день перед боем мы раскинули лагерь на берегу серебристого озера.

Мы хорошо поели и поспали после обеда. Многие искупались и порезвились в чистой холодной воде. Кто-то ловил рыбу, остальные проверяли оружие и доспехи.

С высокого холма я смотрел на тысячи собратьев у длинного серповидного озера, и сердце мое наполняла гордость. Рядом Артур и Мирддин играли на траве в шахматы.

— Собиралась ли подобная рать на Острове Могущественного? — вслух спросил я. — Только гляньте! Южане и Люди Севера сражаются бок о бок, под началом одного вождя. Ангелы и архангелы, у меня аж дух захватывает!

— Была подобная рать, — отозвался Мирддин, поднимая незрячие глаза на звук моего голоса. — Аврелий объединил королей на борьбу с саксом Хенгистом и его племенем.

— И столько же было народу?

— Нет, — признался Эмрис, — но тогда и саксов было поменьше.

Артур поднял голову от доски и посмотрел вниз. Весь склон был усыпан шатрами, дальше паслись лошади. Обозные телеги стояли стеной на берегу озера, где горели костры и круглые сутки жарились на вертелах целые бычьи туши — кормить наших воинов. Да, зрелище было и впрямь великолепное.

— Что ты чувствуешь, Артос, глядя на все это? — спросил я, садясь рядом с ним на траву.

— Чувствую... — Он помолчал, вбирая синими глазами величественную картину. — Чувствую смирение и страх.

— Страх! — завопил я. — Почему страх? Здесь десять тысяч бриттов, и каждый из них охотно отдаст за тебя жизнь. Вот уж кому нечего бояться!

— Я боюсь не смерти, — сказал Артур. — Я боюсь утратить Божье расположение.

— О чем ты, Медведь?

— Кому много дано, с того многое спросится. Я боюсь отдать меньше, чем получил, — объяснил Артур, и я начал понимать, о чем он говорит. Он простер руку над озером. — Посмотри, Бедуир, брат мой, я получил больше, чем кто бы то ни было в Британии. Что спросится с меня, как ты думаешь?

— Когда человек так стремится угодить Богу, как ты, Медведь, конечно же, он угодит.

В ту ночь Эмрис пел на берегу озера, его голос отдавался в безлюдных холмах, над головой светила красавица-луна, у ног серебрились волны. Арфа, прислоненная к плечу, изливала несказанную песнь, и сердца наши взмывали в испещренное звездами небо. Мирддин пел о битвах горячих и яростных, об отваге, доблести и чести. Он пел о победах и славе. Он пел старинные песни, и некоторые я слышал впервые.

Он пел о Царстве Лета и его короле. Чистый, сильный голос сплетал воображение с явью. Песня обретала жизнь и росла, становясь ре-

альнее, чем скучная земля под ногами. Слышать Эмриса значило увидеть, увидеть означало поверить.

Царство Лета жило среди нас; жар наших сердец придавал ему форму и содержание. Мы ощущали губами его сладость, в нас веяли его мелодичные ветерки. Свет его немеркнувшего солнца наполнял наши глаза.

Думаю, ради этого мы были сотворены. Мы были созданы для Царства Лета, а Царство Лета — для нас. Господи Инсусе, да будет так!

Мы проснулись на кроваво-красной заре. Над озером стелился белый туман. Мы съели то, что готовилось всю ночь: свежий ячменный хлеб, толокно и доброе жареное мясо. Самая подходящая пища, чтоб наполнить живот и поднять боевой дух!

Артур ходил среди бойцов, разговаривал с ними и смеялся, пробуждал их пыл, восхвалял их храбрость, подбадривал их и поучал.

Прочие короли, видя его обращение с людьми и ответную любовь кимброгов, начали подражать предводителю. Когда пришло время надевать доспехи и садиться на коней, в сердцах наших уже разгорался боевой пыл.

Вряд ли Остров Могушественного видел более красивое войско, чем наше, когда мы сияющим солнечным утром ехали вдоль озера. Мы, словно великая тишь, скользили по пустынным холмам. Лес был прямо перед нами, на востоке. Мы быстро проехали вдоль реки Яроу до впадения ее в Этрик — широкий плес, окруженный с одной стороны зелеными холмами, с другой Калиддонским лесом.

Выехав из лощины, мы увидели нечто удивительное и редкое: на гребне показались жители Холмов. Трое из них выехали нам навстречу на маленьких косматых пони. Мы с Артуром и Мирддином свернули к ним, а войско продолжило путь.

Хотя я был там и слышал каждое слово, не буду притворяться, будто понял, о чем они говорили. Я разобрал только слова "кентигерн" и "тырфа дрог гелын ффырниг" — они повторялись часто и с нажимом. И все же странное гульканье этих чудных человечков казалось мне полнейшей бессмыслицей.

— Чего они хотят? — спросил я Артура. — И кто они?

Артур повернулся к Мирддину, но тот не ответил, продолжая разговаривать со старшим из Подземных жителей. Это позволило мне их рассмотреть. А поглядеть стоило! Они были малы ростом, но прекрасно сложены: стройные, с красивыми чертами и вполне взрослые,

хотя ниже двенадцатилетнего мальчишки. Одеты они были в шкуры и сплошь увешаны золотом: золотые серьги и шейные кольца, браслеты и зарукавники. У каждого на щеке красовалось по четыре крохотных синих шрама.

Когда они закончили говорить, Мирддин повернулся к Артуру.

— Они из Волчьего клана, — объяснил он. — Ищут вождя Медвежьего фейна, то есть тебя, Артур. Они хотят сражаться с людьми-зверьями, которые разоряют их жилища и убивают их детей.

— Но откуда они про меня знают?

— Они слышали, что кен-ти-герн, мудрец людей-больших, то есть я, вырастил могучего сына, который загонит людей-зверей в море. Они пришли посмотреть на чудо и предложить свою помощь.

— Их помощь? — подивился я, глядя на тонкие луки и хрупкие с виду тростинки-стрелы. — Какой в них прок?

— Не отмахивайся от них, — предупредил Мирддин. — Кремневые наконечники смазаны ядом, так что малейшая царапина становится смертельной. А меткость их просто поразительна.

— Но могут ли они сражаться? — спросил Артур.

— Да, на свой лад. Их народ все делает не по-нашему, но очень толково. Они намерены присоединиться к битве независимо от того, что скажешь ты, но в смелости их можешь не сомневаться.

Артур рассмеялся.

— Коли так, пусть будут с нами.

Мирддин склонил голову, словно покоряясь решению предводителя, и выпустил длинную цепочку шипящих вздохов. Жители Холмов тут же развернули пони и поскакали прочь. Они пропали за гребнем холма вместе со своей карликовой дружиной, и больше мы их не видели.

Мы вновь выехали во главу колонны. Впереди ошетинулась черная громада Калиддонского леса. За лугом тускло поблескивал плес Этрика, а на том берегу стояло построенное клином варварское войско. Бальдульф с родичами Эбиссой, Боэрлом, Оэском и королем ирландцев Фергусом вышел из леса к броду.

Артур долгое мгновение смотрел на вражеское воинство, потом повернулся к нашим бойцам.

— Братья, перед нами враг! — вскричал он. — Впереди слава! За Христа и Британию!

Потрясая копьем, он сделал знак Рису, и тот, поднеся рог к губам, громко протрубил. Артур развернул коня и рысью поскакал к броду.

Дружина без слов знала, что делать дальше. Британская рать выстроилась в обычный боевой порядок: впереди двойной ряд конницы, сзади пехота — семь тысяч бойцов.

Земля дрожала от грохота копыт и поступи пехотинцев. В сине-белом мареве палило солнце. Впереди отливала сталью вода, за ней стояли неисчислимые вражьи полчища. До того дня я не видел сразу такого множества варваров.

Гром скачки померк перед ослепительным заревом нашей сшибки! Святые и ангелы, я не лгу! Варвары рассыпались, как овцы, обратились в бегство при первом же натиске!

Мы устремились за ними в лес и слишком поздно поняли причину столь неожиданной трусости.

Вся опушка леса была утыкана рядами кольев. Кони ранили о них ноги и вспарывали животы. Мы потеряли несколько десятков скакунов, прежде чем сумели остановить атаку. Страшная западня сняла с наших рядов кровавую жатву: там и сям люди и лошади корчились на проклятых пиках.

Счастливы те, кто умер сразу! Ужасны были крики боли, еще ужаснее — зрелище товарищей, которые бились, тщетно пытаясь освободиться из страшной западни; кому-то кол пропорол бок, кому-то вошел в грудь, кому-то в живот — кровь храбрецов рекою лилась на землю.

Я уцелел чудом. При мысли об этом и сейчас мороз пробегает по коже. Я увидел впереди колья и что есть силы дернул поводья, задрал коню голову и передние ноги. Он прыгнул, ободрав кожу о ближайшую пику, но сумел, приземляясь, выбрать единственное безопасное место на двадцать шагов вокруг.

Подлое коварство варваров застигло нас врасплох. Они придумали это зверство, страшась нашей конницы. Видя, как ала прекратила свое наступление, как смешались стройные ряды бриттов, они торжествующе завопили и бросились на наших беспомощных бойцов. Они рубили безоружных топорами и швыряли в нас отсеченные головы.

Медленно, осторожно пробирались мы между кольями, попирая копытами тела своих же товарищей. Враг отступал, но медленно. Каждый шаг давался нам ценой тяжелых потерь.

Но вот колья позади, мы в лесу. И здесь варвары пустили в ход вторую часть своего подлого замысла. Ибо в тот миг, как мы миновали опушку, неприятель снова устремился в лес.

Нам оставалось лишь преследовать его, чтобы сохранить преимущество. И мы слепо устремились за врагом. Это было нашей второй ошибкой.

Как я сказал, варвары трудились с начала лета, и мы, углубившись в лес, вскоре столкнулись с результатом этих трудов. Все лето они рубили деревья и рыли землю, чтобы создать бесчисленные преграды на нашем пути.

Мы во весь опор летели через лес, прямо на рвы и валы. Варвары стояли на бревенчатом частоколе и бросали на нас камни и поваленные стволы. Очень скоро наша атака захлебнулась. Кони не давали преимущества, нам противостоял многократно превосходящий в числе противник.

И все же мы продолжали сражаться. Мы неслись на заграждения и бились о них, словно хотели сломать их силой своей воли. Мы валили врагов и падали сами, но не могли продвинуться ни на пядь. Мы пытались объехать преграды, пробиться с дальнего края, но мешала густая чаща. Мы вновь и вновь бросались на укрепления, но снова и снова нас отражали. Каждый раз мы оставляли во рвах больше мертвецов, чем в прошлое нападение. Действия наши становились отчаянными, беспорядочными.

Артуру ничего не оставалось, кроме как дать сигнал к отступлению. Рис протяжно затрубил в рог, и мимо меня из леса устремился поток всадников. В последних рядах ехал Артур.

— Здесь нам не пробиться, — севшим от усталости голосом выговорил он. — Надо искать другой путь.

Мы выехали из леса, когда наши товарищи уже переходили брод. Что за жалкое зрелище! Избитые и поцарапанные, они выбирались на тот берег и падали от изнеможения. Повара поспешно бежали к ним с едой и питьем.

Рис протрубил сбор, и начальники дружин подъехали к тому месту на берегу, где Артур воткнул в землю копье. Они спрыгивали на землю, мрачно утирали с лица кровь и пот и вставали кругом, Артур — в центре.

Общее отчаяние вылилось в проклятья, которые полетели в лицо Артуру. Ему пеняли за отступление, вернее, за то, что к этому отступлению привело, и понапрасну теряли время на укоры и сетования. Артур слушал, опустив голову, но Эмрис, нахмурившись, поднял посох.

— А вы считали себя неуязвимыми? — горько спросил Мирддин. — Нет? Что же корите Артура за свою слабость?

— Слабость?! — вскричал Идрис. — Слепой осел! Моей вины тут нет. Половина моей дружины полегла на этих проклятых кольях.

Кередиг согласно засопел, а Овейн тактично заметил:

— Наш военный предводитель мог бы это предвидеть.

— А вы предвидели? — с жаром спросил я. — Ты, Кередиг? Ты, Огриван? Не помню, чтобы кто-нибудь возразил, когда Артур излагал план сражения.

— Так, выходит, мы виноваты? — жалобно взывал Маглос.

Да, они были расстроены и сами не понимали, что говорят, но меня бесило, что они хотят взвалить вину на одного Артура.

— Не понимаю, что толку нам обвинять друг друга... — начал Кустеннин, но его голос утонул в возмущенных криках.

Мирддин собрался снова заговорить, но Артур положил ему руку на плечо.

— Согласен с вами, государи мои, — громко объявил он, перекрывая шум. — Мне следовало раньше увидеть западню, следовало догадаться. Да, я виноват. Но сейчас надо решать, что делать дальше. Если мы передеремся между собой, то бой будет проигран здесь и сейчас.

— Правильно! — вскричали Кустеннин и еще несколько вождей, а Меуриг добавил:

— Побережём нашу ярость для врага.

Крики стихли, воцарилось подавленное молчание. Подошли кравчие с кубками ключевой воды.

— А теперь, — продолжал Артур, залпом опорожнив кубок, — что ты хотел сказать нам, мудрый Эмрис?

— Охотник роет яму на волка, но может угодить в нее сам. А в Калиддонском лесу множество волчьих ям, — сказал Мирддин.

— Избавь нас от твоих загадок, бард, — огрызнулся Идрис.

— Эмрис хочет сказать, — объяснил Артур, — что мы, возможно, сумеем обратить западню на пользу себе.

— Как? — угрюмо вопрошали короли. — Кони наши бесполезны в лесу. Тут и мечом не размахнешься — запутаешься рукою в ветвях.

— Вы правы, — спокойно отвечал Артур.

Я поднял глаза и увидел, как в свет зажегся в его глазах.

Артур продолжал:

— Послушайте, Бальдульф уверен, что лес на его стороне; что ж, возьмем себе оружие леса — тьму и личину, тайну и лисью повадку.

Не знаю, как Артур это делает. Может быть, замыслы подспудно живут в его голове, ожидая, когда в них возникнет нужда? Или явля-

ются уже готовые из Иного Мира, словно вдохновение барда? Или Артур сочиняет их, пока говорит? Всякий раз это происходило на моих глазах, а я так и не знаю ответа. Но каждый раз, как нам нужен был гениальный план, он появлялся.

Как только Артур начал подробно излагать свой замысел, всякое ворчанье смолкло. Короли сбились в тесный кружок, чтобы лучше слышать, и их недовольство вскоре сменилось восторгом.

Хотя наши тени уже протянулись через весь луг, мы выстроили боевые порядки согласно замыслу Артура и снова поскакали в Калиддонский лес — все, кроме части дружины, оставшейся со мной. Как только передовые бойцы въехали в чащу, мы вскочили на коней, пересекли брод и во весь опор понеслись на юго-запад по долине Этрика.

Со мной была тысяча под началом самых молодых королей: Идриса, Мальгона, Маглоса. Мы долго скакали вдоль реки, пока не оказались у места, которое описал нам Мирддин, — ложбинки, где в Этрик впадает один из тысяч лесных ручьев. Это был наш вход в чащу.

Оставив коней, мы взяли копья и побежали по ручью, то плеща по воде, то ломаясь через кустарник, с одной мыслью — быстрее добраться до места сражения. Однако ручей вел в противоположную сторону! Мы удалялись от боя.

— Чтоб он сдох, этот бард! — выкрикнул Идрис. — Проклятый слепец отправил нас не туда!

Я стремительно развернулся к нему.

— Молчи, Идрис! Мы доберемся, куда надо.

Нас догнали остальные.

— Надо возвращаться, — настаивал упрямый Идрис.

Маглос стоял в нерешительности, готовый скорее принять сторону Идриса, чем Мирддина. Но тут заговорил Мальгон:

— Никто не укажет дорогу вернее слепого барда. Ведь он видит яснее всех!

И упер в землю ясеневое древко копья, не намереваясь поворачивать назад.

Я в ярости посмотрел на Идриса, который задерживал нас и смущал бойцов своими сомнениями. Как же хотелось пронзить его копьем!

— Я сказал, доберемся. За мной!

Я повернулся и продолжил путь. Мальгон последовал без колебаний. Идрис и Маглос упрямо стояли на месте, но, когда бойцы начали их обгонять, нехотя затрусили следом.

Ручей по-прежнему уводил от места сражения. Я верил Эмрису больше, чем себе, но, по мере того как грохот боя становился тише, в сердце закрадывались сомнения. Может быть, Идрис прав, и Мирддин запямятовал дорогу? Калиддонский лес велик, в нем множество ручьев и лощин. А может быть, заблудились мы сами...

Нет, надо двигаться дальше. Другого пути нет. От нас зависит успех боя. Если мы не доберемся до места, все погибло. Я, стиснув зубы, бежал дальше.

И вот шум битвы совершенно стих. Я напряженно вслушивался, но различал только гул крови в ушах да хриплое дыхание. Боже, молился я, не дай нам подвести товарищей. Глядя под ноги, я бежал по мягкой земле, а сердце в груди бешено колотилось. Во рту пересохло, легкие разрывались, но я бежал дальше, опустив голову и превозмогая боль.

И вдруг в какой-то миг местность круто пошла вверх, днище ручья превратилось в ровную прямую тропу. Наверху сходились кроны деревьев, внизу стремительно бежала вода. Однако журчание струй не заглушало слабого рокота битвы.

Рокот нарастал. Мы приближались к месту сражения — но приближались к нему сзади. Хвала величайшему из бардов! Он помнил правильно!

Впереди было озерцо, из которого варвары брали воду, темное в вечерних сумерках. За озером начинался земляной вал и частокол, воздвигнутый Бальдульфом для отражения нашей конницы. Я видел за деревьями и сами стены, и кишащих на них варваров.

Вокруг насыпного кургана, словно кривые руки, протянулись бревенчатые частоколы. Устроены они были так, как и предположил Артур, — самая середина оставалась незащищенной. Варвары рассчитывали, что со спины их прикроет лес.

Передо мной царила сумятица боя. Бритты бросались на заграждения, захватывали их и снова теряли. Кимброги сражались, как львы. Земля дрожала от грохота битвы, удары щита о щит или меча о топор сливались в протяжный гул. Яростное было сражение, жуткое побоище.

Я с трудом удержался, чтобы не ударить в спину ничего не подозревающему врагу. Однако замысел состоял в ином.

Вот что мы сделали: опустились на колени на берегу озерца и разожгли принесенные с собой головни. Это отняло несколько драгоценных мгновений. Отец Света, распали гнев Твой на наших врагов, и пусть он пылает так же ярко, как факелы в наших руках!

Наконец, когда у каждого была в руках пылающая головня, я, выпрямившись, издал боевой клич. Тысячи глоток подхватили, тысячи бойцов вскочили, как один человек.

Ошеломленные варвары обернулись, и увидели, что на них несется сплошная стена огня. Пробегая через их лагерь, мы подожгли палатки. Пламя взметнулось в небо, за клубился густой дым.

Варвары дрогнули. Внезапность, мелькание факелов в сумеречном лесу — у страха, как говорится, глаза велики. Они вообразили, будто их окружили бесчисленные враги.

Однако замешательство было недолгим. Некоторые варвары, придя в себя, бросили свои укрепления и устремились против нас. Тщетно! Нас было не остановить. Мы неотвратно надвигались на курган, с которого направлял сражение Бальдульф.

Подбежав к первому ряду укреплений, мы сорвали с поясов глиняные кувшины и разбили их о частокол. Масло хлынуло на древесину, мы поднесли факелы, масло зашипело и вспыхнуло. Заклубился черный дым, в небо взметнулись языки пламени. Дым валил все гуще. Вскоре частокол запылал.

Варвары оказались в западне, которую выстроили своими руками. Боевые возгласы сменились воплями ужаса. Воины пробивались сквозь огонь, мы встречали их копьями и мечами.

Мы хотели вызвать замешательство, а вызвали панику.

Господь свидетель, мы показали варварам, каково им придется в аду! Да, страшное было зрелище!

Ряды ирландцев и англов смешались и дрогнули. Ирландцы с воплями разбегались по лесу. Англы от ярости и безысходности принялись рубить друг друга. Варваров сгубила их собственная глупость — продержись они хоть чуть-чуть, стало бы ясно, как нас мало на самом деле.

Однако не зря говорят — и в тот день это подтвердилось еще раз, — что при всей своей хитрости и жестокости варвары легко падают духом. Нет в них решимости стоять до конца. Встретив неожиданный отпор, они легко поддаются отчаянию, обращаются в бегство, гибнут. Мирддин говорит, это оттого, что они не умеют надеяться, и я с ним согласен.

Довольно было с криками забросать их факелами, чтобы у них затряслись поджилки. Они оторопели от внезапного нападения и уступили не нашим мечам, но собственному страху. Это их и сгубило.

Они могли бы еще оправиться, но Артур не дал им на это времени. Едва лишь варвары обернулись на нашу атаку, бесстрашные кимброги

бросились на укрепления. Здесь огонь, там Артур — не диво, что многие предпочли пламя.

Мы рубили их сноровисто, словно валили лес. Повсюду были враги. Некоторые их воеводы сражались, как пристало мужчинам, но большая часть бежала без оглядки, бросив вождей и родичей. Тысячи искали спасения в темных глубинах леса.

— Бретвальда!

Я принялся озираться, ища, откуда раздался знакомый голос. В какой-то сотне шагов от меня, у подножия центрального кургана, стоял Артур. По клинку Каледволха стекала алая кровь. Я побежал к нему.

— Бретвальда! Вызываю тебя на бой! — смело восклицал наш предводитель.

С кургана донесся оглушительный вопль ярости. Сквозь завесу пламени и дыма мы смогли различить кучку воинов, сгрудившихся у надетых на палку черепов — знамени бретвальды. Окруженный хускарлами, Бальдульф взвыл, как раненый бык, и устремился бегом со склона. Отблески огня вспыхивали на его шлеме, жилистая рука, как и огромный топор, была обагрена кровью. Он бежал, наступая на убитых сородичей, чтобы ударить с разгона.

Артур бесстрашно ждал. Когда же бретвальда прыгнул через завесу пламени, занеся над головой свой страшный топор, юркий Артур отскочил в сторону, оставив на прежнем месте лишь острие меча.

Стальная рубаха спасла Бальдульфа от смерти. В боевом раже он промчался мимо Артура, попытался остановиться, поскользнулся на залитой кровью земле и рухнул навзничь. Артур был наготове.

Каледволх пропел в воздухе. Жадный клинок впился глубоко, и голова Бальдульфа скатилась с плеч.

Видя, что мощный бретвальда повержен, варвары припустили со всех ног, вопя от отчаяния и злобы. Бой превратился в бегство. Сотни, тысячи удирали, словно ошпаренные псы.

Артур шагнул к отрубленной голове врага и снял с нее шлем. На него уставились выпученные мертвые глаза Боерла, родича бретвальды.

— Наверное, они обменялись оружием и шлемами, — заметил я.

Артур кивнул.

— Неважно. Все равно Бальдульф обрек себя на смерть.

Предводитель подал знак Рису, тот поднял рог и протрубил. Бритты преследовали бегущих врагов по темным прогалинам и звериным тропам Калиддонского леса. Крики несчастных оглашали чащу.

То были звуки бесславного поражения. Не знаю воина, которому они пришлось бы по сердцу.

Однако среди деревьев темнеет рано. Мы не успели добить врагов. Многие скрылись во мраке.

ГЛАВА *одиннадцатая*

-Мы встанем лагерем на лугу и продолжим погоню, как расцветет, — объявил Артур. — Я не отложу меча, покуда не увижу Бальдульфа в цепях или мертвым.

Затем он приказал перевязать раненых и снять все ценное с убитых. Мы обирали трупы при свете факелов. Мертвых врагов бросали в земляные рвы, павших бриттов заворачивали в их плащи и несли к курганам, где монахи из Майлроса с почетом предавали их огню. Погребальный костер озарял небо, добрые братья молились за упокой наших товарищей. Тела наших родичей и соратников не достались на поругание хищным зверям и птицам.

Когда, пошатываясь, мы брели через реку к лугу, бледная луна сияла за клочьями облаков. Жарко пылали походные костры, ратников ждала горячая пища и холодное питье. Воинство Британии с благодарностью опустилось на холодную траву. Предводитель, прежде чем приступить к трапезе, убедился, что его бойцы ни в чем не имеют нужды.

Так же поступили и другие вожди. Я видел, как войско расплзается вдоль реки и дальше по лугу. Боже Праведный, нас было куда меньше, чем вступило на этот берег сегодня утром, — а кажется, столетье назад. Я почувствовал себя старым и разбитым.

Мы с Артуром с трудом дотащились до его палатки. Мирддин ждал у огня и при нашем приближении поднялся.

— Садитесь, — велел он. — Я принесу поесть.

Без единого слова Артур рухнул в походное кресло Утера, да так и остался сидеть, не в силах двинуться от изнеможения. Мы умылись в реке, но кровавые пятна на одежде поблескивали при огне черным, а на коже остались капельки запекшейся крови.

— Грязное дело, — пробормотал Артур, глядя на свои руки.

Я кивнул.

— Да, Медведь, да.

Мирддин вернулся с двумя кравчими, которые внесли хлеб и мясо на деревянном подносе и огромный кувшин с пивом, и, велел им от-

правляться по делам, своими руками подал нам еду. Несмотря на слепоту, Эмрис двигался быстро и без колебаний. Когда я спросил, как же он нас находит, Мирддин рассмеялся и ответил:

— По запаху, благоуханнейший Бедуир! Как же еще?

Он хотел нас развеселить, но у меня не было сил не то что смеяться — улыбку выдавить. Я молча выпил пива и пожевал хлеба, заставляя себя работать челюстями. Ну и черствый же он был! В руках разламывался легко, а в горло никак не шел. То же и мясо.

Покуда мы ели, другие вожди, устроив своих людей, присоединялись к трапезе. Первыми пришли Мальгон и Маглос, за ними Овейн, Огриан, Идрис и Кередиг. Они торопили дележ, считая, что надо начать немедленно.

Артур не стал их разочаровывать, хотя я видел, что ему самому это не по душе.

— Несите сюда добычу, я ее разделю.

Это они и хотели услышать. Собственно, дело было только за Артуром, потому что, едва прозвучали его слова, появились воины с охапками сокровищ. Они подходили к предводителю и складывали ношу к его ногам. Несли мешки, полные добра, снятого с убитых варваров или захваченного в их стане: золота и серебра, меди, бронзы и олова, узорчатых с драгоценными камнями и эмалью кубков, чаш, подносов, гривен, запястных и нарукавных браслетов, пряжек, кувшинов, кинжалов, мечей, поясов, колец и серег, ожерелий, котлов, драгоценных мехов, гребней, украшений для волос, ошейников для собак и любимых рабов, монет, зеркал, изваяний Водена, Тора и Фрейи, дисков, ложек, обручей на голову, слитков больших и малых в форме топориков... и прочего, и прочего.

Сперва собравшиеся радостно завопили, видя богатую жатву. Мешок высыпали за мешком, куча росла все выше — вот она уже сровнялась с Артуром! Но чем больше она становилась, тем реже слышались выкрики и смех. Последнюю побрякушку водрузили на верх в полнейшем молчании.

С оторопью созерцали мы завоеванное богатство. И тут стыд охватил нас всех, и сладкий вкус победы сменился горечью.

Да, мы честно завоевали это сокровище, но оно было в крови — по большей части в крови бриттов, которых варвары грабили все лето. Мы лишь вернули свое, и нерадостным был этот дележ.

Прочесывать лес — дело небыстрое. Мы выступили со светом, как только начали различать в чаще следы врага. Но мы так и не настигли никого из бежавших варваров, которые к этому часу должны были уже снова собраться в дружины. Однако мы продолжали путь и к полудню начали наткаться на жуткие и неожиданные находки: обескровленные трупы варваров свисали с древесных ветвей.

Сперва один, потом несколько... потом десятки...

Я остановил погоню и велел кимброгам вернуться в долину Твида.

— Живых мы не настигнем, — сказал я. — Скачем к Майлросу.

Когда мы подскакали к нашему войску, только начинало вечереть. Артур подивился столь скорому возвращению.

— Что стряслось, Бедуир? Плохая охота?

— Да, — отвечал я, спрыгивая с коня. — Кто-то уже похозяйничал в твоих угодьях, о господин ловитвы.

Предводитель взглянул удивленно.

— Что случилось?

— Полагаю, Жители холмов взыскали кровью, что им причиталось. Мы наткнулись на трупы, пронзенные стрелами и повешенные истекать кровью, словно бычьи туши. Банши истребили сотни варваров, а мы, Медведь, их не видели и не слышали.

— Ты правильно сделал, что возвратился, — сказал Артур. — Пусть Жители холмов сражаются на свой лад.

О Бальдульфе по-прежнему не было ни слуха, ни духа. Несмотря на жуткие гроздья трупов, я и минуты не думал, что он мертв. Слишком многие бежали в темные глубины Калиддона — не одна тысяча варваров. По меньшей мере половина вражеского войска уцелела и готовилась к новым боям.

Вскоре лазутчики, которых предводитель отрядил еще до рассвета, доложили, что Бальдульф бежал на восток, к своим кораблям. В подтверждение этой вести они доставили ирландского короля Фергуса с остатками дружины — их захватили на пути к Абертвиду.

Воины и вожди бриттов поспешили к палатке Артура, чтобы увидеть, как тот поступит. Они сгрудились тесным кольцом. Многие кричали и насмехались над ирландцами, но большая часть молчала.

Фергуса со связанными за спиной руками вытолкнули вперед и бросили на колени перед Артуром. Предводитель лишь взглянул на это горестное зрелище, бросился к королю, поднял его на ноги и, вынув из-за пояса кинжал, разрезал на нем путы. Потом, глядя ему прямо в глаза, Артур сказал:

— Будь я на твоём месте, ты бы меня убил. Станешь ли отпираться?

Фергус знал северное наречие и ответил:

— Не стану отпираться, убил бы.

— Так почему ты позволил привести себя связанным?

Ирландский король вскинул голову и с глазами, полными смирения, ответил:

— Потому что я слышал, будто ты человек справедливый и милостивый, предводитель Артур.

— Ты зовешь меня справедливым и милостивым, о король, и все же пошел на меня войной. Как это может быть?

— Не солгу, я беден. Некогда имя Фергуса Мак Гиллормара звучало громко, но дань, которой обложил мой край бретвальда, вконец нас разорила. Ныне земли мои бедны, зерно не родится, среди скота падеж. Мы умираем с голоду, а дань не уменьшается ни на зернышко. Бальдульф обещал снизить дань, если я пойду с ним. Обещал богатую добычу. — Фергус повесил голову. — Прошу, господин, если не пощадишь меня, то пощади моих воинов, которые всего лишь следовали за своим королем.

Артур потер подбородок, потом сделал мне знак подойти ближе.

— Что скажешь, Бедуир?

— По мне, похоже на выдумку.

— Но может в ней быть какая-то доля правды?

Я на миг задумался.

— Ну, — медленно начал я, — ирландцев не надо долго уговаривать в набег. Они и в лучшие-то времена живут впроголодь.

— Да. Что еще?

— Насчет подати Бальдульфу — похоже на правду. Это многое объясняет.

— Согласен. А что делать с ним? — Артур указал подбородком на ждущего Фергуса.

— Спроси Мирддина. Он твой мудрый советчик.

— Я спрашиваю тебя. Что сделал бы ты, Бедуир?

— Не знаю, Артос. Наверное, убил бы. Пусть алчные язычники знают, что нельзя безнаказанно пойти войной на Британию. Сила — единственное, что они уважают.

Артур положил мне руку на плечо.

— Ответ твой — душа премудрости, брат. Лишь глупец поступит иначе. Но именно так я и сделаю.

— Ты хочешь отпустить его?

— Да.

— Тогда зачем спрашивать, что я думаю? Что это меняет?

— Мне нужно было это услышать, Бедуир, вот и все. Ты изрек су-
ровый закон войны. Но мы применим высший закон.

— Какой это?

— Когда человек просит о жизни, ее надо даровать, даже если для
тебя лучше, чтобы этот человек умер.

Он быстро повернулся и велел Фергусу встать на колени.
Собравшиеся кимры загудели, гадая, что же решил Артур.

— Клянешься ли, о король, под страхом смерти никогда больше
не ходить войной на Британию? Клянешься ли любой клятвой, ка-
кую сам изберешь, хранить мне верность и платить подать, доколе
жив?

Фергус поднял лицо к Артуру, и я увидел зрелище, которое неча-
сто встречается в этом мире. Я увидел, как зажглась надежда в обре-
ченном, утратившем право надеяться. Надежду это заронило мило-
сердие. И я, глядя на ирландского короля, понял, что Артур получил
верного друга на всю жизнь. Фергус принес клятвы, вручающие его
жизнь Артуру, и встал с колен счастливым.

Вопреки всякому разуму Артур накормил пленных и отослал их
домой без охраны. Ничто не мешало им вероломно повернуть назад в
тот же миг, как мы потеряли их из виду. Многие в нашем лагере ро-
птали на Артура за это решение, но когда Медведя Британии поколеба-
ли чужие упреки?

Мы некоторое время отдыхали на зеленом берегу Твида, набира-
лись сил и врачевали раны. Погода стояла солнечная и теплая, долгие
северные дни расстилались перед нами золотые и ласковые. Артур ел,
пил и распевал песни с кимброгами. Он одарил их за доблесть сере-
бряными кубками, золотыми кольцами и браслетами. Он щедро раз-
дал свою долю, ничего не оставив себе.

И вот как-то раз, поужинав похлебкой из порея, жареным мясом,
жестким походным хлебом и сыром, Мирддин Эмрис взял арфу. Весь
лагерь собрался на берегу реки, сбившись в кучу так плотно, что
нельзя было даже двинуться. Никто не замечал тесноты, так хотелось
всем услышать песню Эмриса.

Мирддин возвышался перед нами на плоском валуне, под ним
струился Твид. Прямой и высокий, он стоял перед воинством Брита-
нии, трогая струны, опустив незрячие глаза, и перебирал в памяти
множество известных ему сказаний. Так бывало всегда: Мирддин вся-

кий раз выискивал такую песню, чтобы ее слова легли на сердце слушателям и запечатлелись в нем на веки вечные.

Его длинные пальцы летали по струнам, извлекая из певучего сердца арфы мелодию так легко, как девушка вызывает улыбку у возлюбленного. Потом, подняв голову к небу, он начал свою повесть. И вот что он спел:

— В первые дни людей, когда роса творения была еще свежа на земле, Бран Благословенный, сын Ллира, был королем Гвинедда, Ллогрии и всего Инис Придеина вдобавок. Он был справедлив и добр, как солнечный свет, льющийся с небес, и не видал еще Остров Могущественного лучшего короля, и вот как все это было...

Однажды Бран сидел на вершине Харддлех над морем с родичами и множеством знатных, как приличествует великому королю, и увидел тринадцать ирландских кораблей, идущих по морю к берегу, и они скользили с попутным ветром легко и красиво, как чайки.

Те, кто был с Браном, снарядились и пошли вниз поджидать ирландские корабли.

— Ллеу меня разрази, — воскликнул один из них, когда те подошли ближе, — если я когда-нибудь видел корабли прекраснее этих.

И все с ним согласились, что корабли и впрямь хороши.

И один корабль вышел вперед прочих, и на палубе его они заметили знак мира — лежащий щит. Корабли остановились недалеко от берега, и люди с кораблей спустили лодки и подошли к берегу.

— Ллеу да будет добр к вам, — приветствовал со скалы Бран, когда первый из них вышел на сушу, — и добро пожаловать, коли пришли с миром. Чьи эти корабли, и кто у вас главный?

— Наш господин, — отвечали они, — Сехлайнн, король Ибернии, ему принадлежат эти корабли и много других в придачу, коли уж ты спросил.

— Чего ему здесь нужно? — спросил Бран, который на собственном горьком опыте научился не доверять гостям из-за моря. — Сойдет ли он на берег?

— Нет, господин, — отвечал посланец, — у него к тебе просьба, и он не ступит на берег, покуда не получит ответа.

— И какова же его просьба? — спросил Бран.

— Великий властитель, — учтиво промолвил посланец, — король Сехлайнн хочет заключить с тобой союз и просит в знак дружбы отдать за него Бронвен, дочь Ллира, дабы связать ваши дома уза-

ми крови и чести. Так Иберния и Остров Могущественного станут еще сильнее.

— Тогда пусть твой господин придет в мою крепость, чтобы все как следует обсудить.

Король Сехлайнн услышал это и тут же сошел на берег вместе со своими слугами и советниками. И великое множество народу собралось в тот вечер в чертогах Брана.

И на другой день, чуть рассвело, люди Острова Могущественного собрались на совет и рассудили, что пора положить конец постоянным войнам с Ибернией и чем скорее, тем лучше. Однако горько им было отдавать Бронвен, одну из трех Величайших королев острова и прекраснейшую девушку в мире.

Тем не менее порешили отдать ее Сехлайнну для общего блага. И объявили, что будет пир в честь союза двух сильнейших родов на свете.

Король Сехлайнн, со своей стороны, подвел к берегу семь кораблей и начал их разгружать.

— Кто это плывет к нам? — дивились бритты. — Скажите, молим, потому что мы прежде не видели таких созданий.

— Эти животные зовутся лошадьми, — отвечали ирландцы. — Не зря вы на них дивитесь, ведь их подарил нам сам Луг Крепкой Руки, а происходят они прямоком из Иного Мира.

Бритты в изумлении глядели, как прекрасные звери выходят из воды и пены, блестя на солнце, словно в небесной позолоте. Лошадей и конюхов приняли с честью и тут же отправили в лучшие луга и лощины, которыми владел Бран.

А Бронвен, его сестра, в тот же день вышла за Сехлайнна, короля Ибернии, и ночь они провели вместе, и так породнились благородные королевства Иберния и Инис Придеин.

Праздничный пир продолжался столько дней, что люди утратили им счет. И вот в один из дней Эвнисиэн, брат Брана по матери, муж вздорный, вернулся из странствий и увидел коней.

— Кто эти уродливые твари? — спросил он. — И кто привез их сюда топтать нашу землю?

— Это выкуп за Бронвен, которая стала женой Сехлайнна, короля Ибернии, — отвечали конюхи.

Злобный Эвнисиэн по обыкновению нахмурился и зарычал на конюха.

— Что? Такую замечательную девушку выдали замуж без моего согласия? Да захоти двоюродный брат нанести мне большее оскорбле-

ние, ему бы это не удалось. Наверняка он нарочно хотел причинить мне обиду.

И с этими словами Эвнисиэн, сеятель раздора, принялся молотить лошадей кулаками, сперва по бокам и спинам, потом по хвостам и холкам. И так он их измолотил, что совершенно обезобразил и лишил всякой красоты.

Весть об обиде достигла короля Сехлайнна, который весьма подивился такой жестокости.

— Оскорбление моему дару — оскорбление мне самому. Боюсь, коли они не чтут мое величайшее сокровище, то и меня могут обидеть, — сказал он, качая головой. — А коли так, мне остается только подняться на корабль.

Король Сехлайнн взял жену и людей и поспешил за море в свое королевство. Корабли успели превратиться в пятнышки на горизонте, прежде чем Бран узнал об его отъезде. Узнавши, он воскликнул:

— Негоже, чтобы король ирландцев покинул наш остров со столь неприличной поспешностью. Посему мы его не отпустим.

И Бран отправил гонцов на самых быстрых судах, чтобы те умоляли Сехлайнна вернуться и почтить двор Брана своим присутствием.

— Не вернусь, — отвечал король Сехлайнн с палубы своего пригожего корабля, — пока не узнаю, кто нанес моему имени обиду, сгубив мой добрый дар.

И рассказал им о том, что случилось с лошадьми.

Когда Бран услышал рассказ посланца, он промолвил так:

— Чую, что это проделки злобного Эвнисиэна. Видит Ллеу, от него всегда были одни беды.

И вновь он отправил гонцов — а звали их Манавиддан ап Ллир, Хевейдд Высокий и Униг Крепкое Плечо — просить прощения за проступок родича и сказал:

— Передайте королю Ибернии, что в возмещение обиды, которую нанес ему Эвнисиэн, я дам ему серебряный посох с него ростом и золотое блюдо размером с его лицо. Если же Сехлайнн этого не примет, пусть приходит ко мне, назовет свое возмещение, и мы заключим мир на условиях, какие он сам предложит.

И быстрые гонцы тут же отплыли к Сехлайнну и дружелюбно передали слова Брана. Король выслушал, а его красавица жена стала просить вместе с гонцами:

— О супруг, брат мой — человек достойный. Позволь ему возместить обиду и не пожалеешь.

Ирландский король надул щеки и посмотрел на красавицу жену. И не мог он ей отказать, и молвил:

— Все это весьма чудно с самого начала, и мне угодно положить этому конец. Ладно, я вернусь к Брану и выслушаю его.

Ирландцы вернулись на Остров Могущественного, но уже с опаской, ожидая нового оскорбления. Бран заметил, что они мрачны и немногословны за трапезой.

— Друг мой, ты не так весел сегодня, как прежде. Если это из-за малости возмещения, я увеличу его по твоему хотению.

— Луг наградит тебя, господин, я верю в твою искренность.

— Чтобы ты не сомневался, я дам тебе главное мое сокровище. Это большой золотой котел, обладающий таким свойством: если сегодня погрузить в него убитого воина, завтра он будет сражаться, как прежде. Только не сможет сказать ни слова.

Король Сехлайнн учтиво поблагодарил Брана и так обрадовался новому сокровищу, что совсем забыл про обиду. Пир продолжался еще много дней, и все веселились от души.

Когда же пришло им время расставаться, ирландский король обнял короля бриттов, словно родного брата, и сказал:

— Приезжай к моему двору, и я десятикратное отплатю тебе за радушие. Приезжай непременно.

И после многих сердечных прощаний король Сехлайнн и Бронвен тронулись в путь. Тринадцать пригожих ирландских кораблей отплыли из Абер-Менеи и понеслись к Ибернии, где их с радостью встретили все жители страны.

Вскоре все королевство заговорило, что Сехлайнн привез себе жену поразительной красоты. И каждый, кто приходил ко двору в первый день, получал из рук Бронвен золотое кольцо, или самоцветный камень, или узорчатую пряжку, или другую драгоценность. И какое же это было дивное зрелище, когда гости расходились со своими дарами!

Слава Бронвен как доброй и щедрой королевы росла, и не диво. Королевство Сехлайнна процветало, как никогда. А король был весьма доволен своей супругой.

В положенный срок Бронвен понесла и родила сына, которого нарекли Гверн. По обычаю тех дней, мальчика отправили на воспитание в лучший дом королевства.

Брат Бронвен по матери, Эвнисиэн, исполненный злобы, все думал, как обернулось дело и как Бран загладил нанесенную им обиду. И стал он завидовать удаче Сехлайнна и его счастью.

— Гофаннон приберй меня своим молотом, если я не разберусь с этим раз и навсегда.

И, сев в маленький челн, немедленно отплыл в Ибернию.

В Ибернии, как и повсюду, есть свои смутьяны. Эвниссиэн без труда отыскал их и распалил злобными словами и пустыми посулами.

Это было легко, ибо доброта и щедрость королевы Бронвен, как и рождение наследника, возбудили в мелких людишках зависть к счастью короля Сехлайнна. И скорее, чем сказка сказывается, смутьяны, подговариваемые хитрым Эвниссиэном, стали попрекать короля обидой, нанесенной ему при дворе Брана. Чем больше они об этом думали, тем сильнее негодовали.

Сдерживали они это негодование в себе? Нет, не сдерживали.

Очень скоро они уже болтали языками по всему королевству, порождая досужие толки. Яд расползлся и со временем достиг ушей Сехлайнна. Тот опечалился и сперва не желал ничего слушать, помня о чудесном котле, который получил в возмещение обиды.

Но злые толки не умолкали. И — вода камень точит — случилось так, что Сехлайнн не мог смотреть на красавицу супругу, не вспоминая о причиненной обиде.

Но подстрекатели на этом не успокоились. Они постоянно требовали от бедного короля, чтобы тот отомстил за бесчестье и смыл позор как с себя, так и с них.

Короче, они подняли в Ибернии такое возмущение, что под конец несчастный Сехлайнн покорился. И вот какой была эта месть: Бронвен ударили по щеке и выгнали из королевских покоев. Ей отвели место на кухне и велели готовить для всего двора.

И этот удар, который нанесли Бронвен, известен как одна из Трех Несправедливых Пощечин Британии.

Однако, как все понимали, этим дело кончиться не могло.

— Государь, — сказали недовольные, — нельзя, чтобы весть о случившемся достигла Брана, не то он пойдет на нас войной, чтобы отомстить за сестру.

— Что вы предлагаете? — спросил опечаленный Сехлайнн. Он уже не заботился, что станет с ним и королевством, ибо жизнь сделалась ему не мила.

— Задерживай все корабли, идущие в Инис Придеин, а тех, что прибудут оттуда, сажай в темницу, и тогда мы наконец успокоимся.

— Вы-то успокойтесь, а я нет. Отныне зовите меня не Сехлайнн, а Маллолох, что значит Несчастнейший.

— Ты сам все решил, — сказали недоброжелатели. — Мы такого не хотели.

Хотя именно этого они и добивались.

Эвниссиэн, посеяв злое, тайно вернулся домой. Бедняжка Бронвен, заброшенная в своем собственном доме, стала убиваться и тосковать. "Ллеу ведает, что я ничем этого не заслужила. Награда за мою доброту — одиночество, за щедрость — нескончаемые труды. Это несправедливо".

Случилось так, что Ллеу, пролетавший по небу в своем обычном обличье — большого черного ворона, — услышал стенания Бронвен и, памятуя ее бывшее великолепие, спустился узнать, нельзя ли тут что-нибудь исправить.

Сев на квашню, в которой Бронвен месила тесто, он устремил на нее черный блестящий глаз. Она увидела ворона и предложила ему шматок мяса, который тот немедленно проглотил и благодарственно закаркал. Она налила ворону молока, которое тот мигом выпил.

— Хоть кто-то оценил мои труды, — скорбно вздохнула Бронвен. — Привет тебе, друг ворон.

Ворон спросил:

— Дочь, кто ты, трудящаяся без отдыха? Без сомнения, ты рождена для другой доли.

— Я — Бронвен, дочь Ллира, и Бран Благословенный — мой брат. Ты, сам того не ведая, изрек правду, ибо некогда я была королевой этой земли и все меня почитали.

— Как же ты оказалась в такой немилости?

— Не подумай, что я сама заслужила свою беду. Истинно скажу, меня здесь не любят. Любили, да разлюбили, а все из-за злых наветов. — Она с подозрением взглянула на ворона. — А впрочем, не твоя это печаль.

— Напротив, сестрица, очень даже моя.

— Кто ты такой, чтобы печалиться о моей участи?

— Неважно, кто я, скажи лучше, чем тебе помочь?

— Не знаю, что тебе и ответить. Целыми днями я раздумываю над этим, да так ничего и не надумала. Ибо, мало того, что я здесь в рабстве, ни один корабль не может прийти из-за моря. Будь мои родичи в Ином Мире, мне не легче было бы до них докричаться.

— Довольно, — прокаркал ворон. — Можно задержать корабль, но никто не помешает птице лететь, куда ей вздумается.

— Так ты отнесешь весточку моему брату?

— Я разве не об этом толкую?

— Ладно, только объясняйся с ним понятнее, чем нынче со мной, — буркнула Бронвен.

— Говори, что ему передать, — сказал Ллеу в обличье ворона, — и жди, что будет.

И Бронвен поведала ворону о своей горькой участи, а после описала Брана и рассказала, где его сыскать. И огромная черная птица унеслась в прекраснейший край за морем.

Вещий ворон отыскал Брана в его крепости и поговорил с ним наедине. Бран, выслушав его, сильно опечалился и разгневался, узнав о сестрином бесчестии. Он поблагодарил ворона и, не переводя дыхания, потребовал к себе советников, и друидов, и всех, кто был поблизости, и поведал им, что приключилось с Бронвен у Сехлайнна.

— Не возьму в толк, как такое могло стать. Я высоко чтил ирландского короля, и вдруг такое. Нельзя было доверять этим подлым псам. Вещайте, мудрецы! Что скажете, советники? Что велите делать?

Все в ужасе переглянулись и отвечали в один голос:

— Путь наш ясен, король и повелитель. Надо тебе идти войной на Ибернию, выручать сестру и везти ее домой, дабы положить конец этому унижению.

Бран согласился. Он собрал дружину — а лучшей дружины еще не видел Остров Могущественного — и отплыл из Абер-Менеи в Ибернию. И воины его были один лучше другого.

И свинопасы Маллолоха пасли свое стадо на морском берегу и завидели флот Брана. Они побросали свои палки и, не заботясь о том, что свиньи разбегутся, побежали к королю, который в это время держал со своими приближенными совет.

— Луг вам в помощь, — приветствовал их ирландский король. — Какие у вас вести?

— Господин, мы видели удивительное зрелище. Такое, что удивительнее его трудно вообразить, — отвечали свинопасы.

— Говорите же скорее, что вы такое увидели.

Они отвечали напрямик:

— Не думай, что мы пьяны, господин, но мы видели лес в волнах, где прежде не росло ни единого дерева. Более того, лес этот движется на нас. Вообрази!

— Поистине удивительное зрелище, — отвечал Маллолох. — Видели вы что-нибудь еще?

— Мы видели гору посреди леса. Из вершины ее била молния, а в расселинах бушевал гром.

— Грозовая гора, окруженная лесом, — задумчиво повторил Маллолох. — Говорите, она надвигается на нас?

— Да, государь. Что бы, по-твоему, это могло значить?

— Жизнью клянусь, не знаю. Однако женщина, на которой я был женат, весьма разумна. Давайте спросим ее.

И король с советниками отправились к Бронвен и спросили ее:

— Госпожа, растолкуй нам это диво.

— Хотя я больше не госпожа, — отвечала она, — я прекрасно знаю, что это такое. Ллеу ведает, свет давно не видывал подобного зрелища.

— Так ответишь ты нам?

— Отвечу. Это все воинство Острова Могушественного плывет на бой. Полагаю, брат мой Бран Благословенный прослышал про мою горькую участь и явился за мной.

— Что же это за лес мы видели?

— Это мачты и весла кораблей и копья воинов, которые на них.

— А что это за гора?

— Это сам Бран в гневе.

Ирландцы слышали это и испугались.

— Господин, не дай им напасть, ибо они перебьют нас без всякой жалости.

Маллолох отвечал с горечью:

— Луг свидетель, вы сами навлекли на себя эти бедствия.

— Нечего нас укорять, — отвечали злодеи, — лучше защищай, как тебе положено.

— Из-за вас это нелегко будет сделать. Клянусь Тутатисом, все вы аспиды и ехидны! Век бы вас не знать. Однако я поступлю, как считаю лучшим: уступлю престол Гверну, родичу Брана. Он не станет воевать с сыном своей сестры.

И Маллолох отправил гонцов к Брану сообщить тому эту весть, когда он вступит на берег.

Гонцы повиновались и учтиво приветствовали Брана, когда тот вступил на берег с обнаженным мечом.

— Какой ответ передать нашему повелителю? — спросили они.

— Скажите своему господину, что не будет ему ответа, покуда он не предложит мне что-нибудь получше.

Ирландцы вернулись к своему господину, а звон обнаженной стали стоял в их ушах.

— Господин наш и защитник, — доложили они. — Бран сказал, что не будет тебе ответа, покуда не предложишь ему что-нибудь получше. Наш тебе совет — приготовь ему что-нибудь получше, ибо мы не лжем и он не желает слышать о том, что мы ему говорили.

Маллолох печально кивнул.

— Тогда скажите брату моему Брану, что я выстрою ему величайшую крепость, какую видывал свет, с таким залом, чтобы в одной половине помещались все его люди, а в другой — все мон. И пусть он владеет Ибернией и Островом Могущественного, а я буду при нем управителем двора.

И советники вернулись к Брану и передали ему это предложение, которое его удовлетворило, так что он сразу согласился. И они заключили мир и начали строить крепость с огромным домом.

И люди со всей Ибернии принялись рубить для него лес и разговаривали между собой, как все работники. Эвниссиэн, притворившись одним из них, стал сетовать на жестокость Брана и несправедливость его правления. Подстрекаемые Эвниссиэном, работники начали говорить:

— Негоже, чтобы наш господин и повелитель стал управителем двора в собственном королевстве. Для него это большое бесчестье, да и для нас тоже.

И работники устроили ловушку: прибили по крюку к каждому столбу, повесили на каждый крюк по кожаному мешку и посадили в каждый мешок по свирепому воину.

Когда дом был готов, Маллолох послал известить Брана. Эвниссиэн узнал про это и поспешил войти в дом вместе со всеми. Он кривился на богатый чертог, словно на самую жалкую пастушью лачугу. Обратив коварный взор на ближайший кожаный мешок, он спросил:

— Что это?

— Ячмень, — отвечал один из работников.

Словно желая пощупать зерно, Эвниссиэн запустил руку в мешок, нащупал голову воина и сдавил ее так, что его пальцы сквозь кости вошли в мозг.

И как он сделал с первым мешком, так поступил и со всеми остальными мешками по очереди, так что никого из двухсот воинов не осталось в живых.

— Ну вот, — радовался он про себя, — пусть ирландцы узнают и вознегодуют, что сотворил Бран с их родичами.

Тут подошли и все остальные. Люди Ибернии сели по одну сторону от большого очага, а люди Острова Могущественного по другую.

Заклучили мир, и король Ибернии, сняв с себя гривну, протянул ее Брану.

Увидев это, Бран сменил гнев на милость и сказал:

— У меня есть гривна и вдоволь людей и земель. Пусть моя сестра вернется на прежнее место, а больше ничего мне не надобно.

Маллолох услышал это и зарыдал от радости.

— Воистину благословен ты, — вскричал он. — Ты обходишься со мной лучше, чем я заслуживаю.

— Зачем же мне плохо обходиться с родичем? — отвечал Бран.

— В залог чести, которую ты мне оказал, — промолвил ирландский король, — пусть мой любимый сын, а твой племянник, выйдет вперед. Его коронуют вместо меня, а я буду ему служить, как служил бы тебе.

Вывели маленького Гверна, и Маллолох надел гривну на него. И всем, кто его видел, полюбили мальчик, ибо не было еще отрока красивее и благороднее.

И тут заговорил Эвниссиэн, чья душа не могла снести согласия между двумя мужами.

— Почему мой юный родич не подходит ко мне за благословением? — воскликнул он, и мальчик, не чуя беды, с радостью к нему пошел.

"Ха! — сказал про себя коварный злодей (уж поверьте, в нем не было и крупницы добра), — сам Ллеу не помышляет, какое зло я сейчас сотворю". И он схватил мальчика, и, прежде чем кто-либо в доме сумел ему помешать, швырнул Гверна головой в огонь.

И когда Бронвен увидела свое дорогое дитя в огне, она закричала от ужаса и хотела кинуться следом. Но тому уже было не помочь. Огонь пылал горячо, и мальчик мигом сгорел.

Тут люди Инис Придеина вскочили с криком, и в то же время крик подняли ирландцы, которые, с помощью Эвниссиэна, обнаружили мертвых соратников. И не было еще на этом свете такого смятения, и каждый схватился за оружие.

Бой, битва, бойня в ту ночь были хуже — о, много, много хуже всех, которые случались с сотворения мира. Гром стоял по всему острову. Воины бились по пояс в крови, но продолжали сражаться без всякой жалости.

Тем временем Эвниссиэн не бездействовал. Покуда кипел бой, он затаился в тени и разил то одного, то другого отравленным кинжалом, и каждый удар уносил жизнь. Он увидел, что Бран прижал к се-

бе Бронвен и закрывает ее щитом, и ударил обоих сзади, и смеялся, когда они рухнули на пол.

И много еще добрых мужей погибло, и больше добрых жен сделалось вдовами, чем ночью светится звезд. И когда падали мужи, их оружие хватили жены, так что жены, мужи и дети рубились не на жизнь, а на смерть.

Горькое то было сражение, и горькие потом пролились слезы. И долго-долго оплакивали павших.

Солнце взошло багровым, и рассвет был, как разверстая рана, когда последний враг навеки сложил оружие. Лишь семеро остались в живых, и они глядели налитыми кровью глазами, и руки их были в крови.

И тут злодей Эвнисиэн увидел, что Котел Оживления ставят на огонь и начинают бросать туда мертвые тела. Страшась, что все его усилия пойдут прахом, Эвнисиэн спрятался среди трупов и вместе с ними попал в котел.

Там Эвнисиэн распрямился во весь рост, уперся руками-ногами в стенки котла и надавил что было мочи. И дивный котел разлетелся на четыре куска, но при этом разбилось и злое сердце Эвнисиэна, и он умер позорной смертью.

И те, кто остались в живых — а все это были бритты, — подошли к Брану, который лежал при смерти подле прекрасной Бронвен, встали на колени и зарыдали.

— Король и повелитель, — выли они, — котел раскололся, и теперь мы не можем тебя спасти.

— Слушайте меня, братья, — сказал Бран, — и сделайте, как я велю. Когда я умру, отрежьте мою голову и отвезите ее с собой на Инис Придеин. Там похороните ее на Белом холме над Хабренским заливом, и она будет стеречь эти морские ворота от супостатов. Истинно говорю вам: доколе не выкопаете эту голову, никакой враг не причинит вам вреда. Вы будете пировать в краю отцов, птицы Рианнон будут петь вам, и восемьдесят лет пролетят, как один день. И будет вам с моей головой не хуже, чем было со мной, ибо она принесет вам радость и процветание. Но если кто-нибудь отроет эту голову, войны и мор обрушатся на Остров Могущественного. Потому, если выкопаете ее, быстрее похороните снова, чтобы никто не знал, где ее искать, а не то будет вам худо. А теперь пришло мне время умирать. Быстрее делайте, что я велел.

Со слезами бритты исполнили волю своего победителя, и отплыли морем на родину, и похоронили голову, как велел им Бран. А Бронвен

погребли неподалеку от того места, где покоилась голова ее брата, чтобы после смерти им быть вместе.

И тут же из земли возник огромный дворец со стенами и полами из шлифованного камня, сиявшего на солнце, как самоцвет. Внутри они увидели огромный зал, в котором столы ломились от яств. Были здесь и вино, и пиво, и меды. И таких яств и напитков они в жизни не пробовали. И когда они сели пировать, на золотых жердочках появились три птицы и запели так дивно, что рядом с их пеньем все прочие звуки казались пустым молчанием.

И они позабыли убитых родичей и спутников и не помнили ни своего горя, ни того, что с ними случилось, ни прочих земных печалей.

И так они прожили восемьдесят лет в великой радости, и богатство, и род их увеличивались. И эти восемьдесят лет называют Гостеприимством Достопочтенной Головы. И похороны головы Брана зовутся одним из Трех Счастливых Погребений. И, покуда ее не потревожили, ни враг, ни мор не приходили на берега Британии.

Так заканчивается эта ветвь Мабиногион.

Закончив петь, Мирддин среди полнейшего молчания опустил арфу. Короли и воины, словно заколдованные, онемели от слов истинного барда, глаза их сияли. Впрочем, может быть, так оно и было. Повесть проняла их, проникла в их души своими чарами.

И в мою тоже. Я чувствовал, что песнь — живая, как всякое истинное сказание. Тем страшнее! Ибо я понял ее потаенный смысл, догадался, о чем пел Эмрис.

А пел он о беспокойном царствовании Артура и о кознях врага.

ГЛАВА Венадуатая

Теперь спереди Бальдульфа теснили Кай с Борсом, сзади — Артур, так что у спасшихся варваров практически не оставалось выбора. Они не могли добраться до кораблей, оставленных на восточном побережье, и потому свернули на север в надежде уйти по какой-нибудь из множества лощин и балок.

Это им удалось. Удача и дальше сопутствовала англам, ибо они вышли к развалинам римской крепости. В холмах сохранилось не меньше шести старых походных лагерей вдоль дороги к Тримонтию — самой большой крепости в этих краях. От самого Тримонтия осталась только заросший травой бугор на берегу Твида, но укрепления поменьше устояли перед натиском времени. На один из них — Каер Гвиннион, или Белую крепость — и вышел Бальдульф. Деревянные ворота давно сгнили, но крепкие стены по-прежнему высились над долиной.

На второй день после битвы к нам присоединился Кай. На следующее же утро мы снялись с места и двинулись на север по долине Алоента к Каер Гвинниону. У всех было легко на душе: мы получили подкрепление, враг отступает, впереди — окончательная победа и скорое возвращение на родной юг. Мы ехали верхом по зеленым холмам и долам, над нами пел жаворонок. Чего еще надо?

Мы никогда прежде не брали римскую крепость. Мы хорошо знали, как ее надо оборонять, но совсем иное дело — идти на штурм. Не диво, что древние кельты не выигрывали войн. Даже полуразрушенные, эти крепости остаются практически неприступными.

А варвары освоили новую тактику. Мы больше не встречались с ними в открытом поле — они знали, что тут им не выиграть! После Каллидона они решили сражаться только из-за укрытия крепостных стен.

Англы лишились всех своих союзников. Пикты давно разбрелись по родным вересковым пустошам, уцелевшие ирландцы отплыли во свояси. С войском, насчитывавшим теперь менее тридцати тысяч человек, остались лишь Бальдульф и его родичи, Оэск и Эбисса.

Впрочем, поредели и ряды бриттов. Нас было чуть больше десяти тысяч: две тысячи конных, остальные пешие. Однако немалую часть составляло подкрепление, пришедшее с Каем и Борсом. Эти люди еще не побывали в бою и рвались получить свою долю добычи.

Осада Каер Гвинниона началась холодным ветреным днем, какие не редкость на севере. Легкий дождик сеял в лицо. Ноги скользили в грязи. Лошадей и возы мы оставили в долине, где Артур отдал распоряжение поставить лагерь. Что может конница против каменных стен?

Мы не сделали глупости и не бросились на приступ — всякий знает, что это безумие и верное поражение. Итак, Артур обратился мыслью к тем самым римлянам, что построили эту крепость, и употребил тактику, которую те с неизменным успехом применяли против бревенчатых кельтских крепостей. Мы встали под стенами кольцом и принялись строить осадные машины.

Тут нам помогли познания Мирддина, ибо он ведал, как строить такие машины, и руководил их строительством. Мы воздвигли башню на колесах с дверью чуть выше крепостной стены. Еще мы сделали онагра, чтобы забрасывать камни во двор крепости.

Машины были из бревен, которые приходилось тянуть из долины лошадьми. Работа продвигалась медленно, однако через пять дней она завершилась. Теперь можно было идти в бой.

Когда варвары увидели башню, они подняли страшный вой, но, когда с небес метеорами полетели камни, завyli от ярости и отчаяния. Англы раздевались донага и бегали по стене, не прячась за парпетом, в надежде подманить нас на расстояние досягаемости топоров, молотов и камней.

Однако Артур не поддавался. Они велел, чтобы наши не подходили к стене, но держались поодаль, предоставляя работать осадным машинам. Онагр день и ночь метал камни, так что даже за стенами врагу негде было укрыться.

За три дня варвары вдоволь натерпелись от недостатка еды и постоянного града камней, за семь — ослабели и оступели от голода. Только тогда Артур приказал подкатить к стене башню. В нее посадили лучших воинов во главе с Каем, который вымолил себе привилегию повести бойцов на крепость.

Дай ему Бог крепкого здоровья, он упрасивал с таким жаром, что Артур передал ему Каледволх в знак того, что облакает его своей властью.

Воины выстроились черепахой — сдвинули над головой щиты — и медленно двинулись к стене, толкая перед собой огромную башню. Мы с Артуром наблюдали за битвой с каменной скалы неподалеку.

Я храбрец, первый в бою, но, признаюсь, не хотел бы впереди всех прыгать из башни на стену. Это сделал Кай, явив необычайную доблесть: он в одиночку сразил с десятков врагов, прежде чем подоспел первый из его товарищей. Не знаю, как его не убили, когда он запрыгнул на стену.

Следом в башню повели свои дружины Гвальхавад, Кадор и Овейн, за ними Мальгон, Борс и Кередиг. Как только первые бритты оказались на стене крепости, остальных стало не сдержать. Короли спорили за место в башне.

Поначалу, как я говорил, сражение разыгрывалось на стене, но вскоре переместилось во двор, и началось столпотворение. Здесь нельзя было размахнуться мечом, не попав разом в своего и чужого, поэтому кимброги орудовали копьями. Будь они молотильщиками, им бы не добыть большего урожая! Варвары надеялись отбить нападение числом и потому бросались голыми телами прямо на британские копья. Тела валились одно на другое — стена дергающихся рук и ног — перед Каем и кимброгами, и враги были вынуждены лезть по трупам собственных родичей.

Теперь бритты во множестве были на стене и метали копья в бурлящее смешение тел. Англов в каере было столько, что каждый удар попадал в цель.

— Нет нам в том чести, — заметил я. — Все равно что убивать бесмысленных скотов.

— Бальдульф так же упрям, как и горд, — ответил Артур. — Но скоро этому конец.

Словно подтверждая правоту его слов, ворота (засыпанные изнутри камнями и мусором) рухнули наружу, и в облаке белой пыли из крепости вырвался враг. Короли бриттов только этого и ждали. Кустеннин, Эннион, Огриан и Кередиг ринулись в бой. Грохот сшибки докатился до скалы, с которой смотрели мы.

— Спустимся туда? — Я указал на кипящий внизу бой.

Артур резко мотнул головой.

— Нет надобности. Пусть эта победа достанется Каю и королям.

— Он повернул коня. — Едем, подождем их в долине.

Упрямство Бальдульфа стоило ему победы. Гордость стоила ему жизни.

Предводитель варваров не пожелал сдаваться и, даже проиграв сражение, не запросил пощады. Кадор убил его и насадил голову бретвальды на его же штандарт, который потом водрузил на груды трупов перед Каер Гвиннионом.

Артур встретил победоносное войско в долине. Кай, Кадор, Борс и Гвальхавад возвращались в лагерь впереди длинной колонны. Артур распорядился поставить походное кресло у брода и приветствовал воинов, как героев, надевая их всех дарами.

Кай и прочие вожди были очень довольны, потому что добыча в крепости оказалась скудной. Не удалось добыть ни золотого колечка, ни даже медной пряжки. Артур восполнил недостачу из прежних запасов и предложил отпраздновать победу.

Однако пировать не хотелось. Утомленные боем, все думали только о возвращении домой. Близилось время жатвы, короли торопились в свои владения, слишком долго пребывавшие без присмотра. Война была выиграна по крайней мере на этот год. Пришла пора расходиться в свои пределы. Поэтому мы построились и через длинную, широкую долину Твида двинулись на восток, где покачивались на якорях корабли. И, подняв паруса, поплыли на юг.

Слава Богу на небесах! Наше возвращение в Каер Мелин было сплошь веселье и радость. Народ толпился в крепости и вдоль дороги от ворот до самого брода. Нас встречали криками и пением. По большей части это были люди Меурига, хотя многие пришли из соседних кантрефов и приветствовали нас столь же сердечно.

Артур, широкая душа, закатил пир для всех из своей собственной казны. Прочие короли радовались его щедрости, но никто не предложил выставить за свой счет козу или поросенка на общий стол.

Так-то они ценят свое доброе имя! Уж я бы не стал из-за цены нескольких свиней или бычков рисковать, что барды на весь белый свет ославят меня скупцом!

После пира короли разъехались по своим королевствам, а мы принялись запасать провиант — ибо в Каер Мелин уже стекалась подать от всех, кто клялся поддержать предводителя. Прослышав о победах Артура, вожди Британии внезапно расщедрились.

Зима выдалась темной, холодной и снежной, наверное, самой снежной на моей памяти: горы и холмы укутал чистейшей белизны плащ, долины оделись густым белым руном, но мы не печалились. В палатах Артура жарко пылал огонь, а Мирддин пел о доблести и подвигах. Сердца наши уносились ввысь.

На солнцеворот справили святой праздник Рождества. Обедню служил недавно поставленный епископ Тейло, помогали ему Иллтид и другие чтимые священники. Казалось, церковь с особой охотой изливает свою благодать на златое чело Артура: в нем видели защитника своих трудов от ярости проклятых идолопоклонников. И впрямь, добрые братья больше других претерпели от язычников; многие были убиты прямо у алтаря или сожжены в пламени.

Итак, клирики благословляли Артура и всечасно молились о его здравии и долгоденствии. Рождество в Каер Мелине дало нам ощутить, каким будет правление Артура. А более счастливого правления я не берусь вообразить, как не надеюсь отыскать в другом месте.

По мне, зима пролетела слишком быстро. Тепло возвращалось, небо становилось выше, солнце светило дольше. Реки вздулись от дождя, ветер уже не заставлял ежиться, все зеленело и распускалось.

Как только кончилась распутица, я поскакал в укрытые холмами лощины, где должны были жеребиться кобылы. Пастухи потрудились на славу: двести уже объезженных лошадей готовы были пополнить нашу алу. В этом году бойцам Артура не придется идти в бой пешими, да и в следующие годы, сдается, тоже.

Я не обольщался надеждой на конец войны. Да, бретвальда мертв, но англы от своего не отступятся. Они просто выберут другого вождя — и война начнется снова.

Обладай я прозорливостью Мирддина, я бы все равно не угадал, кто станет этим вождем и какова окажется его мощь.

Едва улеглись зимние ветры, наши корабли подняли паруса. От Муир Гидана до Уоша, вдоль всего Бернихского побережья несли они неусыпный дозор. Увы, сюда должен был прийти следующий удар. Конец морским набегам, нападениям в чистом поле, сражениям у брода. Варвары по-настоящему оценили военный гений Артура. Теперь нам предстояло вести совсем другую войну.

Как-то утром после Бельтана в Каер Мелин въехал небольшой отряд всадников. Я сперва не узнал их в праздничных нарядах — ало-черных клетчатых плащах, ярких рубахах, синих и рыжих штанах. Смазанные жиром волосы были заплетены в косы, бороды коротко подстрижены. На руках, шее и в ушах блестело золото. Все они сидели очень прямо, с видом гордым и заносчивым на поджарых мохнатых пони, причем даже женщины ехали по-мужски. Всего их было человек тридцать, считая друида в сером одеянии, который возглавлял кавалькаду.

— Это еще кто такие? — подивился я, сидя подле Артура.

Артур сощурил на незнакомцев синие глаза, и на лице его забрезжило узнавание.

— Фергус!

Предводитель зашагал навстречу гостю, а я остался стоять, раскрыв рот. Фергус? Здесь? Я думал, мы никогда больше его не увидим.

— Здрав будь, предводитель Британии! Приветствую тебя, — воскликнул Фергус Мак Гилломар с заметным ирландским выговором. После чинного приветствия он соскочил с коня и обнял Артура за плечи, как родича.

— Зачем ты здесь, ирландец? — кротко, но без обиняков осведомился Артур.

— Приехал со свитой заплатить тебе подать золотом и оставить заложников.

Артур улыбнулся, явно довольный.

— Верно, мне положена подать. Но я ничего у тебя не требовал.

— Что я, варвар, чтобы отплатить бесчестьем за честь? — возмущился Фергус. Он быстро обернулся к свите, которая тоже сошла с коней, и велел одному из спутников приблизиться.

Вперед шагнул смуглый темноволосый юноша с длинным серьезным лицом. Из-под нависших бровей смотрели глубоко посаженные черные глаза. Длинное копье сверкало серебряным наконечником. На плечах лежал плащ из меха рыси. Серебряная гривна на шее свидетельствовала о знатном происхождении.

— Это Ллох Лленллаеог, — гордо промолвил Фергус. — Лучший воин моего народа. Кроме того, он сын моей сестры, мой воспитанник и родич. Отдаю его тебе в заложники. Пусть его служба будет тебе на пользу.

Артур в задумчивости смотрел на юношу, не желая оскорбить Фергуса решительным отказом. Однако, не успел он заговорить, ирландский король вновь сделал приглашающий жест, и на этот раз ему навстречу шагнула стройная девушка.

Я много видел красавиц, но такой — ни разу. Иссиня-черные волосы были зачесаны назад и тяжелыми косами ниспадали на тонкую шею и плечи: черный гагат на алебастровой коже. Она смотрела на Артура ясными глазами цвета голубинового крыла или утреннего тумана, и во взгляде этом читалось высокомерие. Губы ее были сжаты, подбородок выставлен вперед. Высокий, благородный изгиб бровей и прямой нос придавали ирландке царственный вид.

Длинные тонкие пальцы крепко сжимали древко копья. На одном бедре висел золотой кинжал, на другом — короткий меч, а через плечо был перекинут маленький, с бронзовой бляхой, щит на плетеном шнуре. Алый тончайшей шерсти плащ скрепляла на груди огромная золотая пряжка. Что самое удивительное, на девушке была англская кольчуга, но из серебряных, маленьких и изящных колец. При каждом движении кольчуга струилась, словно речная вода.

Девушка была ослепительна даже в этом бойцовском наряде. Она встала перед Фергусом, по-прежнему не сводя глаз с Артура. Мне показалось, что таким взглядом можно рассечь сталь, но предводитель словно бы ничего не замечал.

— Это Гвенвифар, — сказал Фергус, — моя дочь.

Он подал знак друиду, который вышел вперед и на вытянутых руках подал Артуру сверток. Тот развернул полотно: на солнце блеснули четыре золотые гривны удивительной работы — одна краше другой.

Было ясно, что Фергус отдает Артуру самое дорогое — лучшего воина, дочь и древнее сокровище народа.

Артур онемел. Он посмотрел сперва на золото, потом — на девушку и воина, потом снова на Фергуса.

— Спасибо, — выговорил он наконец. — Мне стыдно, ибо я не заслужил такой благодарности.

— Я поручился жизнью, предводитель Артур, и отлично знаю, сколько она стоит, — гордо ответил Фергус.

— Я принимаю твою подать, о король.

"Что ты наделал, Артур? — думал я. — Теперь нам не распутаться".

Артур по-родственному обнял Фергуса за плечи.

— Идем, друг, — смело объявил он, — и вместе выпьем из гостевого кубка.

Фергус просиял от удовольствия, обращение Артура явно ему угодило. Я стоял во дворе, провожая их взглядом. Впрочем, такой поворот событий огорошил не меня одного, ибо, повернувшись, чтобы идти за всеми, я заметил в сторонке Мирддина.

— Слышал? — спросил я.

— Слышал.

— И что?

— Очень многое мне не понравилось.

— Да, — согласился я. — Клянусь всеми святыми, не к добру это — принимать дары от ирландцев.

Мирддин нахмурил брови и отмахнулся от моих слов.

— Все гораздо хуже, дорогой мой ревнивый друг.

Он повернул прочь, я ринулся вслед за ним.

— Я ревнивый? За что ты меня так назвал?

Но Мирддин не отвечал. Он шел в зал, к своему месту возле Артура. Кубки уже наполнили и передавали из рук в руки. Я нехотя присоединился к торжеству и выпил, когда подошел мой черед. Впрочем, я заметил, что Мирддин не пьет, а стоит за плечом у Артура, словно ангел-хранитель.

Только вечером Мирддин улучил момент поговорить с Артуром наедине.

— На одно слово, Артур, — попросил он и двинулся в покои предводителя, расположенные в дальнем конце зала. Артур встал. Поскольку он не велел мне остаться, я пошел с ним.

— Это ошибка, — с ходу выговорил Эмрис. Голос его был серьезен и тих. — Ты не можешь принять эту подать.

Артур беспомощно развел руками.

— Но я уже ее принял.

— Верни.

— Не могу, если б даже и захотел, а я не хочу.

— Можешь и должен.

— В чем дело, Мирддин? Что тебя тревожит?

Мирддин довольно долго молчал.

— Девушка, — отвечал он наконец.

— Что такое? — невинно осведомился Артур. — Что в ней внушает тебе такой страх?

— Она — королева...

— Она — дочь Фергуса.

— Для ирландцев это одно и то же. Разве ты не знал? Приняв ее, ты согласился на ней жениться. Иначе бы Фергус ее не отдал.

Артур оторопело вытаращил глаза на мудрого советника.

— Ну? Нечего ответить, могучий вождь? Тебе такое не приходило в голову?

— Жизнью клянусь, нет, — выговорил Артур.

— Но так оно и есть. Этот Лленллеаог — лучший воин Фергуса, но прежде всего он — защитник королевы. А золото — богатство ее народа, — продолжил Мирддин чуть мягче. — Артур, это ее приданое, богатейшее приданое в мире. Фергус чтит тебя высоко, может быть, выше, чем ты заслуживаешь.

— О чем ты? — с подозрением спросил Артур.

— У ирландцев корона передается через дочь мужу.

— Ха! — гоготнул я. — Ты станешь королем Ибернии, Медведь! Только подумай!

— Это не шутка! — рявкнул Мирддин, Артуру же сказал: — Подумай! У Верховного короля Британии должна быть жена брит-тка.

Артур взглянул на меня и застыл.

— Уж это, конечно, решать мне. Никто не станет указывать, кого мне взять в жены.

— Твое упрямство будет стоять тебе верховного престола. Если ты женишься на ирландке, вожди Британии никогда не признают тебя королем. Избрав дочь Фергуса, ты предпочтешь ее всем знатым дамам Британии и возвысишь Фергуса над всеми британскими королями.

Предводитель сложил руки на груди.

— Значит, так тому и быть! Кто из королев-бриттов оказал мне хоть вполровину такой почет, как этот враг?

— Подумай, что ты делаешь, Артур. Верни ее Фергусу, — убеждал Мирддин.

— Мне не позволяет честь!

— Не честь, а гордыня, — прямо ответил ему Мирддин Эмрис. — Если ты примешь эту девушку, то безнадежно загубишь свою хваленую честь. Из-за нее ты лишишься королевства и кое-чего еще.

Предводитель жег нас глазами, но упорно молчал.

— Пожалуйста, сделай, как говорит мудрый советник, или хотя бы поразмысли об этом, — сказал я, — прежде чем совершить что-нибудь такое, о чем все мы потом будем жалеть.

На этом мы с Мирддином вышли, оставив Артура в одиночестве.

— Как по-твоему, послушает он тебя? — спросил я.

— По правде? Нет, не думаю, — отвечал Эмрис.

Что-то в его голосе удивило меня. Печаль? Отчаяние? Что он провидел в этот миг? Почему не сказал?

Что ж, он всегда такой. Где нам постичь его мысли!

Артур не вышел и не отклонил подать Фергуса Мак Гилломара, хотя это уберегло бы его от множества треволнений. Впрочем, тогда он не был бы Артуром.

Фергус привез еще один дар, по-своему не менее ценный: вести, которыми поделился за вечерней трапезой.

Пикты, сообщил он, собираются на северных пустошах и, судя по всему, готовятся напасть, как потеплеет. У западного побережья видели корабли, которые сразу исчезали за островами.

— Они мечтают отплатить за разгром, что ты учинил им в Калиддонском лесу, — предположил Фергус. — Не удивлюсь, если их в этом поддержат англы. Они не забыли поражения, и ненависть их только возросла за долгую зиму.

— Ты слышал, что англы намерены напасть? — спросил Артур.

Фергус помотал головой.

— Нет. Я и того не слышал, что солнце завтра взойдет на востоке, но не стал бы полагаться на иное.

Артур поблагодарил Фергуса за известия, и больше в тот день речи о войне не было. Три дня спустя, когда ирландцы собрались уезжать, Артур призвал к себе Гвальхавада.

— Готовь корабли, сегодня вечером с отливом мы отплываем на север.

Тем временем Кай и Борс собирали дружину, а мы с Мирддином сидели вместе с предводителем в его покоях.

— Дождись хоть остальных королей, — сказал я. — Как бы нам не угодить в западню.

— Ты не веришь Фергусу?

— Я верю Фергусу, но не доверяю пиктам. Ты прав, удар должен быть быстрым — но он должен быть и мощным.

— С каждым потерянным днем враг будет нагнать. Его надо сдерживать до прихода остальных королей.

Мирддин оперся на посох.

— Еще не поздно, Артур. Отошли девушку и ее защитника с Фергусом. Хочешь, это сделаю я. Фергусу не на что будет обижаться.

Предводитель отвечал мягко:

— Я дал слово и не возьму его обратно.

Я думал, что больше говорить не о чем, но Мирддин продолжал:

— Коли ты так решил, Артур, пусть даму и ее сокровища доставят в Инис Аваллах. Там она будет в безопасности, да и мешать никому не станет. Матушка обрадуется обществу, а может, и обучит запальчивую ирландскую деву британскому обхождению.

Артур согласился весьма охотно.

— Да будет так, Мирддин. Принимаю твой совет.

А вот я ничуть не успокоился, потому что Артур, не переводя дыхания, объявил:

— Ты отвезешь Гвенвифар на Стекланный Остров.

— Я? Артур, опомнись! Это ли дело для военачальника? Я должен быть с тобой. Пошли Кая, а еще лучше — Борса, он у нас с дамами удалец. Да отправь любого из воинов!

Артур мощной лапищей хлопнул меня по плечу.

— Придется, брат, поехать тебе. Если я не пошлю лучшего своего воина, Фергус или его дочь оскорбятся.

— По мне, ты слишком доверяешь этому ирландскому псу, — проворчал я. — Страшишься обидеть врагов и в то же время обижаешь друзей.

Лучше изливать сердце камню — мои укоры его не тронули. Артур принял решение и твердо стоял на своем. Я был вынужден отправиться в Инис Аваллах.

Если я огорчился, то Гвенвифар просто пришла в ярость. Она видела приготовления к бою и твердо рассчитывала сразиться с врагом. И вдруг ее отодвигают в сторону, словно мешок с мукой! Этого она снести не могла. Я впервые видел женщину в такой ярости.

Глаза ее метали искры, щеки багровели румянцем. При виде оседланной лошади ирландка словно выросла в землю, пальцы ее превратились в когти, язык — в острую плеть, которой она хлестала всех окружающих, особенно, полагая, Артура, так как его имя звучало чаще всего. Увы, жалобы были по большей части на ирландском, так что я не уловил оттенков, хотя основной смысл был вполне ясен.

Я легонько тронул ее за локоть, направляя к лошади, и чуть не лишился кисти. Девица молниеносно выхватила кинжал и, шипя от ярости, развернулась ко мне. Тут бы вашему слуге пришел конец, не встань между нами Лленллеаог.

Он что-то резко сказал, и Гвенвифар успокоилась. Кинжал скользнул в ножны. Не глядя на меня, королева вспрыгнула на коня и привычно дернула поводья.

Ирландец повернулся ко мне.

— Это было некрасиво... Прости.

Я никак не ожидал от него извинений.

— Неважно. Главное, чтобы больше такого не было.

— Я твой слуга, лорд Бедуир.

— Ты меня знаешь?

— Кто не слышал о тебе, Бедуир, Светлый Мститель, Быстрый Меч Артура? — И Лленллеаог пошел к своему коню. Я смотрел в спину высокому молодому ирландцу и думал, можно ли ему дове-

рять. Все знают, что это коварный народ, истина у них не в чести. И все равно я задумался.

Мы тут же выехали из Каер Мелина. Я хотел доставить заложников в Инис Аваллах и вернуться как можно скорее, чтобы догнать Артура на севере. Поэтому я взял с собой только трех воинов. Мы поскакали в Абертафф и здесь погрузились на корабль, чтобы пересечь Хабренский залив.

На корабле Гвенвифар сразу пошла на нос и встала, скрестив руки на груди и решительно глядя прямо перед собой. Даже каменное извятие не могло бы быть таким непреклонным.

Я взял Баринта, лучшего из кормчих Артура, потому что после Инис Аваллаха хотел быстрее отправиться на юг. Баринт высадив нас выше устья реки Бриу, недалеко от Стеклянного Острова. В ту ночь мы стали лагерем на берегу реки, а утром двинулись к Тору. Гвенвифар всю дорогу угрожающе молчала.

— Добро пожаловать, — любезно промолвила Харита. — Да будет с вами мир Христов.

В темно-зеленом платье и развевающимся золотом плаще она показалась мне царицей Иного Мира. Хозяйка Стеклянного Острова по очереди поцеловала каждого из нас и повела в сияющий зал. И тут же я ощутил, как на мою душу нисходит здешняя благодать.

Даже Гвенвифар присмирела, пораженная добротой и изяществом Хариты. Я молился, чтобы это настроение сохранилось, твердо уверенный, что так оно и будет: неведомое очарование Тора уже сказывалось на всех нас.

Хорошо было во дворце Аваллаха, да Баринт дожидался на корабле, чтоб доставить меня назад. Так что я оставил заложников на попечение Аваллаха и Владычицы озера и на заре следующего утра вернулся вместе со спутниками к кораблю.

Здесь я окликнул кормчего, и мои спутники стали заводить лошадей на корабль. Баринт уже собирался отвязать причальный канат, но вдруг остановился и указал на дорогу у меня за спиной. Я обернулся и увидел скачущего к нам Лленллеаога.

— Тебе велено оставаться в Инис Аваллахе! — крикнул я и ринулся вперед, словно желая преградить путь.

Он спокойно взглянул на меня с лошади.

— Я — защитник королевы. Она приказала мне быть с предводителем.

— А я приказал тебе оставаться!

Он пожал плечами и спешился.

— Моя жизнь — повиноваться королеве, — легко отвечал он, обходя меня, и вместе с конем направился к сходям.

Надо было отослать его назад, но я торопился и не хотел препираться на глазах у воинов.

— Артур с тобой разберется, — мрачно произнес я, откладывая решение на потом.

Я отдал приказ Баринту, и мы, оттолкнувшись от берега, с отливом направились в Хабренский залив. Вскоре мы повернули навстречу закату, подняли паруса и взяли курс в открытое море.

ГЛАВА тринадцатая

Пикты напали на Каер Алклид и захватили древнюю крепость с намерением укрепиться против нас. Как и англы, они теперь избегали сражений в открытом поле и рассчитывали обрести безопасность на высокой скале — попробуйте, мол, выкурить нас из-за каменных стен.

К тому времени, когда я добрался до равнины под скалой, войска уже подтянулись, и Артур обложил крепость. Он решил не идти на приступ, а вести долгую осаду. В этом была двоякая польза: предводитель берег бойцов и в то же время дожидался королей с подкреплением.

Когда мы входили в устье Клайда, на реке покачивались корабли, вокруг крепости кольцом стояли дружины. Артур раскинул стан к северу от каера, чтобы наблюдать и за рекой, и за скалой. Едва ступив на сушу, я отправился его искать. Вечерело. Я ехал в гору к палатке Артура, и на меня струился золотисто-медвяный северный свет.

Предводитель сидел на походном стуле перед шатром и говорил с Кадором, который пришел днем раньше и привел дружину в пятьсот человек. Когда я спрыгнул с седла, Артур встал.

— Здрав будь, Бедуир, брат мой! Приветствую тебя!

— Здрав будь, Медведь Британии! Как успехи, мой предводитель? Прохлаждаешься, покуда пикты показывают тебе нос?

— Лучше их нос, чем их стрелы. — Он сгреб меня в охапку и похлопал по спине, потом резко отстранил. — Я думал похвалить тебя, Бедуир, но, похоже, поторопился.

Я обернулся через плечо и проследил его взгляд. На холм рысью въезжал Лленллеаог. Он следовал за мной от самого корабля.

— А, ты про него, — сказал я. — Сейчас объясню.

— Можешь не объяснять, — промолвил Артур. — Я сам вижу, что к чему.

Он шагнул от меня и расправил плечи, готовясь к разговору с упрямым ирландцем. Лицо его посуровело.

Однако Лленллеаог, подъехав к предводителю, соскочил с лошади, вынул короткий меч, положил его к ногам Артура и простерся ниц. Артур повернулся ко мне, улыбаясь недоуменно. Я беспомощно развел руками.

Артур некоторое время смотрел на лежащего перед ним юношу.

— Встань, ирландец, — сказал он. — Я не требую твоей головы — по крайней мере сейчас.

Лленллеаог медленно встал, поднял меч и спрятал его под плащ. Его темные глаза были по-прежнему устремлены в землю.

— Что ты скажешь? — спросил Артур уже не так сурово.

— Под страхом смерти мне приказали служить тебе, о высокий предводитель.

— Кто приказал?

Лленллеаог склонил голову набок, словно ответ очевиден.

— Мне приказала королева Гвенвифар.

— Ты мой заложник, — напомнил ему Артур.

— Свобода моя в руках предводителя, но жизнь — в руках королевы, — отвечал ирландец. — Мне велено тебе служить.

— Зачем мне слуга, который меня не слушает?

— Если я не угодил тебе, высокий предводитель, возьми мою жизнь. — Ирландец снова потянулся к мечу.

Артур остановил его.

— Убери свой меч, ирландский ты дурень. Еще затупишь, если будешь вытаскивать каждую минуту.

Лленллеаог снял руку с рукояти и рухнул перед Артуром на колени.

— Я — твой слуга, предводитель Артур. Я поклянусь тебе любой клятвой, которая у твоего народа почитается наиболее крепкой. Я буду служить тебе верой-правдой во всем, кроме одного: я не причиню и не позволю причинить вред моей королеве.

— Тогда встань и служи мне всем сердцем, ирландец. Никто не причинит вреда твоей королеве, покуда она находится на моем попечении.

Кадор смотрел на Артура, как на помешанного.

— Не думай полагаться на его слово! — воскликнул я. — Может, они на тебя злоумышляют!

— А может, ты, Бедуир, — отвечал Артур. — Или Кадор. Идрис и Маглос уже злоумышляли! — Он протянул руку Лленллеаогу. — Если хочешь присягнуть мне, поклянись мне вот чем: жизнью своей королевы.

Не вставая с колен, ирландец проговорил:

— Я, Лленллеаог ап Дермайд, клянусь тебе в верности жизнью своей и королевы, Гвенвифар уи Фергус. Да сгинуть нам обоим, если я тебе изменю.

— Ну, — обратился к нам Артур, — вы довольны? — Лленллеаогу же сказал: — Отведи лошадь к коновязи, потом найди себе что-нибудь поесть. Как управишься, возвращайся.

Артур и Кадор вновь принялись обсуждать план осады, а я притащил себе походный табурет и сел слушать. Кадор прибыл той же дорогой, что и я, так что и вести мы привезли одинаковые.

— Мы не видели ни одного корабля, предводитель Артур, — сообщил он. — Впрочем, если враг и впрямь шныряет между западными островами, мы этого не узнаем.

— Что слышно с восточного побережья?

— Пока ничего. Но я отправил гонцов к Эктору в Каер Эдин сообщить ему о моих планах. Гонцы вернутся со дня на день, так что скоро мы все узнаем. — Артур замолчал, глядя на слуг, которые разводили костер. — Одно меня в этом тревожит...

— Что именно? — спросил я.

Предводитель долго смотрел в вечернее небо. С синих высот лилась песнь жаворонка. Если бы со скалы не поднимался зловещий дым, я решил бы, что в мире царят спокойствие и порядок.

— Зачем пиктам крепость? — промолвил Артур наконец. — Она им ни к чему.

— Захватив Каер Алклид, — ответил Кадор, — они станут хозяевами всей долины до самого Фиорта.

— Нет, пока не захватят Каер Эдин, — заметил Артур.

— Может быть, они собираются победить здесь и двинуться на Каер Эдин.

— Не слишком ли сложный замысел для пиктов?

Это была правда. Раскрашенный народ славится бесстрашием, но не умом. С диким воплем ударить дубиной по голове — вот их война. Одолеть в бою стражу и захватить крепость — совсем на них не похоже; то ли дело незаметно подползти, перерезать горло часовым и вновь ускользнуть в леса или вересковые пустоши.

— Что это означает, Медведь? — спросил я.

— Полагаю, это значит, что кто-то их направляет.

— Кто?

Артур пожал плечами.

— Это нам предстоит выяснить.

На следующий день на берегу Клайда начали собираться британские военачальники: Овейн, Идрис, Кередиг, Эннион, Мальгон и Маглос. Наши корабли заполнили устье реки, наши дружины взяли крепость в сплошное кольцо. Впрочем, пикты ничуть не пали духом. Они сидели за стенами и ждали. Причина стала понятна, когда вернулся первый из гонцов Артура.

— Каер Эдин в осаде, предводитель Артур, — доложил гонец. (Военачальники, собравшиеся на совет в палатке Артура, смолкли.)

— Мне удалось добраться до лорда Эктора.

Кай, сидевший со мной рядом, вскочил на ноги.

— Эктор в осаде! Проклятие небесам! Кто его обложил?

Гонец перевел взгляд на Кая.

— Англы, насколько я мог разглядеть. И с ними пикты.

— Что в каере? — осведомился Артур. — Идут ли бои?

— Нет, господин, насколько я мог судить. Крепости, похоже, ничто пока не угрожает. Я повернул коня и тут же поскакал сюда. Дважды мне попадались навстречу дружины с юга. Я задержался, чтобы проследить, куда они идут,

— Куда же?

— Они направлялись к старой крепости в Трат Горид.

— Вот это да! — воскликнул Артур. — Так они все же научились воевать! Интересно, кто их надоумил?

— Это расчет не варварского ума, — заметил Мирддин. — Ими руководит кто-то, воевавший вместе с британскими королями.

Кто же это? Знатнейшие люди Британии либо воевали бок о бок с Артуром, либо поддерживали его. Только один вызывал подозрение своим отсутствием: Лот. Неужто Лот? Бессмыслица какая-то: Лот дал нам корабли и мастеров. Сыновья его — в воинстве предводителя. Я взглянул на Гвальхавада: он негодовал и тревожился, как мы все. Чего-чего, а подлости и вероломства в нем нет. Господи Иисусе Христе, я готов был поручиться за это жизнью!

Так что оставалось загадкой, кто с нами воюет.

— Они вскоре займут Трат Горид, — подытожил Артур, отпустив гонца поесть и отдохнуть, — а пока взяли Каер Алклид и осадил Каер Эдин. Все это тихо и незаметно. Они умно выбрали позицию: крепости вместо бродов. Здесь наша конница бесполезна. — Он помолчал, обводя собравшихся взглядом. — Если им это удастся, — продолжил он тихо, — все наши прежние труды пойдут прахом. Британия погибнет.

Ледяные глубины страха. И за ними — яркий огонь надежды.

— И все же они еще не победили. Битва лишь предстоит. То, что нас в этот раз перехитрили, не значит, что мы разбиты. Крепкая Десница поддержит нас, братья, ибо мы сражаемся за мир и свободу, которые всегда были Ему угодны. — Артур воздел руки, словно благословляющий священник, и промолвил: — Идите по шатрам, братья, и молитесь, ибо завтра мы выступаем. А выступив, мы не остановимся, доколе День Мира не забрезжит над землей Британии.

Все вышли, остались Кай, Гвальхавад, Борс, Мирддин и я, потому что предводитель хотел поговорить с нами отдельно.

— Выпьете со мной, друзья? — спросил Артур.

— Скорее свинья не хрюкнет, — ответил Борс, — чем Кай не выпьет!

— Скорее свинья полетит, — парировал Кай, — чем Борс отвернется от кубка!

Мы рассмеялись и придвинули стулья к столу. Слуга внес кувшины и кубки и поставил их по правую руку от предводителя.

Мы выпили и принялись обсуждать то, что нас больше всего занимало: предстоящую битву.

— Можно построить такие машины, которые соорудил нам прошлым летом Мирддин, — предложил Борс.

— Некогда, — отвечал Кай. Он думал об осажденном Каер Эдине, где остался его отец. — Нужно идти на приступ.

— Прямо под стрелы пиктов?

— Я не боюсь стрел.

— Так ты свою получишь, — вставил Гвальхавад. — На Оркадах говорят: пикту довольно увидеть птицу в небе, чтоб ее подстрелить.

— Но даже пикты стреляют, лишь когда видят, — молвил Артур.

— Так может, нам сражаться по ночам? — воскликнул я.

Артур улыбнулся и хлопнул себя по колену.

Каждому пришла в голову одна и та же мысль, и все глаза устремились на Мирддина.

— Сегодня луна встанет лишь после третьей стражи, — сообщил он.

— Мы пойдем на приступ *нынче же ночью!*

Ну и вызвездило в ту ночь! Хотя луна еще не взошла, все вокруг было светло, как днем. Мы все зачернили лица глиной и закутались в темные плащи. Прижимаясь к острым камням, мы ползли на четвереньках к неясной громаде крепости.

Господи, спаси и помилуй — со стены смотрели дозорные пикты! Впрочем, их внимание отвлекало зрелище, которое Артур нарочно распорядился устроить: в лагере воины устроили пляску с факелами и горланили разудалые песни. Их голоса долетали до крепости и подгоняли нас вперед.

Как ни противились вожди, Артур сам повел атаку по скалистому восточному склону, в стороне от узкой дороги. Один из нас должен был перелезть через стену, пробраться к воротам и распахнуть их.

Дело это доверили Лленллаеогу. Он вызвался сам, едва слова о воротах слетели с Артуровых губ, и предводителю оставалось либо согласиться, либо оскорбить ирландца отказом. Причин для отказа не было (если исключить наши сомнения), и Артур согласился. Поэтому у Лленллаеога были под плащом прочная веревка и железный крюк.

Казалось, прошла вечность, прежде чем мы добрались до подножия стены и, укрывшись в ее тени, стали ждать.

Не знаю, как это случилось: в какой-то миг я смотрел вниз на освещенную факелами равнину, в следующий рядом засвистели пиктские стрелы. От ударов о камень разлетались кремневые наконечники. Я вжался в стену. Остальные прятались кто как мог.

И тут же раздался крик. Уголкем глаза я видел, как кто-то поднялся в полный рост. Веревка взметнулась в воздух и натянулась. Одинокaя фигурка начала подъем...

Лленллаеог! Полоумный ирландец не отступился! Под градом стрел он закрепил крюк и полез на стену... Господи, спаси и помилуй, его убьют в тот миг, когда он ступит наверх!

Я ждал, что сейчас его бездыханное тело рухнет на скалы, а значит, прощай надежда быстро овладеть крепостью!

Однако Лленллаеог неведомо как взобрался по отвесной стене и выбрался наверх. Кто-то упал — но не он. Даже в темноте я видел, что это пикт.

Каким-то немыслимым образом все это происходило бесшумно — хотя не дай мне Бог снова услышать такую наполненную тишину! Целая вечность пронеслась между двумя ускоренными сердцебиениями.

Лленллаеог исчез за гребнем стены. И...

Ничего!

Кто-то поднялся в темноте рядом со мной. Голос Артура взволнованно зашептал: "К воротам! Быстрее!"

Я по возможности быстрее и тише двинулся вдоль неровной каменной стены. Оттуда не доносилось ни звука — лишь эхо выкриков

внизу. Попасть в крепость можно было только с одной стороны — северной — через единственную узкую створку. Я осторожно выглянул из-за восточного угла — стражи вроде нет, добежал до ворот и прижался ухом к массивному дереву. Все было тихо.

Я пригнулся у двери и сделал остальным знак дожидаться поодаль. Прошла вечность, за ней другая... Я уже собирался вернуться к Артуру, когда с другой стороны донесся негромкий скрежет.

Я прижался к шершавому дереву. Скрежет стих. Кто-то тихонько стукнул по воротам раз, другой. Послышались приглушенные проклятья. Это был Лленллеаог — ворота заклинило.

Стараясь ему помочь, я налег что есть силы. Еще один воин подбежал, и мы вместе уперлись в ворота. Они не поддавались.

— Отойди! — послышалось с той стороны.

Тут же в воздухе засвистело, и в дощатую створку ударила стрела. За ней другая.

Пикты обнаружили ирландца! Наша атака раскрыта.

— Отойдите! — в полный голос крикнул Лленллеаог (таиться уже не было смысла). — Не туда толкаете!

Я отскочил назад, и створка тут же распахнулась. Ворота открывались наружу! Откуда мне было знать?

Я нырнул в узкий проем, прокатился по мостовой и вскочил, держа в руке меч. Воины хлынули за мной. Стрелы жужжали над головами, как растревоженный рой. Одни впились в дерево, другие попадали в камень и разлетались на жалающие осколки.

Мы всем скопом ворвались в город. Пикты проснулись и теперь оглашали воздух пронзительным боевым воплем, поднимая товарищей.

Внезапно замелькали факелы. Новые и новые пикты выбегали во двор. Их раскрашенные тела извивались в пляшущем свете. Они, вопя, бежали на нас с длинными ножами и двуглавыми топорами вне себя от ярости, что мы сумели проникнуть в крепость.

Я не успел опомниться, как натиск врага снова отбросил нас к воротам.

— Держись! — заорал я. — Держись, кимброги!

Однако мы забили ворота и закрывали путь остальным. Нас зажали между своими и чужими. И здесь бы нам всем конец, если б не...

Факел описал дугу над головой и упал у моих ног. Я нагнулся, но факел уже подхватили. Огненный хвост, стремительно вращаясь, врезался в толпу варваров.

Искры сыпались во все стороны, и тот, на кого обрушивался факел, уже не вставал. Огонь прыгал, как живой: размах, падение, удар, рывок — и вот он уже несется прочь, недосягаемый для ответного удара. Варвары с воплем бросались врассыпную перед страшным призраком-убийцей.

В мелькании света и теней я различил лицо нашего избавителя: то был Лленллеаог, ирландец. Этого лица я не забуду, покуда жив: жуткое в своей ярости, оно само пылало огнем, обезумевшие глаза лезли из орбит, рот кривился, зубы скалились, словно у дикой кошки! То был Лленллеаог в исступлении боя.

— Кимброги! — возопил я и ринулся в бурлящую толпу, еще не успевшую сомкнуться за ирландцем.

Я рубил и колол мечом, не разбирая цели, и узнавал успешный удар по тяжести, которая увлекала клинок вниз. Земля под ногами стала скользкой. В воздухе висел тяжелый запах крови и желчи.

Я не видел Артура.

Я пробивался вперед, не думая, поспевают ли за мной товарищи. Единственной моей мыслью было догнать неистового ирландца. Я рубился что есть мочи, но всякий раз, как поднимал глаза, видел его еще дальше — кружащийся факел, приплясывающий на ветру, словно перекаати-поле. Я слышал голос Лленллеаога, перекрывающий шум битвы, призывный, гортанный, словно клекот орла, летящего на добычу: он пел.

— Кимброги! Вперед! — кричал я снова и снова, и на мой крик высоко и звучно отзывался охотничий рог Риса. Воины, ожидавшие под стенами крепости, увидели, что бой начался, и тоже полезли на гору. Сейчас они врывались в ворота, перелезали через стену по веревкам и заранее заготовленным шестам с поперечными перекладинами. Пикты, ополоумев от страха, бессмысленно метались по двору.

Я уже не видел ничего, кроме сплетения вражеских тел. Я рубил направо и налево, словно пробивался через бурелом, не обращая внимания на боль, разбегающуюся от плеча к запястью.

Бил щитом, колол мечом, рубил, яростно обрушиваясь на вопящего врага...

И вдруг все кончилось.

Мы стояли в озаренном багровыми отсветами дворе, кругом грудами лежали мертвые пикты. В воздухе и от наших рук пахло кровью и потрохами. Черная кровь поблескивала в свете встающей луны. Враги были мертвы. Все. Каер затих.

Я поднял глаза и увидел, что трое пытаются скрутить четвертого, и бросился на подмогу, полагая, что наши взяли в плен кого-то из пиктских вождей. Однако это был Лленллеаог. Он еще не вышел из боевого помешательства и не мог остановиться, хотя бой и закончился. Кай и Кадор застали его за тем, что он рубил головы мертвецам и бросал их через стену.

— Ирландец! — крикнул я ему в лицо. — Довольно! Все кончено! Стой!

Он не слышал меня. Думаю, он вообще ничего не слышал. Рассудок его покинул. Я бросился к ближайшей колоде, из которой поят коней, схватил кожаное ведро и, набрав воды, плеснул Лленллеаогу в лицо. Он зафыркал, вытаращил глаза, вскрикнул и рухнул наземь.

— Наверное, он ранен, — выговорил Кай, снимая с него шлем. — Ранен в голову.

— Не вижу крови, — отвечал Кадор, поднося ближе факел, который вырвал у ирландца.

— Не видишь крови? Да он в крови с головы до пят!

— Побудь с ним, пока он не очнется, — сказал я Кадору, — а потом пусть его несут в лагерь. — Каю же велел: — Найди еще факелы и начинай собирать раненых. Я поищу Артура.

Я мог не трудиться отдавать этот приказ: и без того десятки воинов уже несли на себе товарищей. Крепость была настолько мала, что не все наше войско смогло проникнуть во двор. Большая часть оставалась снаружи и лишь теперь вступала в ворота. Эти воины были с факелами; им досталось выносить павших соратников. Артур стоял на стене над городскими воротами и командовал, что кому делать.

Я взобрался к нему по крутым ступеням.

— Мы взяли крепость, о предводитель.

— Хвалю, Бедуир.

У него это прозвучало так, будто я овладел крепостью в одиночку.

Артур продолжал разглядывать озаренный факелами двор. Тени метались, так что казалось, что там все еще бесшумно кипит сражение. Однако растущая груда вражеских тел свидетельствовала об обратном.

— Лленллеаог жив? — спросил предводитель.

— Жив, — отвечал я, чувствуя, как руки и ноги медленно наливаются усталостью. — Жив, и я не различил на нем ни единой царапины. Как? Не знаю. Ты видел?

— Видел.

— Он сумасшедший, — сказал я. — Теперь мне понятно, почему он был первым воином Фергуса. Невозможно одолеть вихрь.

Позже, когда всех бриттов — раненых и мертвых — собрали, а раненых пиктов добили (такова суровая реальность войны, но мы прикончили раненых врагов, потому что уходили на следующий день и позаботиться о них было бы некому; лучше короткий удар, отправляющий через Западное море к Островам Блаженных или куда там они попадают, чем долгая мучительная смерть), мы сожгли тела товарищей в крепости, где те пали, а врагов перебросили в море через южную стену. Гофаннон накормит ими своих рыб.

Мы стояли на стенах Каер Алклида и смотрели, как пламя взвивается в небеса. Слепой Мирддин стоял, простирая руки над погребальным костром, и пел гимн посмертной победе. Кимры завели скорбную песнь, которая начинается вздохом, переходит в рыдания и завершается торжествующим возгласом. Так мы провожали души павших в объятия Господа Иисуса.

Потом мы спустились в лагерь и легли спать. Солнце вставало, превращая черный небесный свод в светящийся алебастр. Заря ласкала взор, мягкая трава так и звала прилечь; я устроился на земле подле палатки Артура. Несмотря на изнеможение, я не мог уснуть и просто лежал, глядя на гаснущие звезды. Через некоторое время ирландец, Лленллеаог, тихо подкрался к шатру. Он не видел, что я бодрствую, поэтому я стал смотреть, что он делает. Ирландец вытащил меч. Предательство?

Рука моя метнулась к кинжалу. Но нет, страх оказался напрасным. Лленллеаог положил меч в головах и вытянулся поперек входа, словно защищая спящего предводителя.

К полудню, поев, мы сняли лагерь и двинулись по заросшей дороге к Малой Стене, которая в этих краях зовется Гвауль, — самому северному из римских укреплений, ныне пребывающему в запустении. Это полуразрушенный, поросший травой земляной вал, дорога тоже еле видна. Однако восточнее начинается хорошая дорога, которая ведет с севера на юг. Дойдя до нее, мы повернули на север к старой крепости Трат Горид.

И вновь я мысленно обращался к насущной загадке: кто ведет против нас войну?

ГЛАВА четырнадцатая

Крепость в Трат Горида воздвигли в незапамятные времена. Подобно Каер Алклиду на западном побережье и Каер Эдину на восточном, она стояла на огромной скале, прямо над рекой, на пути у возможных захватчиков. Ее, как и Каер Алклид, пикты заняли, чтобы обороняться от нас.

На песке Горида, под стенами, мы закончили переход и, разбив лагерь, взяли крепость в осаду. Почти тут же начали возвращаться лазутчики с известиями о врагах под Каер Эдином: крепость по-прежнему в руках Эктора, в ближайшее время ей ничто не грозит.

Король Кустеннин Калиддонский привез более тревожные вести: в войну вступили новые противники. Юты, фризы и мерции из-за северного моря, скотты и аттакоты из Ирландии; круитни вместе с раскрашенными пиктами, короче, все заклятые враги Римской Британии. Новый неведомый бретвальда разжег пожар на славу.

Благодарение Богу, хоть саксов среди них не было. Каким-то чудом мир на юге держался, не то война была бы проиграна еще до ее начала.

Артур торопился на выручку Эктору в Каер Эдин и потому взял крепость таким же ночным приступом, как и Каер Алклид. Короткий ожесточенный бой закончился нашей победой. Разместив в крепости свой гарнизон, мы двинулись на восток, к Эктору.

Путь наш лежал через селения, где уже побывали варвары. Проходя, они оставляли за собой черный дымящийся след, мучительный струп, кровоточащую рану на земле: жгли посевы, угоняли скот, забирали добро, разрушали все, что не могли унести с собой.

Во рту у нас стоял едкий привкус гари, в глазах — слезы. В каждом селении среди развалин мы находили трупы мужчин, женщин, детей. Варварам мало было предать дома огню и перебить жителей: в каждой деревне оставляли они чудовищные свидетельства бесчеловечия и злобы: растерзанные и выпотрошенные тела, оскопленные, с внутренностями наружу.

Зрелище это повергало нас в ужас. Любой представлял на этом месте себя, или товарища, или родича — убитого и поруганного. Жуткие картины возбуждали смутение и стыд, которые, словно тлеворный запах, расплзались среди дружины.

Однако везде, где мы находили такие следы глумления над мертвыми, Артур действовал решительно. Он приказывал завернуть тело в чистый плащ и достойно, с молитвой, похоронить.

Это помогало, но не способно было прогнать совсем наше отчаяние. Подавленные и угнетенные, мы вышли к Каер Эдину. Со слов Кустенина, мы знали, что там увидим, но при виде полчищ, расположившихся на холмах у каера, в глазах у нас потемнело, сердца похолодели.

— Да, нам не лгали, когда говорили, что весь варварский мир собрался под Каер Эдином, — промолвил Кай. — Как они все сумели обойти наш морской дозор?

Лицо Артура стало твердым, как камень, глаза потемнели, словно Ир Виддфа в бурю.

— Принюхайтесь, друзья, — произнес он. Мы вдохнули свежий, пропитанный солью воздух. — Не правда ли, пахнет победой?

В бледно-голубом небе клубился черный дым, под стенами крепости кишели неисчислимые орды, во рту стояла горечь.

— По мне, так скорее смертью, Артос, — отвечал я.

— Смерть или победа — одну из двух я вкушу еще до конца дня.

Словно дождавшись этих слов, варварское воинство подняло оглушительный вой.

— Сей звук, столь нам ненавистный, не должен долее оглашать Британию, — заметил Мирддин. Он сидел в седле, спокойно сложив руки на груди. Его золотистые глаза, как всегда, скрывала белая полотняная повязка. — Я видел лицо бретвальды: это лицо бритта, и черты его хорошо известны нам всем.

Эмрис произнес это так, словно обронил замечание о ячменных лепешках.

— И это все? Имя! Назови его нам, мудрец! — воскликнул я.

— Оно вам известно. Я не стану осквернять язык.

— Мудрый Эмрис, — взмолился Кай, — я хотел бы услышать имя того пса, который посмел напасть на моих родичей.

Без толку — Мирддин оставался нем.

Артур, не медля, начал отдавать приказания. Внизу, в узкой долине, враг уже выстраивался в боевые порядки. Я видел, что варвары и впрямь хорошо выбрали место. Пусть они не овладели крепостью, но

каменная стена надежно защищала их с тыла, а глубокие расщелины создавали помеху нашим коням.

Тем не менее конница выехала на позицию и построилась в три полка по четыре ряда в каждом. Первый возглавлял я, второй — Кай, третий — Борс. У каждого из нас под началом было по два короля. Артур с Лленллеагом возглавили пехоту: мы знали, что после первой кавалерийской атаки бой придется вести на ногах.

По сигналу Риса мы взяли копья наперевес, выставили щиты и во весь опор понеслись вперед. Грохот копыт отдавался в жилах. Я летел, чувствуя, как вздымаются подо мной мощные конские бока. Рука, плечо, глаз — весь я обратился в острый наконечник копья, пересекающий воздух.

На всем скаку мы врезались в первый ряд и смяли его. На миг мелькнули перекошенные рты, вытаращенные от удивления и страха глаза. Как в других сражениях, я пробивался через плотное людское месиво, в ушах стоял грохот, багровый туман застилал взор. Я разил врагов, насаживая их на острие копья. Когда оно сломалось, в ход пошел меч.

Я рубил сплеча. Я трудился, как землелепещ, чью созревшую ниву грозит погубить буря, но еще ни один жнец не собирал столь горького урожая, не срезал столь скверных колосьев.

Мы были львами! Атакующими медведями в бою! Первый же наш натиск, яростный и безжалостный, в четырех местах прорвал варварский строй. Он изогнулся, словно пытаюсь втянуть нас в себя и раздавить о скалу Эдин — и, наверное, раздавил бы, ибо врагов было не счесть! — но из-за наших спин стремительно ударил Артур.

Ряды варваров смешались и дрогнули. Я развернул свой полк назад к Артуру, гоня впереди врагов. И тут я увидел его, прямо на пути у себя — череп и кости на палке, штандарт бретвальды. А под ним, в окружении телохранителей-хускарлов самого бретвальду. И, Господи помилуй, я узнал лицо под стальным шлемом: лицо Цердика ап Морканта.

Цердик!

Желчь прихлынула к горлу, во рту сделалось горько. Свет перед глазами померк от ярости. Я хлестнул коня, надеясь ударить, пока он меня не видит, но телохранители сомкнулись вокруг изверга и увлекли его за собой раньше, чем я успел доскакать. Варвары в беспорядке бежали на юг и запад. Надо полагать, страх окончательно лишил их рассудка, если они бежали прочь от берега, где оставили свои корабли!

Я поскакал напрямик к Артуру.

— Я видел его, Медведь, — крикнул я. — Видел бретвальду!

Он рывком повернулся ко мне.

— Кто это?

— Цердик ап Моркант, — отвечал я. — Он был с англами.

Артур потемнел лицом.

— Этот трус проклянет день своего рождения, — пробормотал он. Потом добавил: — Что ж! Он не подчинился мне в жизни, пусть будет верен в смерти. Так или иначе, придется ему покориться.

— Прикажи трубить преследование! Мы его нагоним, — крикнул я, намереваясь пуститься за Цердиком.

К моему изумлению, Артур только мотнул головой.

— Нет, — сказал он. — Я не полезу в западню. Построй конницу, позаботься о раненых, потом собери вождей. Я подожду вас в каере. Будем держать совет в доме Эктора.

И он поскакал прочь, оставив меня оторопело ловить ртом воздух.

В следующий миг Рис подал сигнал строиться, и погоня захлебнулась; всадники начали возвращаться. Как только всем раненым оказали помощь — по счастью, их оказалось немного, битва была короткой, — я собрал военачальников, и мы вместе поскакали в каер. Ворота стояли открытыми, Эктор во дворе беседовал с Артуром.

При нашем появлении они оборвали беседу, и Эктор торопливо вернулся в дом. Предводитель резко повернулся и что-то сказал Лленллеаогу. Тот бросился к лошади, вскочил в седло и во весь опор поскакал прочь.

Я спешился и бросил поводья одному из слуг Эктора.

— Что случилось? — спросил я, торопливо подходя к Артуру.

— Здесь саксы.

— Саксы?!

— Так полагает Эктор. Больше он ничего сказать не мог. — Артур взглянул на ворота, в которые как раз въезжал первый из королей. — Зови их в дом. Будем держать совет.

Рассевшись в зале, мы схватили кубки и стали слушать Эктора. Наши худшие опасения сбылись.

— Еще до осады мне пришло известие, что в водах за Трапрайн Ло видели сакские боевые ладьи. Я на десяти кораблях двинулся туда, но никого не увидел.

— Известия были верные? — осведомился Овейн.

— Самые что ни на есть верные.

— И все же сегодня мы саксов не видели. Наверное, они повернули назад, испугавшись твоих кораблей, — предположил Кередиг.

— Мы не видели саксов, потому что они не хотели показываться, — объявил Мирддин Эмрис. — Битвы сегодня не было.

— Не было битвы? — подивился Мальгон. — А, по-моему, была, да еще какая! — Все рассмеялись, и он продолжил: — С кем же мы бились?

— С тенью, — отвечивал Мирддин.

Его странные слова дали мне толчок, и в то же мгновение я различил очертания расставленной нам западни. О да, Цердик все продумал на до мелочей. Давно он пестовал свою хитрость и упражнялся в коварстве. В то мгновение мне все стало ясно: осада Каер Эдина, как и захват Трат Гориды с Каер Алклидом, имели единственную цель: отвлечь нас и вымотать, покуда он заманивает нас в ловушку. Настоящая битва приберегалась под конец.

Хитроумный Цердик, искушенный в обмане. Он не пожелал склониться перед Артуром, предал его и собственный народ. Дьявол его побери, он всегда был гнилым.

— С тенью? — Вожди Британии недоуменно переглянулись и разразились обидным смехом.

— Слушайте Премудрого, — вмешался Артур. — Разве вам не приходило в голову, что победы достаются нам слишком легко? Эти первые сражения были лишь для отвода глаз. Если б сегодня мы стали преследовать бегущих, то уже достались бы волкам и воронам.

Вожди громко зароптали, видя в словах Артура лишь слабость и нерешительность. Другие вслух говорили, что он выдумал невесть что. Мол, если здесь саксы, что ж они сами не показали? А мы, повернув назад, лишили себя уже одержанной победы.

Однако Медведь Британии был глух к укорам и обвинениям. Сложив руки на груди, он медленно оглядел недовольных, каждого по очереди. Когда шум стих, он повернулся ко мне.

— Бедуир, скажи им, кто бретвальдой у варваров. Скажи, кого ты видел сегодня под черепом и костями.

— Цердика ап Морканта, — громко произнес я.

Те, кто, подобно Идрису и Маглосу, прежде сражался на стороне Цердика, не желали верить.

— Невозможно! Ты наверняка обознался.

— Я знаю, кого видел. Это лицо я не раз зрел на поле боя.

— Он не стал бы истреблять своих, — упорствовал Идрис. Впрочем, голос его звучал неуверенно.

— Он с самого начала воевал против нас! Забыли? — выкрикнул я. В душе закипал гнев. — Он не смог одержать верх и переметнулся к врагу. Меня это ничуть не удивляет.

Вот тут-то они призадумались. Господи, ну и тупоголовый же народ! И чего они достигли своими укорами — только осрамились, потому что показали, как низко ставят Артура. Это после всех его свершений!

В зал вошли Борс, Гвальхавад и Кадор, которые до того времени занимались устройством кимброгов. Кустеннин воспользовался передышкой, чтобы сдвинуть совет с мертвой точки.

— Сейчас неважно, Цердик это или кто другой, — объявил он. — Если саксы сидят в засаде, надо решать скорей, как тут быть. Артур — наш предводитель, ему и слово. — И, повернувшись к Артуру, промолвил: — Скажи, предводитель Артур, что нам делать?

Артур встал.

— Пошлем разведчиков узнать, куда делся враг, а узнав...

— Мы и без того знаем! — воскликнул Овейн. — Каждая минута промедления добавляет им сил.

Артур грохнул по столу ладонью, так что зазвенели кубки:

— Молчать!

Короли наконец замолкли. Артур оглядел их всех и продолжил:

— Я не ринусь в бой, пока не узнаю, что это за местность и кто там нас ждет. Вы своими ушами слышали, что готовится какое-то коварство. Какое, мы не знаем, и потому я намерен проявить осторожность. — Он выпрямился и сложил руки на груди. — Спасибо за доверие, государи мои, я призову вас, когда буду готов.

Так битву не начинают. Обида и рознь в начальствующих способны разложить армию быстрее, чем страх. Впрочем, сейчас этого было не поправить.

Разведчиков выслали. Они вернулись до темноты с известиями о расположении противника. И вести эти пугали. Артур собрал вождей, и разведчики поведали, что видели: варвары прошли на запад вдоль Фиорты до места, где Гвауль упирается в устье реки, и здесь повернули от побережья на юг, в заросшие лесом холмы.

— Это не похоже на паническое бегство, — заметил Артур, выслушав разведчиков. Даже вожди вынуждены были признать, что варвары действовали с необычной предусмотрительностью. — И где они остановились?

— Остановились, — отвечал первый разведчик, — в озерном краю. Я видел два холма, на обоих — старинные укрепления. Сдается мне, кто-то их там давно поджидал.

— Видели вы тех, кто поджидал?

— Они похожи на саксов, предводитель Артур.

Ловушка! Да! Чутье Артура предотвратило роковую ошибку. Я бы, не задумываясь, поскакал в западню.

— Сколько их? — спросил Артур.

Разведчик замялся.

— Не знаю, государь мой.

— Больше десяти тысяч?

— Да, государь мой.

— Больше двадцати?

Снова разведчик ответил не сразу. Я хорошо понимал его затруднения.

— Да, предводитель Артур, больше двадцати тысяч. Полагаю, это Окта с Кольгримом.

Артур отпустил разведчика и повернулся к военачальникам.

— Их поджидали саксы, числом не менее двадцати тысяч, а то и поболее.

— Я знаю это место, — сказал Эктор. — Два холма, вернее будет сказать, холм с двумя вершинами, и развалины старой крепости. Холм зовется Бадонским.

— Двадцать тысяч! — недоверчиво повторил Мальгон. — Если бы столько варваров сдвинулись с насиженных мест, мы бы услышали.

— Да, если бы наши глаза и уши не были заняты другим, — напомнил я.

Наконец-то вожди поняли всю опасность нашего положения.

— Что делать? — спросил Маглос.

— Собрать еще людей, — промолвил Овейн, и многие согласились. — Послать на юг за подкреплением.

Другие короли предлагали что-то свое.

Артур выслушал всех и вынес решение.

— Мы не можем ждать. Пусть враг не думает, что сумел нагнать на нас страху. Мы ударим быстро и дерзко. Отдайте приказы: завтра мы вступим в бой с Цердиком и его варварами.

Бадонский холм возвышается над лесами: большой, грубый, каменистый двугорбый бугор. Склоны у него крутые, вершина — плоская.

Для неприятеля главное преимущество заключалось в крутизне склонов и двух укреплениях, таких громадных, что в них поместились все тридцать тысяч. Стены этих крепостей, хоть и невысокие, были сложены из камня и окружены двойным рвом.

Я сразу понял, за что варвары выбрали это место. Глубокие рвы по окружности холма затрудняли подъем, а усеянные камнями склоны были опасны для конницы. Враг легко мог обрушиться на нас сверху, пока бы мы медленно ползли в гору.

Да, место для битвы было выбрано с умом. Цердик продумал все. При мысли, что все это затеял наш же сородич, в душе моей снова взметнулся огонь. Еще хуже было то, что он подстрекнул саксов нарушить мир.

— Двойная крепость, — сказал я. (Мы с Артуром выехали вперед, чтобы обозреть вражеские укрепления.) — Подобной не сыщешь во всей Британии. Нападем с одной стороны — по нам ударят с другой. Придется делить силы еще до битвы. Что будешь делать?

— Заставлю их мечтать о мире. Долго будут они жалеть, что затеяли войну против меня. — От холодной бесстрастности его голоса у меня мороз пробежал по коже, так непохоже это было на прежнего Артура. Однако чело предводителя было по-прежнему нахмурено, губы сурово сжаты. Он дернул поводья, разворачивая лошадь, и я понял, что решение принято.

— Едем, Бедуир, вернемся к войску.

— Что ты задумал?

— Увидишь! — крикнул через плечо Артур.

Я поспешил за ним, и мы вернулись туда, где в лесу у озера, чуть севернее Бадонского холма, стояла сводная дружина Британии.

Военачальники собрались и с нетерпением ждали, когда вернется Артур. Не успел Артур спешиться, как они бросились к нему и принялись выпытывать, как он намерен повести бой.

— Что ты решил? — спрашивали они. — Будем нападать сразу? Что ты видел? Что делать нам?

Но Артур не отвечал.

— Высокие господа, — сказал он, — пусть завтрашний день сам о себе позаботится. Сегодня мы будем петь и пировать, и пусть возвышенные слова наполнят наши сердца отвагой.

Ответ этот пришелся им не по душе, но другого они не дождались. Артур, словно не слыша ропота, удалился в свою палатку. Чуть позже вернулся Лленллеаог на взмыленном коне и напрямик направился к

Артуру. Мирддин присоединился к ним, и все трое довольно долго беседовали.

В сумерках Артур вышел из палатки. Он вымылся и подвязал волосы. Еще он переоделся в новое: алые штаны и белую рубаху, перехваченную широким поясом из золоченой кожи, за спиной развевался алый плащ. На боку висел меч, Каледволх.

Костры ярко горели, подле возов готовились дичь и лук. Синий дым расплывался над лагерем, словно колеблемый ветром кров. Не слышалось обычной суеты и шума. Повсюду воины сбивались в кучки: кто-то разговаривал, кто-то чистил оружие, кто-то тихо пел — не боевые песни, но домашние, из тех, что поются у очага. Мысли бойцов уносились к тем, кого они, может быть, уже не увидят. Перед битвой каждый тяжело осознает свою смертность. Это естественно и в какой-то мере даже необходимо.

Артур рассказывал среди бойцов, разговаривал с ними, ободрял их, успокаивал, делясь своей отвагой, словно сокровищем, которым одаривал каждого. Видеть его означало лицезреть подлинное благородство, и все черпали в этом зрелище доблесть и силу духа.

Мы съели нашу простую пищу на берегу. Озеро лежало гладкое, как зеркало, и черное, как чугун. Темный лес подступал к самому берегу, но в воде еще поблескивали последние отблески света. Когда трапеза закончилась, Мирддин вышел вперед с арфой, и мы пели с ним под звездами, и пение было сладко для слуха.

Затем поднялся Артур и кликнул к себе кимбровгов.

— Соотечественники! — вскричал он. — Сородичи мои, слушайте. Завтра мы сразимся с врагами, с теми, кто зовет себя детьми Водена. Тысяча лет пройдет, а барды не устанут воспевать эту битву. Наши имена огласят чертоги великих царей, наши свершения будут жить в сердцах еще не родившихся поколений. И вот я спрашиваю, братья мои, чем нас помянут?

Воины в удивлении переглянулись.

Артур заходил вдоль берега. Крохотные волны, поблескивая в свете звезд серебром, тихо плескались у его ног.

— Как и любой из вас, я жажду славы. Но какой славы? Подумайте.

Приглушенный говор пробежал по нашим рядам. Мол, мы никогда не слышали от предводителя таких слов. Что говорит Медведь Британии?

— И все же тысяча лет — большой срок, — продолжал Артур. — За долгое время многое может забыться: кто победил в бою или как

потерпел поражение, название места и кто был нашим врагом. Если что-то и останется, то останется одно — какими мы были.

Некоторые одобрительно захлопали себя по ляжкам. Вот, несомненно, слова отважные и доблестные. Однако Артур говорил о другом.

— Прошу вас, братья, задумайтесь сейчас, кто мы такие? — Артур надолго замолчал, дожидаясь, чтобы каждый ответил про себя. Потом перестал ходить, остановился и раскинул руки. — Родичи мои, братья, кто мы такие?

— Бритты! — выкрикнул кто-то.

— Кимры! — вскричал другой.

— Кимброги! — послышалось еще. — Сотоварищи сердца!

— Да! Да! — грянуло отовсюду. — Кимброги!

Артур поднял руки, призывая к молчанию, и, когда оно наступило, молвил:

— О да, мы соотечественники. Но мы — не из этой страны. Подлинное наше отечество — Небесное Царствие, в котором Спаситель Бог ждет всех, кто исповедует Его своим Господом. Слушайте! Завтра мы вступим в бой с варварами. Они будут призывать своего гнусного идола Водена. Но я спрашиваю, братья, кого призовете вы? — Он обвел руками толпу. — Кто услышит ваш вопль в день скорби? Подумайте хорошенько. Ибо, истинно вам говорю, любая слава умрет, если впереди нас не будет идти Христос. Но, если мы призовем Его имя, слава Его покроет нас золотой ризой, и, пусть мы погибнем, дела наши будут помниться тысячу лет и тысячу тысяч после.

Лленллеаог выступил вперед, держа щит предводителя. Артур взял его, развернул к нам и поднял над головой. На белой свежешкрашенной поверхности был нарисован большой алый крест, символ Христа.

— С этого дня я ношу на себе крест Иисусов, и Господь идет впереди меня в бой. Если Сам Небесный Царь за нас, кто нас одолеет?

Кимброги молчали. За ними толпились те, кто слышал голос Артура и потянулся на него, как на путеводный огонь. Они напирали, стараясь разобрать слова.

Артур водрузил перед собой щит, воздел руку к небу и указал на небо, в котором разгорались первые звездочки.

— Глядите! Пресвятой уже в пути. Он поведет нас, если мы за Ним последуем. Я спрашиваю, братья, кто пойдет за Ним?

Все поднялись, как один человек. Кимброги хлынули вперед, их напором Артура увлекло в озеро. Он стоял теперь по колено в воде, но словно не замечал этого.

— На колени, кимброги, клянитесь в вечной верности Царю Небесному, Который обещал спасти всех, кто исповедует Его своим Владыкой! Он будет вашей крепкой рукой и мудрым советчиком; щитом, что укроет вас, мечом, что вас защитит!

Воины сотнями вставали на колени прямо в мелкой воде. Среди нас было несколько монахов из Майлроса — они укрывались в Каер Эдине от варваров. Они пошли между воинами и, набирая воду в горсть, крестили новообращенных в Братство Веры. Я смотрел в священном восторге, сердце пылало в груди, ибо слова Артура пробудили во мне жажду достичь описанной им Божественной славы.

Я уже был крещеным и не нуждался в новом крещении, однако тоже вошел в воду, чтобы испросить прощение грехов и пойти на бой беспорочным. Многие христиане из числа наших товарищей поступили так же, многие запели хвалебную песнь Подателю щедрот, и сумеречные холмы огласил священный напев.

ГЛАВА пятнадцатая

Мы встали затемно, поели, облачились в доспехи, надели шлемы и прицепили мечи. Мы закинули за спину тяжелые деревянные щиты, прочной кожей обмотали запястья и щиколотки. Мы оседлали коней, выстроились боевым порядком и тихо тронулись через лес к Бадонскому холму.

Еще до рассвета мы собрались под темной громадой Бадона. Над нами высились две крепости. Вражеские часовые заметили наше приближение и подняли тревогу. Через мгновение в уши ворвался пронзительный вой — это пикты, англы, ирландцы, саксы и их союзники разразились боевым кличем.

Артур медленно поднимался по склону. По левую сторону от него ехал Рис, по правую — Лленллеаог. На полпути к крепости начинался крутой подъем. Здесь Артур остановил войско, спешился и один пошел вверх. Отважно ступил он на борт первого рва.

— Цердик! — крикнул он. — Спускайся! Я буду с тобой говорить.

— Говори, бастард Британии! — раздался резкий ответ. — Я тебя слышу.

— Я протягиваю тебе руку с миром, Цердик, — молвил предводитель. — Я готов простить тебя и твоих товарищей, если вы поклянетесь мне в верности.

— Сучье отродье! — завопил Цердик. — Не нужно мне ни твоего прощения, ни помилования. Я клянусь только в твоей смерти. Поднимись сюда, коли не трусишь, и посмотрим, кто перед кем склонится.

— Я предложил мир, а слушаю поношения, — сказал Артур. — И все же я добьюсь мира.

С этими словами он повернулся и пошел назад к своему коню.

Снова взобравшись в седло, он подал знак Рису, и тот, подняв рог, протяжным, звучным зовом подал сигнал к битве. Артур вытащил Каледволх и потряс им в воздухе. Первые лучи солнца вспыхнули на отточенном лезвии.

— За Бога и Британию! — воскликнул Артур, и клич его эхом прокатился по рядам.

Вновь протрубил рог, и Артур рысью двинулся вперед. Ала устремилась за ним, дальше шагал двойной строй пехотинцев. Кони, все убыстряя рысь, перешли в галоп.

Сводная дружина Британии стремительно взлетела по каменистому склону. Вот и первый ров. Очертя голову вниз, затем вверх, с трудом отыскивая опору для ног, мы бросились вперед. И вот мы уже на другой стороне, и снова крутой подъем. Воздух дрожал от рева саксонских боевых рогов — от такого и мертвый проснется! Грохот барабанов отдавался под ложечкой, холодный ветер бил прямо в лицо.

Но рука моя все так же крепко сжимала древко копья, щит не шелохнулся на спине. Я отпустил поводья, чтобы конь сам выбирал дорогу. Склон был так густо усеян камнями, что я не мог и сражаться, и направлять скакуна. Впереди уже показался борт второго рва. Взгляд направо, налево — со мной ли мои люди — и в ров.

Как и в прошлые битвы, Артур разделил алу на полки, которые поручил своим военачальникам: Каю, Борсу, Гвальхаваду и мне. У каждого из нас было под началом два короля. Артур и Кадор с оставшимися королями возглавили пехоту, которая теперь, как могла, поспешала за нами следом. Даже за грохотом лошадиных копыт ухо различало глухой топот ног.

Второй ров оказался глубже первого, откосы его — круче. Несколько коней споткнулись, роняя всадников, еще несколько не взяла подъем и съехали назад. Однако большая часть преодолела ров и понеслась дальше.

Видя, что рвы нас не задержали, варвары стали прыгать со стены и бежать нам навстречу. Они разбегались под уклон и с разгону врубались в наши ряды.

Многие наши товарищи полегли в этой первой атаке. Крутой каменистый склон и свирепость врага погубили немало добрых людей. Наш натиск был отбит.

На краю верхнего рва я заново выстроил свой полк. Беглый взгляд показал, что у остальных дела не лучше. Наши отступали по всему склону.

По моему сигналу конница вновь устремилась на штурм.

На этот раз мы дождались, когда враги побегут нам навстречу, и в последний миг, сдержав коней, выставили вперед копья, на которые те с размаху и налетели. Простой трюк, но сработал он отменно.

Варвары поняли, что нападать бесполезно, и отступили, оставив на склоне сотни убитых и раненых.

Мы пустились было вдогонку за ними, но лошади не могли взобраться на кручу, оступались и съезжали вниз. Мы вновь повернули назад. Враги преследовали нас, разя в спины. На краю верхнего рва мы встретились с наступающей пехотой.

Я поручил полк Овейну, а сам скорей поскакал к Артуру.

— Плохо дело, — сообщил я. — Мы не можем штурмовать здесь — слишком крутой склон и слишком много врагов.

Артур видел, что я прав.

— Этого я и боялся. Ладно, поберегите коней — они нам еще понадобятся. Будем атаковать пешими. — Он внимательно оглядел нависшую над нами стену и указал пальцем. — Вот это место... видишь?

— Где стена пониже? Да.

— Его и будем штурмовать. За мной!

Я поспешил к полку и передал приказ Артура. Рнс протрубил сигнал спешиться, через мгновение мы уже бежали в гору, цепляясь за камни, падали, вскакивали и снова бежали.

Враг увидел, что мы оставили коней, и посчитал это хорошим предзнаменованием. Жуткие боевые вопли зазвучали с удвоенной силой. Варвары, обезумев от жажды крови, выплясывали на стене неистовый боевой танец.

Как только мы приблизились к стене, в нас полетели метательные топоры. Мы выставили вперед щиты и продолжили подъем. Кто-то хватал с земли ненавистные топоры и швырял их во врага. Не один варвар пал от собственного оружия.

Солнце поднималось все выше, спину уже припекало. Кровь жарко колотила в висках, и я жадно вбирал грудью прохладный утренний воздух. Славный денек для битвы, подумал я, и тут же вспомнил, что у Цердика преимущество и в количестве, и в позиции.

Место, которое указал Артур, оказалось единственным слабым с этой стороны. Наш предводитель решил штурмовать восточный склон, где подъем — самый легкий, но и враг, понимая это, заранее надстроил восточную стену. Артур нашел место, где положенная на скорую руку кладка оказалась непрочной и, когда враги начали прыгать со стены, посыпалась.

Мы всем скопом бежали к пролому, обратившись в наконецник копья — копья, нацеленного в самое сердце противника.

И чуть было не преуспели.

Однако варваров было слишком много, склон — чересчур крут. И хотя мы махали мечами, как лесорубы топорами, нам было не пробиться. Пикты, круитни, англы, скотты, саксы, фризы, юты... всех не перечесть. Мы не смогли подобраться к стене.

Мы пробивались на шаг — враг отбрасывал нас на два. На место убитого противника вставали трое других. Неудержимый натиск вражеских полчищ теснил нас со склона. Варвары бежали на нас, размахивая топорами: выкаченные глаза, перекошенные рты, руки болтаются, как плети.

Однако наши воины не впервые сражались с варварами, и их было не напугать. Мы пригнули головы и рубились, как каторжные.

День прошел в сплошном кровавом мареве. Когда солнце начало клониться к закату, я услышал, как Рис трубит отступление, и понял, что мы разбиты. Я собрал свой полк, и мы отошли, неся раненых. По всему склону наши воины бежали вниз, чтобы укрыться в лесу.

Поначалу варвары готовы были устремиться за нами. Ах, если бы они стали нас преследовать — мы бы смяли их конницей. Однако Цердику хватило ума остановить погоню у нижнего рва, и враги снова укрылись в крепости.

Покуда воины лежали под деревьями, приходя в себя, а раненых перевязывали, повара и кравчие принесли мяса, хлеба и разведенного эля для подкрепления сил. Руки и ноги у меня болели, в голове стоял шум. Одежда пропиталась кровью и потом.

На землю спустились тихие и зловещие сумерки. Вороны с громким карканьем покидали свое гнусное пиршество на склоне холма и рассаживались на деревьях вокруг нас. Но еще отвратительнее были доносящиеся из крепости победные вопли. На вершине холма праздновали победу, огни костров дрожали в темнеющем небе.

Все плохо спали в ту ночь, то и дело пробуждаясь от звуков варварского торжества. На заре мы проснулись, позавтракали, взяли оружие и вновь поднялись на холм. Варвары подпустили нас поближе и снова обрушились со склона на наши ряды, размахивая над головой топорами.

Мы кололи их мечами и копьями, били щитами, но многие наши воины пали: ни щит, ни шлем, ни кольчуга не спасали от страшных ударов. Зрелище бойни ужасало, от грохота закладывало уши.

И снова склоны Бадонского холма обагрились кровью отважных.

И вновь, когда солнце перевалило через зенит, Рис подал сигнал отступить, и мы вернулись в лес зализывать раны. Бойцы рухнули на траву и заснули. Кравчие ходили между ними с кувшинами и будили спящих, чтобы те утолили жажду. Лес затих, слышалось лишь гуденье мух да хлопанье птичьих крыльев над головой. Вражеская крепость тоже была тиха.

Подкрепившись и сняв доспехи, вожди Британии сошлись на военный совет.

— Надо взять холм в осаду и послать на юг за подкреплением. — Это предложил Маглос, и после сегодняшнего тяжелого боя многие с ним согласились.

— Если б только мы сумели взять крепость... — начал Кередиг, но другие прервали его насмешками.

— Взять крепость! — завопил Идрис. — А иначе зачем мы здесь? Это невозможно — их слишком много! Согласен с Маглосом: надо окружить крепость и ждать подкрепления.

— Нет, — промолвил Артур, — не получится.

— Почему? — спросил Идрис. — В Каер Алклиде получилось, в Трат Гориде получилось...

— А здесь не получится, — отрезал Артур.

В голосе его прозвучал металл, но Идрис словно не слышал и продолжал гнуть свое:

— Почему? Потому что ты хочешь непременно показать себя выше Цердика?

— Если ты так думаешь, — рявкнул я, кивая на гору, — так и отправляйся к нему!

Мирддин, который стоял неподалеку, опершись на рябиновый посох, встряхнулся и подошел к нам.

— Холм этот проклят, — тихо проговорил он. (Мы замолчали, чтобы лучше слышать его.) — Здесь произошли великие бедствия. В склонах таится коварство, и всюду подстерегает несчастье.

Мы обернулись на громаду холма. Бегущие тени облаков и впрямь придавали ему пугающий вид, а разбросанные среди камней трупы свидетельствовали о несчастье. Мирддин и без глаз мог различить наши терзания — но что еще он увидел?

— В древние времена на этой горе сражались два войска. Подлое вероломство принесло победу одной из сторон, и земля помнит жуткую гибель добрых бойцов. Страшное преступление доселе тревожит горы. Предательство Цердика вновь пробудило злой дух этого места.

— Скажи нам, Эмрис, — молвил Кустеннин, — дай свой мудрый совет. Что нам делать?

Именно в таких выражениях обращается король к барду. Мирддин не замедлил с ответом:

— Эту битву не выиграть хитростью или силой. Не выиграть одним лишь кровопролитием. Дух здешних мест победит лишь сила Господня.

Вожди беспомощно переглянулись.

— А нам-то что делать? — вопрошали они.

— Молиться, о вожди Британии. Мы должны воздвигнуть свою крепость, стены которой нельзя ни пробить, ни разрушить. Непреступный каер. Твердыню молитвы.

Многие вожди по маловерию или неразумению кривились, но Артур встал и промолвил:

— Мы сделаем, как ты велишь, Мудрый советник.

Мирддин положил руки ему на плечи.

— Я буду помогать вам по мере сил, — как помогал до сего дня.

Пусть иные фыркают, но отнюдь не пустяк — помощь Верховного барда и Эмриса Британии.

На следующее утро, когда мы облачались для битвы, я увидел, что Мирддин одиноко бредет в гору, медленно тыча перед собой посохом. Он кутался в плащ, потому что день выдался серый и мгlistый, с севера задул пронизывающий ветер.

— Мне пойти за ним? — спросил я, опасаясь, как бы с ним не произошло беды.

— погоди. Я пойду, — ответил Артур, направляясь вслед за спотыкающимся Эмрисом.

Я смотрел, как Артур широким шагом поднимается по склону холма. Кай и Борс, заметив его, выбежали ко мне на опушку леса.

— Что он выдумал? — спросил Борс. — Или он считает себя неуязвимым?

— Не знаю, — был мой ответ.

— Я его верну! — объявил Кай.

— Он велел дожидаться здесь. Впрочем, скажи Рису, чтобы готовился трубить наступление. Пусть кимброги будут наготове на случай, если варвары попытаются сделать вылазку.

Лленллеаог, слонявшийся неподалеку, подошел и встал со мной рядом. Он не произнес ни слова, и глаза его неотступно следили за

холмом: тем он дал мне понять, что и его сердце тревожится об Артуре.

— Что они там делают? — вслух удивился Борс. — Такое впечатление, что собирают камни.

Истинная правда, так оно и было. Артур, коротко перемолвившись с Мирддином, наклонился и стал складывать горку из камней. Мирддин положил посох и, опустившись на колени, принялся ему помогать.

— Они строят тур. — У Кая от изумления глаза полезли на лоб.

— Нет, не тур, — возразил я. — Стену.

— Чепуха, — перебил Борс, не желая слушать наш спор. — Их обоих того гляди убьют.

Свинцовое небо уже немного просветлело. Солнце поднималось. Артур и Мирддин работали, не таясь. Наверняка враг их уже заметил. Наше войско собралось на опушке леса и смотрело на странное поведение своего предводителя.

— Это надо остановить, — взорвался Борс. — Негоже предводителю Британии громоздить камни.

— И что ты советуешь?

— Останови его!

— Вот ты и останавливай.

Борс втянул живот и выпятил грудь.

— Вот и остановлю.

И с этими словами он направился из леса.

К нам бежал Гвальхавад.

— Что случилось? Что они там делают?

— Строят стену, — отвечал Кай.

Гвальхавад открыл было рот, чтобы захохотать, потом изумленно вытаращил глаза.

— И впрямь строят! — воскликнул он. — Их же убьют!

— Может, и убьют, — произнес я.

— Почему никто их не остановит?

— Борс пошел останавливать, — сообщил Кай.

Гвальхавад смотрел на нас, как на помешанных, изумленно разинув рот. Борс медленно поднимался по склону, обходя поваленные камни.

— Что ж, ему потребуется помощь, — промолвил Гвальхавад и направился вдогонку Борсу, который как раз добрался до того места, где трудились Мирддин и Артур.

Правитель Бенвика указал рукой на вражескую крепость, потом на лес. Артур поднял голову, что-то сказал, и Борс перестал размахивать руками. Предводитель вернулся к работе, Борс остался стоять.

— Только поглядите, — фыркнул Кай. — Остановил один такой.

Гвальхавад добежал до троицы на склоне и тут же принялся укладывать камни.

И тут словно прорвало. По двое, по трое, а потом и целыми десятками наши воины бросились смотреть, что там происходит.

— Да уж, ничего не скажешь, Гвальхавад их переубедил, — заметил Кай. — Что будем делать? Наше войско наступает без нас.

Лленллеаог повернулся ко мне.

— Позор военачальнику отставать от своих воинов.

— Кай, неужто ирландец будет учить нас долгу?

— Ну уж нет! — вскричал Кай. — Будь я пикт! Да пусть лучше с меня сдерут кожу, чем кто-то скажет, будто я пренебрег долгом!

— Храбрец Кай, — сказал я. — Первый в бою и возведении стен!

Мы вместе вышли из леса. Лленллеаог шагал рядом. Признаюсь, я несколько помягче стал относиться к нему. Конечно, он ирландец, никуда не денешься, но все же не такой скот, как его сородичи. Душа у него возвышенная, сердце честное. Тем больше позора таким, как Цердик: варвар оказался благороднее, чем природный брит!

Мы подошли туда, где трудились Артур и другие.

— Что ты тут делаешь, Медведь? — спросил я.

Артур выпрямился.

— Строю стену.

— Это мы видим, — сказал Кай. — А вот кто нам объяснит, ради чего этот холопский труд?

Предводитель ухватил и поднял над головой камень.

— Мужа Британии! — вскричал он. — Слушайте меня!

Воины сбились в кольцо, чтобы лучше слышать. Алый плащ предводителя хлопал на холодном ветру. На волосах поблескивали мелкие капельки тумана.

— Смотрите на мои руки и отвечайте, что видите?

— Камень! — закричали они. — Мы видим камень!

Артур потряс булыжником в воздухе.

— Нет, скажу я вам, это не камень. Это нечто крепче и долговечнее камня: это молитва! Я вам скажу, — продолжал Артур, — это молитва о спасении Британии. Оглянитесь, братья, ими усеян весь склон.

Мы оглядели неровные скалистые склоны Бадонского холма — они были покрыты камнями. Как будто мы не знали этого прежде!

— Вы спросили, что я делаю. Скажу вам: собираю молитвы и строю из них стену. Возвожу крепость, чтобы окружить врага. Мудрый Эмрис объявил, что нам надо воздвигнуть крепость со стенами, которые нельзя будет разрушить или пробить, — неприступный каер. Соотечественники, его я и возвожу. Когда я закончу, ни один варвар не скроется.

С этими словами Артур нагнулся и водрузил камень на груды. Воины смотрели на него, как на умалишенного. Ветер пробежал по толпе, нашептывая в ухо злые слова. В напряженной тишине угадывалась общая мысль: наш предводитель лишился рассудка!

И тут Кай перебросил через плечо плащ, нагнулся, поднатужившись, поднял огромную глыбу и, скалясь от напряжения, опустил в общую кучу.

— Вот! — громко объявил он. — Будь камни молитвами, я спел бы псалом!

Все расхохотались, и внезапно груды стала расти — это мы нагнулись и принялись громоздить новые камни на заложенное Артуром основание.

Вожди Британии поначалу брезгали марать руки, но, увидев, с каким жаром трудятся их воины и как рьяно взялись за дело кимброги, снимали плащи и принялись направлять работу. Да, это была победа: смотреть, как они — Эннион и Кустеннин, Мальгон и Маглос, Овейн, Кередиг и Идрис — дружно выкрикивают приказы и подзадоривают своих людей.

Мы — народ певучий, с песней любое дело быстрее спорится. Как только закипела работа, зазвучали и песни. Поначалу — духовные, потом — простые, хорошо знакомые, домашние, в которых, я убежден, ничуть не меньше святости. Стена росла, и каждый ложившийся в нее камень становился теплой молитвой.

С вершины холма смотрели на наш странный труд варвары. Сперва они не знали, что и думать, когда же стена начала вытягиваться вдоль склона, разразились криками и насмешками. По мере того как стена росла, насмешки переходили в яростные вопли. В нас полетели стрелы и камни, но мы были далеко, и они падали на излете. Варвары бесились, но оставались под защитой стен.

Два человека, работая в полную силу, могут за день выстроить стену длиною в двадцать шагов и высотой по грудь. Насколько же

больше выстроят шесть тысяч? Святые и ангелы, я скажу вам, стена словно росла сама собою — так быстро она поднималась!

Смотрите: руки, тысячи рук хватают, поднимают, укладывают камни один на другой. Спины сгибаются, мышцы напряжены, легкие вбирают воздух, щеки раздуваются от усилий, пот бежит по щекам. Колени и ладони в мозолях, пальцы сбиты в кровь. Ветер раздувает плащи, качает траву, гонит дождь и туман.

Сумерки упали резко, и сразу стемнело. Во мгле над нами клочьями неслись облака, на западе догорал золотистый свет. В его последних лучах мы водрузили на стену последний камень и отошли взглянуть на дело своих рук. А посмотреть стоило: высокий, по шею, вал вился по склону, обнимая кольцом весь холм.

При виде его враги взвыли. Из крепости неслись проклятия, брань, вопли. Варвары поняли, что заперты внутри стены, и воззвали о защите к одноглазому Водену, однако ветер подхватывал слова и бросал им обратно в лицо. Вал Артура охватил Бадонский холм и словно говорил врагу: вам отсюда не выбраться. Здесь вы все ляжете и ваши кости останутся навек никем не оплаканы.

У меня болели руки, плечи и спина. Содранные ладони саднило. Однако я смотрел на дивную стену и не замечал своих мелких страданий. То была не просто стена — то была явленная вера. Я глядел на нее и чувствовал себя неодолимым.

Варвары увидели стену и пали духом. Они поняли, что Артур отрезал себе путь к отступлению, а значит, вполне уверен в своей победе. Этой стеной Артур сказал им: ваша судьба предreshена, вы погибли. Протяжный вой, летящий в вечерний сумрак, стал их погребальной песней. И тут, хотя день был уже на исходе, они совершили вылазку.

Мне не узнать, чего они столько дожидались. Может, их сдержала Божья рука или устрасила наша Стена молитв. Так или иначе, внезапно они всем скопом высыпали из крепости и ринулись на нас с горы. Рис протрубил тревогу, мы схватили оружие, развернулись, составили строй и бегом устремились им навстречу. Грохот столкновения потряс гору до самых недр.

Ночью сражаться трудно, да и как-то чудно. Враг — безликое пятно с руками и ногами, но без отдельных черт. Ты словно бьешься с тенью или перенесся в Иной Мир и участвуешь в одной из тех сеч, о которых поют барды, когда невидимые полчища бесконечно рубятся на сумеречной равнине. Все кажется странным и неестественным.

Мы сражались, хотя изнеможение сырым плащом давило на плечи. Мы сражались, зная, что весь наш труд пойдет прахом, если мы не преодолеем усталость и допустим врага до стены. И впрямь, казалось, варварам важнее добраться до вала, чем сломить нас. Возможно, они стремились вырваться и убежать. А может, Стена Артура стала для них чем-то, что невозможно стерпеть, что пугало их больше поражения или смерти.

Сумрак окутал гору. Ветер выл, начался дождь. Варварское воинство теснило нас вниз. Не страшась ни опасности, ни смерти, все новые и новые враги валили тучей, возникая из бурной мглы с зажженными факелами в руках. Они напирали, прижимая нас к той самой стене, которую мы воздвигли.

Звучно и чисто протрубил охотничий рог Артура; это Рис подал сигнал к сбору. Я оглянулся на звук и увидел Артура: его щит луною белел в ночи, Каледволх блистал, описывая одну смертоносную дугу за другой, темно-алый плащ струнлся на ветру, жилистые плечи были напряжены, и весь он устремлен в самую круговерть... Артур!

Лица я различить не мог, но не сомневался, что это он. Не знаю никого, кто сражался бы, как Артур. Эта точно отмеренная ярость, это смертоносное изящество, эта страшная четкость движений, скупая и безупречная, и одно, перетекая в другое, сливается в ослепительный гимн создавшей его Руке.

Мне пришло в голову, что вот ради этого Артур родился, ради этого в него вдохнули жизнь. Чтобы он был здесь, сейчас, чтобы именно так возглавил вот эту битву. Артур сотворен и призван ради этой самой минуты. Он услышал свое призвание и покорился. Теперь ему нет преград.

Мне хотелось быть рядом с ним, вручить ему жизнь и меч как залог верности, но, когда я пробился к нему, он был уже в другом месте.

Видел я и Лленллеаога. Он схватил саксонский факел и снова превратился в стремительно летящую головню: с мечом в одной руке и светочем в другой он приплясывал, охваченный неистовством боя. Враги падали перед ним, справа и слева, рассыпаясь, словно искры, летящие от его факела.

Из мрака передо мной возникали лица: разрисованные пикты и круитни, рыжеволосые саксы и темноголовые англы, то бледные, то багровые от ярости, и все они кровожадно кривились и гримасничали.

Горячая кровь бежала по жилам, гудела в ушах, стучала в виски. В боку кололо, легкие разрывались. Но я разил и разил, снова, снова

и снова, меч вздымался и падал в смертельном ритме, падал, словно праведный суд с ночных небес, словно рок на головы неразумных.

С каждым ударом у меня прибывало сил, как у древнего героя Гвина, становившегося сильнее к концу дня. Боль уходила из мышц, смывалась дождем, промочившим меня до нитки. Руки, сжимавшие щит и меч, уже не казались деревянными. В голове прояснилось. Зрение стало четче. Внутри закипала жизнь, сияние битвы, которое прогоняет прочь все остальное.

Мои люди не отставали: плечо к плечу мы рубили врагов. Что может быть лучше, чем чувствовать рядом с собой верных храбрецов! Сердце мое пело. Мы трудились в бою, как трудились на постройке стены, отвечая ударом на удар и выпадом на выпад. Дух бойцов крепнул вместе с моим. Нас уже не теснили. Мы как-то остановили натиск врага и продолжали его сдерживать.

В темноте слышался вой варваров, вопли берсерков и страшные раскаты саксонских боевых рогов, но мы не сдавались. Враги обратились в море, сердито бьющее о нас, как о подножие Лестницы Великана. Подобно морю, они набегали на камень и прокатывались по нему, захлестывая нас с головой, но стоило волне схлынуть, как становилось видно: камень стоит, как стоял.

Лютая ночь, лютая сеча! Оглушенные ветром и громом битвы, мы удерживали вражеское полчище, и с мечей наших струилась кровь. Я убивал каждым ударом, каждый взмах меча уносил жизнь. Рука моя взмывала и падала с молниеносной четкостью, и каждый раз чья-то душа отправлялась в черное царство смерти.

Враги падали, все вокруг стало на удивление отчетливым. Я бушевал, но был холоден, как стальной клинок. Господи, помилуй! Я забивал врага, как скот!

Я отнимал жизнь, но не испытывал ненависти. Я убивал, но даже когда они падали наземь, во мне не было злобы. В душе не осталось ожесточения.

Заря сдернула покров тьмы, и мы увидели дело своих рук. Вовек не забуду этого зрелища: белые мертвецы в сером утреннем свете... тысячи, десятки тысяч... рассыпанные на склоне, словно камни... безжизненные, исковерканные тела, мертвые глаза смотрят на белое солнце, встающее в белом небе, и черные пятна кружащих, кружащих ворон...

Наверху — крики соколов. Внизу — обгаренная земля. Вокруг — смрад смерти.

Мы победили. Мы взяли верх, но в то мрачное утро глаза почти не различали победителей и побежденных. Мы тяжело опирались на мечи или копыя и не могли шевельнуться от усталости.

Любой сторонний наблюдатель посчитал бы нас мертвыми. Мы были живы, но способны были лишь дышать и моргать опухшими красными глазами.

Я сидел спиной к камню, не в силах разжать пальцы и выпустить рукоять меча. Рядом лежал побитый, весь во вмятинах, щит.

— Бедуир! — позвал знакомый голос.

Я поднял глаза, увидел, что ко мне идет Артур, и попытался встать.

Серый от усталости, с иссеченными руками, в изодранном, залитом кровью плаще предводитель Британии поднял меня на ноги и сдал в медвежьих объятиях.

— Я искал тебя, — шепнул он. — Не чаял найти живым.

— Я сам сомневаюсь, что жив, — был мой ответ.

— Уж если все варвары мира не сумели тебя убить, так тебя теперь ничто не возьмет, — отвечал он.

— Что Кай? Борс? Кадор?

— Живы.

Я потрянул головой, и взгляд мой снова упал на усеянное трупами поле. По мертвецам враскачку расхаживали вороны. Желудок свело, я согнулся пополам, меня стошнило желчью. Артур спокойно стоял рядом, держа руку на моей спине. Когда приступ прошел, он поднял меня и повел, придерживая за плечи.

— Сколько нас осталось? — спросил я, страшась услышать ответ. Но я должен был знать.

— Больше, чем ты думаешь.

— Сколько же?

— Два полка — почти.

— Короли?

— Маглос и Кередиг мертвы. Эннион смертельно ранен. Кустеннин мертв.

— Мирддин?

— Жив-здоров. Знаешь, когда началась битва, он поднялся на стену и всю ночь простоял, держа над нами поднятый посох. Все время сражения он молился о нашей победе.

— Что с Гвальхавадом? В начале боя он был рядом со мной, но в сумятице я потерял его из виду.

— Даже не ранен. Они с Лленллеаогом ищут среди убитых.

В тот миг я не понял, что это значит.

Мы немного прошли под гору, и я увидел других: они тоже брели, медленно, тихо ступая среди убитых. Когда мы подходили к стене, сзади, чуть выше по склону, раздался крик: Гвальхавад и Лленллеаог нашли, что искали.

Мы повернулись и пошли к ним. Я увидел тело, лежащее поверх штандарта из черепов и костей. Так вот что они нашли!

Артур носком сапога перевернул тело. Цердик пустыми глазами уставился в пустое небо. На шее зияла черная рана, правая рука была отрублена выше локтя. Черты застыли в привычном выражении дерзкой усмешки, которую я так часто у него видел, будто сама смерть — оскорбление его достоинству, унижение его гордости.

Его окружали телохранители-саксы. Все они погибли почти разом, неизвестно, в начале или в конце битвы: никто не видел их смерти. Однако Цердик был мертв, и с ним — его вероломство.

— Что с ним делать? — спросил Гвальхавад.

— Оставить здесь, — отвечал Артур.

— Он бритт, — настаивал Гвальхавад.

— Он выбрал себе место для могилы, когда пошел на меня войной. Никто его не неволил, он сам все решил. Пусть же лежит со своими соплеменниками-варварами.

Наши люди уже уносили тела павших товарищей, чтобы предать их огню. Тела варваров в назидание будущим врагам оставили лежать без погребения. Так повелел Артур, так мы исполнили.

Солнце клонилось к закату, и наши тени протянулись по Бадонскому холму, когда пламя коснулось бревен, на которых лежали тела наших товарищей. Монахи из аббатства Майлрос с ивовыми ветвями в руках под пение псалмов медленно проходили вокруг погребального костра.

Мирддин шел с ними, держа перед собой колючую ветвь шиповника. Как объяснил Эмрис, шиповник иначе зовется лесным чародеем, в друидическом знании он символизирует честь, в христианском представлении — мир. Мир и честь. Павшие храбрецы заслужили и то и другое.

Угли слабо мерцали в золе, и сумерки уже окрасили небо, когда мы наконец спустились с Бадонского холма. Далеко мы не ушли, были слишком усталыми, да и телеги дотемна не успели проделать большой путь. Однако Артур не хотел оставаться еще на одну ночь рядом

с горой, поэтому мы вернулись через лес к озеру, где крестили товарищей и совершали омовение перед битвой.

У его безмятежных вод мы разбили лагерь и заснули под мирным небом в Области Летних Звезд.

КНИГА

третья

А Н Е Й Р И Н

ГЛАВА первая

В дни войны язычники глядели из-за бурного моря на зеленый изобильный остров и возжелали богатств Британии. Они вспенивали веслами водный простор, торопясь покинуть свой скудный берег и разорить наш. Брани и битвам, насилию и ненависти, горю и грабежам, разбою и разрушениям, смерти, страданиям и скорби не было конца.

Позор вождям Британии, они оказались не лучше язычников! Множество князьков правили этой страной и вели нескончаемые междоусобные войны, разорявшие нашу землю, — доколе не явился Артур.

Потешайтесь, коли хотите! Смейтесь надо мною, ехидны! Но Царство Лета воздвиглось на камне святого Христова имени.

Мне ли не знать истины? Бард ли забудет свою повесть? Да, я был бардом. Был и воином. Я — человек ученый. Имя мое — Анейрин ап Кау, хотя теперь меня знают под именем, которое я сам себе выбрал.

Я явился на свет в год битвы при Бадоне и могу сказать, что благословлен от рождения, ибо начал жизнь в ту счастливую пору, когда войны прекратились и на земле преизобиловал мир.

Бадон... На любом языке это слово звучит торжеством.

На вершине Бадона в сражении, которое барды почитают величайшим из Трех Великих Битв Инис Придеина, был положен конец кровопролитной распри. И, скажу я вам, не минуло и дня с победы, как Артур пришел в разрушенную Майлросскую церковь и возблагодарил Всевышнего Отца за избавление от врагов.

Артур, Верховный король всей Британии, Пендрагон Регеда, Калиддона, Гвинедда, Диведа и Семи Благодатных Островов, император Альбы и Ллогрии, Медведь Британии, Артур Дважды Венчанный, которого славят неумолчный хор.

Не многие живущие понимают, как это важно, что Артур короновался дважды. Первый раз — на холме у северной столицы, Каер Эдина, второй раз — на юге, в Лондоне. Обе коронации совершались

перед лицом Божиим должным образом и с подобающим благочестием. Но один обряд отличался от другого, как золото отличается от зерна.

Зачем дважды венчаться на царство? Простая необходимость. "Я буду королем всех или никого, — объявил Артур. — Слишком долго юг и север стояли порознь. Во мне они соединены". В подтверждение этих слов он короновался и там и там, дабы ни одна область впредь не могла хвалиться своим превосходством.

Такой коронации, как в Каер Эдине, пожелал бы любой владыка. А вот коронация в Лондоне едва не вызвала беспорядки. Увы, это было лишь провозвестие грядущих бед! Артур, Король Лета, купивший мир в Британии ценою своего труда, пота и крови, сам не знал ни одного мирного дня.

Слушайте же хорошенько, тугоухие. Обретите истину, неразумные. Вот повесть, достойная, чтоб ее повторяли, правдивое сказание, Песнь о Летнем Владыке. Внемлите и запомните! Вот как все это было...

По возвращении из долины Твида, с горы Бадон, Артур и уцелевшие кимброги поскакали в Каер Эдин. Лето было в самом разгаре, с пышной зеленью, синевой небес и спокойствием на море. Черный дым войны рассеялся, и теперь на Британию изливался лишь чистый свет Божества.

Разумеется, победители осознали это не сразу. Утомленные воины понимали одно: война на этот год завершилась. Им было невдомек, что они одержали под началом Артура величайшую из побед, победу для всего мира. Они знали лишь, что этим летом сражений больше не будет.

Эктор закатил победителям пир. Три дня и три ночи они вкушали первые плоды мира. Но уже тогда Артур явил свой великий дух. В присутствии верных кимброгов Господь показал Артуру Свое благоволение, и все вокруг премного дивились.

Воины на плечах вынесли Артура из крепости и подняли на вершину скалы, которая теперь носит его имя. Здесь его усадили на природный каменный трон, и уцелевшие дружинники проходили перед ним, вручая ему свою жизнь. Короли Британии, бывшие с ним в походе, вынимали из ножен мечи и складывали к его ногам; они prostирались ниц, и Артур возлагал им на шею стопу, принимая над ними власть.

Кимброги тоже шли с копьями и клали их на землю перед Артуром. Они становились на колени, касались рукой его ног и клялись ему жизнью. И так они стали его подданными, а он — их владыкой.

Мирддин Эмрис поднял над ним рябиновый посох и провозгласил Артура Верховным королем. А после изрек священные слова:

— Честь и поклонение Верховному Царю Небесному, даровавшему нам Пендрагона! Перед лицом святых и ангелов ныне Артур ап Аврелий становится королем над всеми бриттами. Преклоните колена, о соплеменники! Прострите руки и клянитесь клятвою верности своему королю и земному владыке — как клянетесь жизнью и честью Отцу и Создателю всего.

Затем Мирддин дал знак Дифригу, епископу Майлроса, выйти вперед. Тот приблизился к Артуру с золотой гривной в руках и возгласил:

— Исповедай перед своим народом, какому богу будешь служить.

— Я буду служить Иисусу, называемому Христом. Буду служить Богу Отцу. Буду служить Безымянному, называемому Святым Духом. Буду служить Святой Троице.

— Будешь ли ты блюсти справедливость, хранить праведность и любить милосердие?

— Призываю Иисуса в свидетели, что буду блюсти справедливость, хранить праведность и любить милосердие.

— Будешь ли ты править этой страной в истинной вере Христовой, покуда жив?

— Сколько станет сил, покуда дышу, я буду править этой страной в истинной вере Христовой!

— Тогда, властью Трех в Одним, короную тебя, Артур ап Аврелий. Здрав будь, Артур, Защитник Британии!

И все собравшиеся на горе Агнед возгласили:

— Здрав будь, Артур, Защитник и Пендрагон Британии!

И при всеобщем громогласном одобрении Мирддин надел ему на шею королевскую гривну. Тогда Артур пошел между собравшимися, одаривая кимброгов, королей и воинов, которые служили ему в бою. Он оделял их золотыми и серебряными пряжками, кинжалами и кольцами с драгоценными камнями. Такое совершали при восшествии на престол и другие вожди, но Артур превзошел всех.

Он объявил, что восстановит церковь в Аберкурниге, сожженную пиктами, а также обитель Майлрос. На это он дал средства из военной добычи. Еще он заложил церковь возле Майлроса, у горы Бадон, чтоб там пели псалмы и священные песнопения и молились за Британию

ежечасно, покуда Господь Иисус Христос не явится во славе забрать Своих овец в рай.

Затем Артур объехал соседние селения, где жили женщины, чьих мужей перебили варвары. Их он оделил по потребностям: кого золотом и серебром, кого скотиной, и поручил своим наместникам заботиться о вдовах, дабы их дети росли, не ведая тягот.

Возвратясь в Каер Эдин, Артур и его приближенные сели за трапезу. И здесь-то, во время всеобщего веселья, Мирддин Эмрис поднялся перед всеми и воскликнул:

— Пендрагон Британии, да переживет твоя слава твое имя, которое сохранится навеки! Господь свидетель, ты по праву наслаждаешься плодами своих рук. Однако я был бы дурным и ленивым советчиком, если бы не сказал, что на юге еще не слышали о Бадоне и ничего не знают о твоём восшествии на престол.

— погоди! Я только сегодня надел свою гривну, — рассмеялся Артур. — Скоро весть дойдет и до них.

— Но мне говорили, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — отвечал Мирддин, и все захлопали по столу и одобрительно закричали.

— Верно, — согласился Артур. — К чему ты клонишь?

— Счастливы северяне, ибо они сражались бок о бок с тобой и видели твое торжество. Южане услышат лишь пустые слова, которые не тронут их сердце.

— Увы, я не властен это изменить. Короноваться можно лишь раз.

— А вот здесь ты ошибаешься, о король. Теперь ты Пендрагон Британии — как ты прикажешь, так и будет.

— Но я уже принял королевский венец, — добродушно посетовал Артур. — Зачем мне еще коронация?

— Зачем тебе два глаза, если один достаточно зорок? Зачем две руки, если одна достаточно крепко сжимает меч? Зачем две ноги, если и одна бежит достаточно быстро? Зачем тебе два уха, если...

— Ясно! Я понял.

— Но этого недовольно, — ответил премудрый Эмрис. — Про то я и говорю.

— Тогда скажи, что мне сделать, чтобы ты унялся, и я обещаю исполнить это немедленно.

И тут все вожди громко рассмеялись и восхвалили Артура и его Мудрого советника. Когда все уgomонились, Мирддин изложил свой замысел:

— Призови властителей юга явиться к тебе в Лондон и присутствовать на твоей коронации. Тогда они поверят в тебя и покорятся с охотой.

Сказано — сделано. Пир продолжался всю ночь, а на утро следующего дня они встали, оседлали коней, поскакали в гавань Муир Гвидан и в тот же день отплыли. Быстрые ладьи были разосланы в прибрежные селения — сообщить, что Артур зовет королей в Лондон.

В положенный срок Артур подплыл к Лондону, называемому Каер Лундейн, и приказал бросить якоря на Темзе. Сойдя на берег, он собрал кимброгов, двинулся к городу и смело приступил к воротам.

Как предвидел Мудрый Эмрис, жители Каер Лундейна не очень почитали Артура. Они ничего не слыхали о великой битве у горы Бадон. Кроме того, они не желали знать о северных усобицах, почитая незначительным все, происходящее вне городских стен. Слепота и скудоумие! Но то и были людишки глупые и бессмысленные.

Элла же и правители Саксонского берега, не принимавшие участия в Бадонском мятеже, знали, что Артур — их законный король. По призыву Артура они собрали хускарлов вместе с женами и детьми и тут же явились на его зов, посрамив тем бриттов.

Впрочем, толпа в Каер Лундейне, как и любая толпа, обожала зрелища. Люди высыпали в узкие улочки и на кровли древнего города, чтобы хоть одним глазком увидеть высокого юношу, перед которым ехали его вассалы.

— Кто это? — спрашивали друг друга горожане.

— Пикт с севера, — отвечали одни. — Гляньте на его наряд!

— Нет, сакс, — отвечали другие. — Волосы соломенные и заплетены в косы.

— Он же на коне! — восклицали третьи. — Уж конечно, это тот самый Артур, о котором в последнее время столько толкуют.

На это им возражали:

— Больно он молод. Скорее сын или племянник того прославленного воителя.

И дальше в том же духе. Горожане не могли прийти к согласию, кто это въезжает в их город с дружиной и приближенными, но все понимали: второго такого они не видели и никогда не увидят.

Однако не всем смотревшим незнакомец пришелся по душе. Какое там! Они давно позабыли стройного юношу, который семь лет назад вынул из камня меч. Забыли Совет королей, вражду, охватившую всю Британию и длительное безвластие.

Они забыли и потому негодовали на то, что видели. Он что, воображает себя Максеном Вледигом, который въезжает в Рим? Он мнит себя императором?

Кто он? Артур? Что за имя такое? Говорят, он разбил варваров. Как разбил? Вон саксы разгуливают по Лондону средь бела дня! Только гляньте на него! Ишь, задрал нос! Дерзкий мужлан! Нас эти-ми северными выходками не проймешь.

Это и многое другое шептали вслед Артуру, говорили и кое-что похуже. Артур слышал ропот толпы, но, хотя обидные слова жалили, как крапива, не сворачивал со своего пути.

— Вижу, я не внушаю им любви, — молвил он ехавшему рядом Бедуру.

— Скажу по правде, Медведь, они тоже мне любви не внушают, — отвечал Бедуир. — Бери корону, и едем прочь из этого гнусного места.

Кай совсем распалился.

— Они что, думают, их хваленые стены долго простояли бы, если б не ты, Артос? Отдать их на разграбление пиктам, и дело с концом.

— Я приехал сюда, чтобы короноваться там же, где мой отец. Мы уедем, как только я все исполню.

Артура принял правитель Каер Лундейна, жирный боров по имени Павел. В глазах Павла все дальше портика дворца было одной отсталой деревней. Однако он не достиг бы высот власти, не изощрившись в лицемерии, и потому встречал Артура с множеством улыбок, приветственно подняв правую руку, а левой сжимая за спиной кинжал.

Прежде чем разделаться с Артуром, Павел хотел понять, откуда дует ветер. Северный военачальник — зрелище в Каер Лундейне не частое. Кто-то говорит "Dux Britanniarum" — очень звучно, очень римски. Да, бывали и прежде короли, некоторых даже признавали официально. Пендрагон? Как мило, как необычно. В этом есть свое сельское очарование.

Бедуира не обманула преувеличенная любезность правителя.

— Это настоящий змей, не верь ни одному его слову, — шепнул он Артуру. — Я бы на твоём месте и вина у него не пил.

— Придя сюда, мы уважили закон, — молвил Артур свите, — и ничего более.

— Какой закон? — полюбопытствовал Кай.

— Закон, который установил великий Цезарь, когда впервые вступил на наш берег.

— И в чем он состоит? — спросил Бедуир.

— Правитель, который хочет владеть Британией, должен прежде покорить Лондон.

— В жизни не слыхал про такой закон, — фыркнул Кадор. — За что этой помойной куче такая честь?

— Она воняет мочой и отбросами, — скривился Гвальхавад. — Как я посмотрю, жители Каер Лундейна сродни варварам.

Артур выслушивал их жалобы и вновь терпеливо объяснял:

— Мы не пробудем здесь и одной лишней минуты. Как только я исполню то, за чем приехал, мы тронемся в Каер Мелин.

Отужинав с правителем, Артур и его приближенные покинули дворец и поехали в церковь — в ту самую, возле которой Артур множество раз вытаскивал меч из камня. Теперь этот камень венчал собой центральную арку, и сотни людей, сами о том не подозревая, проходили под ней изо дня в день. Для них это был обычный камень в самой обычной арке.

Вот так же многие восприняли Царство Лета. Благость его не представляла себя напоказ, не сияла позолотой и потому была не в чести. Прохожим было невдомек, что лишь благодаря ей свод еще не рухнул на их глупые головы. И они проходили, оставаясь в неведении.

У церкви, которую уже взяли в кольцо кимброги, Артура встречали епископ Уфлойс и тощий архиепископ Урбан. Оба искренне обрадовались предводителю. От монахов, которые были среди кимбров, они узнали, как достойно Артур воевал и как щедро жертвовал на восстановление разрушенных храмов. Так что оба клирика приняли Артура с радушием и, как водится, благословили.

Подобно Аврелию, Артур презрел дворец правителя и прилепился к церкви. Здесь он и обитал, покуда шли приготовления к коронации.

Великий Эмрис уже отдал необходимые распоряжения. Он послал в Дивед за добрым епископом Тейло, благочестивым Дубрицием и его молодым сподвижником Иллтидом. Делалось это не в обиду Урбану, просто честолюбивый епископ слишком замарал себя борьбой за мирскую власть и уже не мог всем сердцем служить Богу.

Мирддин Эмрис мудро отстранил Урбана, сказав:

— Артур пришел с северо-запада и там будет держать двор, так пусть его коронуют те, кто будет служить с ним рядом.

Урбан, может, и обиделся, но возражать не стал. Он даже обрадовался, что не будет прилюдно восхвалять Артура. Кто знает, как обернутся дела? Если Артур покажет себя дурным королем, Урбан

будет вроде как ни при чем. Облегчение боролось в нем с задетой гордостью — и победило.

— Да, Мирддин Эмрис, ты прав, — учтиво промолвил архиепископ. — Доверяю это дело тебе и Господу.

Истинная правда, Урбан не мог бы поступить лучше.

Тем временем в город съезжались короли, придворные, военачальники и знать. Иные сражались бок о бок с Артуром и уже признали его королем, другие посылали ему подать и готовы были склониться перед его властью, третьи впервые о нем слышали и с недоумением восприняли его зов. Тем не менее они явились, ведь предстояла коронация нового Верховного короля, которую никто пропустить не хотел.

Ехали из Ллогрии, Бернейха, Регеда, Гвинедда, Диведа, Мона, Деря и Далриада. С Саксонского берега прибыл Элла, ставший теперь бретвальной, с хускарлами и родичами: Цинриком, Циссой и Цименом.

Явились и другие: Бан и Борс Бенвикские из-за моря, Кадор Корнубийский, Самсон, епископ Эборацкий и настоятель его монастыря, Карадок из Карфана, а с ними множество иноков и священников; Меуриг, правитель Диведа и Силурии, Ульфила Добунский, Брастиас Белгский, Идрис Бригантский, Куномор Калиддонский, Фергус, король Ирландии, и многие другие — каждый с множеством приближенных.

Дарам не было конца. Каждый стремился превзойти других щедростью. Золото и серебро блистало в гривнах и браслетах, пряжках, чашах и всяческого рода украшениях. Были здесь самоцветные камни и драгоценные жемчужины, филигранные булавки и сандаловые шкатулки, украшенные резными фигурками причудливых зверей, копья, луки и стрелы во множестве, охотничьи псы, щиты, обтянутые раскрашенной кожей и обитые медью, бочонки с золотистой брагой и элем, зерно и кожа, масло, соль, мед, а также быки, свиньи, бараны и птица. Короче, все что только возможно.

Вторая коронация Артура повторяла коронацию Аврелия, насколько этого мог добиться Мудрый Эмрис. Он даже научил клириков словам, которые те должны сказать. Обряд совершился в церкви, на глазах у знатных людей страны, кимброгов и стольких самозванных городских начальников, сколько мог вместить храм.

Что они увидели — всем известно. Рассказ об этом торжестве обошел всю страну из конца в конец и достиг даже Иерусалима и Рима.

На заре чудеснейшего дня в самый разгар лета Артур вступил в церковь. Справа и слева от него шагали Бедуир и Кай, впереди медленно шествовал Мирддин. Достославный Эмрис хоть и ослеп, но так выучился управляться с рябиновым посохом, что тот служил ему лучше глаз. За Артуром следовал Иллтид, неся золотой венец.

Они прошли через всю церковь, мимо зрителей, онемевших при виде Артура: высокого, статного, царственного, в жемчужно-белой рубахе, зеленых штанах, с поясом из золотых дисков, золотой гривной на шее и перекинутым через плечо темно-алым плащом. Белокурые волосы были подстрижены и зачесаны назад, спокойные синие глаза смотрели на алтарь с весельем и благочестием.

Едва он вошел, монахи Урбана грянули: "Слава!". "Gloria! Gloria! Gloria in excelsis Deo! Gloria in excelsis Deo!"

Слава! Слава! Слава в вышних Богу!

Перед алтарем Дубриций и Тейло помедлили и зажгли свечи, которые держали в руках. Вся церковь заблестала свечками, словно языками апостольского огня, воспламеняя души собравшихся священным огнем.

Все почтительно преклонили колени на каменных церковных плитах. Артур, приблизившись к алтарю, тоже встал на колени, и священнослужители, возложив на него правые руки, вознесли безмолвные молитвы.

Тогда Мирддин торжественно воздел руки, и глас его — глас истинного барда — возвысился так, что наполнил весь храм.

— Сильный крепостью, Верховный Царь Небесный, Господь вышних, Создатель, Искупитель и Друг людей, Тебе наши поклонение и хвала!

И, поворачиваясь поочередно к четырем углам церкви, начал молитву, которую впервые вознес присноблаженный Давид за Аврелия, Верховного короля Британии и отца Артура. Вот как он возгласил:

Свет солнца,
Сиянье луны,
Отблеск огня,
Быстрота молнии,
Стремительность ветра,
Глубь океана,
Земли незыблемость,

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

Твердость камня
Будьте свидетели:

Днесь мы молимся за Артура, короля нашего,
Да укрепит его Божья сила,
Да поддержит его Божья мощь,
Да зрят очи Божии впереди него,
Да внемлет ему ухо Божие,
Божий глас да глаголет им,
Божья десница да хранит его,
Божий щит да укроет его,
Божье воинство да избавит от бед,
От сетей лукавого демона,
От порочного искушения,
От всякого злого желания.

Силы Небесные, оградите его от зла:
От жесткого супротивника,
От волшбы друидов,
От варварского заклатья,
От злобы язычников,
От колдовства большого и малого,
От всего, что увечит тело и душу.

Иисус с ним, перед ним, позади него,
Иисус в нем, под ним, сверху него,
Иисус одесную, Иисус ошую,
Иисус во сне, Иисус в пробуждении,
Иисус в сердце всякого, кто о нем помыслит,
Иисус в устах всякого, кто о нем молвит,
Иисус в очах всякого, кто зрит его.

Днесь воздвигнем его нашей силою:
Молитвою Единосушной Троице,
Верою в Бога Отца,
Исповеданием Духа Святого,
Упованием на Христа,
Создателя всякой твари.
Аминь.

Затем, снова встав перед Артуром, он сказал:

— Склонись перед Владыкой всего и клянись в верности Верховному Царю, Которому ты служишь.

Артур пал ниц перед алтарем и простер руки, как побежденный военачальник перед победителем. Тейло и Дубриций стали по его стороны, а Иллтид — перед ним.

Дубриций одесную Артура произнес:

— Сей рукой ты будешь сжимать Меч Британии. В чем ты клянешься?

Не поднимая лица от пола, Артур ответил:

— Сей рукой я буду сжимать Меч Британии в справедливости и благочестии. Силою Божьего могущества и Его изволением я буду вершить правосудие и карать тех, кто творит злое. Рука моя будет покорна Господу Богу и будет работать Ему на этом земном свете.

Тейло ошую Артура молвил:

— Сей рукой ты будешь сжимать Щит Британии. В чем ты клянешься?

— Сей рукой я буду сжимать Щит Британии с надеждой и состраданием. Силою Божьего могущества и Его изволением я буду защищать народ, который со мною хранит веру и почитает своим Владыкой Христа. Рука моя будет покорна Господу Богу и будет работать Ему на этом земном свете.

Иллтид, стоя у Артура в головах, сказал:

— На челе своем ты будешь носить Корону Британии. В чем ты клянешься?

— На челе я буду носить Корону Британии со всяческим смирением и честью. Силою Божьего могущества и Его изволением я проведу королевство сквозь все отпущенные мне испытания смело, достойно и с верою во Христа, Который меня направит.

За сим все три священнослужителя возгласили:

— Восстань в вере, Артур ап Аврелий, да будет Христос тебе Господом и Спасителем. Чти Его превыше всех князей человеческих.

Артур встал, Иллтид опустил ему на голову тонкий золотой обруч. Дубриций повернулся к алтарю и взял Калибурн, иначе называемый Каледволх — "Руби сталь", боевой меч Артура, и вложил королю в правую руку. Тейло взял Придвен, круглый боевой щит Артура, на котором поверх свежей краски вновь начертали алый Господень крест.

Мирддин поднял перед Артуром деревянное распятие.

— Артур ап Аврелий ап Константин, будущий Верховный король над всеми нами, признаешь ли ты Господа Иисуса своим Верховным Владыкой и клянешься ли Ему в верности?

— Признаю и клянусь, — отвечал Артур. — Не будет мне иного владыки, кроме Него.

— Клянешься ли служить Ему во всем, как будут служить тебе, доколе станет сил?

— Клянусь служить Ему во всем, как мне служат, доколе станет сил.

Мирддин торжественно кивнул и продолжил:

— Будешь ли кланяться Христу по своей охоте, чтить Его с радостью, верить Ему и любить Его больше всего на свете, даже до последнего твоего вздоха?

— Буду кланяться Богу с величайшей охотой, чтить Его с величайшей радостью, верить Ему и любить Его больше всего на свете, даже до последнего моего вздоха.

— Клянешься ли блюсти справедливость, проявлять милосердие, искать истину прежде всего другого, править своими людьми с любовью и состраданием?

— Клянусь блюсти справедливость, проявлять милосердие, искать истину прежде всего другого, править своими людьми с любовью и состраданием, как если бы передо мной был Сам Господь Бог.

После этого Мирддин подошел и снял с Артура плащ. Тейло и Дубриций вынесли новый плащ императорского пурпура с золотой опушкой, надели Артуру на плечи и застегнули большой серебряной пряжкой в виде оленьей головы. Мирддин воздел руки и произнес:

— Ступай, Артур, на добрые дела, правь справедливо, живи достойно, будь народу путеводным светом и крепкой опорой, какие бы испытания ни выпали на долю этой страны.

Артур повернулся, сжимая щит и меч. Новый пурпурный плащ ниспадал с его плеч на каменный пол.

— Народ Британии, вот твой Верховный король! Повелеваю любить его, чтить, слушаться и служить ему так, как сегодня он обещал служить Царю Небесному.

Люди уже открыли рты, чтобы разразиться торжествующими криками, но никто не успел произнести и звука, как двери с грохотом распахнулись и в церковь ворвались двенадцать воинов с копьями. Кай и Бедуир, выхватив мечи, бросились вперед и схватились бы с пришельцами, если бы Дубриций не остановил их, сказав:

— Стойте! Да не прольется кровь в этот святой день! Отложите оружие, узнаем, за какой надобностью эти люди пришли.

Незнакомые воины бесстрашно приблизились к самому алтарю, у которого стоял Артур. Без единого слова они окружили алтарь и замерли, подняв копыя. И тут собравшиеся увидели нечто в высшей степени необычное: шестнадцать прекрасных темнокудрых дев в белых одеяниях и босых прошествовали к алтарю, и каждая держала в ладонях по белому голубку.

Приблизившись к тому месту, где стоял Артур, девы остановились и повернулись. Тут же за ними последовали три высоких военачальника в зеленом и черном с ног до головы. Каждый держал на вытянутой руке обнаженный меч, и все они шагали спиной вперед.

Не глядя ни вправо, ни влево, они встали возле дев с голубками. И тогда двенадцать воинов грянули копыями о каменный пол, и тут же появилась еще одна дева, прекраснее и грациознее прочих, со сверкающим копьём в одной руке и голубком в другой.

И эта девица была облачена в изумрудный плащ с пурпурной опушкой и длинное платье, желтое, как солнечный свет. Волосы ее цвета воронова крыла были распущены по плечам и украшены белыми и золотистыми полевыми цветами, щеки алели, как розы, чистое высокое чело выражало благородную гордость, а глаза искрились весельем. Она была босиком, но тем не менее решительной, хоть и изящной поступью направилась к алтарю.

Собравшиеся в церкви пожирали глазами удивительную девицу и перешептывались:

— Кто она? Кто это такая? Почему с копьём? Что ей понадобилось?

Однако Артур знал, кто она, и, хотя не ожидал ее появления, сразу понял, зачем она здесь.

— Что такое? — хриплым шепотом спросил Мирддин Бедуира. — Что происходит? Отвечай!

— Это Гвенвифар, — неуверенно ответствовал Бедуир. — Наверное, она явилась почтить Артура.

— Почтить, как бы не так! — фыркнул Мирддин. — Она явилась заявить на него права!

Гвенвифар остановилась перед Артуром, низко склонилась и положила копьё у его ног. Потом выпрямилась и вложила ему в руки белого голубка, а затем, не колеблясь, взяла у Верховного короля меч Британии — взяла за лезвие, сомкнув на блистающей стали длинные

пальцы. Подняв Калибурн к губам, она поцеловала перекрестие рукояти и прижала обнаженный клинок к груди.

Все это произошло мгновенно. Никто не понял, что это было, кроме Мирддина, отлично знавшего, при чем тут мечи и голубки, и Артура, который понял в этот миг, что нашел единственную девушку в мире, равную ему отвагой и превыше всех достойную его любви.

Так Артур стал Верховным королем Британии. И так он женился.

ГЛАВА Вторая

Гвенвифар привезла с собой свадебный дар: столовую ротонду, искусное сооружение, подобных которому не ведали британские зодчие. Вернее, привезла она чертежи: пять древних пергаментных свитков, плотно завернутых в белое полотно. Чертежи эти короли Ирландии хранили из поколения в поколение. Насколько известно, во всем мире есть лишь одна подобная ротонда — на Востоке в Царьграде.

Да, необычный свадебный дар. Впрочем, вполне подходящий для королевы-вонительницы. Мысль эта зародилась у Гвенвифар в Инис Аваллахе, у Дивного Народа, куда она приехала свести знакомство с Харитой, матерью Мирддина и дочерью Короля-рыболова Аваллаха.

Надзирать за постройкой ротонды поручили Мирддину; великий Эмрис единственный в нашем краю обладал достаточными познаниями. Работа эта стала краеугольным камнем царствования Артура, как тому и следовало быть.

Строительство началось и в Каер Мелине, южной столице Артура, и в Каер Лиале, который он избрал своей северной резиденцией. Верховный король решил держать два главных двора, чтобы сохранить единство Британии. Каер Лиал, бывший Каер Лигвалид, северный Город Легионов, годился для этого как нельзя лучше. Крепость стояла близко и от Вала, и от удобной гавани на перекрестке семи дорог, которые расходились во все концы Острова Могушественного.

Каер Лиал, давно заброшенный, лежал в серых развалинах: затихшие улочки, провалившиеся крыши, заросшие травой казармы, огромный пустой форум. Окрестные жители понемногу разбирали стены на постройку своих домов, но по большей части некогда гордый город медленно разрушался сам.

В Каер Лиал я и приехал с отцом, Кау, властителем Трат Горида, получившим власть от Верховного короля. Он приехал, чтобы исполнить долг — отдать меня в кимброги.

Я обучался искусству барда с тех пор, как выучился говорить — впрочем, учился я и латыни, — и сердце мое замирало при мысли, что

мне, может быть, доведется сидеть у ног Высокочтимого Эмриса, Верховного барда Британии. Не забуду тот день, когда я прибыл ко двору Пендрагона.

Мы с отцом приехали из Трат Горида вместе с двумя моими старшими братьями, которым тоже предстояло поступить в кимброги. Из девяти сыновей Кау все, кроме одного, служили Пендрагону; я в свои тринадцать лет был младшим.

Каер Мелин — деревянная крепость, а вот Каер Лиал — каменная. Чудо каменного зодчества, жемчужина севера. Куда ни глянь, град Артура лучился королевским величием. Даже улицы сверкали!

Сразу за воротами мы спешили и, ведя коней в поводу, направились через город к дворцу — во времена Империи это был дом легата, нынче его отстроили заново. Кай, сенешаль короля Артура, сообщил, что Пендрагон в отъезде, но должен вернуться со дня на день.

— Приветствую вас от имени Пендрагона, — сказал он, — и принимаю твою подать сыновьями, лорд Кау. — Он обнял моих братьев за плечи, а на меня даже не взглянул. — Мы всегда рады новым бойцам.

Кай ап Эктор из могучего Каер Эдина — всем бойцам боец. Волосы огненно-рыжие, глаза зеленые, подвижные, сам высокий, кряжистый, с открытым лицом — сразу видно, что честен и незлобив. Однако, подумал я, не дай Бог встретиться с ним в бою. Человек, навлекший на себя его гнев, проклянет день своего рождения. Рядом с ним я сразу почувствовал себя никчемным и слабым. А ведь я вырос в знатном доме рядом с братьями-воинами!

Кай призвал слугу, братья распрощались с отцом, и их повели в дом, где жили воины. Отец с Каем некоторое время беседовали. Разговор коснулся и меня.

— Как насчет Великого Эмриса? — спросил отец. — Анейрину тоже идти на службу к Артуру, но, поскольку он мабиног и вскорости станет бардом, возможно, Верховный бард скорее пристроит его к делу.

Кай хлопнул меня по плечу — я чуть не сел — и широко улыбнулся.

— Филид для Мирддина? Отлично! Я давно говорю, что ему нужен помощник. Дел бездна, а Рис, увы, так и не научился разрываться на три части. Ты ему как раз годишься.

Я поблагодарил и собрал всю смелость, какая была у меня в тринадцать лет.

— Если ты скажешь, где он, я, с твоего дозволения, прямиком отправлюсь к нему.

Кай рассмеялся.

— Молодец! Только Эмриса здесь нет. Он сооружает ротонду, поэтому приступил к работе, как только сошел снег, и поклялся не возвращаться, покуда все не закончит.

— Скажи, где его отыскать, я отправлюсь туда и сам попрошусь на службу.

Кай загадочно улыбнулся.

— То-то и оно — где Круглый стол?

Местоположение будущего храма тщательно скрывалось. Святое место ревнино оберегали от людских глаз. Оно должно было стать местом упокоения великих воинов, и Верховный король не хотел, чтобы священную землю осквернили досужие путники или ревностные язычники. Не хотел он и толпы паломников, ибо храм задумывался как последний приют отважных, отдавших жизнь за Британию и тем заслуживших покой. Более того, Пендрагон надеялся, что и его в свой час погребут здесь, так что оберегал и свой мир.

— Не годится пускать туда кого попало, — продолжал Кай, с сомнением разглядывая меня. — Но если ты станешь Мирддину подспорьем...

— Лорд Кай, — перебил я, — не лучше ли именовать Высокочтимого Эмриса в соответствии с титулом?

Моя дерзость не знала границ!

— Ты считаешь *меня* непочтительным? — Кай сложил руки на широкой груди. — Вот что я тебе на это скажу, мальчик. Если я дерзаю звать его по имени, то лишь потому, что заслужил это право. Дай-то Бог, чтоб ты мог так же обращаться со мной, когда достигнешь моих лет и роста!

Уши мои вспыхнули — и поделом. Отец наградил меня укоризненным взглядом.

— Прости меня, лорд-сенешаль, — смиренно произнес я, багровый от смущения.

Кай тут же смягчился.

— Так все же, если ты будешь Мирддину в помощь, тебе без сомнения лучше находиться рядом с ним. Раз его здесь нет, тебе надо ехать. Я это устрою.

Мы с отцом горячо его поблагодарили, и Кай продолжил:

— От имени Артура предлагаю вам гостеприимство этого дома. Сегодня вы будете ужинать с нами, а в путь не поздно тронуться и завтра.

Я почти ничего не помню из той ночи — лишь то, что слишком много выпил натошак и заснул лицом в миске. Проснулся я в незнакомой части дворца, возле кухни, и сам добрался до зала. Там было пусто, но из-за двери доносились голоса. Я вышел на крыльцо, где Кай попрощался с моим отцом.

В голове гудело. Я тоже пожелал отцу счастливого пути и попросил Кая простить меня за вчерашнее.

— Ты считаешь меня невеждой и мужланом, — сказал я, — и я не обижаюсь. Однако поверь мне, лорд-сенешаль, я намерен стать достойным той чести, которую мне оказали.

Прославленный воин положил мне руки на плечи и заглянул в глаза.

— Так будь достоин. Никто не стоит между тобой и твоей честью. Бери ее, хватай. Захочешь — она твоя.

И он был прав.

Я позавтракал хлебом и водой — больше в рот ничего не лезло, и сенешаль поручил меня одному из слуг. Конь мой стоял во дворе оседланный. Мы выехали из города и поскакали на север по старой римской дороге в дикий край Регед. По дороге я узнал, что спутника моего зовут Тегиром. Прежде он был воином, но лишился руки в битве при горе Бадон. Теперь он начальствовал над слугами, чем очень гордился, ибо сказал:

— Я и так охотно отдал бы правую руку, чтобы служить Пендрагону. Потеря совсем невелика.

Тегир мне сразу полюбился, и я принялся расспрашивать его про Пендрагона и Каер Лиал. Он отвечал охотно и много рассказывал про дворцовые порядки и про все, что мне нужно было знать, чтоб не надевать оплошностей.

Еще он рассказывал про Великого Эмриса; впрочем, о нем-то я слышу с тех пор, как научился разбирать слова. Чем больше Тегир говорил, тем чаще билось мое сердце при мысли, что скоро я увижу этого достославного мужа во плоти. Мысль эта ошеломляла. Я, Анейрин, буду служить Верховному барду Острова Могущественного!

В полдень мы свернули со старой дороги на запад, в холмы, чуть позже спустились в долину Нита и немного проехали вдоль реки на юг, к окаймленному песчаными пляжами мысу. Здесь на основании разрушенной древней крепости строилась Артурова ротонда. Еще на подъезде я различил устремленный ввысь силуэт. Холм стоял над морем, и я сперва усомнился, разумно ли возводить потаенное здание на

возвышении, где его будет видно с любого проходящего корабля. Однако позже я узнал, что, хотя сам холм можно хорошо разглядеть с моря, ротонда стоит за гребнем, который скрывает ее от постороннего взгляда.

Мы спешили у подножия холма возле палаток, где жили строители. Сейчас в лагере не было ни души. Тегир остался стреножить лошадей, а я пошел поближе взглянуть на храм.

Сама ротонда показалась мне довольно странной. Разумеется, я никогда не видел подобного сооружения: оно было совершенно круглое, составленное из серии каменных колец, более узких у входа, затем плавно расширяющихся и вновь идущих на убыль. На первый взгляд оно было похоже на исполинский улей, какие делают из толстой веревки, только более изящный и величавый. Размер и красота ротонды, ее расположение над морем — все дышало покоем. Глаз наслаждался плавными очертаниями купола, море ласково шумело, в душу изливался мир.

Я смотрел на храм и всем сердцем стремился к тому, что он символизировал: красоте, миру, чести, отваге, доблести... То было Царство Лета, воплощенное в камне.

И в каком камне! Оттенки голубого, серого и белого придавали форму и цвет целому, причем были подобраны до того искусно, что случайный прохожий мог и впрямь ничего не заметить. И не диво — ведь то были оттенки неба, моря и облаков. В определенное время дня при определенном свете здание словно бы растворялось в воздухе.

Если при первом взгляде на храм мне захотелось подойти ближе и помолиться, то при первом взгляде на Мудрого Эмриса, напротив, захотелось броситься наутек. Он внезапно выбежал из ротонды, потрясая тяжелым молотом.

— Стой! — крикнул он голосом, который остановил бы разъяренного быка. Я застыл, и он ринулся ко мне.

Он был высок, гораздо выше, чем я ждал, и много моложе. Говорят, что он из Дивного Народа, а я-то воображал его стариком. Он знал Вортигерна, беседовал со святым Давидом, видел Максена Вледига! Он такой древний!

И все же человек, надвигавшийся на меня, казался не старше моего отца. Густые темные волосы лишь кое-где тронула седина. Морщины лежали на челе, но кожа на щеках и у глаз по-прежнему была гладкой. А сами глаза! Чистые, глубокие, золотистые. Мне тут же вспомнились парящий сокол и рыщущий волк.

— Мне говорили, ты слепой! — выпалил я первое, что пришло в голову.

— Был слепой, но прозрел, — отвечал он. — Кто ты и что тебе здесь надобно?

Тегир, который привязывал лошадей, подбежал, чтобы мне помочь. Эмрис повернулся к нему.

— А, это ты, Тегир. Что не предупреждаешь?

— Прости меня, Эмрис, мне нужно было подать голос. — Он поднял глаза на уходящий в небеса храм. — Много уже построили. Красота-то какая!

Эмрис обернулся через плечо.

— Работа наконец-то близится к концу, — сказал он. — Остались кое-какие мелочи. — Он снова повернулся ко мне. — А ты мне не ответил.

— Господин?

— Имя — если у тебя есть имя. Как тебя звать? — Он так пронзительно смотрел в мои глаза, что я ощутил его прикосновение к своей душе и напрочь позабыл, кто я такой.

— Ан... Анейрин, — запинаясь, неуверенно выговорил я. Собственное имя прозвучало неестественно и странно. — Я Анейрин ап Кау.

Великий Эмрис тряхнул головой.

— Хорошее имя. Тебе подходит. — Потом спросил у Тегира: — Зачем он здесь?

— Кай прислал. Тебе в помощь. Если он не нужен, я его заберу.

Эмрис пристально взгляделся в меня. Я уже воображал себя в седле на пути в Каер Лиал. Сердце мое упало. Несчастнейший из людей, я чувствовал себя отвергнутым.

Однако Эмрис нуждался в двух расторопных руках. Я не лышу себе, никакой другой причины у него не было. Однако мне и того было довольно.

— Пусть остается, коли приехал, — сказал Эмрис, и я был спасен.

— Эмрис, — сказал Тегир, — мне надо немедленно возвращаться в Каер Лиал. Тебе что-нибудь нужно? Я распоряжусь привезти.

— Только одно: извести меня, когда вернется Гвенвифар. Мне надо будет кое-что ей передать.

— Будет исполнено, лорд Эмрис. — Тегир повернулся и заспешил прочь. Мою лошадь он прихватил с собой.

Я оглянулся и увидел, что Эмрис уже поднимается по склону холма. Я побежал следом.

— Что мне делать, господин?

Не останавливаясь и не оборачиваясь ко мне, он бросил:

— Умеешь делать метелки?

Я в жизни не пробовал, но часто видел, как женщины в Трат Гориде их вяжут, поэтому отвечал, что, наверное, умею.

— Так сделай! — сказал Эмрис и пошел дальше.

До конца дня я собирал палки и прутики, потом принялся вязать метелку. В ротонду я войти не смел, более того, не смел к ней приближаться, а тихонько занимался своим делом.

Вечером вышел Эмрис и кликнул меня к себе.

— Проголодался, Анейрин ап Кау? — спросил он, когда я поднялся по некрутому склону на вершину холма. Он указал вниз, и я увидел на ступенях храма сверток. Эмрис сел и развернул плетеную травяную циновку. В ней оказались молодой сыр, черный хлеб и немного холодной жареной баранины.

— Это принесли мне здешние жители.

— Здесь кто-то живет? — Вопрос мой не был случайным. Я не видел ни одного селения с тех пор, как покинул столицу, и, за исключением палаток, не заметил людского жилья.

— Обитатели холмов, — отвечал он и тронул пальцем поблекшую синюю насечку на щеке — знак родовой принадлежности. — Когда-то я был одним из них.

Эмрис Британии своими руками преломил хлеб и протянул половину мне.

— Бери, ешь. Вкуснее нигде не сыщешь.

Хлеб Подземных жителей! Конечно, я наслушался историй про банши, как же иначе, ведь я вырос в северных холмах. Однако я никогда не видел этих загадочных человечков и даже не слышал, чтобы кто-нибудь их встречал. Легче, наверное, увидеть существо из Иного Мира. Многие разумные люди вообще в них не верят.

Я смотрел на плотную черную краюху. Да, это и впрямь был хлеб, но пах он фенхелем и другими неизвестными мне травами.

— Ешь, малыш! — сказал мне Эмрис. — Не будешь есть, не сможешь работать, а работы у меня для тебя много.

Я поднес краюху ко рту и с опаской откусил. Эмрис не обманул, хлеб был чудесный. Я никогда не пробовал лучшего, о чем ему и сказал.

Эмрис опустил на ступени, но садиться не предложил, поэтому я продолжал есть стоя, глядя то на запад, на море, то на юг, где зелене-

ли по ту сторону залива пологие холмы. С моря веяло прохладой. С ясного неба лилась песнь жаворонка; я запрокинул голову и сощурился из-под руки на голубой небосвод. Жаворонки парили так высоко, что я едва мог их различить.

— Крепость Жаворонков, — молвил Эмрис. — Так в прежние времена звалось это место. Долго здесь жили одни жаворонки. Теперь оно принадлежит Артуру.

Голос его зачаровал меня. Бесконечно выразительный, он был во всем покорен своему хозяину. Мог хлестнуть, да так, что на камне проступила бы кровь, а когда успокаивал, соловьи пристыженно замолкали. А уж если приказывал, горы менялись местами с долинами.

После еды он повел меня в ротонду, которая внутри оказалась еще замечательнее, чем снаружи. Я ожидал, что попаду в темный холодный склеп, а оказался в просторном светлом помещении. Свод оставался открытым, и на белые мраморные стены изобильно лился свет.

Великий Эмрис распростер руки и медленно повернулся, показывая безупречную округлость храма.

— Это, — сказал он, поворачиваясь, — Омфалос Британии.

Я промолчал, и он спросил:

— Ты что, никогда не слышал этого слова?

— Нет, владыка Эмрис, никогда.

— Это священная середина. У всего есть середина — даже у Царства Лета. И середина эта здесь!

Я на мгновение задумался.

— Мне казалось, — начал я, — мне говорили, что эта высокая честь принадлежит Инис Аваллаху.

— Стеклянному Острову? Нет. — Он покачал головой. — Знаю, что люди говорят про Тор, но он принадлежит иному...

Чему *иному* — Эмрис не сказал.

— К тому же, — резко продолжал он, — Короля-рыболова больше там нет. Слишком людными стали эти места. Я уговорил Аваллаха и мою матушку переселиться на север.

Я знал о Короле-рыболове и Харите, Владычице озера, которая после Гвенвифар считалась красивой женщиной Британии.

— Так они поселятся здесь?

— Не здесь, но неподалеку. Артур отдает им во владение остров.

В ту ночь я спал в одной из палаток; Эмрис ночевал в ротонде. Утром я проснулся, взял метелку и пошел к нему. Он поздоровался и разрешил мне войти.

Я робко переступил порог и огляделся. В середине, под всевидящим оком открытого купола, стояло огромное каменное кресло, или престол, высеченный из цельной каменной глыбы и установленный на собственный каменный постамент. Из плавно изогнутых стен выступали каменные кольца, сотни колец, каждое из которых образовывало как бы собственную нишу. Мне оно напомнило древние главохранительницы — резные каменные углубления, где сберегались черепа именитых предков.

Все казалось завершенным, белый камень сверкал.

— Что мне делать, владыка Эмрис?

— Мести, — отвечал он, а сам повернулся к престолу, развязал лежавший там кожаный мешочек и вынул инструменты — молоток, резец и чертало. Взяв молоток, он обратился к ближайшему выступу и принялся выбивать на гладком камне буквы.

— Это имя, владыка Эмрис?

— Здесь будут написаны имена тех, кто достиг Круглого стола, — объяснил он. — Имена тех, кто отличился на службе Летнему Королевству, будут увековечены здесь в камне. Когда их постигнет смерть, это тоже будет записано, а тела их погребут в святых стенах, дабы слава их не изгладилась из человеческой памяти.

Наконец-то я понял! Престольная ротонда должна была стать духовным убежищем, тихой обителью, посвященной Христу, святой усыпальницей, где сберегались бы имена и оружие великих мужей, памятником их подвигам и отваге.

Так началось мое ученичество. Я подметал полы, носил воду, собирал хворост, работал в лагере, а когда выдавалась свободная минута, мыл каменную резьбу — снова и снова. Помыв, я подметал внутренность ротонды и снова мыл. Я тер так, что камень сиял.

Еда появлялась каждый день. Иногда утром, когда мы вставали, я спускался вниз, к ручью, и забирал ее из дупла в старой иве. Иногда мы выходили из ротонды, изголодавшиеся после работы, и находили на верхней ступеньке завернутый в травяную циновку хлеб. Ни разу я не видел наших благодетелей и не мог догадаться, откуда они приходят.

День за днем на камне появлялись новые имена. Одни были мне знакомы, другие — нет. Иногда Эмрис рассказывал мне о тех, чьи имена выбивал, чаще трудился в молчании. Однако мне никогда не было с ним скучно. Я знал, что Эмрис, как и я, погружен в свои мысли. Просто быть рядом с ним означало постоянно возрастать в знании. И все же еще больше мне нравилось, когда он пел.

Вскоре я и вовсе перестал замечать течение дней. Руки мои окрепли и загрубели. Жизнь превратилась в размеренную череду работы и отдыха. Ничего другого я не желал. Когда однажды снаружи нас окликнули, я воспринял это как досадную помеху, хотя не видел ни одной живой души, кроме Эмриса, с самого приезда.

Эмрис отложил чертало и угольник.

— Это Тегир с вестями. Посмотрим, что он нам привез.

Мне было обидно, что нам помешали, тем не менее я отложил метелку и вышел вслед за Эмрисом. У подножия холма и впрямь дожидался Тегир, а с ним еще кто-то: судя по росту и ширине плеч — воин. Кто-то из полководцев Артура — заключил я. Он был темноволос, с глубоко посаженными глазами и высоким, красивым челом. На руках и левой щеке красовались шрамы.

Военачальник спокойно поглядел на меня, затем поднял глаза к холму и святилищу, голубовато-белому в лучах вечернего солнца.

— Здрав будь, Мирддин Эмрис! — вскричал он, когда мы приблизились. — Что я про тебя слышу? Говорят, будто ты выстроил незримую крепость и больше не возвратишься.

— Здрав будь, Бедуир! — отвечал Эмрис. — Очень на тебя похоже — верить всякому досужему толку.

Они обнялись по-родственному и рука об руку двинулись вверх по склону. Мы с улыбающимся Тегиром шли следом.

— Красотища! — выдохнул Бедуир. — Вот уж красотища! Артур порадует. А королева учредит хор — петь тебе неустанные хвалы!

— Вернулась Гвенвифар?

— Да. Тегир сказал, что ты просил известить тебя о ее возвращении, вот я и решил приехать с ним. Хотел посмотреть, что вы тут понастроили. Ты не в обиде?

— Ничуть. К тому же, как ты видишь, работа почти закончена. Завтра я вернусь с тобою в Каер Лиал.

Из их разговора я понял, что королева была на юге, помогала Дивному Народу перебираться с Инис Аваллаха на северный остров. Артур тем временем держал совет в Каер Мелине и Каер Лундейне. Его ждали не раньше Лугназада. Это означало, что королева успеет осмотреть святилище и подготовить торжества по поводу его завершения.

Бедуир и Тегир провели с нами ночь и весь следующий день, пока Эмрис заканчивал работу. На следующий день все трое уехали, а я остался в ротонде, выметать последнюю каменную крошку, мыть пол и ниши. Эмрис должен был вернуться с королевой через день-два.

Едва они уехали, я принялся за работу и без перерыва трудился до конца дня. Когда я наконец сел перекусить, уже смеркалось. Солнце давно зашло, но в это время года небо всю ночь остается светлым. Я с удовольствием посидел на холме, чувствуя себя повелителем всего, что может охватить глаз, и наблюдая за парящими в небесах чайками.

Огня я не разводил. Света хватало, ночь была теплой. Я пожевал немного черного хлеба и холодной баранины, потом встал, чтобы забрать кувшин, который оставался в ротонде.

Внутри было темно, но кувшин отыскался без труда. Я напился вволю и повернулся к выходу. В это мгновение в дверном проеме возникла фигура — черная на фоне светлого неба.

Я замер, крепко сжимая кувшин, чтобы не выронить его на пол.

Незнакомец неподвижно стоял у входа, всматриваясь в темноту. Я понимал, что он не может меня видеть, но мне померещилось, что взор его, пронзив тьму, остановился на мне. Нет, наверное, не совсем померещилось, я и впрямь что-то ощутил, вероятно, силу его присутствия, ищущую наугад, на ощупь, и в какой-то миг коснувшуюся меня. От этого мгновенного касания я похолодел, сердце ушло в пятки.

— Христе Боже, Спаситель мой, защити! — молился я, сам не зная, почему.

В тот же миг незнакомец развернулся и пропал во мраке: я слышал лишь, как зашуршал плащ, и тут же все стихло. Я подождал самую малость, медленно подошел к входу и с опаской выглянул наружу. Никого. Я быстро обошел святилище. Незнакомца нигде не было, ни на склоне, ни под холмом.

Куда он делся? Я не слышал стука копыт, а пешком так быстро было не скрыться. Может быть, мне просто привиделось?

Тем не менее я лег спать в ротонде и без огня, чтобы не привлечь других незваных гостей. Утром я нашел на ступенях сверток и тут же понял всю свою глупость.

Моим гостем был один из Подземных жителей, каждый день приносивших нам с Эмрисом еду. Он принес сверток и, не видя никого, заглянул в святилище. Я так долго мечтал увидеть хоть одного из наших кормильцев, а повел себя, как дитя. Хорошо, что никто не видел моего позора.

Через два дня из Каер Лиала прискакал целый отряд — смотреть ротонду. В суматохе я и думать забыл о загадочном посетителе.

ГЛАВА третья

Королева Гвенвифар оказалась неистовее и прекрасней, чем я воображал. Она являла собой жгучее пламя в нежном женском обличье, ее пылкая, страстная душа отзывалась на все вокруг. По рассказам, мне представлялась величественная, статная фигура вроде знаменитых римских матрон.

Да, она была величава, словно плывущий лебедь, но ничуть не грозная. Ее черные волосы блестели; глаза вспыхнули радостью при виде чуда, которое Мирддин Эмрис сотворил в Крепости Жаворонков.

Она стояла перед ступенями и с просветленным лицом смотрела во все глаза. Остальные, включая Эмриса и меня, ждали чуть поодаль, наблюдая за ее впечатлением. Довольно долго Гвенвифар стояла, просто глядя на плавный изгиб сооружения. Потом, медленно ступая мягкими сапожками, поднялась по лестнице и вошла внутрь.

Гвенвифар долго трудилась над свадебным подарком Артуру и немало претерпела обид и наговоров. Невежды говорили, будто Артур женился на банши, и та, собрав друидов, призвала обитателей Иного Мира, чтобы они перенесли священные камни из Ибернии, а после чародейством установила их и сделала невидимым самое место, дабы никто не мог случайно попасть туда.

Разумеется, все это чистое суеверие. Воинственная Гвенвифар вовсе не из Подземных жителей, как и не из племени пиктов. Она ирландка, хоть и горда, что твоя фея, и может повелевать дружиной не хуже любого из воевод Артура.

Верно, часть камней действительно прибыла из Ибернии, но не чародейством, а по распоряжению отца Гвенвифар Фергуса Мак Гилломара. Прекрасный голубой камень добывали в горах, везли по морю на кораблях, потом на салазках тянули волами в место хоть и укромное, но вполне видимое. И трудились у Гвенвифар лучшие каменщики, резчики и плотники, а вовсе не волхвы-друиды.

Вообще же королева просто соблюдала обычай своего племени, где знатные женщины заботятся о существовании рода — феяна — в

этой и той жизни. Гвенвифар, первая из королев Острова Могущественного, решила воздвигнуть Артуру памятник, который простоит вечно.

Тринадцать лет дожидаться свадебного подарка — срок немалый. И более чем достаточный, чтобы родить наследника. Многие из приближенных Артура роптали на Гвенвифар, ибо королева так и не подарила ему сыновей. А уж это, думали они, поважнее любого памятника.

Из ротонды она вышла, сияя.

— Мирддин Эмрис, — сказала королева, беря его за руки, — я твоя вечная должница. Больше никто в мире не смог бы свершить такой труд.

Она повернулась и плавным взмахом руки указала на храм.

— Это то, о чем я мечтала.

— Спасибо за честь, — просто отвечал Мирддин.

С королевой приехали Тегир, Бедуир и еще несколько человек свиты. Теперь все они с жаром заговорили, восхваляя Эмриса за великое свершение.

— Артур будет доволен, — молвила Гвенвифар. — Ему понравится не меньше, чем мне. Это его убежище. Здесь покойно, никто не нарушит его мир.

Королева имела в виду нескончаемые трения между Артуром и южными князьками. То им было не так, это не этак, и все казалось не мило, кроме одной потехи — дразнить Медведя Британии. Несчастные!

Северные короли оказались куда мудрее. Юг давно забыл про войны, от которых до него докатывались лишь отзвуки. Иное дело север, где были живы люди, согнанные варварами с мест, потерявшие родных и близких. Северные роды чтили своего Пендрагона, южные — кое-как терпели. Артур все больше и больше прилеплялся душой к северу и старался бывать там чаще и непременно на Пасху и Рождество.

По мере того как смещались привязанности Верховного короля, смещалось и сердце королевства. Теперь у южных владык появилась новая причина для ропота. Жалкие псы! Не знали своего счастья!

Королева не стала задерживаться в ротонде. Осмотрев постройку, она заторопилась во дворец — готовиться к торжеству. Когда свита уже собиралась тронуться в путь, Эмрис подошел ко мне.

— Я еду навестить Аваллаха и матушку на новом месте. Ты отправляешься со мной.

Я был уверен, что остаюсь в святилище, более того, считал это своим долгом. Однако я подчинился и поехал с ним. Мы доехали до Каер Лиала в сумерках, переночевали во дворце и на заре следующего дня снова тронулись в путь. В гавани ждал корабль, чтобы доставить нас на остров Короля-рыболова, который на севере теперь называют Аваллон, или иногда Инис Шийнт — Остров Благословенного Мира.

Я не знал, где этот остров и как долго нам плыть. Мне было все равно. Блеск утреннего солнца на воде прогнал страх. Все вытеснила одна мысль: я сподоблюсь лицезреть загадочного Короля-рыболова и его прославленную дочь. Из Дивного Народа я видел одного Эмриса, который все-таки не совсем такой, как они, и в сердце затаилось предвкушение. Мысленно я подгонял корабль к цели.

Остров этот лежит на западе от нашего берега на полпути между Ибернией и Британией, с попутным ветром плыть до него день. Удивительно его свойство — он время от времени пропадает. Кимры говорят, это оттого, что Мананнан ап Ллир, повелитель морей, ревниво оберегает прекраснейший из своих островов и опускает на него "ленгель" — Невидимый покров, дабы люди не захватили этот остров себе.

Аваллон омывают глубокие синие воды, венчают ослепительно синие небеса, овевают ласковые ветры. Теплое море у берегов изобилует рыбой, на просторных равнинах вызревает лучшее в мире зерно, на склонах холмов тучнеет скот. И впрямь, это Счастливый Остров, все на нем прекрасно. Артур пожертвовал средства, чтобы в довершение всей этой благодати воздвигнуть здесь церковь и монастырь. За их постройкой должен был наблюдать Аваллах.

Наш кормчий направил корабль в скалистую бухту. Мы сошли на каменную пристань и повели лошадей по тропе вверх. Дорога шла через весь остров к западному берегу, светлыми лесами и темными чащами, по широким, зеленым, цветущим лугам, через ручьи и речки и, когда алое солнце садилось в море, вывела нас к селению Дивного Народа.

Я впервые увидел две высокие белые башни, в тот миг золотистые в лучах закатного солнца, за крепостной стеной на холме над морем. Над стеной серебряной чешуей поблескивала черепичная крыша высоких палат. На склоне под стеной паслись овцы, их длинное белое руно розовело в вечерних лучах, трава искрилась россыпью изумрудов. Чистый речной поток журчал, огибая холм, чтобы низвергнуться с обрыва в море. Лошади бродили на воле, зарывшись мордами в душистое разнотравье.

Узрев сияющую крепость, Мудрый Эмрис вскричал от радости. Он запел благодарственную песнь и, хлестнув лошадь, пустил ее во весь опор, чтобы скорее достичь врат. Я, как мог, поспешал за ним, дивясь на прекрасные картины, которые открывались моим взорам.

Весь этот край казался мне нездешним раем, обителью земных богов. Еще больше я утвердился в этом впечатлении, въехав в узкую арку ворот и узрев Дивный Народ за работой — им предстоял еще немалый труд по обустройству крепости.

Высокие, щедро одаренные природой, стройные и грациозные, они всем своим видом радовали глаз. Невозможно было не любоваться этой более древней расой, в которой так явственно сияла слава Создателя. И все же при всей своей красоте и талантах то были печальные люди; они видели, что срок их на земле близок к концу, и горько о том скорбели.

Эмриса сразу узнали. К нам кинулись с криком: "Мерлин! Зовите короля! Мерлин приехал!"

Аваллах вышел, как только мы спешили. Грива черных кудрей, быстрые карие глаза и черная борода колечками, как у восточных царей, придавали ему грозный вид; впечатление подкреплял низкий, рокочущий голос. Медведь Британии велик ростом, Мирддин тоже не карлик, но Король-рыболов был на голову выше обоих. При этом в движениях его не было неловкости или медлительности, как бывает у очень крупных людей; как и у соплеменников, легкость движений была у него в крови. Тем не менее, когда он шагнул к нам, я подивился, что земля не дрожит под его ногами.

Карие глаза вспыхнули, в черной бороде блеснула улыбка.

— Мерлин! Как я тебе рад! Добро пожаловать домой!

Эмрис обнял короля и оглядел крепость.

— Дворец не тот, что на Торе. — В его голосе мне почудилась легкая грусть.

— Да, — кивнул Аваллах, — но, поверь, я устал от Стеклянного Острова. Благочестивые братья с радостью забрали дворец, и он еще послужит доброму делу: там хотят устроить скрипторий и новую, более просторную богадельню. С каждым днем на Холм Святилища стекается все больше недужных. Во дворце им будет покойно. — Он немного помолчал и указал рукой на сверкающий дворец. — Идем же, Мерлин. Мой дом еще не обновлен песней: теперь, когда ты здесь, это упущение можно будет исправить. Идем, поднимем гостевой кубок.

— С превеликой охотой, — сказал Эмрис, — но прежде я должен поприветствовать матушку.

— Разумеется! — вскричал Аваллах. — Она в саду, руководит посадкой деревьев. Иди к ней и приведи ее сюда. Буду ждать в доме. Ступай!

И Король-рыболов махнул нам рукой.

Мы быстро вышли со двора, миновали ворота и направились вдоль стены к западной — морской — стороне. Здесь, на солнечном склоне над крутыми обрывами, Владычица озера разбила свой яблоневый сад. Саженцы привезли с Тора, и она, стоя на коленях, прикапывала один из них.

При нашем появлении она подняла голову, увидела сына и улыбнулась. У меня занялось сердце. Она казалась земной богиней, из тех, кого прославляет в песнях Ученое Братство. Однако друиды сами не знают, что говорят, ибо красота, явленная во плоти, превосходит их бледный вымысел.

Она встала с колен, отряхнула землю с ладоней и платья и быстро подошла к нам. Я не мог ни шевельнуться, ни отвести взгляд. Всю свою жизнь я слышал о Владычице озера и сейчас, глядя на нее, понимал, как бессильны слова описать все, выходящее за их круг. Локоны, подобные золоту или льну, глаза изумрудные, словно лесные поляны, кожа мягкая и белая, как... нет, все не то.

— Моя мать, Харита, — говорил Эмрис. Я, вздрогнув, очнулся и понял, что стою, как в столбняке, ошеломленный ее дивной красотой.

— В-ваш слуга, — заикаясь, выговорил я и покраснел от собственной неловкости.

Харита подарила меня улыбкой и, взяв сына под руку, пошла с ним во двор. Благодарение Богу, за радостью от встречи обо мне попросту позабыли. Я, немного успокоенный, затрусил следом. До меня долетали обрывки их разговора.

— ...жаль покидать Тор, — говорила Харита, — но все к лучшему...

— ... трудно, знаю... гораздо ближе... чаще бывать вместе...

— ...благодатное место. Нам будет здесь хорошо... Тор... слишком много... Аваллаху было тяжело... столько переменялось...

Мы подошли к воротам. Харита остановилась и обняла сына, на долгое мгновение задержав его у своей груди.

— Как хорошо, что ты приехал; для меня это самая большая радость. Артур очень добр к нам. Мы постараемся всемерно отплатить за его доверие и щедрость.

— В этом нет нужды. Я говорил, Аваллах для Верховного короля — союзник, ему нужно, чтобы остров был в надежных руках. Это древнее и святое место — здесь должно стоять монастырю. При вас с дедом тут будет церковь и более того: монастырь, твоя библиотека, богадельня. Ваш труд принесет здесь богатые плоды.

Владычица озера поцеловала сына, и они прошли в ворота. Мы пересекли двор и направились в королевские палаты, где нам поднесли богатые серебряные кубки и роги со сладкой медовой брагой. Мне тоже поднесли кубок, я выпил, но сам не заметил что; с таким же успехом меня можно было угостить болотной жижей. Всю мою жажду поглотил дворец Короля-рыболова.

С высоким сводчатым потолком и множеством колонн он мог вместить три сотни воинов вместе с бардами, монахами, стольниками, кравчими, псами и всей свитой. В одном конце возвышался исполинский очаг, в другом золоченая телячья кожа отделяла королевские покон. Пол из белого камня устилал свежий тростник; колонны были составлены из цельных очищенных бревен, связанных вместе и покрытых спиральной резьбой.

Король приказал, чтобы поставили стулья, но мы не сели, а остались стоять, попивая мед и разговаривая; вернее, они разговаривали, а я только тарасился вокруг. Очаг и колонны, мощеный пол, высокий потолок — ничего подобного я прежде не видел. Разумеется, ведь то было уменье Дивного Народа, сплетенное с живым художеством кельтов.

Позже, после вечерней трапезы, Великий Эмрис пел в чертогах Короля-рыболова для своей матери и всех собравшихся. Он пел "Видение Ронабви" — сказание, которого я не знал и никогда прежде не слышал. Полагаю, эта прекрасная и тревожная повесть рассказывает об истинных событиях, которые, впрочем, еще не произошли в мире людей; многое из того, о чем в ней говорится, относится к будущим временам. Хотя Верховный король не упоминается впрямую, намеки на него угадываются легко.

Вот что спел Мирддин.

— В первые дни Инис Придеина, когда роса творения была еще свежа на земле, Манавиддан ап Ллир правил Островом Могущественного, и вот как это было.

Манавиддан, первенец могучего Ллира, жил долго и своими важными деяниями снискал себе великую славу. Был у него родич,

двоюродный брат Медир, чье положение было не столь высоким; и он сильно печалился и завидовал, видя почет, доставшийся на долю его брата. И вот однажды ясным утром он вскочил и призвал соплеменников.

— Ллеу ведает, как мне тошно, — сказал он. — Целыми днями я пребываю в тоске, а есть ли до этого дело Манавиддану? Нет ему дела. Как бы нам это исправить?

Соплеменники переглянулись, но не смогли ответить. Медир затряс на них кулаком.

— Ну? Я слушаю, а слышу лишь завывание четырех ветров в ваших пустых башках.

Один из старейших соплеменников ответил:

— Владыка Медир, коли ты желаешь совета, дурно было бы не сказать, чтобы ты отправлялся к Черной ведьме Аннона, которая все видит и того, кто ее послушает, может сделать даже королем.

— Наконец-то! — вскричал Медир. — Ллеу ведает, долго пришлось ждать. Однако совет твой мне по душе. Я сделаю, как ты сказал.

И тут же, вскочив на коня, отправился разыскивать Черную ведьму.

Она жила в кургане в березняке у реки. Медир нашел ее и вызвал из смрадного убежища. Мерзок был ее вид, еще более мерзок запах, ударивший в ноздри бедному Медину. Однако он вознамерился вытерпеть все до конца и принял ее совет. А присоветовала она вот что — отправиться к Манавиддану и попроситься к нему в хлебники.

Так Медир и поступил. Манавиддан, не чуя зла, ласково принял Медира и возвысил не по заслугам, поставив во главе дружины. Медир согласился и на какое-то время успокоился. Однако время шло, он притомился от ратных трудов и решил, что скорее обогатится грабежами. Поэтому он принялся чинить разбой, угонять скот и убивать всех, кто смел ему противиться.

Манавиддан не стерпел, что его народ обижают. Он призвал лучших людей и велел им выбрать среди своих самых отважных и благородных, чтобы те разыскали Медира и положили конец его беззакониям. И они избрали троих, и вот кто это были: Ронабви, Кинриг Веснушчатый и Кадоган Крепкий. Все согласились, что если они не одолеют разбойника, то не по недостатку доблести или воинского искусства и не от какого-нибудь своего изъяна, а единственно из-за черного коварства.

— Отлично, — сказал Манавиддан, когда они предстали пред его очами. — Вы знаете, что делать. Ступайте же с миром и возвращайтесь с победой.

И все трое немедленно отправились в путь, без труда отыскивая дорогу: они просто ехали по выжженной земле, которую оставлял за собой Медир. Много дней они ехали и добрались до дома Хейлина Длинногого. Уже вечерело, так что они решили остановиться здесь на ночлег. Подойдя к дому, они увидели, что это старая темная лачуга, пыльная и закопченная. Войдя же внутрь, они обнаружили в полу множество дыр; человек легко мог поскользнуться на этом полу из-за обилия коровьих лепешек и мочи, а попав ногой в дыру, по щиколотку проваливался в жидкую грязь, смешанную с навозом. По всему полу были рассыпаны крапива и ветки падуба, обглоданные коровами.

Не устрась, они прошли в дальнее помещение и увидели старую больную ведьму у тлеющего очага. Когда пламя гасло, ведьма бросала в него пригоршню мусора, так что поднимался едкий дым и начинало щипать глаза. Больше в комнате ничего не было, кроме вытертой желтой телячьей кожи, и тот, кто мог бы улечься на нее, посчитал бы, что ему повезло!

Путники сели и спросили ведьму, где хозяева дома, но она только оскалилась на них гнилыми зубами. Тут вошли люди: тощий, совершенно лысый мужчина, а за ним сгорбленная седая женщина с охавкой хвороста. Женщина бросила хворост старухе, и та развела огонь. После этого седая женщина принялась готовить ужин, а закончив, налили путникам овсяной размазни и жидкого молока.

Покуда они поглощали скудную трапезу, хлынул ливень; ветер так бушевал, что деревья пригибались к земле. Ехать было нельзя, и усталые путники решили лечь спать, сказав себе так: "В конце концов, это всего лишь одна ночь. Хорошо бы это был худший ночлег на нашем пути".

Они собрались спать. Вместо ложа у них была лишь охавка соломы, укрытая грязным драным плащом. Они легли, зажимая носы, и двое спутников — Кинриг и Кадоган — тут же заснули, хотя их кусали блохи. Ронабви долго ворочался на грязной соломе и понял, что не уснет, пока не отыщет более удобного места. Он высмотрел желтую телячью кожу и решил, что, может, там хоть блох не будет, поэтому встал и перелег на нее.

Не успела его голова коснуться старой вытертой кожи, как он заснул, и тут же на него нашло видение.

Почудилось ему, будто они со спутниками едут мимо дубовой рощи и вдруг слышат шум, какого еще не слыхивали. Они остановились и, с опаской оглянувшись, увидели кудрявого юношу с подстриженной бородкой, верхом на соловом коне. Одет он был с пояса до пят в зеленое, в прекрасном желтом кафтане, который переливался на солнце, а на боку его висел меч с золотой рукоятью в ножнах из лучшей кожи, и пряжка на ремне была из чистого золота. А ростом он втрое превосходил любого из путников.

Те поняли, что перед ними могущественный муж, и стали ждать, пока он приблизится.

Когда всадник подъехал ближе, Ронабви приветствовал его и, поскольку тот был очень высок ростом, взмолился о пощаде.

Юноша в золотом и зеленом придержал коня.

— Не бойтесь, я не причиню вам зла.

— Спасибо тебе и от нас, и от нашего повелителя. Коли ты не замышляешь против нас зла, скажи, кто ты?

На это юноша с улыбкой ответил:

— Меня зовут Гвин Исгаод, и отец мой правит этой страной.

— Кто же он такой? — спросил Ронабви.

— Имя его произносят не иначе как с хвалой, — отвечал Гвин. — Он — Верховный дракон Острова Могущественного, семи близлежащих островов и многих других земель, ибо он — император Запада.

Трое друзей смущенно переглянулись.

— Увы, мы никогда не слышали об этом великом муже.

— Вот уж поистине удивительно, — молвил Гвин, — но вы сами сможете судить: я отвезу вас к нему, дабы вы ему поклонились, как сочтете должным.

— Хорошо, — отвечал Ронабви, и юноша-великан продолжил путь. Все трое припустили за ним, но как бы резво ни скакали их кони, соловый скакал быстрее. Когда они вдыхали, то вроде бы нагоняли, а когда выдыхали, соловый оказывался еще дальше, чем прежде.

Так они проехали по огромной равнине — более обширной, чем Аргингрог, и пересекли множество рек, каждая из которых была полноводней и шире Хабренского залива, и миновали множество лесов, каждый из которых был темнее, гуще и огромнее Калиддонского, и выехали на высокий берег на самом краю Острова Могущественного. И вдоль берега, насколько хватал глаз, стояли разноцветные шатры, и такого войска, чтобы в них разместилось, еще не знала земля.

Они приблизились к морю и увидели плоский островок у самого берега. На острове, на каменном троне, восседал исполинский муж, и по правую руку от него был епископ Бедвин, а по левую — Верховный бард Хафган. Перед ним стоял воин, одетый во все черное. Руки его были в черных перчатках, рубаха, кафтан и плащ — из черного шелка. Только и видны были у этого воина запястья между рукавами и перчатками, и кожа их была белее, чем белок девичьего глаза, белее лний, а сами запястья — крепче, чем лодыжка у Кадогана. Необычный воин держал в руке меч в ножнах.

Гвин провел Ронабви и его спутников на остров, и они предстали пред могучим мужем.

— Да будет с тобою милость Божья, отец! — вскричал Гвин.

Сидящий на троне приветственно воздел руку.

— И с тобою, сын мой, — произнес он голосом, от которого содрогнулись холмы, потом с любопытством оглядел путников и спросил: — Где ты отыскал этих малышей?

— Я встретил их на границе твоего королевства, — отвечал Гвин Белый Щит.

Тогда великий король тряхнул головой и горько рассмеялся.

— О Верховный дракон, — сказал Гвин. — Над чем ты смеешься?

— Не смеюсь я, а грущу при мысли о том, что столь мелкие людшки защищают этот край вместо тех, что были тут прежде!

Гвин повернулся к Ронабви и молвил:

— Видишь на руке императора кольцо?

Ронабви взглянул и увидел золотое кольцо с багряным камнем.

— Вижу, — отвечал он.

— Свойство этого камня таково: увидев его, ты запомнишь все, что здесь с тобой будет, а если бы не увидел, то и не запомнил.

Они продолжали говорить, но тут на берегу поднялся громкий шум. Ронабви взглянул и увидел, что к ним едет многочисленная дружина.

— Что это за дружина? — спросил Ронабви.

— Стая Драконов! Их гордость и долг — находиться рядом с императором в опасности, и за это им дано право свататься к знатнейшим девушкам Британии.

Ронабви смотрел на проезжающую дружину и видел, что в одежде их не было иных цветов, кроме ярко-алого, как самая алая кровь в мире. Вместе они казались столпом пламени, взмывающим с земли в небо. Все они, проезжая, приветствовали императора, а после направились к своим шатрам.

Пендрагон угощал Стаю Драконов сладким золотым медом и сочной жареной свининой. Ронабви и его товарищи пировали вместе со всеми и постоянно говорили то друг другу, то Гвину, что в жизни не пробовали ничего вкуснее.

Поутру воины встали, надели боевой наряд и оседлали красавцев-скаунов.

— Что здесь происходит? — спросил Ронабви, протирая заспанные глаза.

— Собирается войско, — объяснил Гвин. — Пора скакать на бой при Каер Бадоне.

Все взобрались на коней и поспешили на место сражения. Воинство императора скакало так быстро, что его нельзя было различить, только ветер свистел позади. Гвин с тремя друзьями ехали следом и достигли большой долины, где и увидели войско, собравшееся под Каер Бадоном.

Пока они ждали, мимо них пронесся всадник, и, когда он подскакал к реке, войско рассеялось.

— Что это? — удивленно спросил Ронабви Кинрига Веснушчатого. — Неужто войско императора бежит?

Гвин услышал его и ответил:

— Войско императора никогда не бежит, но всегда одерживает победы. Воистину вы счастливы, что вас не слышали внизу, не то была бы вам смерть.

— Тогда кто этот всадник, — спросил Ронабви, — который вызвал среди войска подобное замешательство?

— Всадник, который у вас на глазах промчался в первые ряды войска, не кто иной, как лучший из воинов Пендрагона. А то движение, что вы видели, это воины спорят, кому быть к нему ближе.

Движение внизу перешло в потасовку, и потому император дал знак своему оруженосцу, юноше в черном, чтобы тот поднял меч Пендрагона — огромный, с золотой рукоятью в виде сплетенных змеек. Клинок вспыхнул, словно солнце, на него было больно смотреть. Шум немедленно стих.

Гвин, Ронабви, Кинриг и Кадоган взмахнули поводьями и поскакали в долину, где разыскали императорский шатер. Подошел огромный светловолосый муж с большим узлом на спине. Он опустил узел на землю, развязал и вынул дивный плащ чистойшей белой шерсти, в каждом углу которого было по золотому яблоку, и расстелил на земле перед шатром. Затем великан вынес походное кресло, такое боль-

шое, что в него могли бы усесться разом три короля, и поставил его в середине плаща, а потом вынул серебряную шахматную доску и фигуры из чистого золота, и положил все это в середину кресла.

Ронабви и его спутники спешили и встали рядом — посмотреть, что будет дальше. И вот, император вышел из шатра и сел в кресло рядом с шахматной доской. Потом поднял голову, огляделся и вскричал:

— Кто хочет потягаться со мной в игру Погони и Пленения?

В тот же миг вокруг плаща собралась толпа. И что за толпа! Все здесь были знатного рождения, никого ниже короля, а иные короли сами повелевали королями поменьше.

И сказал король с каштановыми волосами и длинными каштановыми усами:

— Я хочу, государь мой и Пендрагон.

— Я узнал тебя, Вортипорий, — отвечал Пендрагон. — Что ж, отдаю тебе первый ход. Ходи с умом.

И они начали играть.

Когда они были увлечены игрой, то слышался великий шум, карканье, крики людей и звон оружия, как будто неподалеку разыгрывалась великая битва. Шум продолжался, становясь все громче, пока из ближайшего шатра не вышел воин. Шатер был белый, и над ним развевался стяг с изображением черной змеи. Глаза у нее источали яд, язык был подобен пламени. А воин был с головы до ног в зеленом и желтом, и половина его лица выкрашена желтой краской.

— Император и Пендрагон, — сказал воин, — с твоего ли позволения Вороны Аннона терзают твоих отважных бойцов?

— Нет, — отвечал император. — Такого я не допущу.

— Тогда скажи мне, что делать, и я это исполню, — сказал воин.

— Возьми мой стяг и водрузи в самой гуще боя, — промолвил император. — Потом возвращайся, и да свершится воля Господня.

И воин поскакал напрямик туда, где Вороны теснили Стаю Драконов, и водрузил там императорский стяг — когтистого красно-золотого дракона с оскаленными зубами. И когда Драконы увидели стяг, они приободрились и ринулись в бой с удвоенной силой, и погналы Воронов, коля их и рубя, так что многие были ранены и убиты.

Император обыграл Вортипория и громко, с вызовом спросил:

— Кто будет играть следующим?

— Я буду, — сказал один, выступая из толпы, что собралась вокруг играющих.

— Тогда садись, — сказал император. — Я узнал тебя, Уриен Регет, и уступаю тебе первый ход. Старайся играть лучше.

И они стали играть, склонившись над доской, чтобы лучше видеть ходы. И вскорости раздался шум и крики, словно люди и звери бьются и рвут друг друга в клочья. Они подняли головы и увидели всадника на бледном коне, скачущего во весь опор. Всадник был в белом плаще и белой рубашке, штаны же и сапоги у него были серые, словно дым или утренний туман. В руке он держал длинный меч, а голову его венчал шлем с огромным сапфиром на челе, гребень же шлема изобращал белого льва с ярыми, налитыми кровью глазами.

Воин подскакал туда, где шла игра, и, не спешиваясь, возгласил:

— Государь и Пендрагон, Император Острова Могущественного и всех прилегающих земель, взываю к тебе.

— О чем ты ко мне взываешь?

— Знай, что лучших воинов в мире, знать и короля Британии вместе со свитами убивают дикие звери — в таком множестве, что трудно будет впредь оборонять эту землю.

— Так не годится, — отвечал император, выслушав этот скорбный рассказ.

— Тогда скажи мне, что делать, и я все исполню, — промолвил воин.

— Возьми мой меч и неси перед собой за острие, как знак Креста Господня.

Воин поскакал напрямик в то место, где Стае Драконов приходилось хуже всего, и поднял императорский меч, держа его за острие. И когда дикие звери увидели сверкающий меч, поднятый, как крест, они взвыли от страха, упали на землю и сделались кроткими, словно новорожденные младенцы.

Уриен Регет потерпел сокрушительное поражение от императора, но тот по-прежнему хотел найти достойного соперника, и потому возгласил:

— Кто еще хочет помериться со мной силой?

— Я померяюсь с тобой силой и хитростью, о Славный Пендрагон, — сказал один король, выступая из толпы.

— Я узнал тебя. Маглокун, — отвечал Пендрагон. — Что ж, делай ход и постарайся, чтобы он был тебе на пользу.

Они низко склонились над доской, двигая золотые фигурки, как предписывает игра, но не успели проиграть долго, как поднялся шум, какого еще не слышала земля. Как ни страшен был шум, еще страш-

нее показалась тишина, которая за ним последовала. Все затрепетали и в ужасе переглянулись.

С востока появился всадник на коне необычной окраски: сверху серый в яблоках, ноги алые, словно он плыл в крови, а копыта зеленые. И конь, и всадник были закованы в невиданные тяжелые доспехи, которые отливали серебром, а застежки и клепки у них были коричневыми. В руках всадник держал длинное копьё с крепким ясеневым древком, которое было наполовину выкрашено белой известью, наполовину — синей вайдой, а плоский наконечник покрывала свежая кровь. Голову его венчал шлем, украшенный горным хрусталем, а с верхушки его скалился грифон, который держал во рту большой саомецвет.

Воин подскакал к императору и вскричал:

— Государь и Пендрагон! Твои воины пали, твой народ перебит, все твои сподвижники рассеялись!

Тогда Высокий Пендрагон схватил с доски пригоршню фигурок и так их сжал, что они рассыпались в золотую труху. Потом он в гневе огляделся и спросил собравшихся:

— Что с нами стало? Что вы стоите с пустыми руками? Почему глазете на глупую игру, когда враг опустошает нашу землю и истребляет наш народ? Мужа вы или нет?

Император встал и, отшвырнув доску, потребовал коня и меч. Он взял копьё и щит, надел шлем с верхушкой в виде дракона.

— Кто хочет следовать за мной, бери меч! — вскричал он.

При этих словах толпа исчезла: попросту растаяла, как туман. Сгнули шатры, кони, всадники и все, кто собрался в долине под Каер Бадомом. Последними пропали император и его сын, которых скрыло и унесло сияющее облако.

От великого воинства не осталось и отпечатка ноги. Все улетучились, остались только Ронабви и двое его друзей.

— Горе нам, — вскричал Ронабви, — ибо мы видели чудо, но некому растолковать нам его смысл. К тому же мы неведомо где и должны теперь искать дорогу домой.

Не успел он вымолвить эти слова, как налетел ветер, пошел дождь с градом, загредел гром, заблестала молния, и под звук грозы Ронабви проснулся и обнаружил, что лежит на желтой телячьей коже в шумном закопченном помещении. Друзья его стояли над ним, в тревоге наморщив лоб, ибо Ронабви проспал три дня и три ночи.

Так заканчивается "Видение Ронабви".

Эмрис спел это по бардовскому вдохновению и не пожелал говорить о песне и ее значении. Впрочем, на следующий день я заметил ту же тревогу в его разговоре с Аваллахом. Что-то Эмриса беспокоило, и я решил непременно узнать, что именно. Все следующие дни я был начеку, чтобы не пропустить слово, которое наведет меня на мысль.

Все было спокойно. Несколько дней я бродил по обрывам над морем, наблюдая, как ныряют за рыбой серые чайки и садится за скалами солнце. Я говорил с Дивным Народом всякий раз, как выпадала возможность, и даже завязал что-то вроде дружбы с одним из конюхов. Так я узнал много удивительного про Дивный Народ, но ничего о заботах моего господина.

Вечерами я держался ближе к Эмрису, чтобы все слышать, но толку от этого не было до самой последней ночи. На следующее утро нам предстояло тронуться в путь, чтоб поспеть в Каер Лнал к возвращению Пендрагона.

Эмрис сидел между Королем-рыболовом и своей матерью, я прислуживал, чтобы быть к нему ближе. Говорили о посевах и скоте, о рыбной ловле и о том, какая на острове зима...

Внезапно Эмрис помрачнел и выпустил нож, словно не в силах его держать. Обратившись к матери, он спросил:

— Где Моргана?

Харита поднесла ко рту дрожащую руку.

— О чем ты?

— Мне повторить вопрос?

— Ой, Сокол, не думаешь же ты, что она может... — Владычица озера не договорила. — Почему ты спросил?

— С самого приезда я ощущаю ее присутствие. Если она не здесь, значит, еще заявится.

Я заметил, что Аваллах перестал есть, тяжело сглотнул, словно подавившись, и, отложив нож, ухватился за край стола.

Он что-то знает! Интересно, видит ли это Эмрис. Однако он не повернулся к Королю-рыболову и продолжал говорить только со своей матерью.

— Думаешь, она посмеет? — спросила Харита. — Зачем?

Эмрис медленно покачал головой:

— Не знаю. Ее действий мне не понять.

Он протянул руку, взял ее ладонь и крепко сжал в своей.

— Будь осторожна, — предупредил он. — Я не знаю, что это и к чему. Пожалуйста, береги себя.

Больше ничего не было сказано на эту тему, и разговор вернулся к более приятным вещам. И все же я задумался. Слова Эмриса проникли мне в душу и продолжали слышаться, словно отзвук задетой струны арфы: *"Если она не здесь, значит, еще заявится"*.

Случай поговорить с Эмрисом про то, что я видел за столом у Короля-рыболова, представился только на корабле. Мы удалялись от острова, Эмрис отошел от моряков и стоял, глядя на волны, которые разбегались от гордого корабельного носа. Я подскочил к нему и сказал:

— Господин Эмрис, позвольте одно слово.

Он отвечал рассеянно, не поворачиваясь:

— Чего тебе, Анейрин?

Как ни странно, я не сказал того, что собирался, а вместо этого задал вопрос, который, наверное, сильнее меня тревожил:

— Зачем ты взял меня на Инис Аваллон?

Он довольно долго думал, прежде чем ответить.

— Не знаю, малыш. — Глаза его обратились к морю. — Почему ты спросил?

Теперь пришел мой черед сознаваться в своем неведении.

— Вот видишь, — мудро заметил Эмрис, — сам понимаешь, как это бывает. — Он улыбнулся и посмотрел на меня. Наверное, лицо у меня было вытянутое, потому что он промолвил: — Ты ведь хотел сказать что-то более важное. Верно?

— Да, Эмрис.

— Ну так говори.

Я рассказал о поведении Короля-рыболова, которое сам видел. Глаза у Эмриса сузились.

— Мне не пришло в голову его спросить, — пробормотал он.

— Кто эта Моргана? — спросил я, не понимая, что говорю. Лучше бы мне никогда не слышать этого имени, тем паче не произносить его.

Черты Эмриса искажила боль.

— Она... — Он не договорил и, тряхнув головой, спросил: — Неужто ты не слыхал о Царице воздуха и мрака?

— Нет. — Я пожал плечами. — Это имя мне ничего не говорит.

— Как же так? — подивился Эмрис. — Память людская коротка, но зло живет долго.

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

Он вновь повернулся к морю, но я понимал, что взгляд его обращен внутрь и уже не различает впереди блещущий водный простор.

ГЛАВА четвертая

За четыре дня до Лугназада Пендрагон вернулся в Каер Лиал. Его сопровождали триста кимброгов. Он ехал во главе дружины на молочно-белом скакуне в высоком стальном шлеме, украшенном золотом, и со знаменитым мечом Калибурном на боку. За спиной у него был Придвен, белый щит с багряным Крестом Господним. Его громадный пес Кавал трусил рядом, гордо подняв голову. Впереди ехал Рис с Алым Драконом — так звался королевский штандарт, который был из чистейшего красного золота.

Я стоял на крепостном валу. Внизу люди выбегали из ворот на дорогу, размахивали пестрыми платками и выкрикивали приветствия. С малолетства я слышал про Артура, славного Пендрагона, Верховного короля Острова Могущественного, справедливейшего монарха в мире, и все же оказался не готов к тому, что увижу.

Медведь Британии был телом могуч, ростом высок, взором и мыслью остр, на руку и решения тверд, в движениях быстр, словно меч на его боку, ликом светел, словно солнышко над его головой. Летним Владыкой звали его, и, хвала Господу Богу, это была не лесть.

По левую руку от короля ехали Гвальхвад и Борс, по левую — достославный Лленллеаог. Их я узнал бы где угодно, хотя сейчас видел впервые. Они сидели на рослых скакунах и держали копьа с серебряными наконечниками. Эти храбрецы несли свою доблесть, как пестрые плащи, переброшенные через их плечи.

Верховный король и кимброги — из-за значка с алым драконом их прозвали Драконья Стая — проехали через высокие тесовые ворота в город. Каер Лиал приготовился к встрече Пендрагона; об этом позаботилась королева. Улицы вымыли водой, повсюду повесили гирлянды из луговых цветов. Народ громкими криками приветствовал короля, отовсюду неслись хвалы и здравия. На них Пендрагон отвечал так же приветливо. Сразу было видно, что из двух столиц Каер Лиал ближе его сердцу. Здесь его любили, уважали и чтили превыше всех.

Я спустился с вала и через толпу бегом бросился во дворец. Радостные выкрики оглушали. Во дворе давка оказалась такая, что я не смог пробиться ко входу. Верховный король спешился, поднялся по ступеням и обратился к народу с приветственным словом. Я был так далеко, что ничего не разобрал за шумом.

Только когда Пендрагон вошел в дом и толпа рассеялась, мне удалось добраться до заднего входа во дворец. Все собрались в зале, по приказанию королевы Гвенвифар слуги выкатывали бочонки с медом и разносили полные кубки. Пили за успех южного похода, в котором Верховный король уладил давний пограничный спор между саксами и бриттами.

В результате бретвальда Эллы и его хускарлы прибыли с Артуром в Каер Лиал — явить ему свою преданность и принять участие в церемонии по случаю завершения Круглого стола. Приехали и другие властители Южной Британии, из которых самыми заметными были Идрис и Кадор, каждый со своей дружиной.

Кубки со сладким золотистым медом ходили по кругу. Королева Гвенвифар горделиво стояла рядом с королем, который обвил рукой ее стан, и смотрела на веселящихся. Тут же был Эмрис, с ним рядом — Кай и Бедуир. Я взял кувшин, нацедил меда из бочонка и принялся разливать. Кай подозвал меня и протянул свой кубок.

— Анейрин, давай сюда мед! — крикнул он.

Я подбежал, наполнил кубок ему и Бедуиру, после чего сенешаль сказал:

— Кубок Артура пуст. Наполни его!

Я повернулся и увидел на себе взгляд ясных синих глаз Пендрагона. Он улыбнулся и протянул окованный золотом рог. Весь трепеща, почтительно склонив голову, я поднял кувшин, и тут на мою руку легла ладонь. Верховный король придержал кувшин, чтоб он так не дрожал.

— Успокойся, дружок. — Он внимательно взглянул на меня. — Как твое имя?

— Анейрин ап Кау, — отвечал я. — К твоим услугам, Пендрагон.

— Храбрец! — расхохотался Кай.

— Я тебя помню, — промолвил Бедуир, — хотя сейчас не признал: прошлый раз ты весь был в каменной пыли!

— Верно, Бедуир! — ласково произнесла королева. — Я тоже помню тебя с Мирддином, — продолжала она. — Прости, Анейрин, я не знала, что ты — сын Кау.

— Мальчик прислуживал мне в святилище и на острове Аваллон, — сказал Эмрис, подходя ближе, — и уже показал себя незаменимым товарищем.

Я был на седьмом небе от его похвалы, хотя и покраснел, как рак.

— Держись поближе, Анейрин ап Кау, — приветливо молвил Артур. — Что-то жажда у всех разыгралась. Скоро нам снова понадобится твой кувшин.

— Верно, верно! — воскликнул Кай. — Будь рядом и держи кувшин наготове!

После таких слов я бегал всю ночь без усталости с одним перерывом — когда Эмрис пел под арфу. Огромный зал затих, словно лесная поляна; казалось, весь мир затаил дыхание! Я, вбирая всем сердцем музыку Истинного Барда, поклялся, что не стану искать себе иного пути. Дай-то Бог мне навсегда остаться на службе у Артура!

На следующий день король и королева выехали из Каер Лиала к Круглому столу. Лишь тем, чьи имена были начертаны на стене, дозволили ехать с ними. Меня взяли, потому что так сказал Эмрис. Кому-то надо заботиться о лошадях, а мальчик уже знает, где святилище, так что лучше пусть едет он, чем кто-то другой.

Увидев ротонду, Артур спешился и дальше пошел пешком — из уважения к жертве тех, кто придал смысл храму, к нему следует приближаться со всем смирением. Пендрагон поднялся на холм и благоговейно опустился на колени перед святилищем.

Гвенвифар внимательно наблюдала за королем, беспрестанно сжимая и разжимая руки. В ее карих глазах светились любовь к мужу и волнение великого дня.

Верховный король встал и, отложив меч, вступил в ротонду. За ним торжественной процессией следовали военачальники: Кай, Бедуир, Борс, Гвальхвад, Лленллеаог — и каждый оставлял оружие у входа. Эмрис, Гвенвифар и я некоторое время ждали снаружи. Затем вошла королева и последним Эмрис.

Я сел у ручья подле пасущихся лошадей с намерением здесь и оставаться. Прошло совсем немного времени, и я услышал стук копыт — всадник приближался по берегу моря. Я взбежал на холм и посмотрел вниз: по прибрежному песку скакал одинокий воин.

Я укрылся за кустом, чтобы не привлечь его внимания и не выдать местонахождение храма. Напрасно! Он не смотрел ни вправо, ни влево, однако, поровнявшись с ротондой, повернул коня и поскакал по склону напрямик к ней.

Сперва я думал бежать к Эмрису или как-то предупредить тех, кто внутри, но меня остановило то, что уж больно знакомым казался всадник. Где-то я уже встречал этого человека в ярко-алом кафтане и штанах, синем отороченном мехом плаще и с серебряной гривной на шее.

Он остановил коня и соскочил на землю. Сегодня я уже видел такое — точно так же спрыгивал с коня Гвальхвад.

Но это и был Гвальхвад! Не может быть! Он только что на моих глазах входил в ротонду. Значит, кто-то другой, похожий...

Наверное, он уголком глаза различил меня за кустом, потому что резко повернулся, наставя копье.

— Прошу тебя, господин, — сказал я, — отложи копье, ибо место это свято.

Наездник ласково улыбнулся.

— Осторожнее, не пугай воинов, дружок, — сказал он. — Я никому не желаю зла. Уже вошли?

Я кивнул. Он отпустил поводья и повернулся к святилищу, потом без единого слова направился к ступеням. Я бросился к нему, думая остановить, но он уже вступил под каменный свод. Я в ужасе устремился следом и вбежал в тот самый миг, когда Верховный король в изумлении вскочил на ноги.

Остальные выглядели не менее изумленными, но вторжение никого не возмутило. Гвальхвад первым обрел дар речи.

— Гвальхмаи! — вскричал он. — Братец, где ты был?

Гвальхмаи, не глядя на него, направился напрямик к Верховному королю и пал ниц, раскинув по сторонам руки. Артур нагнулся, взял его за плечо и поднял с такими словами:

— Встань, Гвальхмаи, и добро пожаловать. Встань, брат, дай на тебя поглядеть!

Гвальхмаи встал и обнялся с королем. По щекам его бежали слезы радости. Гвальхвад радостно стукнул его кулаком по спине, и братья заключили друг друга в объятия. Короче, это была радостная встреча. Бедуир с Каем тоже подошли поприветствовать прибывшего.

Видя стоящего рядом Эмриса, я тихонько подошел и шепнул:

— Я пытался его остановить.

— Напрасно, — отвечал он. — Это один из наших, вернувшийся после долгого странствия.

— И сколько же он отсутствовал?

— Семнадцать лет.

За столько лет далеко можно уехать, подумал я.

— И куда же он ездил?

— Он поехал искать себя, — отвечал Мудрый Эмрис, — а взамен отыскал Бога.

Я ровным счетом ничего не понял, но больше расспрашивать не стал, а оставив их совершать церемонию, вернулся к лошадям. Внезапное появление всадника вызвало в памяти другого неожиданного гостя — того, что в темноте заглянул ко мне в ротонду. На душе, сам не знаю, почему, стало беспокойно.

— Несколько лет я провел у епископа Сепульция, слушая его святыя наставления, — рассказывал Гвальхмай, — а до того долго странствовал по Ллионессу, Горру и Арморике.

Мы вернулись в Каер Лиал на закате и теперь сидели за пиршественным столом. По дороге все и каждый радостно приветствовали Гвальхмай. Он так долго пробыл в отъезде, что его уже не чаяли увидеть живым.

На пути в город Эмрис объяснил мне, как это вышло.

— Он поехал искать Пеллеаса, — сказал мой господин.

— Ты говорил, он поехал искать себя, — напомнил я.

— Так и есть. Он думал, что ищет Пеллеаса, хотя на самом деле его собственная душа искала спасения.

— Кто был этот Пеллеас?

Великий Эмрис вздохнул.

— Пеллеас был моим слугой и ближайшим другом.

— Что с ним стало?

Золотистые глаза Эмриса сделались строгими.

— Ты задаешь слишком много вопросов, малыш. — Он отвернулся, и дальше мы поехали молча.

В чертогах Артура я внимательно вслушивался, надеясь прояснить для себя загадку Пеллеаса. Гвальхмай охотно рассказывал о годах, проведенных в разлуке с товарищами. Я узнал, что они с Гвальхавадом — сыновья мятежного Лота, который, как я слышал, был прежде одним из главных сподвижников Пендрагона.

Вот так новость! Все знали, что Артур и Лот Оркадский если не враги, то уж и не друзья. Ходили толки, что Лот не ответил на призыв двинуться против варваров во дни восстания Цердика, поэтому ко двору Артура ему приезжать заказано.

Но вот сыновья Лота, недруга императора, сидят за королевским столом, обласканы его милостью, отмечены серебряными гривнами и

золотыми кольцами — подарками самого Пендрагона, — а не брошены в яму с заложниками. Чепуха какая-то. Загадка становилась все более неразрешимой.

— Шесть лет я провел в Галлии, — говорил Гвальхмай, — при дворе франкского короля Хлодвиг. Когда он умер, я вернулся на Инис Придеин и вновь принялся за поиски Морганы.

При звуке этого имени я мигом насторожился и подкрался ближе к столу, сжимая кувшин с медом. Так что Моргана?

Гвальхмай посмотрел на Эмриса и сказал:

— Ее след ведет на север.

Кай и Бедуир обменялись тревожными взглядами. Все за столом смолкли. Очевидно, эта Моргана — довольно влиятельная особа, если при ее имени стихает пиршественное веселье.

Король Артур хлопнул ладонью по столу.

— Дай тебе Бог здоровья, Гвальхмай, как же приятно снова тебя видеть! Завтра нам многое надо будет обсудить. — Верховный король отодвинул стул и поднялся. — Прошу, друзья, отдыхайте и веселитесь. Завтра я к вам вернусь.

Разговор за столом возобновился, но я проводил Артура глазами и увидел, что в зал вошла Гвенвифар. Верховный король подошел к ней, и вместе, рука в руке, они проследовали в королевский покой.

О долгой отлучке Гвальхмай больше не говорили. Ему хотелось узнать про войны, остальных не надо было два раза просить. Бедуир, который в подробностях помнил каждую стычку и ход сражений от Глейна до Бадона, рассказывал долго и красноречиво, прочие лишь изредка вставляли собственные воспоминания.

Гвальхмай слушал, как зачарованный, то полузакрыв глаза и воображая бой, то громко восхищаясь доблестью бойцов. Примерно на середине повествования Эмрис поднялся и ушел, не знаю, из-за чего, сам я был поглощен рассказом.

Поскольку Мудрый Эмрис решил молчать о Моргане, я подумал, что, может быть, Гвальхмай окажется не таким скрытным, и решил обратиться к нему при первом же удобном случае. Итак, на следующее утро, когда он вышел в зал утолить голод, я смело приблизился к нему и сказал:

— Если позволишь, лорд Гвальхмай, я хотел бы с тобой поговорить.

Думаю, он опешил от такой дерзости — слуга просит совета у королевского приближенного, но, видать, моя смелость пришлась ему по душе. Во всяком случае, он остановился и взглянул на меня.

— Я тебя знаю, мальчик? Ты прислуживал вчера за столом?

— Да. А до того обратился к тебе у Святилища Круглого стола.

Полководец весело хохотнул.

— Да-да, теперь я тебя вспомнил. Отважный парень! Быть тебе воином! Назови свое имя, ибо, уверен, ты родился для большего, чем разливать пиво и мед.

— Я — филид у Эмриса, — был мой гордый ответ. — Верно, я родился для большего, однако рад служить Верховному королю, как умею: разливать пиво или мести полы. Я Анейрин ап Кау, мой отец — властитель Трат Гориды.

— Здрав будь, Анейрин ап Кау. Что ты хотел услышать от меня? — Гвальхмай смотрел на меня с любопытством и недоумением.

— Я хотел бы больше узнать про Моргану, — выпалил я, плохо соображая, что говорю.

Во взгляде Гвальхмай сверкнуло подозрение.

— А что тебе до нее?

— Ничего, господин. Просто я думаю, здесь какая-то загадка, потому что никто не произносит ее имени вслух.

— Нетрудно поверить, — отвечал Гвальхмай и, погладив подбородок, внимательно взглянул на меня. Потом, круто повернувшись, сказал: — Идем, я расскажу тебе то, что ты хочешь. Но только не в этих стенах.

Мы вышли из дворца на задний двор, где обычно занимались воины. Довольно долго Гвальхмай молчал. Мы шли рядом, глядя себе под ноги.

— Да простит меня Господь Иисус, — начал он внезапно. — Может быть, лучше этому всему оставаться под спудом. Не мне решать. Один Бог знает, что к лучшему. Однако я считаю, что пришла пора положить конец владычеству Морганы и осуществить это суждено мне. А если не мне, то кому-то другому. Вот почему я тебе рассказываю. — Он остановился и крепко взял меня за плечо. — Понял, Анейрин ап Кау?

Я торжественно кивнул, чувствуя, как его страшные слова, словно свинец, падают в чистое озеро моего сердца. Выходило, загадка еще глубже, чем я полагал.

— Все началось семнадцать лет назад. Мы сражались на севере и, вернувшись в Каер Мелин, узнали, что Мирддина там нет. Пеллеас поехал искать Мирддина. Когда ни тот ни другой не вернулись, Артур послал за ними нас с Бедуиром.

Он замолк и покачал головой.

— Пеллеас... ах, как давно я не произносил этого имени.

— Кто он был такой, господин?

— Пеллеас был несравненный воин, королевич Дивного Народа, слуга Эмриса, а в те дни еще и военачальник Артура. Когда они оба пропали, Артур не на шутку встревожился. Мы с Бедуиром отправились на поиски. — Он замолчал, припоминая давно прошедшие времена, а когда заговорил снова, в голосе его сквозила печаль. — Мы нашли Мирддина в Ллионессе, на высокой скале, опаленного и ослепшего. Он бредил — или мне тогда так показалось.

— А что Пеллеас?

— Никаких признаков. Мы отвезли Мирддина на Тор, что в Инис Аваллахе, и я продолжил поиски... Мне так и не удалось отыскать ни следа. Однако я не сдавался. Из Ллионесса я отправился в Горр — россыпь мерзких островков на юге. Там я ничего не нашел, но узнал о поселениях Дивного Народа в Арморике. Я отплыл в Малую Британию и побывал у Бана. Мне сказали, что поселения и впрямь были недалеко от его пределов, но ныне их нет. Я отправился в Галлию и прибыл ко двору Хлодвигу, где встретил епископа Сепульция и принял святое крещение. Мои поиски не привели ни к чему, — печально завершил Гвальхмаи.

— Я бы так не сказал, — отвечал я. — Эмрис говорит, ты искал Пеллеаса, а взамен нашел Бога.

Гвальхмаи рассмеялся.

— Что ж, он и вправду мудрец. Да, полагаю, так в конце концов и вышло. Вот почему я так долго оставался с Сепульцием — рядом с ним моя жизнь обретала смысл. А поскольку этот блаженный старец руководил королем Хлодвигом, я остался ему помочь. Франки — еще более вздорный народ, чем бритты, поверь мне, если можешь.

— Ты говорил о Пеллеасе, — напомнил я, — а что с Морганой?

— Я к этому подхожу. — Гвальхмаи мигом посерьезнел. — Это она ослепила Мирддина и бросила умирать в Ллионессе.

— Что?!

— Святая истинная правда.

— Но как?!

Я не мог вообразить, чтобы кто-то превзошел Славного Эмриса, Верховного барда Острова Могущественного.

— Она чародейка из Дивного Народа, колдунья, очень злая и сильная, как смерть.

Он говорил с таким жаром, что я в изумлении поднял глаза.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Увы, — горько вздохнул он. — Так хорошо, что лучше бы мне вовсе не знать ее.

— Ты сказал, она направляется сюда. Мы об этом не слышали.

— Я сказал, ее следы уходят на север, — поправил он. — Не думаю, чтобы она заявила прямо сюда, по крайней мере сейчас. Полагаю, она на севере, может быть, в Инисоедд Эрх.

— В королевстве Лота — твоего отца.

— Может быть, — сдержанно отвечал он. — Но есть и другие места, где ей будут рады. Везде, где у Артура враги или кто-то желает Мирддину зла, у Морганы сыщется друг.

— Она против Артура?

— Она против всех. Запомни, малыш. И не верь тому, кто станет тебя разубеждать. Слушай хорошенько, я знаю, что говорю: Моргана — ядовитая гадюка, демон в человеческом обличье. Ее цель — разрушение.

Мы вернулись во дворец. Я занялся своими обязанностями, поневоле думая о том, что услышал от Гвальхмай. Вновь и вновь я возвращался к его словам, и тягостные предчувствия росли. Мне казалось, что на солнечный Каер Лиал наползает черная туча; работа валилась у меня из рук. Поделиться переживаниями было не с кем, и это только усиливало терзания.

Впрочем, нам не свойственно страдать долго. Мы забываем. Через несколько дней удушливое чувство обреченности прошло, я снова начал думать о другом. Небеса не обрушились, земля меня не поглотила, море не поднялось и не затопило Британию. Интерес к Моргане и ее козням вытеснили другие заботы. А главное, Эмрис снова собрался взять меня в святилище.

Артур решил созвать Совет Круглого стола — из тех самых верных сподвижников, чьи имена вырезаны на стенах ротонды, — а нам поручил приготовления.

Мысль, что мы снова окажемся там вдвоем — только Эмрис и я, — наполняла меня радостью. При всем великолепии дворца мне больше понравилась ротонда с ее уединением. Там я отдыхал душой. Мир, как я понял, — большая редкость на этой земле, им следует дорожить.

ГЛАВА пятая

Я толком не знаю, что происходило на Совете Круглого стола. Присутствовали Бедуир, Кай, Борс, Гвальхавад, Кадор, Лленглеаог, Идрис и Эмрис — ближайшие сподвижники Артура. Со временем числу их предстояло расти, по мере того как ко двору Артура будут съезжаться новые славные мужи.

Три дня кряду они совещались с Верховным королем. Три вечера кряду они пировали, а Эмрис пел. Среди прочего исполнил он и "Видение Талиесина", иначе называемое "Песнь о Царствии Лета".

Я счастлив уже потому, что слышал ее.

На третий день прибыл Гвальхмаи, не знаю, по зову Артура или по собственному почину. Явился он в полдень и, поздоровавшись со мной, направился напрямик в святилище. У порога он преклонил колени, помолился и получил дозволение войти. Я привязал его лошадь с другими и стал ждать, что будет дальше.

Через некоторое время он вышел один и начал спускаться со склона. Шел он быстро, как будто направлялся по срочному делу. Позже я узнал, что Гвальхмаи предложили стать участником Круглого стола, чтобы и его имя было высечено рядом с другими. Однако, поскольку он не участвовал в войне с чужеземцами, ему предстояло совершить какие-то иные подвиги на службе Богу, Пендрагону и Британии.

Какие именно, он должен был выбрать сам, а по совершении их вернуться к Пендрагону со свидетельствами. Тогда, если другие найдут его достойным, Гвальхмаи причтут к их числу.

Вот почему в тот день глаза его горели твердой решимостью. Думаю, он уже выбрал, чем заслужит свое место в Святилище Круглого стола.

На утро четвертого дня Верховный король отбыл вместе со спутниками. Мы с Эмрисом остались — он хотел немного побыть один.

В тот вечер, когда мы сидели у огня и ужинали, я спросил:

— Интересно, как Жители холмов узнают, что мы здесь?

Ибо, стоило уехать королю и его спутникам, как еда стала появляться снова.

— Им вообще известно все, что происходит на их земле.

— Зачем они нас кормят?

— Чтобы засвидетельствовать мне уважение. Они зовут меня Кенти-герн. Знаешь это слово?

Я покачал головой.

— Нет... Откуда?

Эмрис печально поглядел на меня.

— Сколько всего уходит безвозвратно, — с горечью выговорил он. — Летнее Царство в расцвете, и старый мир должен освобождать место.

Некоторое время он молчал. Я разглядывал его лицо в пляшущем свете пламени. Он был стар, хоть и не казался ветхим. Долго копил он мудрость этой земли, и она тяжелым бременем давила на его плечи.

Чтобы сменить тему, я сказал:

— А я прошлый раз видел Жителя холмов.

— Прoshлый раз? — Эмрис поднял голову, его золотистые глаза блеснули в свете костра.

— Когда оставался здесь, ну, когда ты уезжал с Тегиром и Бедуином. Я был один и видел, как один из них принес еду. Он подошел к святилищу и немного постоял в дверях, потом ушел. Думал, наверное, что мы все уехали, и хотел поглядеть на святилище. Внутри он не заходил. Было уже темно, и меня он не видел.

Мирддин Эмрис задержал на мне пристальный взгляд.

— Ты мне ничего прежде не говорил. Почему? — спросил он наконец.

Я смутился.

— Это был пустяк. Ничего не случилось. Он оставил еду и ушел. Больше я его не видел. А что? Я поступил неправильно?

— Ты не виноват, потому что не мог знать.

— Что знать? — обиженно выговорил я. — Что я натворил?

— Тебе не пришло в голову, что Жители холмов не принесли бы еду, если бы знали, что тебя нет?

Вопрос сразил меня наповал. Кровь прихлынула к лицу. Спасибо алым отблескам костра — они скрыли мой стыд.

— Ну?

— Наверное, да, — угрюмо процедил я. Мирддин сказал правду, и я это сразу понял.

— Верно, не принесли бы. Раз принесли, значит, знали, что ты здесь. А в таком случае они бы тебе не показались. — Эмрис помолчал, затем смягчился. — Ладно, скорее всего это и впрямь пустяк.

Сердце мое билось о ребра. Я понимал, что это не пустяк. Мирддин не сказал самого главного.

— Если это был не Житель холмов, — спросил я, — то кто же?

— Не знаю. — Мирддин резко отвернулся.

— Моргана? — спросил я, едва ли понимая, что говорю.

Эмрис резко повернулся ко мне.

— Зачем ты произнес это имя?

Я отпрянул в ужасе.

— Прости меня! Не знаю, что на меня нашло!

То была истинная правда — имя само сорвалось с языка.

Золотистые глаза Эмриса сузились.

— Может быть, — сказал он медленно. — А может, на то есть иная причина.

Голос его был грозен.

— О чем ты, Мудрый Эмрис? — спросил я, страшись ответа.

Он смотрел в огонь, в малиновые дышащие жаром угли. То, что он в них видел, его не радовало.

— О том, — промолвил он наконец, — что ты, боюсь, угадал, если это всего лишь догадка.

Больше мы в тот вечер не разговаривали. Легли спать, утром проснулись под моросящий дождь, который закончился только к вечеру. Мы с Эмрисом продолжали работать и вышли из ротонды уже в сумерках, когда облака разошлись и солнце позолотило холмы и море.

— Анейрин! — крикнул с холма Мирддин. (Я у ручья наполнял водою кувшины.) — Хочешь увидеть банши? Иди сюда.

Я, быстрее зачерпнув воды, бегом поднялся на холм.

— Заходи в святилище и не выходи, пока я тебя не позову.

Я повиновался. Эмрис поднес ладонь ко рту и издал крик, больше похожий на звук катящейся гальки. Позвав второй раз, он застыл неподвижно и принялся ждать. Через мгновение я услышал такой же ответный зов. Мирддин Эмрис что-то ответил. Из зарослей у ручья выступили два мальчика, стройные и коричневые, как ивовые прутья. Они несли сверток с едой.

Они, словно тень, взлетели на холм и подошли к святилищу. Первый, крадучись, приблизился к ступеням и положил сверток на землю; потом двумя руками взял правую руку Эмриса и поцеловал.

Другой сделал то же самое, и они заговорили. Я не понял ни слова — речь их меньше всего походила на человеческую. В ней были свист ветра и шелест листьев, шипение змеи и жужжание пчел, звук падающей воды.

Когда они немного поговорили, Эмрис повернулся и указал рукой на святилище. Жители холмов переглянулись и кивнули.

— Можешь выйти, Анейрин, — крикнул Эмрис. — Они согласны тебе показаться.

Я медленно выступил из арки и пошел вниз по ступеням. Только встав рядом с Эмрисом, я понял, что наши гости — не дети, а взрослые. Вполне возмужалые, но при этом меньше меня ростом!

Мы разглядывали друг друга с живым любопытством. На них были короткие безрукавки из кожи и птичьих крыльев, штаны и обувь из мягкой кожи. У каждого за спиной висел маленький деревянный лук, а на поясе — колчан с короткими стрелами. На шее у обоих красовалось ожерелье из желтых ракушек, выше локтя — по золотому браслету. Крохотные синие насечки на щеке — родовые метки — указывали на принадлежность к фейну Лосося. Глаза и волосы у них были черные-пречерные, а кожа — коричневая и сморщенная.

Эмрис что-то сказал, и я различил свое имя. Первый из гостей ударил себя по груди и сказал: "Рей". Он говорил это до тех пор, пока мне не удалось повторить, после чего представился и второй, сказав: "Вранат".

Я назвал им свое имя. Они повторили "Нии-рин" и засмеялись, словно это великолепная шутка. Потом сразу посерьезнели и снова заговорили с Эмрисом — жарко и торопливо. Разговор длился несколько мгновений. Мирддин что-то ответил, и банши, поцеловав ему руку, умчались прочь. В следующий миг они исчезли.

— Вот, — сказал Мирддин Эмрис, — ты видел Подземных жителей. Есть ли сомнения?

Я понял, что он имеет в виду.

— Нет, — отвечал я, — я бы и в темноте увидел. Мой посетитель был не из них.

Эмрис повернулся и пошел с холма к морю. Довольно долго мы шли вместе. У воды было прохладнее, пахло водорослями и морской солью. Плеск воды на песке успокаивал смятенную душу.

— Что будем делать? — спросил я.

— Что должно.

— А как мы узнаем, что должно?

— Всему свое время. Все нужное дастся. Надо только просить, и, если наши сердца имеют нужду, они получат искомое.

— Всегда?

— Ты задаешь слишком много вопросов, малыш, — хохотнул Мирддин Эмрис. — Нет, не всегда. Мы служим Благому Богу. В Нем мы движемся и обретаем бытие, в нем мы живем здесь и в будущем мире. Если нам в чем-то отказано, то ради большего блага.

— Всегда?

На этот раз Эмрис был непреклонен.

— О да! Всегда. Добро — всегда добро, и Всевидящий Господь всегда благ. Через Него обретает смысл благо.

— Значит, когда нас одолевает зло, это ради большего блага, — сказал я, силясь понять его философию.

Эмрис принял мой глупый ответ, но легонько его подправил.

— Можно сказать и так, но это будет не совсем верно. Видеть зло и называть его благом — хулить Бога. Хуже того, это лишает благо всякого смысла. Бессмысленное слово отвратительно, ибо, когда слова теряют значение, то, чему они соответствовали, безвозвратно уходит из мира. Это великая и сложная истина, Анейрин. Думай о ней.

Я задумался, но все равно ничего не уразумел.

— И все-таки, — сказал я, — если Пресвятой Бог благ, а дурное все равно случается, что мне говорить?

— Говори просто: "Случилось дурное". Господь не желал этого, но, будучи Богом, может обратить само зло к благой цели. Это Его и наш труд в этом мире — поднимать упавших и обращать дурное ко благу. — Он коснулся рукой лица. — Даже моя слепота в конечном счете обернулась добром.

— Потому что ты прозрел? — удивился я.

— Нет, — отвечал он, — потому что долго не прозревал.

Теперь я окончательно запутался. Эмрис, видя это, сказал:

— Ты не понимаешь, потому что не веришь мне.

— Но я хочу понять!

— Тогда слушай: Господь благ, Его дары даются каждому во благовремении в соответствии с Его замыслом. Я претерпел слепоту, дабы лучше постичь козни тьмы и сильнее ценить свет. Когда я осознал эту истину, Богу было угодно вернуть мне зрение.

Я понимал, что все это как-то связано с Морганой, но не мог проникнуть в загадку. Эмрис говорил, как священник с амвона. Я чувствовал, что слова его истинны, однако истина эта была слишком глу-

бока для меня. Или я сам был слишком мелким сосудом, чтобы ее вместить. Не знаю.

В тот вечер, когда мы вместе ели у костра, Мирддин Эмрис рассказывал мне о своей жизни с Обитателями холмов: как он заблудился, как его подобрали банши из фейна Сокола и едва не принесли в жертву, как он учился их искусству у Герн-и-фейн, мудрой старухи племени.

Он рассказывал про свою жизнь, и я наконец понял, что означали его слова: "Сколько всего уходит безвозвратно". Я видел, как отличается нынешний мир от того, который описывал Эмрис, и как быстро он продолжает меняться.

Смотри! Летнее Царство в расцвете и старый мир должен освободить место! Аминь!

Несколько дней спустя мы оставили святилище и вернулись в Каер Лиал. Теперь с возвращением Пендрагона двор оживился. Властители Британии нескончаемой чередой шли через его покои.

Духовенство являлось с просьбами. Верховный король строил церкви, учреждал обители, раздавал земли монастырям. Королева Гвенвифар ревностно делила его труды. Из своих собственных средств она сеяла зерна благочестия и всячески содействовала добрым делам. Она была истово добродетельна, неукротимо набожна и бесстрашна в любви. Воительница, ни в чем не уступающая Артуру, она беспощадно сражалась против зла и невежества.

Я все видел, все слышал и все запоминал — пряча в памяти, как сокровище. И не зря! Я сдружился с Бедуиром и подолгу с ним разговаривал. У него была душа барда и память друида. Часто мы начинали беседу вечером, а закончив, поднимали глаза и видели, что в зал заглядывает алый рассвет.

С Каем мы тоже сблизились, и он помогал мне как мог. Впрочем, его нерассуждающая преданность порой мешала выведать у него, как именно протекала та или иная битва. "Артур — это Артур, верно? Медведь! Никто с ним не сравнится — так кто против него устоит? Одного этого довольно, чтоб выиграть войну!"

За этот год в святилище Круглого стола прошли еще два Совета: один на осеннее равноденствие, другой на зимнее солнцестояние, перед самым Рождеством. На первом я не был, на втором уже привычно заболтался о лошадях.

Три промозглых дня я просидел у потрескивающего костерка на холме под ротондой. Со стороны моря налетал ветер со снегом. К то-

му времени как участники совета вышли из ротонды, я чуть не окоченел. Они вышли в зимнее ненастье с песней на устах, голоса их звенели от радости. Я понял: случилось что-то необычайное, и тут же постарался выяснить, что.

— Из-за чего это пение, Мудрый Эмрис? — спросил я, выбегая им навстречу.

Король Артур услышал мой вопрос и ответил.

— Сегодня радостный день! — вскричал он. — Предстоит завершить великий труд! Величайший на Острове Могущественного с тех пор, как Бран Благословенный воздвиг свой золотой трон.

Артур имел в виду Седалище Закона — золотое кресло Брана, с которого тот судил свой народ. Решения Брана, непререкаемые в своей справедливости, стали законом на тысячу лет. В старые времена Правда Брана была единственным уложением для этой страны.

— Что должно произойти, Пендрагон? — спросил я.

— Круглый стол примет в себя самое святое, что есть на земле. — Он улыбнулся и похлопал меня по плечу, чуть не свалив с ног. Они с Эмрисом пошли к огню, оставив меня в полнейшем недоумении.

На выручку мне пришел Бедуир.

— О чем они говорили? — спросил я — Что самое святое на земле?

— Неужто ты никогда не слышал о Граале? — промолвил он на ходу. Я пристроился рядом с ним. — Чаша Тайной вечери, которую Господь благословил, сказав: "Сия есть Кровь Моя, за вас проливаемая. Пейте из нее в Мое воспоминание".

— Конечно, я знаю про эту чашу, — отвечал я, — но какое отношение имеет она к нам?

— Эта чаша здесь, в Британии. Эмрис ее видел и, говорят, Аваллах, да и другие тоже.

— Где же она?

Бедуир рассмеялся.

— Это нам и предстоит выяснить.

— Как?

— Вот именно, как! — Он посмеялся над моим ненасытным любопытством и объяснил: — Не силой оружия, будь уверен. Не хитростью или коварством. Но, — задумчиво продолжал он, — быть может, постоянством в вере и силой праведности, истинным стремлением чистого сердца — этим всем можно ее достичь.

— Нужно быть ангелом, — заметил я.

Бедуир посмотрел на меня ясными черными глазами и кивнул, еле заметная улыбка тронула его губы.

— Сейчас люди призваны быть в этом мире ангелами, Анейрин, и делать работу ангелов.

Что он хотел этим сказать, я понял только сейчас — слишком поздно. Тогда это было так близко, что я не видел. Да простит меня Господь, я был мал и очень многого в мире не разумел.

Рождество в Каер Лиале... так я представляю себе рай. У отца этот день чтили превыше других, но никогда не праздновали так, как при дворе Артура. Епископы и архиепископы, священники и монахи, короли, лорды и их свита потоками текли в град Артура.

Я трудился с раннего утра до поздней ночи то конюхом, то стольником, то кравчим. На конюшне, на кухне, в доме — везде, где нужна была пара рук. Я работал без усталости и валялся на лежанку, не чуя под собой ног. Однако то было самое счастливое время в моей жизни.

Дворец Артура, всегда звенящий весельем, наполнился ликующей радостью, упоением, сладким, как мед, духом гармонии и согласия. О, это был крепкий напиток, он пьянил и кружил голову. Я и сейчас слышу смех, отдающийся во всех закоулках. Дружески сдвинутые чаши, веселое пение.

Обедню служил благочестивый Самсон из Дола со своим учеником Колумбой. Высокий, худощавый, он читал Священное Писание, и его раскатистый голос гудел, как колокол. Он читал Слово Божье и возносил свой изумительный голос в молитве. И если рядом случались бесы, они наверняка рассеивались, а наши души уносились к небесным вершинам святости.

После обедни был пир, песни и раздача даров. Сам я получил кинжал с золотой рукоятью от Верховного короля и прекрасный синий самоцвет от Бедуира. Кай налил мне чашу душистого вина и велел осушить за его здоровье.

В разгар этого счастливого времени явились те, кто должен был присягнуть на верность Артуру: властители или их сыновья, желавшие стать кимброгами. Были среди них и несколько знатных пиктов, которые хотели мира и согласия с Артуром. Одного из этих юношей звали Медраут.

Просители входили в зал Совета, где их усаживали и выслушивали. Один за другим излагали они свою нужду и, ради святого дня, ни в чем не получали отказа.

И тут явился Медраут.

Он дерзко приблизился к престолу Верховного короля и тут же преклонил колени. Смирненно потупив глаза, он изложил свое прошение:

— Дивный Пендрагон, прошу воспитать меня в твоём благородном доме.

Говорил он хорошо, почти без следа пиктского выговора.

Многие из собравшихся ахнули. Они подумали, что юноша по недомыслию воспользовался для своей просьбы святым днем. Однако Медраут был хитер: он знал, что в такой день ему не откажут. А пообещав что-либо перед всей знатью, Артур не отречется от своих слов.

В этом Медраут был прав, но любви он себе не снискал. Никому не понравилось, что он злоупотребил королевской щедростью. Многие осуждали его с этого дня.

— Принять на воспитание — немалая честь, — осторожно промолвил Артур, — ее окажут не всякому. Как твоё имя?

— Я — Медраут ап Уриен, мой отец — властитель Монота.

Где это, я не знал, хоть и прожил всю жизнь на севере.

— Подойди ко мне после праздника, Медраут. А ещё лучше, приведи своего отца, чтобы нам обсудить это вместе.

· Юноша так легко не сдался.

— Ради твоего торжества, Высокочтимый, молю, не отказывай мне в моей просьбе.

Эмрис поднял глаза и посмотрел, что происходит.

— Ловко. Не садись играть с ним шахматы, — добродушно заметил он и добавил: — и не доверяй ему свой кинжал.

Он легонько тронул мой кинжал и пошел прочь.

Я внимательнее пригляделся к юнцу. Кожа бледная, как если б он никогда не выходил на солнце, волосы — черные и струящиеся, свисают на карие глаза и вьются по плечам, как женские. Сам худой, гибкий, когда идет, наступает на носки, не на пятки. Черты по-девичьи нежные, скорее приятные. Наверное, подумал я, он должен нравиться молодым дамам.

Верховный король Артур ещё раз взглянул на юношу и, не заподозрив ничего дурного, исполнил его желание.

— Я не отказываю тебе. За то, что ты присягнул мне на верность, я буду воспитывать тебя в своём доме, покуда не сочту, что ты готов занять своё место в мире.

Услышав это, Медраут упал ниц.

— Государь и Пендрагон, — сказал он, — приношу тебе мою присягу, верность и честь. Покуда жив, я буду твоим слугой.

Артур выслушал эти слова и велел Медрауту идти веселиться со всеми.

— Тебе найдут ложе и место в доме. А пока довольно об этом, иди и пируй с нами, радуйся святому празднику.

Затем он встал и объявил, что Совет окончен. Все отправились в зал продолжать пиршество. Мне поручили отыскать Медрауту место для сна — задача не из простых, ибо все покои были уже заняты.

Под конец, немало набегавшись, я договорился, чтоб его положили в конюшне с конюхами. Когда я это ему сказал, Медраут возмутился.

— Ты считаешь меня ниже себя, раб! — с жаром вскричал он.

— Я не говорю, что о тебе думаю, — отвечал я, ощетиниваясь. Признаюсь, я знал его самую малость, но и этого было довольно, чтобы посчитать его дерзким и корыстным, ведь он поймал Артура на слове и злоупотребил королевской щедростью. — Я здесь на воспитании, как и ты.

— Я знатного рода!

— Это ты так говоришь.

И впрямь, его слова некому было подтвердить.

— Думай, что говоришь, смерд! Теперь Артур — мой покровитель, я прикажу, и тебя выгонят.

Напрасно он бахвалился, я его не боялся.

— Ты всего лишь воспитанник Пендрагона, — холодно поправил я.

— И ты, зная это, хочешь меня унижить, так?

— Я всего лишь исполняю приказ моего повелителя.

— Тебе велели меня унижать, — он фыркнул.

— Мне велели отыскать тебе место для сна, — отвечал я. — Если тебе это унижительно, возможно, ты решил почтить своим присутствием не тот дом.

Так безгранично было его самомнение, что он не услышал насмешки.

— Я хочу твою постель, — хитро сказал он.

— Но моя постель...

— Вот! — Он визгливо хохотнул. — Я лягу в твою постель, а ты будешь спать в конюшне.

Глаза его торжествующе блеснули.

— Если ты так хочешь... — начал я.

— Да.

— Что ж, пусть так и будет. — Я ушел, оставил юного тирана восхищаться собственной хитростью.

Тирана, да. От его наглости у меня занялся дух. Это ж надо — так быстро втереться к Артуру. А уж тщеславия — хоть отбавляй.

Я не видел его до конца пиршества, когда он подошел ко мне и потребовал вести его в мой покой — он воображал, что у меня есть отдельная спальня. С ним были два знатных пиктских юноши.

— Вот мой покой, лорд Медраут, — сказал я, обводя руками зал, наполненный дымом и веселыми голосами гостей. — А вот и мое ложе. — Я показал испачканный золой кусок пола у очага.

Два воина, завернувшись в плащи, уже храпели в этом углу.

— Смотри, — сказал я, — твои соседи спят. Не разбуди их, когда будешь ложиться.

Медраут побелел от гнева:

— Лжец!

— Все чистая правда, — отвечал я. — Свою постель я уступил несколько дней назад, и с тех пор сплю здесь.

Так оно и было. С тех пор как знать начала съезжаться на Рождество, в моей постели спал лорд, а я ночевал в зале на скамье или в углу, завернувшись в плащ.

Не знаю, много ли поняли его спутники-пикты, но один из них со смехом хлопнул Медраута по спине.

— Идем, будем спать в наших кубках! — воскликнул он, и оба пикта побрели прочь.

— Если тебе ничего больше не нужно, я уйду спать в конюшню, — сказал я, когда они отошли.

— Ты обманул меня, раб! — Медраут был в ярости.

— Ты сам напросился, — отрезал я. — Если я, по-твоему, раб, с какой стати на моем месте будет лучше спать, чем в конюшне?

Он оскалился, но не ответил.

Я оставил его стоять, вышел в холодную зимнюю ночь и пошел через двор к конюшне. Небо было чистое, ярко светила луна. В дверях я остановился и резко обернулся. Мне показалось, я видел, как кто-то выскользнул из дворца и пробежал через двор. Впрочем, было уже поздно, глаза, раздраженные дымом, слипались от усталости.

ГЛАВА *шестая*

С приходом весны мне вновь довелось сопровождать Эмриса на остров Аваллон. На этот раз с нами ехала королева и несколько ее женщин. Строительство там церкви и монастыря интересовало Гвенвифар, и она сама хотела взглянуть, как идет работа.

Ясным утром мы отплыли из королевской гавани, свежий северо-западный ветер наполнил паруса, и мы легко полетели по белопенным волнам. Королева с Эмрисом провели всю дорогу в увлеченной беседе. Не знаю, о чем они говорили, но под конец королева обняла Эмриса и приникла головой к его плечу, а потом поцеловала его в щеку.

Мне показалось, они о чем-то условились или в чем-то примирились. Не знаю, мне никто ничего не объяснял. Впрочем, я заметил, что с той поры между женой Пендрагона и его Мудрым советником стало больше согласия и теплоты.

Остаток пути прошел без всяких происшествий, и на Аваллон мы прибыли, когда небо на востоке из лазурного сделалось золотым с прозеленью. У воды нас встречали несколько монахов. Они привели с собой коней, что заметно сократило дорогу, однако, когда мы достигли обители Короля-рыболова, было уже темно.

Нас ждали и с жаром окликнули у ворот. Первые корабли по весне — всегда напоминание островитянам, что мир их не забыл, и это усугубляло радость от нашего приезда.

И вновь я в благоговейном страхе созерцал грозного короля Аваллаха и его прекрасную дочь Хариту. Зреть разом королеву Гвенвифар и Владычицу озера было все равно, что слишком долго смотреть на солнце; сердце выпрыгивало из груди, слова забывались и язык каменел.

Харита и Гвенвифар обнялись при встрече и не расставались все время. Видно было, что их связывает крепкая дружба.

В ту ночь чертоги Короля-рыболова огласила арфа: достославный Эмрис играл и пел старинные песни. Я впервые слышал эти древние напевы; они рассказывали о событиях, память о которых сохранилась

лишь в песнях, ибо никого из их свидетелей нет уже на земле. Я слушал и мечтал хоть о крохотной доле того дара, которым в полной мере наделен Мирддин Эмрис.

Господи помилуй, казалось, время замерло в чертогах Короля-рыболова. Как при дворе Брана Благословенного, когда пели птицы Рианнон и восемьдесят лет пролетели, как один день, так неостановимый ток времени схлынул, а мы остались в одном бесконечном миге.

И в это вечное мгновение всё горе, все заботы, вся боль и ложь исчезли, поблекли, словно тени на солнце. Мы все предстали друг другу лучше и благороднее, чем мы есть, мудрее и проворнее, живее, чем сама жизнь.

Такие мгновения редки, но они существуют. Блажен тот, кто познает на своем веку хоть одно, ибо он вкусил рай.

Во сне звуки арфы продолжали звенеть в ушах. Я проснулся и увидел, что дворец опустел, а утро уже на исходе. Я встал и пошел через двор к крепостному валу, поднялся по ступеням и вышел на стену.

Чуть южнее белела на солнце каменная ограда монастыря. Мне подумалось, что самый лучший удел — поселиться в этой святой обители и посвятить свою жизнь Богу и Спасу нашему. Я решил отправиться туда и своими глазами посмотреть на монашеское бытие.

Здесь меня ждало разочарование: хотя стены уже стояли, монастырю еще долго нужно было расти. На широком дворе грудями лежал камень, высились штабеля бревен. В прошлом году заложили фундамент нескольких зданий, с началом весны строительство возобновилось. Повсюду копали, обтесывали, строгаали. Братья трудились с бо́льшим рвением, но работы оставалось еще много.

До меня никому не было дела. Некоторое время я наблюдал за работой, потом повернулся и по мягкой зеленой траве двинулся к дворцу. Морской ветер трепал за спиной плащ. На полпути между строящимся монастырем и дворцом Короля-рыболова я остановился не в силах идти дальше.

Трудно передать это чувство, но внезапно я почувствовал, что остров стал моей жизнью, дворец и монастырь — двумя полюсами моей души. А я врос в землю и должен выбирать между ними, причем выбирать быстро.

Бог весть, почему мне тогда это подумалось или почему показалось таким спешным. Не знаю.

Я стоял так довольно долго, не в силах справиться с бурей чувств, увлекавших меня то в одну, то в другую сторону. И тут это

состояние прошло так же быстро, как наступило. Я мог идти, но сам я был другим. Тогда я этого не понял, но моя жизнь так и не стала прежней. Надвигались события, которым суждено было захлестнуть нас всех.

Через несколько дней мы отправились назад в Каер Лиал и рассказали Артуру, как быстро продвигается строительство. Гвенвифар была особенно довольна тем, как много сделано за такое короткое время.

— К этому же времени на следующий год, — объявила она, — церковь и богадельня будут достроены.

Пендрагон обрадовался нашему возвращению, ибо близилась Пасха, когда вновь предстояло собраться Совету Круглого стола. Он попросил Эмриса поехать в ротонду и заняться приготовлениями. Я, разумеется, отправился с Мирддином, и мы принялись готовить святилище: мести, мыть пол и ступени, собирать хворост и готовить место для съестных припасов.

Канун весеннего равноденствия вновь застал нас с Эмрисом у костра: мы ужинали под вечерними звездами.

— Завтра начнется Совет, — сказал он, разламывая хлебец и протягивая мне половину. Разумеется, мне это было известно, но что-то в его голосе заставило меня призадуматься.

— Это будет особенный Совет, Эмрис? — спросил я.

Он смотрел в огонь, его печальные глаза что-то таили. И ответил он не так, как я надеялся.

— Могучие силы действуют в этой стране, малыш. Силы, от которых расходятся глубинные события. Здесь изобилует великое благо, там собирается великое зло. — Затем, словно желая меня успокоить, Эмрис добавил: — Впрочем, я не вижу конца, только начало.

Я понимал, что он не хочет меня напугать, тем не менее правда страшила. Сердце мое упало, я почувствовал себя маленьким и слабым. Воинства мрака надвигались, свет казался жалким, беспомощным и ничтожным. В ту ночь мне приснилась разверстая черная бездна, в которую, словно в жадную звериную пасть, уходила единственная тропа. Во сне я ступил на эту безнадежную тропку и погрузился во мрак.

Однако рассвет следующего дня был ярок и свеж. Сила света прогнала воображаемые ужасы ночи. Мир вновь узрел Божью милость. И в этом было мое утешение.

К полудню прибыли Кай, Бедуир и Борс с вьючными лошадьми, привезли шатры и всякую снедь. К моему великому огорчению, с ними был Медраут. После той ночи, когда я над ним подшутил, а сам ушел спать на конюшню, мне удавалось обходить его стороной. Это было нетрудно: он жил вне дворца с другими воинами дружины Пендрагона.

Сейчас его появление огорчило и раздосадовало меня. Вот уж кого мне меньше всего хотелось здесь видеть. На мой взгляд, его присутствие оскверняло святое место. Уж не знаю, как ему удалось втесаться в общество Бедуира, Борса и Кая, первых воителей Британии. Разве что (и это больше всего походило на правду), Медраут скрыл от них свой истинный характер.

— Здрав будь, Мирддин Эмрис! — крикнул Кай. — Есть у тебя снадобье для пересохшего в пути горла?

— Кай, Бог да благословит тебя, у меня кувшин наготове. — Эмрис нагнулся, поднял кувшин и двинулся навстречу приезжим. Протянув Каю пустой кубок, он наполнил его из кувшина.

— Вода! — взвыл Кай.

— Холодная и чистая из родника под холмом, — отвечал Эмрис. — Равно полезная душе и телу.

Бедуир наслаждался отчаянием Кая.

— Пей скорее, брат. Мы ждем своей очереди.

— Давай, — хохотнул Борс. — Небось пузо не заржавеет!

Медраут затрясся от смеха и хлопнул Кая по спине, словно они и впрямь — товарищи по оружию.

— Неужто могучий Кай испугался капли святой воды? — давясь, выговорил он.

Кай расправил плечи и грозно глянул на Медраута. Юный тиран расхохотался еще пуще и повис у Кая на локте.

— Шутка, брат! Как и Бедуир, я не хотел сказать ничего дурного.

Кай тихо ругнулся, посмотрел на кубок, потом, поднеся его к губам, осушил в один глоток, сунул в руки Медрауту и пошел прочь.

— Ты перегнул палку, — строго заметил Борс.

— Ха! Пустяк, — весело возразил Медраут, — скоро забудет.

— Возможно, — сурово промолвил Эмрис, — но твоя шутка здесь неуместна. Этот холм посвящен иному божеству. Помни это.

Он передал кувшин мне и пошел вслед за Каем.

Медраут так и продолжал улыбаться, но взгляд у него сделался, как у волка. Когда я наливал ему воду, наши руки соприкоснулись, и по коже у меня пробежал холодок.

В тот же день прибыл король со свитой, в которой находились Гвальхавад и Лленллеаог. К моему удивлению, с ними приехала Гвенвифар — она тоже должна была присутствовать на Совете.

— Вижу, Гвальхмаи не приехал, — сказал Артур. — Что ж, начнем, может, он подоспеет.

Они направились напрямик к ротонде, а я занялся лошадьми. Медрауту велели ждать под холмом, помогать мне с лошадьми и шатрами. Однако он не стал марать рук; пока я сделал всю работу, он бродил по холму и вдоль ручья. Мне казалось, он что-то ищет, но мне не хотелось с ним связываться, и я промолчал.

Мгла сгущалась в долине, вершины холмов обратились в горящие золотом маяки. На востоке громоздились тучи; когда я водил лошадей на водопой, в воздухе уже пахло дождем. Король и его приближенные только что вышли из ротонды и спускались с холма. Внезапно послышался стук копыт по песку. Я бросился на холм и увидел, что к нам быстро приближаются два всадника. Я повернулся и побежал к оставшимся.

— Гвальхмаи! — закричал я. — Гвальхмаи едет!

Борс и Гвальхавад, стоявшие на холме, быстро повернулись туда, куда я указывал.

— Верно, Гвальхмаи, — подтвердил Гвальхавад. — А кто это с ним?

— Отсюда не скажу, — ответил Борс, — но седло под ним легкое.

— Это женщина, — промолвила Гвенвифар.

— Узнаю Гвальхмаи! Непременно он заявится с женщиной! — хохотнул Кай.

— А что тут дурного? — спросила королева.

— Кто бы она могла быть? — любопытствовал Бедуир. Он через плечо обернулся на Мирддина, только что вышедшего из ротонды. Мирддин замер, словно одеревенев.

Всадники въехали под холм и на какое-то время исчезли из глаз. Вскоре они уже неслись вверх по склону, и я мог лучше разглядеть их. С Гвальхмаи и впрямь была женщина. Она была в черном и желтом, лицо ее пряталось под покрывалом.

Гвальхмаи твердо сжимал повод ее скакуна. Что-то в этом подсказало мне, что женщина — его пленница.

Внезапно мне стало невыносимо страшно. По спине побежали мурашки. Я чуял: опасность и смерть близки. Взгляд мой упал на Медраута. Его полные губы кривила усмешка, от которой я похолодел.

Эмрис взглянул на Артура и попытался остановить его движением руки, но Пендрагон смотрел только на скачущих. Он не видел предупреждения и шагнул вперед. Гвальхмай остановил коня и соскочил на землю. Все подбежали к нему.

— Здравствуй, брат! — крикнул Гвальхавад. Слова его безответно повисли в воздухе.

Гвальхмай подошел к пленнице, грубо сдернул ее с седла и поставил на ноги, затем, крепко держа за локоть, подтащил к Верховному королю.

— Кто эта женщина и в чем она провинилась, что ты так с ней обращаешься? — спросил Пендрагон.

— Она — наш враг, лорд Артур, — отвечал Гвальхмай. — Я привез ее на праведный суд, которого она так долго избегала.

С этими словами он поднял руку, сдернул покрывало и откинул капюшон, скрывавший лицо женщины. То была...

Владычица озера!

Но нет... Даже в теперешнем ошеломлении, глядя на женщину, я понял, что это не Харита, хоть и очень на нее похожа. Она была прекрасна, безусловно, прекрасна, но холодна, как мраморный истукан. Ненависть сочилась из нее и растекалась вокруг, словно змеиный яд.

Я взглянул на Эмриса, ища его ободрения, но он был мрачен и отпущен. Словно плененный зверь, он казался испуганным и не знал, бежать ему или драться. Все это было так на него не похоже, что я отвернулся и больше в ту сторону не глядел.

— Враг? — удивился Артур.

— Даже с врагом принято обращаться учтиво, — резко произнесла Гвенвифар. — Отпусти ее, Гвальхмай. Мы не варвары.

Гвальхмай повиновался и разжал хватку. Пленница расправила плечи и дерзко взглянула на короля, который промолвил:

— Кто ты, женщина?

— О великий король, — отвечала она голосом холодным и безжалостным, как сталь. — Этот человек, — она скривилась, — оскорбляет меня клеветой. Он назвал меня изменницей. В чем моя измена? Я требую объяснить, за что меня сюда привезли.

— Тебя привезли сюда отвечать на обвинения, — сказал Гвальхмай, — и предстать перед судом Верховного короля.

— Обвинения? — с издевкой переспросила женщина. — Я не слышала никаких обвинений. Вы ничего не знаете обо мне.

— Но я знаю тебя, Моргана, — тихо и хрипло произнес Мирддин.

Эмрис шагнул вперед. Бедуир вцепился в него, крича:

— Нет! Мирддин, ради всего святого, не надо!

— Пришло время, — промолвил Мирддин, отводя его руку. Артуру же, который тоже пытался его остановить, сказал:

— Не страшись и уповай на Бога.

Я слышал его голос, странный, напряженный, и, повернувшись, задохнулся от изумления. Эмрис преобразился. Страх, который я только что видел, исчез, и сам он как будто вырос. Сейчас он высился над нами, могучий, пугающий, золотистые глаза горели грозным огнем.

Он подошел к Моргане и взглянул ей прямо в глаза. Та опустила голову, и губы ее тронула злая усмешка. У меня от страха подогнулись колени.

— О, я хорошо тебя знаю, Моргана. Ты всегда обольщала людей ложью. Давно ты сражаешься с Истинным Богом и Его слугами, но, говоря тебе, отныне с этим покончено.

— В каком преступлении вы меня обвиняете? — возмутилась она. — Где пострадавший? В чем ущерб? Кому я причинила зло, кроме вашего слабого и ранимого Бога? Если смертному так легко Его уязвить, пусть явится сюда и Сам об этом скажет!

О да, она была ловка. Она так хорошо притворялась несправедливо обиженной, что я ей поверил. Остальные заколебались. Один Мирддин стоял, как скала.

— Довольно, Моргана. Твои уловки больше тебе не помогут. — Он повернулся к Верховному королю. — Зло, которое эта женщина причинила мне, я охотно прощаю. Ее надо судить за вред, который она нанесла другим.

— Ты мне не судья, — прошипела женщина.

— Царь Небесный тебе судья, — отвечал Эмрис. — А в этой стране Его суд вершит Пендрагон Британии.

— Славно сказано, — промолвил Артур. — Послушаем, в чем ты ее обвиняешь.

Эмрис снова повернулся к Моргане и указал на нее пальцем.

— Обвиняю тебя в бесчисленных изменах, больших и малых, против человечества и против Британии. Обвиняю тебя в подстрекательстве к мятежу, вероломстве, коварстве и богохульстве. Обвиняю тебя во всевозможных мерзостях. Обвиняю тебя в убийстве Пеллеаса, моего друга и верного слуги короля Артура. Обвиняю тебя в смерти Талиесина, моего отца.

Пендрагон сурово все это выслушал.

— Что ты скажешь на эти обвинения?

Царица воздуха и мрака запрокинула голову и рассмеялась. Надеюсь, мне никогда не доведется услышать такой же жуткий звук.

— Неужто, по-вашему, меня заботят подобные пустяки?

— Убийство — не пустяк, женщина, — ответил Артур.

— Вот как? Скольких ты убил, Великий король? Скольких уложил понапрасну? Сколько сразил тех, кого бы мог пощадить? Сколько полегло из-за того, что ты в горячке боя не внял мольбам о пощаде?

Верховный король открыл рот, чтобы заговорить, но сказать ничего не мог.

— Не слушай ее, Медведь! — вскричал Бедуир. — Это уловка!

— Не говори мне об уловках, Бедуир Доблестный! — Моргана вихрем повернулась к нему. — Кто, как не ты, поджидал в засаде беспечную жертву, кто нападал и убивал исподтишка? Каково тебе было в Калиддоне, когда ты крался по лесу? Разве не билось твое сердце быстрее при мысли о твоей хитрости? Не ликовало ли оно, когда огонь вспыхнул у врага за спиной? Сдается мне, ты сам изощрен в уловках.

Бедуир глянул на нее и отвернулся. На выручку ему бросился Кай.

— Это война! Мы делали, что должны!

Моргана накинулась на него, словно кошка, выпустившая когти.

— Война? Разве это снимает вашу вину? Ты убивал людей, которые хотели всего лишь накормить и вырастить своих детей. Ты осиротил этих детей и обрек на мучительную смерть от голода. Ты сделал вдовами женщин, ничего не знающих о царствах и правителях. Ты отнял у них свет очей, дыхание уст. Но где тебе понять — тебе, никогда не делившему ложе с женой?

Кай, весь багровый, пристыженно молчал. Однако Моргана далеко не закончила.

— Тебе больше нечего сказать, отважный Кай? Ну же, расскажи мне еще о жестокой военной необходимости.

— Придержи язык, — грозно предупредил Гвальхмаи.

— Не нравится, сынок? — Моргана повернулась к нему. — Уж не вам с братом искать моей смерти! Мы ведь близкие родственники, не так ли? Что скажет ваш отец, если узнает, что его сыночки сгубили его мать?

— Ты нам не родственница! — выкрикнул Гвальхавад.

— Спросите об этом Лота Оркадского, — с улыбкой отвечала она. — Или вы никогда не задумывались, откуда у него два сына-близнеца, если его собственная жена бесплодна?

Это было чудовищно. Она в точности знала слова, чтобы заткнуть рот каждому. Я уже задумался, есть ли на земле человек, способный ей противостоять. Вот уж поистине, Царица воздуха и мрака!

Гвенвифар бесстрашно шагнула вперед, выставив вперед подбородок.

— Ты умна, женщина, — сказала она, — отдаю тебе должное. Но сыновья не отвечают за поступки отца.

— Да, да, — горделиво отвечала Моргана, — рассказывай мне о сыновьях и отцах. Бесплодная королева — разве не так зовут тебя в народе? Уж верно, ты это знаешь — ты, чья утроба запечатана, как могила. А почему бы это? Может быть оттого, что ты боишься древнего пророчества? Не тебе ли предсказано, что твоего мужа убьет его сын?

Гвенвифар остолбенела.

— Откуда ты знаешь?

— Я говорила с друидами Ибернии, где это давно известно, — как и то, что ты над собой делаешь, дабы пророчество не исполнилось.

Артур в немом ужасе смотрел на жену.

— Она лжет! — вскричала Гвенвифар. — Артур, душа моя, поверь! Это ложь!

— За все свои грехи, — медленно выговорил Эмрис, — мы будем отвечать перед Богом. А ты отвечай Верховному королю сейчас.

— Как смеете вы меня обвинять, когда грешили куда больше меня? Где ваша хваленая справедливость? Отвечайте!

Моргана вскинула руки и бросала обвинения нам в лицо. Я съежился от ее ярости.

— Вы сами себя осудили! Ваши слова — бессмыслица! Ваши обвинения — бляенье полудохлой овцы. Жалкий род, вы стремитесь напрямиком к собственной гибели.

Она пошла на Артура. От ее торжествующей улыбки у меня все перевернулось внутри.

— Думал взять надо мной верх? Твое правосудие воняет мочой и блевотой! Меня от тебя тошнит! Дурак! — завопила Моргана и, выпрямившись, плюнула Верховному королю прямо в лицо.

— Нет! — Гвальхмаи рванулся вперед. Он схватил Моргану за руки и круто развернул к себе. Она плюнула и в него, потом, зашипев, словно адская кошка, вцепилась ногтями ему в глаза. Он с криком рухнул навзничь, но она бросилась на него, пинаясь и царапаясь. В руке ее возник кинжал, и я с ужасом видел, как она полоснула почти по самому его горлу.

Однако Гвальхмай был проворней, чем она думала. Моргана бросилась на него в тот самый миг, когда он перекатился на бок, выхватил из ножен и выставил вперед меч. Клинок вошел ей под ребра, прямо в черное сердце.

Она вскрикнула и застыла, сжимая меч. Кинжал выпал из ее руки и со звоном упал на камни. Моргана качнулась назад и рухнула к ногам Артура. Кровь хлынула из раны, земля вокруг потемнела. Глаза у Морганы закатились, руки и ноги судорожно дернулись.

Все это произошло так быстро, что мы продолжали стоять и смотреть, словно замороженные. Эмрис первым пришел в себя и опустил-ся на колени перед еще трепещущим телом.

Гвальхмай часто моргал, не веря в то, что сам сделал. Потом упал на колени перед Артуром:

— Прости меня, государь, я не стерпел, что она тебя позорила!

Артур молчал, и мне подумалось, что он будет укорять Гвальхмай, но тут Эмрис встал и сказал:

— Моргана мертва. В своей кровожадности она напоролась на меч, который Гвальхмай поднял для самозащиты. Я не вижу здесь его вины.

Артур повернулся к Гвальхмай, который по-прежнему стоял на коленях.

— Встань, Гвальхмай, ты прощен. Без сомнения, Бог призвал ее ответить за свои грехи, как мы будем отвечать за свои.

Я услышал сдавленный всхлип и обернулся. Медраут, не отрываясь, смотрел на распростертое тело, лицо его странно исказилось: черные глаза расширились от ужаса, губы кривила ненависть, бледная кожа потемнела от гнева. Он царапал ногтями щеки, оставляя на них длинные полосы. Кровь сочилась из них каплями и сбегала по щекам.

Бедуир, который был ближе всех, взял его рукой за плечо. Медраут отшатнулся.

— Не подходи! — Голос его сорвался на визг. — Не смей меня трогать!

Мы в изумлении переглянулись.

— Успокойся, Медраут. Все кончено, — сказал Пендрагон.

— Убийца! — завопил Медраут, птясь от него. — Убийца!

Кай шагнул вперед и попытался его схватить. Медраут взмахнул рукой. В закатном свете блеснул кинжал, из плеча у Кая брызнула кровь. Он вскрикнул скорее от изумления, чем от боли, и отскочил назад.

Медраут опрометью кинулся к лошадям. Лленллеаог выхватил из ножен меч и бросился за ним. Медраут кинжалом перерезал узду, которой был привязан его конь, в один миг вскочил в седло и галопом понесся прочь, раньше чем ирландец его настиг.

— Догнать его? — крикнул Лленллеаог.

— Нет, — отвечал Верховный король. — Оставь его. Скоро стемнеет, далеко он не ускачет.

Ах, Артур, зачем ты так сказал?

Я смотрел вслед быстро удаляющему всаднику, пораженный тем, что сейчас увидел. Когда я обернулся, Мирддин уже опустил покрывало на лицо Морганы.

Он медленно встал и положил руку на плечо Гвальхмай.

— Тебе нет здесь бесчестья, — сказал он. — Знай: Моргана сама навлекла на себя такую смерть. Через тебя лишь осуществилось то, что она заслужила тысячу раз.

— То, что она говорила, — пробормотал Гвальхмай, — все это правда...

— Не верьте, — строго отвечал Мудрый Эмрис, оборачиваясь к тем, кто стоял над телом. — Слушайте меня все! То, что сказала перед вами Моргана, — ложь. Ложь, к которой подмешано ровно столько правды, чтобы сделать ее ядовитой. Она проиграла и видела, что обречена; она рассчитывала отравить и вас своим тлением. Друзья мои, не дайте ей преуспеть.

Я видел, что он говорит правду, но все равно мне было тяжело. Насколько ж тяжелее было тем, кого ранила своими словами Моргана!

Мы закопали ее в песок выше самой высокой приливной отметки. Когда мы закончили, светила луна, всем хотелось есть. Ужинали у костра, разговаривали сбивчиво, вполголоса. Потом один за другим начали расходиться по шатрам: сперва Артур с Гвенвифар, потом остальные, и под конец остались лишь мы с Эмрисом.

— Не думай о сегодняшнем, — после долгого молчания сказал он. Я поднял глаза и увидел, что он смотрит на меня поверх догорающего огня. — Вернуть ничего нельзя. Господь разберется.

— Рад бы не думать, — сказал я, — да не могу. И сейчас слышу ее голос, когда она выкрикивала эти... эту ложь.

— Ты ей поверил, — заметил он, и я со стыдом осознал, что это правда. — Что ж, в этом и состоит ее мастерство. Не стыдно угодить в ловушку, которую расставил искуснейший неприятель. Но, поняв, что ты в западне, из нее надо выбираться.

— Моргана — первая мастерица лгать, — продолжал он. — Не укоряй себя, что поверил. Главное, чтобы ты перестал ей верить. Понял, о чем я?

Я кивнул, хотя не совсем понял. Мудрый Эмрис, видя это, сказал:

— Ты знаешь Аваллаха, Короля-рыболова, и знаешь, что он страдает от раны, полученной много лет назад. А знаешь, как это было?

— Нет, — отвечал я. — Но при чем здесь рана Аваллаха?

— Я тебе расскажу. Аваллах был царем Сарраса, земли, лежащей далеко от Острова Могушественного. Началась война, и он мужественно сражался с врагами, но однажды ночью, спеша на выручку сыну, он угодил в засаду.

Уже стемнело, на нем был простой, не царский доспех, так что никто его не узнал. Враги изобрели для пленных пытку: связали живых с мертвыми. Так случилось, что Аваллаха связали рукой к руке, ногой к ноге, лицом к лицу с телом его сына.

Неприятель ушел, оставив Аваллаха умирать в смрадных объятиях его любимого сына.

Я никогда не слышал о столь чудовищном злодеянии, о чем и сказал Мирддину.

— Да, — согласился он. — Чудовищном и гнусном — след его Аваллах несет до сего дня. — Он посмотрел мне прямо в глаза, чтобы я лучше его понял. — Вот что хотела Моргана: связать нас полуправдой с тлетворною ложью. Подобно Аваллаху и его воинам, мы должны биться в смертельных объятиях, пока не погибнем.

— Спасения нет?

— Уповай на Бога, Анейрин. Уповай на Благого Бога. Мы согрешили, да, это так. Но Христос обещал нам прощение. Проси, и дастся тебе. Так мы освободимся от проклятия Морганы.

Наконец-то я начал понимать, что он говорит.

— А Медраут?

Эмрис медленно покачал головой и устремил взор в угли, словно надеясь увидеть в них отблеск грядущего.

— Медраут для меня темен, пути его расплывчаты и скрыты во мгле. Одно, впрочем, могу сказать точно: Медраута мы еще увидим.

ГЛАВА седьмая

Миновали семь светлых весен и семь мягких зим. Королевство Лета находилось в лучшей своей поре. Цвело все, над чем простирал руку Верховный король, мир царил на Острове Могуущественного и Семи Благодатных Островах. Варварские набеги прекратились, саксы хранили верность Артуру. О битве при горе Бадоне говорили теперь как о величайшей победе за всю историю Британии. Пендрагона Артура называли величайшим королем всех стран и эпох.

Из-за морей — из Ирландии, Дании, Саксонии, Ютландии, Норвегии, Готландии, Фландрии, Галлии, Арморики, области русинов и франков — приезжали короли и правители поклониться Артуру и поучиться у него справедливости. Не было подобного с той поры, когда Бран Благословенный избавил Инис Придеин от войн. Святая Церковь Христова глубоко укоренилась в британской почве и распростерла свою тенистую крону над всей страной.

Корабли уходили в бескрайние пенные моря и возвращались из чужеземных стран с дорогим товаром: вином в запечатанных амфорах, многоцветной парчой, великолепными скакунами, выделанной кожей, золотыми, серебряными, стеклянными чашами, кубками и подносами. Из самой Британии везли сталь, свинец, серебро, шерсть, мясо и охотничьих псов.

Прекраснейший остров мира процветал, распространяя небесное благоухание. Британия выстояла в горькую годину, и ныне изобиловала всяческим благом. Остров Могущественного вознесся выше, чем поднимались во время оно римские императоры.

Вот почему решили, что Артуру пристала высочайшая честь. На Троицу двадцать первого года правления он должен был возложить на себя новый венец — лавровый венок Римской империи. Отныне ему предстояло именоваться Ир Амхераудир Артир, Император Арторий, Артур, Император Западной Империи и Верховный Дракон Острова Могущественного. Последние остатки империи переходили под его руку.

Так широко гремела слава Артура, что весть о предстоящем торжестве разнеслась по всему свету. Знатнейшие люди своего времени отправились в Британию, дабы приветствовать нового императора. Короли, князья и архиерей — те, чьему слову повиновались целые страны, — все они явились почтить Артура и своими глазами увидеть его триумф.

Их собралось столько, что Артуру пришлось оставить любимый Каер Лиал и перебраться в Город Легионов на юге. Он был хоть и не так красив, как Каер Лиал, зато много просторнее — здесь могли разместиться все заморские гости. А в глубоководной реке Оске могли бросить якорь все корабли, которые начали прибывать по два-три, а то и по пять-десять, как только улеглись шторма.

Так древний Город Легионов вновь стал имперской столицей и познал толику древней славы. Карлеон, как называли его теперь, гордился и другой достопримечательностью: парными церквями во имя мученика Юлия и сподвижника его святого Аарона. Служил здесь друг Артура, Иллтид, недавно ставший архиепископом.

Приготовления к коронации начались сразу после Рождества. Мы с Эмрисом, Бедуиром и сотней кимброгов смело вышли в зимнее море и отправились на юг. Мне пришлось главным образом заново крыть старые житницы: им предстояло принять дань зерном, салом, вином и элем, которая начала стекаться в город, как только сошел снег.

Другим досталось восстанавливать палаты, дома, улицы и стены. И впрямь, плотники и каменщики оглашали город таким гулом, что его стали называть Каер Терфсигом — Городом Грома. Я трудился без усталости от рассвета до темноты. Руки мои загрубели, мышцы окрепли. Я руководил людьми и распоряжался работами. Когда Эмрис увидел, что мне многое удастся, он поручил мне еще больше. Так я стал одним из начальников Артура, хотя ни разу не вел людей в бой.

Мы работали до конца зимы, и древний город преобразился. Стены починили, улицы вымостили заново, фундаменты укрепили, крыши залатали и покрыли свинцом, ворота навесили, акведуки прочистили, болота к югу от города осушили, дабы разбить на них мириады шатров — так что даже пустошь покрылась полевыми цветами. Жители Карлеона рьяно помогали восстанавливать город, и никто из наших работников не испытывал недостатка в еде и питье.

Эмрис присматривал за главным: восстановлением дворца. Здесь некогда обитал римский наместник Матин, о котором шла слава до-

брого и честного человека. Жил он на широкую ногу и выстроил себе просторный дом, в котором затем обитала череда легатов и трибунов. Каждый добавлял к роскоши и обширности дворца, так что в свое время дворец Города Легионов мог поспорить красотой с дворцом и в Эбораке, и в Лондоне.

В этом-то дворце, как решил Эмрис, и надлежит пройти празднику. Короновать же должны были в церквях: Артура — в церкви Аарона, Гвенвифар — в церкви Юлия. Дворец долго стоял заброшенным и служил для местных жителей источником первостатейного камня. Большую часть кладки и украшений разобрали, уцелел лишь мозаичный каменный пол.

Однако Эмрис решил, что годится лишь этот дворец. Когда же горожане узнали, какая честь их ждет, они с жаром взялись за работу. Вскоре начали появляться разграбленные украшения, а следом и камни, на протяжении поколений служившие разнообразным хозяйственным надобностям.

Завершенный дворец был чудесен. Все, видевшие его, громко радовались возрождению имперского великолепия. Но не только империя возрождалась: кельтское величие тоже очнулось от сна. Эмрису удалось соединить римскую форму и основание с кельтским чувством и исполнением. Всякий, смотревший на завершенный дворец, видел в нем рождение нового мастерства.

— Великолепно! — вскричал Артур, когда приехал, чтобы распорядиться последними приготовлениями, и увидел наконец величественную постройку. — Мирддин, ты воистину могущественный чародей!

— Не говори так! — возразил Мирддин. — Если это возможно осуществить волшебством, значит, я напрасно заставлял твоих людей ломать спины!

— Не напрасно, — вмешалась Гвенвифар. Ее черные глаза сияли. — Твой дар тем более ценен, что в каждой его линии сквозит любовь.

— Верно, чтимый Эмрис, — промолвил Гвальхмай. Он вместе с Гвальхавадом и другими членами Круглого стола сопровождал короля в поездке. — Ни у одного короля не было столь богатого дворца. Вот... — Он обвел рукой золоченый зал, — прекраснейший цветок Летнего Царства.

Эмрис улыбнулся, но легонько покачал головой.

— Первый, может быть, но не прекраснейший. Нас ждет более высокий, более важный труд. Вы видите лишь начало, впереди — еще большие свершения.

— Будут и большие, — промолвил Артур, — но позволь нам отдать должное этому твоему труду. Спасибо, Мирддин. Я не нахожу слов, чтоб достойно восхвалить твой дар.

Эмрис был доволен, что подарок его пришелся Артуру по душе, но недолго он почивал на лаврах: через день начали съезжаться первые гости. Кто-то перезимовал в Каер Лнале, кто-то — в Каер Кеме и Каер Меллине на юге. Они прибывали по морю и верхом, и поток их день ото дня становился все гуще.

Итак, в день коронования, в день высочайшей славы за всю историю Острова Могущественного, собрались правители, короли, князья и множество знатных: Фергус и Аэдд из Ибернии, Кадор из Корнубии, Меуриг Хен из Диведа, Эктор из Каер Эдина, Кау из Алклида, Мальгон из Гвинедда, Мальвазий, король Исландии, Долдаф, король Готландии, Канвал из Ллихллина, Ацель из Друима, Кадваллон из Венедотиш, Холдин, предводитель русинов, Леодегарий, правитель Болонни, Гвиленхин из земли франков, Бан из Арморикки и многие-многие другие разного рода-племени вступили в город, чтобы воздать честь Артуру.

Утром Троицына дня мы явились в церковь Аарона и преклонили колени пред алтарем Господним. Когда все собрались, в церковь вошел Артур. На нем была золотая мантия с поясом из литого золота. Перед ним шествовали четыре короля: Кадор, Меуриг Хен, Фергус и Бан, каждый в алой мантии и с поднятым золотым мечом в руке. Церковь огласило пение: это монахи стройно запели хвалебные песни и псалмы, а с ними возвысили голоса епископы и архиепископы Британии, все в парадных облачениях и с жезлами сообразно их сану.

Вторая процессия, подобная первой, но составленная из женщин, вышла из дворца и другой дорогой двинулась к церкви Юлия. Впереди шествовали супруги Кадора, Меурига Хена, Фергуса и Бана, сопровождавшие Гвенвифар на коронацию. За королевой следовали те знатные британки, которых королева сочла достойными этой чести, а также жены, дочери и сестры подвластных Пендрагону королев.

Так прекрасны были их наряды, а лица озаряла такая радость, что от дам невозможно было оторвать глаз, и они едва добрались до церкви из-за напиравшей толпы, которая заполнила все улицы и то и дело раздражалась восторженными криками.

Когда собрались все царственные гости и народ, в обеих церквях отслужили торжественные мессы. Ни прежде, ни после не видел город большего благолепия. В конце службы архиепископ Иллтид воз-

ложил лавровый венец на чело Артура и провозгласил его императором Западной империи.

Чтобы слава мужа не затмевала ее собственную, Гвенвифар также получила венок и стала императрицей Западной империи. По завершении церемонии началось такое ликование, что народ устремлялся из одного храма в другой, дабы насладиться зрелищем торжества, дивным церковным пением и красотой императора и императрицы.

По всей Британии тот Тронцын день отмечался с величайшей пышностью, ибо Свет Небесный щедро изливался на Летнее Царство.

Приняв венцы, Артур и Гвенвифар пригласили гостей к пирушечным столам. Житницы, которые я с таким трудом строил, опустили, дабы приготовить великое множество кушаний. В мясе и меде, хлебе и эле, вине и сладких плодах не было недостатка. Когда столы заполнили дворец, празднество выплеснулось во двор, а оттуда на улицы, а с улиц за стены на окрестные луга и поля.

В разгар торжества гости вышли из города на уставленный шатра-ми луг и принялись состязаться в скачках и беге, кидании копий и камней, рукопашном бое, бое с мечами и других молодецких потехах. День прошел в веселье, и люди воистину поняли, что означает радость.

Три дня продолжался пир, а на четвертый явились двенадцать посланцев с востока, согбенных и белобородых, и у каждого на пальце было золотое кольцо, а в руке — оливковая ветвь.

— Здрав будь, Великий король! Мира и счастья твоему народу! — сказал первый из посланцев. — Мы явились к тебе от Луция, императора Восточной империи, молить тебя от его имени и вручить его надежды в твои руки.

С этими словами он извлек из складок одеяния запечатанный пергамент, который и передал Пендрагону. Пергамент распечатали, и Артур приказал, чтобы его огласили собравшимся. Стоя за спиной короля, Эмрис громко и отчетливо прочитал следующее:

"Луций, правитель Римского государства, Артуру, Верховному королю и Пендрагону бриттов, по заслугам его. Поражаюсь безмерно охватившей тебя гордыне. Ты царствуешь над всеми своими владениями и считаешь себя счастливейшим из людей. И все же ты не желаешь знать Рим, научивший тебя закону и справедливости, которые ты так чтить.

Следует ли напоминать, что ты римский подданный? Неужто Рим для тебя ничто? Или ты вознамерился собрать Западную империю под своей рукой и думаешь, что никто тебе не помеха?

Я, Луций, говорю тебе: доколе под небесами дышит хоть один недруг, ты — лжеправитель! Варвары осаждают Семь холмов и свободно прохаживаются по опустевшему форуму. Враги убивают наших людей и оскверняют нашу землю. Свободных законопослушных римлян заключают в узы и продают в рабство чужеземцам. Крики бездомных и умирающих оглашают сенат, шакалы терзают трупы детей.

Мы слышим о Могучем Пендрагоне, Главе Британии, Короле множества витязей. Весь день хвалы Артуру изливаются в наши уши. Слава твоя достигла концов земли. Но видим ли мы полки, встающие на защиту наших исконных земель? Видим ли мы, чтобы ты протянул руку помощи городу, которому обязан тем, чем ныне бахвалишься?

Ужели ты забыл своих благодетелей? Если твоя храбрость хоть вполовину так велика, как утверждают льстивые песнопевцы, что же ты мешкаешь? Варварские псы рвут горло Матери народов. Где Досточтимый Пендрагон?

Ты зовешь себя императором! Зовешь себя богом! Ты никто, ты ниже праха у своих ног, если откажешь в защите своей матери. Ты подлый негодяй, коли не выступишь сей же час, дабы восстановить *Pax Romana*".

Когда Мирддин Эмрис кончил читать, надолго воцарилась тишина. Всех потрясло, что столь обидное и унижительное послание вручили Верховному королю в самый миг его торжества. Артур немедленно удалился в комнату совещаний, дабы решить со своими приближенными (общим числом шестьдесят), каким будет ответ императору Луцию.

Когда все уселись за стол, Артур произнес суровым и торжественным голосом:

— Вы — мои ближайшие сподвижники, мои кимброги, в успехах и неудачах вы были вместе со мной. Помогите же мне снова. Преподайте мне мудрый совет и скажите, как поступить, получив такое послание.

Первым заговорил Кадор.

— До сего дня я страшился, что покойная жизнь превратит нас в трусов, а мирные годы разнежат. Хуже того, наша слава отважных бойцов забудется, и юные уже не услышат про Стаю Драконов. — Он с улыбкой оглядел товарищей. — Может быть, Господь для того и попустил этому письму добраться до нас, чтобы избавить нас от подобной участи? Неужто мы будем и впрямь наслаждаться миром, когда императорский престол осквернен варварами?

Многие охотно согласились с Кадором, но тут вмешался Гвальхмай.

— Государь мой, — воскликнул он, вскакивая с места, — не следует страшиться глупости наших юнцов. Если они позабудут жертвы, которые мы принесли, дабы сплотить это святое королевство, это их потеря, не наша. Даже будь это не так, мир бесконечно предпочтительнее войны.

Речь Гвальхмай остудила горячие головы, и многие его поддержали. Итак, Совет разделился и начались жаркие споры. Артур выслушивал всех, и чело его хмурилось все больше.

Через некоторое время поднялся Бан Бенвикский из Арморики и, воздев руки, призвал спорящих к молчанию.

— Государь, — объявил он, — я давно служу тебе добром, золотом и людьми. Скажу без похвальбы, что ни один из властителей не служил тебе вернее и дольше. Мне все равно, пойдем мы на Рим или останемся. Что мне суждения праздных юнцов? Довольно с меня и нынешней славы; я не стремлюсь еще выше вознести свое имя.

Однако, думаю я, не полезней ли нам будет поспешить на защиту Рима? Ибо, если мы распространим мир, которым наслаждаемся сами, на прочие края, стонущие под варварским игом, разве не лучше так будет всем? Более того, не зачтется ли нам в грех, если мы оставим без ответа мольбу о помощи, на которую легко могли бы откликнуться?

Я старик, мне уже не нужно одобрение других, чтобы думать о себе хорошо. Однако радость мне не в радость, когда другие страдают от несправедливости, которую я в силах исправить.

На это собравшиеся ответили согласным гулом. Что можно возразить на эти мудрые речи? Разумеется, так и следует поступить. Мы пойдем освобождать Рим не ради себя, но ради тех, кто стонет под пятой варваров.

Когда все было сказано и шум наконец улегся, Верховный король медленно поднялся.

— Спасибо, братья мои, — сказал он, — что дали мне разумный совет. А теперь я удалюсь и подумаю, как мне поступить.

Артур вышел, а гости вернулись к пиршеству — все, кроме Бедуира, Кая, Эмриса и меня. Мы вместе с королем отправились в его личные покои.

— Поверить не могу, что ты хоть на миг всерьез подумал идти на Рим, — с порога начал Бедуир. — Ты рехнулся, если хочешь оказать этому Луцию подобную честь.

— Говори откровенно, Бедуир, — с улыбкой отвечал Артур. — Не таись.

— Я серьезно, Медведь, — холодно продолжал Бедуир. — Ничего путного из этого не выйдет. Ни один бритт не вернулся из похода на Рим. Максен Вледиг пошел завоевывать Вечный город, и его обезглавили. Константин стал императором, и его отравили. Это волчья яма. Держись от нее подальше.

Кай с ним не согласился.

— Как Артур сможет называть себе императором, если оставит императорский престол варварам? Мое слово: отправляйся в Рим, освободи его и перенеси трон в Британию. Тогда он сохранится на все времена.

Я не знал, что и думать. И те и другие доводы казались мне разумными. Верно, что бритты, мечтавшие об императорской власти, дойдя до Рима, обычно погибали. Но мне казалось верным и другое: мир, ради которого мы столько сражались, будет не полным, покуда язычники вершат свои беззакония.

Так что мы все, включая Артура, устремили взоры на Мудрого Эмриса.

— Что ты на меня уставился? — спросил Эмрис. — Ты уже принял решение. Иди, делай, что решил.

— Но я не решил, — возразил Артур. — Господь свидетель, я колеблюсь между тем и другим.

Эмрис тряхнул головой.

— Никакие мои слова не изменят твоего сердца, Артур. Я дивлюсь, что ты еще не отдал приказ к отплытию.

— Чем я заслужил твои упреки? — обиженным голосом спросил Артур. — Скажи!

— Скажу. Если ты слушаешь таких, как Бан и Кадор, то заслужил любые упреки!

— Но я не слушаю их, я спрашиваю тебя.

— Тогда слушай хорошенько, ибо, закончив, я больше не стану об этом говорить.

— Как пожелаешь, — отвечал Артур, усаживаясь в кресло.

— Так слушай же, о король, Мудрейшего из Мудрых! — Эмрис, наподобие древних друидов, плотно завернулся в плащ, встал перед королем — голова запрокинута, глаза закрыты — и возгласил нараспев: — Весь труд моей жизни был к одному: чтобы Царство Лета родилось на этой земле. В тебе, Артур Вледиг, его осуществление. Ты —

предсказанный Витязь Света, ты — Светлая Надежда Британии, ты — Верховный Дракон Острова Могущественного, ты — Избранник Божий, щедро Им одаренный.

Слушай меня, Артур: Рим умирает, может быть, уже умер. Мы не в силах, да и не вправе вдохнуть в него жизнь. Старое должно уйти, чтобы уступить место новому. Так устроен мир. В Царстве Лета рождается новый порядок. Он не должен соприкасаться со старым, иначе ему конец.

Не дай поблекшему имперскому блеску затмить твой взор, не дай словам людей зажечь тебя жаждой славы. Будь императором Запада, коли угодно, но заложи новую империю здесь, в Британии. Пусть весь мир смотрит на Остров Могущественного, как мы некогда смотрели на Рим.

Будь первым в сострадании! Первым в свободе! Но пусть свобода и сострадание начнутся здесь. Пусть Британия, как маяк, осветит темные уголки мира. Рим — труп, пусть варварские полчища его хоронят. Пусть римское правосудие иссякнет, а Божье восторжествует. Пусть Британия станет первой в исполнении Божьего труда. Пусть Британия станет столицей Новой Империи Света!

Тут Эмрис набросил плащ на голову, закрылся им, как капюшоном, и больше не проронил ни слова.

Прошло три дня. Артур провел их в размышлениях, не выходя из своих покоев. На четвертый день он вновь созвал приближенных на совет, дабы огласить им свое решение.

— Долго я размышлял и взвешивал всевозможные доводы. Считаю, что не будет дурным делом пойти на Рим, постараться, коль сумеем, избавить тамошних жителей от притеснений и принять из их рук лавровый венок. Покорив Рим, я вернусь в Британию и буду править Новой Империей с Острова Могущественного.

Посему я приказываю собрать мои корабли и корабли всех, кто отправится со мной, чтобы со всей поспешностью отплыть в Рим и положить конец варварскому игу. Ибо я убежден, что никто не может быть вполне свободным, если торжествует несправедливость.

Речь Верховного короля приняли с восторгом, особенно те, что помоложе. Однако я заметил, что Артур все время смотрел на своих воинов и ни разу не поднял взор на Эмриса.

Сразу же после этого в королевских покоях Бедуир отважился упрекнуть Пендрагона в лицо. Артур выслушал его, ведь они были ближе, чем братья.

— Артос, это безумие. Ничего сумасбродней ты еще не выдумывал. Можешь возражать мне, если хочешь, но послушай Эмриса.

— Я всех слушаю, — упорствовал Артур. — Что плохого в том, что я хочу освободить Мать-Церковь от языческих гонений?

— Не надо про церкви, Медведь. Мы оба отлично знаем, зачем ты идешь. А если тебя убьют, как Максена Вледига?

— Это всего лишь один поход.

— Вот как? Если столицу Империи нужно спасать, пусть это делает Луций! Он что, предложил тебе помощь? Мы посеем, ее дожидаясь! Он хочет чужими руками жар загребать! Вот увидишь, он и спасибо потом не скажет. Что-то мне не верится, чтобы он протянул тебе руку дружбы.

— Какой ты мнительный, брат, — рассмеялся Артур.

— А ты упрямый.

— Мы друг друга стоим, не правда ли?

От Бедуира не так просто было отшутиться.

— Послушай меня, Арторий! Не ходи в Рим. — Он скрестил руки на груди. — Вот, я сказал тебе напрямик.

Артур довольно долго молчал.

— Означает ли это, что ты не пойдешь со мной?

— Святые и ангелы! — вздохнул Бедуир. — Конечно, я пойду с тобой. Как иначе я помешаю тебе сложить голову под варварским топором? — Бедуир помолчал и добавил: — Однако возникает еще вопрос: кто будет править королевством в твоё отсутствие?

— Об этом я уже подумал, — весело отвечал Артур. — Гвенвифар — царствующая королева в своём собственном праве. Она будет править вместо меня.

— Отлично, — одобрил Бедуир. — Первое разумное решение, которое я сегодня от тебя слышу. Ей по крайней мере не придет в голову бросаться на спасение гибнущих империй.

Под конец в столице остались мы с Эмрисом и Гвенвифар, а также небольшой отряд воинов. Гвенвифар сердилась на Артура за отъезд, главным образом потому, что предпочла бы сражаться бок о бок с ним, а не томиться в Британии. Довольно долго она рвала и метала, однако, когда подошел день расставания, повела себя достойно и величаво.

Сборы, раз начавшись, быстро набрали скорость. К началу лета все было готово, все воины Британии собрались — как легионеры три столетия назад — на берегах реки Окс, погрузились на корабли и отплыли в Рим.

После этого мы пробыли в Городе Легионов еще несколько дней, потом тоже сели на корабли и направились вдоль западного побережья в гавань Каер Лиала. Я не жалел, что остался с Эмрисом и королевой. Конечно, мне хотелось бы отправиться со всеми, просто чтобы увидеть Рим, но я понимал, что от меня, слабейшего из воинов Артура, будет больше проку, если я останусь здесь и пригляжу за его достоянием.

Дорога в Каер Лиал получилась очень приятной. По пути зашли на остров Аваллон, погостили несколько дней у Аваллаха с Харитой. Еще через день достигли гавани. Наконец-то мы вернулись на север.

Я сам удивился, как соскучился по родным краям. После людных южных городов Каер Лиал казался просторнее, воздух — чище, дни — ярче. Я радовался приволью и несколько дней посвятил делам, заброшенным еще с прошлой зимы. К тому же я собрался съездить в Каер Алклид, навестить мать, которую последний раз видел на коронации императора Артура, да и то мельком.

В день, намеченный для отъезда, я зашел на конюшню, велел оседлать коня, а сам поспешил во дворец — забрать подарки, которые приготовил для близких. Затем я намеревался попрощаться с Эмрисом и спросить, не хочет ли он передать со мной какого послания.

Я выходил из своей комнаты, когда услышал крики о помощи. Они неслись из дворца.

Роняя свертки, я ринулся в зал и, вбежав в него, оказался лицом к лицу с Медраутом.

ГЛАВА Восьмая

Четыре воина лежали убитыми в луже крови. Повсюду были пикты: они размахивали мечами, дубинками и копьями. Я — единственный, кто мог бы защитить королеву, — стоял безоружный. Медраут коснулся мечом моей шеи.

— Это что, мятеж? — спросил я.

— Мы явились поклониться императору, — с усмешкой произнес Медраут. — Вообрази мое разочарование, когда никто нас не встретил.

Два пикта уперли мне в бока копья. Это был бы мой последний миг, не останови их Медраут.

— Кадо! Имат! — выкрикнул он на их грубом наречии. Другому же смуглому пикту, судя по всему, королю, сказал: — Этот пригодится живым. Свяжите его и бросьте к остальным.

Меня связали по рукам и ногам толстыми кожаными веревками и волоком потащили через двор. Всюду видны были следы ожесточенной и короткой борьбы: груды мертвецов, вооруженных и безоружных, разрубленные на месте тела.

Нас разгромили раньше, чем мы успели сообразить, что к чему. Те же, кто остался в живых, стали заложниками Медраута — унижение горше смерти.

Гнев и потрясение свивались во мне, словно две змеи. Мерзость! Позор! Гнусный Медраут совершил немыслимое.

Более тридцати воинов королевы попали в плен — настолько мы не ожидали нападения. Никто, от первого витязя до последнего конюха, не дался бы живым, будь у него оружие или хоть возможность размахнуться кулаком.

Все они стояли, понутив от стыда головы, в окружении стражников-пиктов. В городе поднимались столбы дыма, вдалеке слышались вопли и стоны. Меня отвели к остальным бриттам. Через несколько минут из дворца грубо выволокли Эмриса и королеву. При виде Мирддина и Гвенвифар, связанных, в руках у врагов, ко рту подступила горечь. Меня стошнило черной желчью, из глаз хлынули слезы.

Медраут с лицом диким и неестественным, вышел во двор в сопровождении двух воинов-пиктов — сам он даже сражаться не умел. По правде сказать, он был лишь коварным трусом.

Подойдя к тому месту, где ждали пленные, он что-то коротко приказал на варварском наречии. Тут же пикты подняли мечи и копья и принялись убивать пленных. Вокруг меня падали на землю храбрецы. Отважные до последней минуты, они умирали без звука, без стона. Один старый воин в шрамах от множества походов выхватил направленный в него меч и с громким криком вонзил себе в сердце, дабы избежать позорной смерти от вражеских рук.

Меня бросили на землю и прижали острием копья. Когда все закончилось, нас уцелело лишь одиннадцать человек. Медраут оставил в заложниках самых заметных людей: королеву, Эмриса, меня и еще восемь человек, за которых надеялся получить выкуп.

Что ж, бесчинствуй, злодей. В тот день, глядя, как гибнут отважные, я поклялся умереть, но увидеть, как псы Верховного короля рвут на части обезглавленный труп Медраута.

Меня бросили в смрадную яму у основания крепостной стены. Здесь я и оставался вместе с немногими уцелевшими заложниками, не зная, день сейчас или ночь и что стало с Эмрисом и королевой.

Иногда захватчики-пикты вытаскивали нас из ямы и проводили в цепях по двору, хвастаясь перед своими соплеменниками. В один из таких дней я узнал, что мы попали в руки некоего Келдриха, влиятельного пиктского короля, у которого нашел приют бежавший Медраут.

Келдрих призвал в Каер Лиал свирепые северные племена, дабы показать, что они с Медраутом и впрямь захватили град Пендрагона. Весть о мятеже распространялась среди пиктов, как моровое поверие. Те и прежде недолюбливали Артура, их не нужно было подстрекать долго.

Слепец увидел бы, что здесь творится! Взяв в плен королеву, изменник принялся склонять пиктов на свою сторону и вскоре заручился их согласием.

Занятно, что пикты, как и другие примитивные народы, считают, что королевская власть заключена в супруге правителя. Жена короля становится символом его царствования. Эти представления уходят корнями в глубокую древность и прочны, как камень.

Вот почему пленение Гвенвифар произвело на пиктов столь сильное впечатление: она была "королевской властью" Артура. Завладев

ею, Медраут завладел и британским тронem. Для пиктов это было очевидно. Взяв в плен королеву, Медраут стал королем. В глазах пиктов гордая Гвенвифар была отныне его женой.

Разумеется, все понимали, что Артур вернется и будет сражаться за трон. Медраут намеревался встретить его во всеоружии. Щедрыми посулами и лстивыми уговорами он склонил на свою сторону мятежных вождей. К середине лета пиктские полчища были готовы к войне. С каждым днем все новые и новые дружины прибывали в Каер Лиал — из Ски, Друима и Гододдина, Атфотлы и Кайта. Они приходили сотнями и собирались в могучее воинство — отдельные племена, объединенные лишь общей ненавистью к Артуру и обещанием богатой добычи.

Шумно отпраздновав Лугназад, пиктские военачальники вновь приказали провести перед собой закованных в цепи пленников. Когда я их увидел, у меня перехватило дыхание. В зале Артура собралось великое множество размалеванных пиктских вождей, каждый из которых привел не по одной сотне воинов. Никогда еще в Британии не собиралось такое войско, подумал я, где уж Пендрагону его одолеть.

К нашему стыду, мы должны были прислуживать захватчикам за столом и терпеть их жестокие издевательства: они, развлекаясь, до удушья таскали нас за цепи. Когда пьяное веселье было в самом разгаре, Медраут встал и важно обратился к собравшимся вождям. Не знаю, что он сказал, но в ту ночь нас уже не бросили в яму. Мы, как были в цепях, спали в сарае, а наутро нас вывели во двор.

Всех заложников согнали в кучу, и я, к радости и облегчению, увидел, что Эмрис и королева живы и невредимы. Я не видел их с падения Каер Лиала и страшился за их безопасность. Хотя королеву к нам не подпустили, я заметно приободрился, видя ее все такой же гордой и непреклонной. Зато к Эмрису мне удалось подобраться совсем близко.

— Здоров ли ты, Эмрис? — спросил я.

— Здоров, Анейрин, — хрипло ответил он. — А ты?

— Я цел, как и мои спутники, — отвечал я. — Известно ли тебе, что происходит?

— Артур возвращается, — сказал мне Эмрис. — Несколько дней назад Медрауту сообщили, что показался королевский флот. Сегодня будет сражение.

Слова эти наполнили меня радостью, но я видел, что Эмрис по-прежнему опечален.

— Ведь это добрая весть, — сказал я, — в чем же беда?

— Мы столько претерпели, столько трудились, а теперь все вот так пошло прахом, — сказал он, — а ты спрашиваешь, в чем беда.

— Артур победит.

Эмрис долго смотрел на меня, его золотистые глаза туманила печаль.

— Уповай на Бога, Анейрин. И молись, чтобы небеса не обрушились на нас.

Я отошел, смятенный и опечаленный. Все прежние страдания отступали перед отчаянием, в которое повергли меня эти слова. Впервые я по-настоящему оценил измену Медраута. Сердце мое разбилось, душа рвалась из тела, так горько мне было.

Спустя некоторое время нас повели через город в гавань, куда как раз входили корабли с Оркад. Я не догадывался, что Лот в сговоре с Медраутом, но — позор на его голову! — он и не попытался помочь королеве. Напротив, на глазах у всех вышел на берег в сопровождении приближенных и обнял изменника, словно родича.

— Как такое возможно? — вслух подивился я. (Мы с Эмрисом сидели на корточках на берегу.) — Я думал, Лот — союзник Артура.

— Разве ты еще не понял?

И вновь я должен был сознаться в своем неведении.

— Ты хочешь сказать, Лот — тоже изменник?

— Разве ты еще не знаешь Медраута?

— Он сказал, что его отец — пиктский правитель, Уриен из Монота. Вот все, что он сказал, когда явился к Артуру, — ответил я.

— Он не пикт, — отрезал Эмрис. — Подумай! Разве ты не видел, как они с ним обращаются и как он перед ними заискивает?

— Я сидел в яме! — напомнил я. — Где мне было видеть!

— Медраут — сын Морганы! — На мой недоверчивый взгляд Эмрис ответил еще более ошеломляющими новостями. — А человек, который приветствует Медраута на берегу, — не Лот, а его сводный брат, Уриен.

— Но Медраут сказал, Уриен — его отец, — напомнил я. — Зачем ему было так лгать?

Эмрис медленно покачал головой.

— Это, — сказал он, — и есть та единственная правда, которую сообщил Медраут. Правда, которая в конце концов свела Лота в могилу.

Постепенно до меня дошел страшный смысл этих необычайных слов. Все внутри меня содрогнулось от отвращения.

— Моргана вышла за Уриена, своего собственного сына, — сказал я, понимая наконец все. — От кровосмешения родилось дитя, и дитя это — Медраут.

— Мои годы слепоты — ничто в сравнении с этим, — горько проговорил Эмрис. — Я, единственный из людей, мог бы понять, с кем мы воюем. Наверное, не только зрение мое ослабело. Но вот что случилось: Моргана подбросила Артуру свое дьявольское отродье, зная, что так или иначе будет отмщена.

Отмщена! От этого слова разило смертью. Я слышал в нем крик воронов над залитыми кровью полями. О, враг неутомим в своей злобе и бесконечно изобретателен. Внезапно я почувствовал себя маленьким и невежественным. Я ничего не знал об истинной сущности мира. О силах, ополчившихся против нас. Ничего...

— Что делать? — спросил я, надеясь услышать от Эмриса слово надежды.

— Что нам дано сделать, то мы и сделаем, — сказал он и отвернулся. — В конце концов мы все-таки люди, не ангелы.

Слова эти не ободрили меня и не обнадежили; я вновь, словно в смрадную яму, был брошен в пучину отчаяния. В бессильной ярости я молотил кулаком по колену. Если б я мог убить изменника здесь и сейчас, я сделал бы это даже ценой своей бессмертной души! Но я был бессилен что-либо предпринять, мне оставалось только стоять и смотреть.

Корабли Уриена перекрыли вход в гавань. Когда Артур подойдет, он не сможет сразу сойти на берег, но вынужден будет пробиваться с боем. Коварный Медраут обеспечил себе все преимущества.

Однако здесь я ошибся. Расставив корабли, Медраут приказал войску пиктов отойти в холмы. Гвенвифар, Эмриса и других заложников посадили на коней и отправили с дружиной Келдриха.

После этого Медраут повернулся ко мне.

— Ваш славный Пендрагон возвращается. Когда он прибудет, скажи ему вот что: я жду его в холмах. Эмрис и Гвенвифар со мной. Он придет один, и я его приму.

— Не будет этого! — крикнул я.

Медраут с размаху ударил меня по губам.

— Скажи ему! Если он приведет с собой войско, я убью королеву раньше, чем он вступит в кривую балку. Это наше с ним личное дело. Когда я взыщу за кровь матери, я отпущу заложников — не раньше.

Я смотрел на тирана, сузив глаза.

— Говори, что хочешь, и знай, что я передам ему все. Но не будь безумцем и не думай, что Пендрагон встретится с тобой наедине в том месте, которое ты укажешь.

Медраут застыл. Руки его затряслись, словно он тщетно силился с ними совладать. Лицо исказила дикая усмешка.

— Так пусть возьмет с собой ближайших друзей. Да, самых лучших! Но если при них будет хоть один меч, королева погибнет и с ней вместе Эмрис.

Меня пристегнули цепью к железному причальному кольцу и оставили одного. Весь день я смотрел и ждал, а после всю ночь дрожал от холода без питья и еды.

Когда небо на востоке сделалось серо-стальным, я проснулся и увидел, что в гавань входят суда. У первых пяти был на парусах алый дракон, за ними следовали еще пятнадцать, и двадцать приближались к входу в залив.

Корабли, лавируя между судов Урниена, направились к берегу. Я стоял по щиколотку в морской воде, ожидая, когда ко мне подойдут. Артур сошел на сушу одним из первых и с тревогой обратился ко мне.

— Где они? Что здесь происходит?

Вокруг быстро собрались Бедуир, Кай, Кадор и Гвальхмай.

— Мы — заложники, государь, — сказал я, указывая на свои цепи. Верховный король вытащил Калибурн — Руби Сталь — и одним могучим ударом освободил меня от причального кольца.

— Спасибо, Пендрагон. Я знал, что ты придешь. Не оставишь нас предателю-Медрауту.

— Где этот пес? — вскричал Кай. — Я прикажу вздернуть его на воротах Каер Лиала.

Бедуир поднял мою цепь.

— Что с королевой и Эмрисом? Они живы?

— Живы, — отвечал я, — но все, кроме заложников, перебиты.

— Он заплатит за это жизнью! — провозгласил Кадор и ударил себя кулаком в грудь.

Артур поглядел на разрушенный город, потом вновь на меня.

— Куда они ушли? — тихо спросил он.

— Государь, мне велено передать тебе следующее, — сказал я, — но, прошу, помни, что это слова Медраута, не мои.

— Ради всего святого, — вскричал Кай, — не томи!

Я тяжело сглотнул и начал:

— Мне велено сказать, что он будет дожидаться тебя в холмах. Эмрис и Гвенвифар с ним. Ты должен явиться к нему, взяв лишь нескольких доверенных советников, и Медраут тебя примет.

Кай фыркнул, Бедуир тихо ругнулся. Кадор открыл рот, чтобы заговорить, но Артур взмахом руки призвал их к молчанию и велел мне продолжать.

— Медраут сказал: если ты возьмешь с собой войско, он убьет Эмриса и королеву раньше, чем ты вступишь в кривую балку. Он сказал, что отпустит заложников, когда взыщет за кровь, не раньше.

— Взыщет за кровь? — подивился Бедуир. — Чья между вами кровь? — спросил он Артура.

— Его матери, — отвечал я.

Все в тревоге переглянулись.

— Кто его мать? — спросил Кай.

— Моргана, — отвечал я. — Так говорит Эмрис.

Я рассказал им то, что слышал от Мирддина о противоестественном рождении Медраута. Гвальхман слушал в зачарованном молчании.

— Это многое объясняет, — заметил Артур. Он повернулся к Гвальхману. — Ты ни в чем не виновен.

— Я *никогда* не доверял этому лстецу, — пробормотал Кай.

— Что еще он велел передать? — спросил Бедуир.

— Только одно: вы должны придти безоружными. Если Медраут увидит хоть один клинок, королева и Эмрис умрут. Так он сказал.

— Сколько с ним воинов?

— Тысячи... по меньшей мере пятьдесят тысяч. Точно не знаю, но куда больше, чем мне доводилось видеть. Все пиктские племена здесь.

На мгновение мне показалось, что я увидел поражение в смелых синих глазах. Но я ошибся.

— Кривая балка... — промолвил Артур, разглядывая окатанную морскую гальку под ногами. — Камбогланна... Камлан?

Он вскинул голову и мрачно улыбнулся.

— Медраут хитер, — заметил Бедуир. — Вот куда он их увез — в узкую лощину, над которой стоит крепость. Там точно голову сложишь.

Я понял всю справедливость его слов, когда Артур, Бедуир и Кай осматривали это место с ближайшего холма. Я был с ними, и сердце мое лишилось последней надежды.

Медраут увел войско на восток, в лошину под Валом. К северу от нее вздымался скалистый уступ, к югу — высокий холм, увенчанный старой римской крепостью Камбогланна, или, как ее называли теперь, Камлан. Старое название означало "кривая балка" и дано было не зря. Длинная, узкая, круто огибающая скалистый уступ, пустынная и каменная лощина прекрасно годилась для засады.

Крепость, даже полуразрушенная, по-прежнему господствовала над местностью. Войско Медраута могло без труда удерживать свои позиции, Пендрагону же пришлось бы сразу пробиваться в двух направлениях.

Кай осмотрелся по сторонам и сказал.

— Надеюсь, ты не думаешь идти к нему безоружным?

— У меня нет выбора, — ответил Артур.

— Выбор всегда есть. — Бедуир внимательно разглядывал холмы и крепость. — Они ждут нас, чтоб заманить в ловушку, — я за версту чую предательство.

— В этом не может быть сомнений, брат, — спокойно отвечал Пендрагон.

Кай громко хохотнул, так что Бедуир даже повернулся к нему в седле.

— Там ждут пятьдесят тысяч пиктов, охочих до нашей крови, а тебе смешно?

— Нет, нет, — отвечал Кай, — просто я думаю. Помните, как Цердик взял Борса в заложники?

Артур улыбнулся.

— Конечно.

— Ты мигом разбил его надежды, сказав: "Убивай, если хочешь". Цердик такого не ждал. — Кай указал вниз, на лошину. — Если ты скажешь то же Медрауту, он живо проглотит язык!

Он снова рассмеялся, и Артур вместе с ним. Я понял, что впервые слышу, как Пендрагон хохочет.

— Хотел бы я на это посмотреть!

Бедуир уничижительно смотрел на обоих.

— Не принимай всерьез этого рыжего балагура, Артос. Речь о жизни Гвенвифар.

— Не страшись, брат, — весело отвечал Артур. — Я знаю свою жену — она сможет оценить шутку. — Он оглядел соседние холмы. — Встанем на высоком месте, вон там и там, — молвил он, указывая на две высокие макушки. Вновь передо мной был боевой вождь.

— Кадор поведет правый фланг, Бан — левый... — Пендрагон повернулся и пошел с холма к спрятанному там войску. Кай и Бедуир двинулись за ним, продолжая обсуждать планы. Я еле за ними поспевал.

Как только мы спустились с холма, приказы Пендрагона передали начальникам дружин, и войско тут же принялось выстраиваться в боевые порядки. Артур надел кольчугу и увенчанный гребнем шлем, прицепил на бок Калибурн и повесил на плечо Придвен, белый боевой щит с крестом Господним. В руку он взял свое копье, Рон, прошедшее с ним множество яростных схваток.

Его прославленные товарищи также облачились для боя: Бедуир, Кай, Гвальхмай, Гвальхавад, Борс, Лленллеаог и Рис. Видя, что все эти отважные витязи готовы выступить против Медраута, сердце мое возликовало.

Затем Верховный король сел в седло и его воины тоже. Вместе они направились в кривую балку — Камлан, долину смерти.

Я стоял на холме рядом с Кадором и смотрел вниз. Сердце бешено колотилось. Я не знал, что будет, страшился худшего, молился о лучшем.

Поначалу казалось, что молитвы мои услышаны.

Когда Пендрагон и его люди въехали в лощину, появился укрывавшийся в крепости Медраут. С ним были Келдрих и заложники, а также человек тридцать пиктов — голые, размалеванные соком вайды, с волосами, белыми от извести и стоящими дыбом, словно иглы или шипы. Щиты и наконечники их копий тоже были побелены известью.

На полпути к ручью, бегущему по днищу долины, Медраут остановился. Он видел, что Пендрагон, пренебрегая его словами, приехал вооруженным. Медраут круто повернулся, вскинул руку и указал на заложников.

Однако Келдрих шагнул вперед. Быстро посоветовавшись, они продолжили путь. Без сомнения, Келдрих объяснил вспыльчивому Медрауту, что, убив пленных, они лишатся своего преимущества. Так или иначе, стальная непреклонность Пендрагона вновь себя оправдала.

Два отряда остановились поодаль на разных берегах ручья. Артур спешился, его спутники остались в седлах. Артур и Медраут сблизились. Я отдал бы правую руку, чтобы услышать их разговор, но мог лишь наблюдать за ними сверху, откуда все было видно, как на ладони.

Некоторое время они разговаривали, потом Медраут вернулся туда, где под охраной вооруженных пиктов находились заложники.

Гвенвифар шагнула вперед; тиран схватил ее за руку и потянул туда, где стоял Артур. Кай схватился за меч. Бедуир, успокаивая, положил ладонь на его руку.

Перед ручьем, где стоял Артур, Медраут схватил королеву, что-то выкрикнул — я слышал эхо, но не разобрал слов — и со всех сил ударил ее по лицу. Королева рухнула на колени.

Артур стоял, как изваяние. Ни один его мускул не дрогнул.

Медраут нагнулся над королевой, схватил ее за волосы и рывком запрокинул ей голову, обнажая горло. Что-то сверкнуло в его руке. Кинжал!

Медраут снова закричал. Артур стоял безмолвно.

Кинжал взметнулся вверх и стремительно упал.

Сердце мое замерло.

Я открыл рот, но, прежде чем успел вскрикнуть, Артур бросил копьё.

Неотвратимо, как Божье возмездие, оно пронеслось в воздухе. Я ни разу не видел, чтоб копьё бросали так быстро и с такой силой. Оно вошло Медрауту в грудь и пронзило его насквозь.

В следующий миг Артур был уже над ним и вгонял копьё еще глубже. Однако Медраут, словно не замечая боли, ухватился за копьё и подтянулся по нему к Артуру. Он дико размахивал кинжалом. В какой-то миг лезвие коснулось Верховного короля.

Тот выпустил копьё, и предатель, корчась, упал на землю. Пендрагон выхватил Калибурн и срубил Медрауту голову.

Все это я видел совершенно ясно. Столь же ясно я видел, как Келдрих поднял копьё, подавая сигнал к атаке. В следующий миг лощина наполнилась пиктами! Казалось, они лезли прямо из-под земли: из-за камней и кустов, из ям и других укрытий.

— Засада! — вскричал Кадор и с бранью вонзил меч в землю.

Келдрих спрятал в лощине человек шестьдесят пиктов, и теперь они выскочили все разом. Пендрагон был окружен.

Гвенвифар подбежала к Медрауту, вырвала копьё из его груди и встала рядом с супругом. Они стояли одни перед целой дружиной.

В тот же миг с другого борта лощины донесся громогласный боевой клич: это поднялись прятавшиеся до того пикты, все пятьдесят тысяч. С копьями в руках стояли они на вершине холма, оглашая округу своим воем. От этого звука у меня мороз пробежал по коже.

— Быстрее! — крикнул я Кадору. — Прикажи трубить к бою!

Кадор, мрачный, решительный, мотнул головой.

— Не могу. Мне приказано стоять, если только пикты не нападут.

— Смотри! — Я указал рукой вниз. — Они нападают!

— Не могу! — вскричал Кадор. — Мне велено стоять!

— Их убьют!

— Все может быть! — крикнул Кадор. — Но если войско не двинется, я буду стоять!

Тут я понял. Что бы ни происходило между Медраутом и Верховным королем, Артур взял с Бана и Кадора клятву не вмешиваться. Покуда главные силы пиктов стоят на месте, бритты не должны давать им повода для атаки. Если начнется война, пусть ее начнет не воинство Пендрагона. А поскольку главные силы пиктов пока не вступали в бой, Кадору оставалось только стоять на месте.

Вне себя от ярости и страха я вновь повернулся к кривой лошине. Артур снял с плеча Придвен — теперь его держала Гвенвифар. Пикты напирали на них, но воины Круглого стола, Стая Драконов, уже вступили в бой.

Славные Драконы ударили на пиктов в тот самый миг, как они поровнялись с Артуром. Я стоял и дивился, как мастерски бритты схватились с вражеским отрядом, разбили его надвое и погнали в стороны.

Кай и Бедуир бок о бок врезались в середину Келдриховой дружины, насаживая на копья врагов. Гвальхмай и Гвальхавад ударили справа, рассеивая неприятеля. Борс, Лленллеаог и Рис налетели слева, рубя пиктов, словно жнецы колосья.

В кипении тел, рук и клинков я различал, как неумолимо вздымается и падает Калибурн, и каждый удар его означал смерть. Вода в ручье обогрилась кровью.

Каждое мгновение я ждал, что пикты ринутся на помощь Келдриху, но всякий раз, поднимая глаза на холм, видел их на прежнем месте. Что они медлят?

Воздух наполнил оглушительный гром битвы: крики, вопли, визг, от которых холодела душа. Первое исступление прошло, сражающиеся вошли в неумолимый ритм боя. Везде, куда ни посмотри, враги метались в попытке сплотить ряды. Келдрих стоял посреди поля, пытается успокоить своих обезумевших соратников.

Однако пикты продолжали бестолково метаться, нанося удары куда придется и вновь отбегая прочь. Бритты использовали эту слабость; мне оставалось только дивиться жестокой отточенности их мастерства. Половина Келдриховых бойцов полегла раньше, чем он сумел снова собрать их вместе.

Однако, объединившись, пикты снова начали брать верх. Они наступали, перешагивая через убитых товарищей, тесня Стаю Драконов обратно к ручью.

О Небо! Гвенвифар на земле! Четыре плечистых варвара прижали ее копытами... Я отвел глаза.

Но падение королевы не прошло незамеченным. Из ниоткуда возник верный Лленллеаог. Копье его вошло в живот самого высокого пикта. Остальные мигом отпрыгнули в стороны. Бесстрашный ирландец соскочил с седла, подхватил Гвенвифар и усадил на своего коня.

Королева, сжимая в руке окровавленный обломок копья, отбросила бесполезное древко, и верный витязь вложил в ее руку свой меч. Враги вновь напирали. Лленллеаог повернулся к ним. Он вскочил на спину ближайшему пикту, коя кинжалом, и рухнул вместе с убитым. Больше я его не видел.

Гвенвифар, только что спасенная от смерти, вновь оказалась в опасности. Три пикта налетели на нее, как только она ринулась на выручку Лленллеаогу. Двое наставили на нее копья, третий нацелился по ногам лошади. Первым взмахом меча она срубила наконечник копья и в тот же миг дернула поводья, так что конь вздыбился. Копыто пришлось нападающему по темени. Череп треснул, словно яичная скорлупа, противник упал мертвым.

Два уцелевших пикта остервенело размахивали копьями. Королева отвела копья ободом щита Артура и одним широким взмахом меча провела обоим врагам по горлу. Пикты выронили копья и ухватились за булькающие кровью раны.

Гвенвифар сбила их конем и снова устремилась к Артуру. К ним присоединились Борс и Рис. Вчетвером они ринулись в самую гущу сражения, где враги окружили Гвальхавада и Гвальхмай. Эти двое бились, как исполины! Однако на моих глазах Гвальхмай стащили с седла и задавили кучей.

Гвальхавад остался сражаться один. Неужто никто не спасет его?

Я оглядывал поле боя и внезапно увидел, что Эмрис с уцелевшими пленниками заходит в спину Келдриху. Пикты, бросившись на Артура, оставили их на холме. Заложники быстро освободились от пут и, подобрав оружие мертвецов, напали на противника сзади.

Ну теперь-то, подумал я, пиктское войско бросится на подмогу своим. Однако оно продолжало стоять на холме, не сдвигаясь ни на шаг.

Пленники с криком ринулись в бой. Келдрих повернулся к ним, и это его сгубило. Заложников было всего человек десять, к тому же пеших. Лучше б он поостерегся Стаи Драконов, по-прежнему наступающей на его ряды. Однако пикты были в замешательстве и бессмысленно тыкали копьями, плохо понимая, что происходит.

Может быть, Келдрих полагал, что победа над пешими бриттами воодушевит дружину, из которой оставалось в живых всего человек двадцать. А может, надеялся вновь захватить Эмриса в заложники и таким образом выторговать себе жизнь. Не знаю, но повернуться спиной к Пендрагону оказалось роковой ошибкой — последней в жизни Келдриха.

Ибо Пендрагон устремился вперед в тот же миг, как увидел спину вражеского вождя. Калибурн косил, как коса. Никто не мог устоять против клинка, который направляла рука Артура. Слишком поздно Келдрих осознал опасность. Он повернулся и занес меч. Артур щитом отразил удар и вонзил острие меча под вскинутую руку Келдриха.

Вождь пиктов только ахнул, когда Калибурн вошел ему в сердце, и ничком рухнул наземь; пятки его забарабанили по камням.

— Победа! — вскричал я. — Видите? Артур победил!

Крик замер на моих губах: Кадор, вытащив меч, указывал острием меча на другую сторону долины. Пиктское воинство строилось в боевые порядки. Передовые воины уже медленно спускались в лошину.

— Кимброги! — вскричал Кадор, выхватывая меч. Крик его подхватили, зазвенела сталь — это бритты готовились встретить врага. На холме слева от нас пришло в движение войско Борса. Солнце сверкало на ярко украшенных шлемах, копья теснились, словно молодой лес.

Пятнадцать тысяч бриттов были готовы к встрече с врагом. Кто-то принялся бить в щит древком копья — древний вызов на бой. Другие подхватили, и вот уже все британское войско колотило копьями о щиты. Гром прокатывался по узкой долине и эхом отдавался в холмах.

Барабанная дробь отзывалась у меня в животе и мозгу, поднималась через ступни по телу. Сердце бешено колотилось в груди. Я раскрыл рот и присоединил к общему грохоту свой ликующий вопль. Крик вырвался из глотки и выплеснулся в холмы, словно великий и страшный глас рока.

Хотя пикты многократно превосходили числом воинство Пендрагона, у нас было шесть тысяч коней. Думаю, именно это, а не наш боевой клич, пусть даже такой устрашающий, остановило пиктов. И я не обвиню их в трусости. Напротив, безрассудством было бы не оценить

конницу Пендрагона. Говорят, что один конный стоит десяти пеших, и в словах этих заключена мудрость.

К тому же восстание затеяли Келдрих и Медраут, их смерть освободила пиктских вождей от данного слова. Даже пиктам неохота идти на смерть ради сомнительной военной добычи.

Итак, едва битва при Камлане достигла своего кровавого завершения, все мятежное воинство пиктов просто повернулось и растворилось в северных холмах. Когда Артур смог наконец поднять глаза от груды мертвецов, враг уже исчез. Мятеж был подавлен.

ГЛАВА девятая

Рис протрубил победу, и мы ответили ликующим криком, от которого содрогнулись холмы. Мы били копьями и мечами в ободья щитов, подбрасывали оружие в воздух, кричали от радости, потом все разом устремились в долину, к Пендрагону. Пешие бегом, конные во весь опор — неслось воинство к победителям.

Я орал до хрипоты, ноги сами несли меня вниз, душу переполняли радость и облегчение. Я кричал, обращаясь к синему небу, к Подателю щедрот, к Искупителю, Который не предал нас нашим недругам. Я бежал по каменистому склону, а слезы потоком струились по щекам.

Повсюду ликующие бритты криками выражали торжество. Мятаж подавлен. Медраут мертв. Пикты отступили и больше нам не страшны.

Запыхавшись, я вбежал в ручей, перешел на другую сторону и тут же оказался перед плотным кольцом бриттов. Они обступили кого-то, лежащего на земле. Рядом стояла оседланная лошадь без всадника. Я ввинтился в затихшую толпу и услышал знакомый голос:

— Пустяки, царапина! Поднимите, Бога ради. Я могу стоять...

Я протиснулся ближе и увидел копну рыжих волос. Кай!

Боевой вепрь лежал, раскинув ноги и прислонившись спиной к камню. Он силился встать, но никто ему не помогал. В первый миг я удивился, но тут увидел страшную рану на бедре.

— Подожди немного, — сказал кто-то. — Эмрис к тебе подойдет.

— Так поднимите меня! — вскричал Кай. — Пусть он не видит, как я валяюсь. Я могу стоять.

— Твоя нога...

— Перевяжите чем-нибудь! Скорей! Мне надо к Артуру.

Кто-то уже перевязывал рану полоской материи. Я, пятясь, выбрался из толпы и, спотыкаясь о мертвецов, бросился искать Эмриса. Когда я нашел его, он перевязывал одному из воинов сломанную руку.

— Мудрый Эмрис! — закричал я. — Скорее! Кай ранен! Молю тебя!

Он тут же повернулся.

— Где он?

Я перевел его через ручей к окружившей Кая толпе. Эмрис торопливо устремился вперед, толпа на миг расступилась и снова сомкнулась за ним. Я протолкался следом как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эмрис склонился на Каем. Лицо великого воина было теперь бледным, как зимняя луна.

— Ради Бога! Я могу стоять.

— Кай, — тихо проговорил Эмрис, — дело плохо.

— Царапина, — возразил Кай, но голос его звучал гораздо слабее.

— Язычник еле задел меня. — Он попытался подняться, цепляясь за Эмриса. Кровь хлынула струей.

— Успокойся, друг, — тихо, повелительно сказал Эмрис. Он затащил полоску материи на ногу у Кая, сразу над коленом.

— Ты хочешь сказать, я ранен?

— Рана глубже, чем тебе кажется.

— Так перевяжи ее. Мне надо к Артуру.

Эмрис поднял глаза, увидел меня и сказал:

— Быстрее приведи Артура.

Я замер, глядя на Кая, который слабел на глазах.

— Беги! — повторил Эмрис. — Ради Бога, быстрее!

Я повернулся и побежал, не раздумывая, увидел алый с золотом штандарт и устремился к нему, расталкивая наводнивших долину ликующих бриттов.

— Господин, — выговорил я, протискиваясь к Артуру, — Кай ранен. Эмрис зовет тебя поскорее прийти.

Артур повернулся.

— Где он?

Я указал на другой берег ручья.

— Там. С ним Эмрис.

Король вскочил на ближайшего коня и поскакал по полю. К тому времени, как я его догнал, Кай уже не мог поднять головы. Она покоилась на плече у Артура, а Пендрагон Британии гладил другу чело.

— Стар я для этого, Медведь.

— Не говори так, брат, — произнес Артур сдавленным голосом.

— Ничего, ничего. Мы ведь шли по земле королями, верно?

— Верно, Кай.

— Что еще человеку нужно?

Слезы блеснули в глазах Верховного короля.

— Прощай, Кай ап Эктор, — тихо выговорил он.

— Прощай, — шепнул Кай. Он поднял дрожащую руку, и Артур крепко сжал ее в своей. — Да хранит тебя Бог.

Голос его был тих, как веяние ветерка, но и он смолк.

Артур Пендрагон долго стоял на коленях возле мертвого друга, сжимая его верную руку. Кай снизу вверх смотрел в лицо королю, но его зеленые глаза уже начинали блекнуть. Мертвые губы улыбались.

— Прощай, брат, — прошептал Артур. — Благополучного тебе странствия.

Затем Верховный король ласково опустил тело на землю и встал.

— Телегу сюда! Повезем его в святилище. Я не допущу, чтоб его похоронили здесь.

Пендрагон приказал завернуть тело Кая в ткань и погрузить на телегу. Когда все было закончено, появился Бедуир, белый, как смерть, ведя в поводу лошадь. Через седло было перекинута тело. Я только взглянул на него и рухнул на колени.

Артур без единого слова снял с седла мертвое тело Гвальхман. Из груди, сразу над кольчугой, торчал окровавленный обломок стрелы. Лицо Гвальхман было в крови, руки тоже — видимо, он тщетно силился вырвать стрелу из груди, но сумел лишь сломать ее.

— Где Гвальхавад? — тихо спросил Бедуир. — Я сам ему скажу. — Тут он увидел телегу и воинов, укладывавших на нее тело. — Господи Боже! Кай!

Бедуир, шатаясь, подошел к телеге и остановился, закрыв глаза, потом взял холодную руку Кая и прижал к своему сердцу. Простояв так долгое время, он повернулся и пошел прочь.

Я остался возле телеги, и через некоторое время Бедуир возвратился с телом Гвальхавада. Нежно он снял товарища с седла и уложил рядом с Гвальхман. Горестной была кончина этих витязей, которых ненавистный Медраут сгубил в отместку за свою мать.

Артур в глубокой печали смотрел, как мы заворачивали тела. Вернулся Мирддин, увидел на его рубахе кровь и молвил:

— Сядь, Артур. Ты ранен. Позволь мне тебя осмотреть.

— Не надо, — отвечал Артур, — это пустяки. Позаботься лучше о других. — Он вновь обратил взгляд на поле сражения. — Где Гвенви-фар?

Артур отыскал королеву над телом ее родича Лленллеаога. Заслышав шаги мужа, она подняла к нему заплаканные глаза.

— Погиб, защищая меня, — тихо выговорила она.

Артур опустился на колени и обнял жену за плечи.

— Кай погиб, — сказал Пендрагон. — И Гвальхмай с Гвальхавадом. — Он с горечью взглянул на витязя королевы. — И Лленллеаог.

При этих скорбных известиях королева закрыла лицо руками и зарыдала, потом набрала в грудь воздуха и, овладев собой, промолвила:

— Как ни черен для меня этот день, он был бы в тысячу раз чернее, если бы погиб ты. — Она помолчала, погладила Артура по щеке и поцеловала. — Я знала, что ты придешь за мною, душа моя.

— Мне не следовало уезжать, — полным раскаяния голосом выговорил Верховный король. — Из-за моего тщеславия и гордыни погибли лучшие мои друзья. Их смерть до конца дней будет лежать на мне тяжким грузом.

— Не говори так, — возразила Гвенвифар. — Медраут виновен, он и ответит перед Богом за свои преступления.

Артур кивнул.

— А я — за свон.

— Где Кай? — спросила королева. — И остальные... где они?

— Я приказал, чтобы их уложили на телегу. Их отвезут в ротонду и похоронят, как положено, — ответил король. — Ужасно было бы оставить их здесь.

— Ты решил правильно, — согласилась Гвенвифар и только тут заметила, что Артур ранен. — Артос, любовь моя, ты истекаешь кровью!

— Царапина, — отвечал он, — идем, надо позаботиться о наших мертвых.

Из заложников Медраута в живых остались только Эмрис, Гвенвифар и я, остальные погибли в бою с Келдрихом. Их всех отвезли на склон холма у крепости. Вырыли одну большую могилу и заботливо опустили туда наших товарищей. Эмрис помолился и спел святые псалмы, а мы насыпали над ними курган из камней.

Тела врагов мы оставили волкам и воронам. Пусть дикие звери разнесут их кости и ни единый камень не отметит места, где они пали.

После полудня Пендрагон собрал свое воинство. Рис подал сигнал, и мы горестным строем двинулись к Каер Лиалу, вдоль Стены на запад.

Тела прославленных воителей доставили в Каер Лиал и положили при свете факелов в полуразрушенном дворце Пендрагона. Большая часть столицы дымилась в развалинах; пикты не пощадили ничего.

На следующее утро мы выехали к Круглому столу. Чтобы не осквернить святое место недолжной суетой и не выдать его расположение, на похороны были допущены лишь лорды Британии и подвластные Артуру короли — Девять Достойнейших. Эмрис взял меня, но не за заслуги, а потому, что нуждался в помощнике, а я уже бывал в ротонде, и, значит, не надо было посвящать в тайну кого-то еще.

День выдался ясный, белое солнце слепило глаза, когда мы выезжали из ворот на дорогу. Впереди ехали попарно властители Британии, за ними следовали четыре повозки, накрытые алыми плащами. Каждую везла вороная лошадь в золотой сбруе с единственным вороньим пером на голове.

Мне досталось править повозкой с припасами, но я поехал не с погребальной процессией, а сразу за воротами отправился вперед. Добравшись до святилища, я выгрузил шатры и принялся их ставить, чтобы к прибытию остальных лагерь был готов. Работал я быстро и с чувством, что делаю это для друзей, что труд мой — служение.

Когда я закончил, шатры кольцом окружили святилище. Процессия появилась, когда я разгружал продовольствие. Я тут же принялся за приготовление трапезы. Кто-то из приехавших взялся помогать мне, другие пошли прибраться в ротонде, где телам наших возлюбленных братьев предстояло лежать до завтрашнего погребения.

Приготовив, я отнес еду в шатер Пендрагона, куда удалились на отдых Верховный король с королевой, а потом сел есть сам, но, оглядевшись, увидел, что Мирддина с нами нет. Я вспомнил, что не видел, как он выходил из ротонды, и, поставив миску, быстро пошел к святилищу.

Внутри стояла прохладная полутьма. В центре круглого помещения теплился огонек, в головах у каждого покойника горел факел. Я заметил, что тела героев уложили под выступы с их именами, а оружие — мечи, щиты, копья — на выступы. Эмрис стоял на коленях подле носилок с завернутым в плащ телом Кая и вынимал из кожаной сумы орудия резчика.

— Еда готова, Эмрис, — сказал я.

— Спасибо, Анейрин, я не голоден. — Он взял чертало, повернулся к выступу и привычными движениями принялся выводить под именем Кая день его смерти. Сердце мое разрывалось при виде того, как острее вгрызается в стену, ибо того, что высечено в камне, уже не изменить.

— Принести что-нибудь сюда?

— Я не стану есть, покуда не закончу работу, — отвечал он. — А теперь иди.

Оставшуюся часть дня мы провели в молитвах. Когда на небе замерцали первые звездочки, из ротонды вышел Эмрис. Артур и Гвен-вифар показались из шатра, и я увидел, что гибель друзей тяжело сказалась на Пендрагоне. Он казался усталым и измотанным, хотя пробыл весь день в палатке.

Не один я заметил это. Бедуир отвел Эмриса в сторону и обменялся с ним несколькими словами. Пока он говорил, взгляд его был прикован к Артуру.

Мы поужинали у костра простой пищей и послушали, как поет в темнеющем небе какая-то птица. Ночь спустилась на лагерь, Артур приказал развести огонь и попросил Эмриса спеть.

— Песню, Мирддин, — сказал он. — Послушаем о деяниях храбрецов в память друзей, которых предаем завтра земле.

Эмрис согласился и взял арфу, чтобы спеть последнюю хвалу ушедшим. Он пел "Песнь об отважных Британии", которую впервые исполнил сразу после победы при горе Бадоне. Теперь он добавил к ней жизнеописания Кая, Гвальхман, Гвальхавада и Лленллеаога. Если есть на земле более прекрасный или искренний плач по убитым, я его не слышал.

В ту ночь я спал перед шатром Пендрагона на красной телячьей коже — хотел утром встать раньше всех. Так и вышло. Я проснулся на рассвете и пошел к ручью попить и умыться. Проходя по обращенному к морю склону холма, я случайно различил в дымке корабль — он скользил к берегу.

Я замер. Кто это может быть? Немногие из оставшихся в Каер Лнале знали местоположение Круглого стола.

Я немного подождал — да, корабль определенно направлялся в нашу сторону. Не желая тревожить Пендрагона, я побежал в шатер к Эмрису.

— Эмрис, — шепнул я, приподнимая полог.

Он тут же проснулся и вышел ко мне.

— Что там, Анейрин?

— Корабль идет к берегу. Пойдем покажу.

Мы торопливо поднялись на то место, с которого я видел корабль, и прямо у нас на глазах из дымки вынырнуло еще шесть судов. Первое уже подходило к берегу.

С Т И В Е Н Л О Х Е Д

— Флот Пендрагона, — сказал я. На парусах был нарисован алый дракон.

— Этого я и боялся, — промолвил Эмрис.

— Что им надо?

— Они явились на погребение.

Эмрис не ошибся. Желая непременно почтить павших собратьев, кимброги, а с ними и все воинство Британии погрузились на корабли и отправились искать святилище. И они его нашли. Мы с Эмрисом наблюдали, как корабль за кораблем входил в залив и воины брели по воде на берег.

Они явились одетые, как для битвы, в начищенных шлемах, с выкрашенными щитами. Мечи их были наточены, наконечники копий сияли. Они собрались на берегу и медленно двинулись к нам.

— Что будем делать, Мудрый Эмрис?

— Ничего, — отвечал он. — Ничего сделать нельзя. Они не побоятся навлечь на себя гнев Пендрагона. Их ничем не остановишь, да и не надо.

— Но святилище...

— Что ж, — промолвил Мирддин Эмрис, — Круглый стол больше не будет тайным. С этого дня мир про него узнает. Легче сдержать наводнение с помощью одной из твоих метелок, чем вернуть сказанное слово.

Когда они собрались на берегу, Эмрис послал меня за Пендрагоном. Я вернулся с Артуром, Гвенвифар и Бедуиром. К этому времени на берег сошли десять тысяч воинов — все кимброги, и немало других, пожелавших увидеть погребение своих предводителей.

— Господи, помилуй! — вскричал Артур, глядя вниз, где воины в ярких боевых нарядах выстраивались на берегу, как для боя. — Ослушавшись, они сделали больше, чем мы все. Пусть же будут с нами.

— Хорошо, — ответил Бедуир и пошел вниз, на берег.

— Как они нашли это место? — удивилась Гвенвифар.

— Наверное, Тегир проболтался, — сказал Мирддин, и я вспомнил старого слугу.

— Или Баринт, — предположил Артур.

— Твой кормчий? Никогда! — возразила королева. Она взглянула на ровные ряды воинов и улыбнулась. — Хотела бы и я сойти в могилу с таким почетом.

— А когда умру я, — сказал Пендрагон, — пусть в церкви над моей могилой неумолчно поет хор — замаливает мои грехи.

При этих словах Эмрис обернулся и пристально взглянул на Верховного короля.

— Артур, ты не заболел?

— Что-то я чувствую себя усталым этим утром, — сознался тот.

— Битва еще сказывается. Пройдет.

— Позволь мне осмотреть твою рану.

— Царапина, — отмахнулся Артур. — Смотреть не на что.

Однако Эмрис не отставал.

— Тогда дай взглянуть на царапину. Распахни плащ и покончим с этим.

Пендрагон колебался, но никто из смертных не может долго противиться Эмрису. Под конец Артур сдался, распахнул плащ и оттянул ворот кафтана. Там и впрямь был лишь длинный, рваный порез, идущий вдоль основания шен, где задел его кинжалом Медраут.

Однако этот порез воспалился, распух и покраснел. Края раны приобрели зеленоватый оттенок, а там, где струп от движения треснул, сочился прозрачный гной.

Гвенвифар ахнула.

— Неудивительно, что ты вскрикнул, когда я коснулась тебя. Тебе, должно быть, очень больно.

— Медленно заживает, — сказал Артур, вновь запахивая плащ, — но у меня бывали раны и похуже.

Эмрис покачал головой.

— Вернемся в лагерь, и я перевяжу ее как следует.

— Не сейчас, — промолвил Артур, взмахом руки приветствуя воинов. — Нельзя, чтобы кимброги ждали.

— Тогда сразу после погребения, — твердо сказал Мирддин. — Рана и так уже слишком запущена.

На западном склоне холма вырыли четыре глубокие могилы и обложили их белыми камнями, которые кимброги собрали на соседних холмах. Когда могилы были готовы и все попрощались с павшими, Девять Достойнейших вслед за Эмрисом поднялись на холм и вступили в ротонду. Через несколько мгновений они вышли с телом Кая, которое собирались нести к месту погребения на носилках.

Однако кимброги увидели это и, столпившись, остановили носилки. Выстроившись в два ряда, словно для боя, товарищи приняли носилки и, передавая из рук в руки, спустили с холма от святилища к могиле. Так же поступили с телами Лленллеаога, Гвальхмаи, Гваль-

хавада — всех их дружеские руки доставили к месту погребения и ласково уложили на склоне холма.

Артур и Гвенвифар встали перед могилами, и, когда тело опускали на дно, королева клала ему на грудь маленький каменный крест. Крест был из гладкого черного камня — на нем латинскими буквами было начертано имя покойного и дни его жизни. Рядом с каждым крестом Артур ставил прекрасной работы золотой кубок. Чтобы пить в чертогах Царя Небесного, сказал он.

Когда все тела опустили в могилы, Эмрис завел погребальную песнь, а мы подхватили, так что соседние холмы и долины огласились плачем, который становился все громче и громче и вдруг резко оборвался. Это означало возвышение и внезапную смерть тех, кого мы оплакиваем.

Потом Эмрис запел псалом, молил, чтобы Иисус Христос, Сын Бога Живого, принял к Себе души отважных. Затем мы все взяли камни и уложили их на могилы, так что над каждой вырос курган. Все это делалось под взглядом Артура, и, когда последний холм был насыпан, Пендрагон обратился к Мудрому Эмрису:

— Эмрис и Вледиг, повтори ту молитву, которую ты так часто поешь.

Мирддин согласился и воздел руки, как старинные барды, когда обращались к королям, но вместо хвалебной песни пропел такую молитву:

— Свет Великий, Движитель всего, что движется и пребывает в покое, будь мне Путем и Целью, будь мне Нуждой и Исполнением, будь мне Севом и Жатвой, будь мне радостной Песнью и горестным Молчанием. Будь мне Мечом и крепким Щитом, будь Лампадой и темною Ночью, будь моей неиссякаемой Силой и моей плачевной Слабостью. Будь мне Приветом и прощальной Молитвой, будь моим ясным Зрением и моей Слепотою, будь моей Радостью и тяжким Горем, скорбною Смертью и желанным Воскресением!

— Аминь! — вскричали мы все.

Аминь!

ГЛАВА *Десятая*

В ту ночь мы развели жаркие костры и пели или вспоминали былое. Хотя не выкатили ни вина, ни пива, ни эля, кимброги разбились на дружеские кучки и оглашали звездную ночь раскатистым смехом. Если души мертвых видят, что происходит на оставленной ими земле, думаю, им было приятно смотреть на свою тризну. Я лег спать с мыслью: хорошо бы и меня в свой срок проводили так же.

Как и прежде, я спал под открытым небом, завернувшись в красную телячью кожу перед входом в королевский шатер. Мне не спалось; что-то все время прогоняло сон. В середине ночи я услышал какую-то возню и, открыв глаза, увидел, что Эмрис стоит у ближайшего костра и смотрит в уголья, а лицо его в багровых отблесках скорбно нахмурено. Я подошел и встал рядом с ним.

— Ты обеспокоен, Мудрый Эмрис. В чем дело?

Он долго смотрел на меня, на лице его лежала глубокая тень, а глаза поблескивали в свете догорающих углей. После долгого раздумья Эмрис спросил:

— Можно ли на тебя положиться, Анейрин?

— Молю, Эмрис, если я хоть в чем-то был тебе неверен, убей меня на месте.

— Хорошо сказано, — промолвил Эмрис, вновь переводя взгляд на уголья. — Ты и впрямь заслужил мое доверие, хотя, возможно, скоро об этом пожалеешь.

— Если твое бремя можно облегчить, поделившись со мной, я готов нести его, господин.

Эмрис глубоко вздохнул.

— Мне не нравится рана Артура. Ей пора бы затянуться, а она становится все хуже и хуже. Я опасюсь яда.

Пикты перед боем иногда смазывают ядом клинки. Медрауту должна была понравиться эта мысль.

— Что же делать, Эмрис?

В этот миг полог шатра приподнялся и вышла Гвенвифар. Она то-ропливым шагом приблизилась к Эмрису и остановилась, кутаясь в плащ. Ее глаза горели, черные волосы поблескивали, черты лица в дрожащем свете казались еще более нежными, чем всегда. Я подумал, что никогда не увижу женщины столь гордой и столь прекрасной. И столь же встревоженной.

— Его лихорадит, — промолвила она. — Он спит, но это не целительный сон. Мирддин, мне страшно. Сделай что-нибудь.

Эмрис нахмурился.

— Я вскрою рану и приложу к ней целебные травы, чтобы вытянуть яд.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Гвенвифар ушла в палатку, а мы с Эмрисом, закутавшись в плащи, спустились к ручью. При яркой луне мы собрали нужные листья и травы, потом прошли вдоль ручья на берег, где отлив оставил на песке свежие водоросли. Из них мы тоже кое-какие выбрали и вернулись в лагерь, где Эмрис снова развел костер.

Я принес воды в котелке и поставил его на огонь. Когда вода закипела, Эмрис бросил в нее собранные листья и приготовил целебный отвар. Всю ночь мы поддерживали пламя под котелком, а утром налили снадобье в чашу и понесли ее Пендрагону.

Сознаюсь, то, что я увидел, меня потрясло. Верховный король настолько изменился, что я его не узнал: кожа его стала серой и влажной, волосы свалились, губы пересохли и потрескались, жилы на шее напряглись. Его трясло, он стонал... Даже в неверном свете ситового светильника я бы поклялся, что это другой, не знакомый мне человек.

Гвенвифар сидела подле супруга, сжимая его руку. Когда мы вошли, она подняла голову, и я увидел, что глаза ее красны. Однако слез в них не было.

— Артур, — тихо позвал Эмрис, опускаясь на колени возле его ложа. — Послушай меня, Артур, я принес лекарство.

При этих словах Пендрагон открыл глаза. Какие глаза! Лихорадочно поблескивающие, пронзительные, полные муки. Я не вынес их взгляда и отвернулся.

Эмрис склонился над Артуром и помог ему сесть, потом поднес чашу к потрескавшимся губам и дал Пендрагону пить. Слава Богу! Целебный эликсир подействовал сразу. Лицо предводителя порозовело, дрожь прекратилась, он вздохнул, чувствуя, как возвращаются силы.

— Мирддин, — произнес король, только сейчас увидев своего советника, — мне снился сон.

— Не диво, — ответил Мирддин. — Ты болен. Рана твоя отравлена, ее надо немедленно вскрыть и вытянуть яд.

— Станный и удивительный сон.

— Расскажи мне его, пока я займусь твоей раной. — С этими словами Эмрис достал нож, наточенный на камне с морской водой. Он расстегнул на Пендрагоне кафтан и отвел ткань от раны.

У меня ко рту подступила горечь. Порез вздулся и побагровел, края почернели и гноились. Казалось, страшная ядовитая змея обвилась вокруг шеи Пендрагона.

— Держи чашу, Анейрин, — строго сказал Эмрис.

Однако, когда я потянулся к пустой чаше, Гвенвифар мягко вмешалась.

— Позволь, я подержу.

— Хорошо, — отвечал Эмрис. — Анейрин, принеси нового хорошего тростника для светильника. Мне надо видеть, что я делаю.

Я сбежал к повозке с припасами и достал несколько ситовых стеблей. Когда я возвращался, к палатке подошел Бедуир.

— Как он? — был его первый вопрос.

— Плохо, — отвечал я. — Эмрис собирается вскрыть рану и вытянуть яд.

Бедуир кивнул и вслед за мною вошел в палатку. Как только зажгли новый светильник, Эмрис принялся за работу. Короткими, быстрыми надрезами он вскрыл зараженную рану. Кровь и гной брызнули наружу и потекли в чашу.

Артур не вскрикнул и не изменился в лице, но стойко терпел боль. Гвенвифар закусила губу, на лбу у нее выступил пот, но чашу она держала крепко, и руки у нее не дрожали. Мирддин осторожно давил на длинный, рваный порез, а Бедуир, стоя на коленях напротив Эмриса, придерживал Артура за правое плечо, чтобы лучше вытекал гной. Я высоко поднял лампу над головой Пендрагона, чтобы Эмрису было светло. От чаши исходила такая вонь, что меня замутило.

— Все, — сказал Эмрис наконец. — Чашу можно убрать.

Гвенвифар отставила чашу. Мирддин взял листья из тех, что мы собрали ночью, и один за другим уложил на рану.

— Они вытянут яд, — объяснил он. — Чуть позже я их заменю. Рану пока перевязывать не будем.

— Мне лучше, — сказал Артур. — Есть хочется.

Бедуир с облегчением улыбнулся.

— Тебе, Медведь, всегда есть хочется. Это твое неотъемлемое достоинство.

Гвенвифар легким движением руки коснулась Артурова лба — так ласково и нежно, что я поневоле испытал зависть.

— Я принесу тебе еды и питья, — произнесла она.

— Немного хлеба, мяса не надо, — подал голос Эмрис. — И меда — это поможет королю уснуть.

— Я принесу, — сказал я и тут же вышел.

Солнце уже поднялось над горизонтом, окрасив имперским пурпуром низкие серые облака. С востока тянуло холодным ветром. Лагерь просыпался. На холме за ручьем кимброги снова разводили костры, чтобы погреться со сна. Когда я проходил мимо шатра, в котором жили короли, оттуда выступил Кадор. Он окликнул меня и попросил подойти поближе.

— Добрый день, Анейрин, — сказал он. — Здоров ли Пендрагон?

Вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что ему известно и как следует ответить.

— Он плохо провел ночь, господин, — отвечал я. Кадор кивнул, и я продолжил: — Вот, иду ему за едой.

— Ну, не буду тебя задерживать, — зевнув, он вернулся в палатку.

Я нашел в повозке два хлебца и отлил из бурдюка медовой браги в кувшин. Все это я завернул в плащ и отнес в шатер Пендрагона.

Гвенвифар и Эмрис стояли снаружи, переговариваясь вполголоса. При моем появлении они замолчали. Королева забрала еду, питье и вернулась к королю.

— Эмрис, — сказал я. — Кадор справлялся о Пендрагоне...

— И что ты ему ответил?

— Я не знал, что отвечать, — сознался я. — Сказал только, что Пендрагон плохо провел ночь. Думал, лучше не говорить лишнего.

Эмрис закусил губу.

— Правильно я сказал?

— Да, — отвечал он наконец, — но если тебя будут спрашивать еще, не отвечай, по крайней мере, пока мы не поймем, как идут дела.

Весь день я старался держаться поближе к шатру, в котором лежал Пендрагон. Весь длинный, солнечный день короли и кимброги предавались военным забавам. Из долины доносились их голоса. Чтобы лучше видеть, я спустился на середину склона, сел на камень и стал наблюдать за состязаниями.

Крики и смех разбудили Пендрагона, и он подал голос. Я торопливо вернулся к шатру, посмотреть, не нужно ли ему чего. Никого поблизости не было, поэтому я приподнял полог и заглянул внутрь.

Пендрагон стоял посреди шатра, вцепившись руками в центральный кол.

— Прости, Пендрагон, — сказал я. — Мне не хотелось тебе мешать.

Он тут же отпустил кол.

— Ах, это ты, Анейрин, — хрипло выговорил он. — Я хочу пить.

— Я позову Эмриса.

— Пусть отдыхает. Бедунр, Гвенвифар — пусть все отдыхают. Просто принеси воды.

— Да, господин, — сказал я, тут же опуская полог.

Кувшин стоял у входа; схватив его, я побежал к ручью набрать свежей воды. Спустившись, я на мгновение погрузил горлышко кувшина в быструю струю, потом повернулся и побежал вверх по склону.

Артур стоял перед шатром и смотрел на лагерь из-под руки. Я подал ему кувшин. Пендрагон поднял кувшин к губам и стал пить, не дожидаясь кубка.

— Спасибо, Анейрин, — сказал он. — Мне лучше.

Он расправил на плече плащ, взял свое копьё Рон, стоявшее подле шатра, и пошел вниз, в долину, где забавлялись кимброги.

Я пошел с ним. Мы перешли ручей, и тут нас заметил один из воинов.

— Пендрагон! — воскликнул он. — Пендрагон идет! Здрав будь, Пендрагон!

Тут же Артура окружила толпа.

— Мы слышали, ты ранен! — крикнул один голос, и к нему тут же присоединился тревожный хор.

— Я что, похож на раненого? — спросил Верховный король. — Ночью немного лихорадило и все. Теперь уже лучше.

И он пошел между любимыми кимброгами, разговаривая с ними, называя их по именам, расспрашивая про жен и детей. Он знал, что у этого недавно родился сын, а этот взял в жены девушку с юга, вон тот держит гончих псов, а те — сыновья его старых соратников. Артур знал все. Я дивился, что ему ведомы мелкие заботы каждого воина, но так оно и было. В том, как воины отвечали Артуру, в их смехе слышалось огромное облегчение. Видимо, они очень тревожились о своем короле, и теперь у них отлегло от сердца.

Артур в окружении воинов пошел дальше, и вскоре состязания возобновились. Я некоторое время смотрел, потом вернулся к делам: заготовил хворосту, набрал воды, затем взял лошадь и съездил на соседний холм — нарезать свежего вереску для ложа Пендрагона. Когда солнце коснулось западных холмов, я вернулся в лагерь с охапкой душистого вереска.

Эмрис ждал меня у входа в шатер. Видимо, он шел из ротонды, потому что в руках у него была сумка с инструментами.

— Где он? — спросил Эмрис.

Я указал в долину.

— С кимброгами. Проснулся и сразу пошел к ним.

Эмрис повернулся и торопливо направился вниз. Мне стало не по себе. Я вскочил на лошадь и двинулся следом.

Закатные лучи окрасили долину в медвяный цвет. Небо горело расплавленной медью, поле сверкало изумрудами. Мы нашли Артура посреди поля: он сидел на камне, словно на троне, положив копье на колени, глаза его были полужакрыты, губы улыбались. Гвенвифар стояла рядом, положив ему руку на правое плечо, и смотрела на состязание: два всадника, проносясь во весь опор, должны были копьем поднять с травы зарукавный браслет.

Королева повернулась к нам и улыбнулась, но улыбка ее была вымученной.

— Артур, — тихо позвал Эмрис.

Пендрагон открыл глаза и повернулся к Мудрому советнику.

— Чудесный день, не правда ли?

— Да. Как ты?

— Я здоров.

— С заходом солнца похолодает. Давай вернемся в лагерь.

— Но солнце еще не зашло, — ответил Артур. — Посиди немного со мной.

— Охотно, — отвечал Эмрис, опускаясь на колени рядом с ним.

Все трое некоторое время смотрели на всадников. Солнце опускалось, тени становились длиннее. Над головой кружили морские птицы, горестным криком провожая ушедший день. Неподалеку бились о берег волны. Смеркалось.

Эмрис встал и тронул Артура за локоть. Пендрагон вздрогнул; оказывается, он задремал. Тем не менее, когда Мирддин его коснулся, он выпрямился и велел, чтобы подошли победители в состязаниях. Король добрыми словами похвалил их, а королева вручила каждому

по драгоценному камню. Исполнив обычай, Артур попрощался со своими людьми и вернулся в лагерь.

На ужин ели дичь, добытую в соседних холмах, запивали пивом из корабельных припасов. Ночь выдалась сырая и холодная, как и обещал Эмрис, так что костры развели пожарче. Гвенвифар и Бедуир несколько раз уговаривали Артура удалиться в шатер, но Пендрагон не соглашался.

Он объявил, что останется с королями и воинами и потребовал песню. Мирддин Эмрис сначала отказывался, потом все же сдался и велел подать арфу.

— Какое из британских сказаний ты хочешь нынче услышать, о Пендрагон?

Артур задумчиво наморщил лоб и, помолчав, ответил:

— Сегодня я хочу слышать не о Британии, но об Ином Мире. Ночь холодная, ветреная — такие сказания как раз для бурных ночей.

— Хорошо, — согласился Мирддин Вледиг, — так послушайте, коли хотите, песнь о Бладидде, Увечном короле.

Я подивился его выбору, ибо это мрачная и малопонятная повесть о князе, который так ненасытно желал мудрости, что обманул Владыку Иного Мира, однако добытые знания навлекли на него беду, а затем и гибель. Впрочем, королям песня понравилась, тем более, что ее и впрямь прекрасно спел Досточтимый Эмрис, последний истинный бард на Острове Могущественного.

Песнь затянулась, а когда она кончилась, Артур пожелал своим спутникам доброй ночи и под руку с Гвенвифар удалился в свою палатку. Я лег у огня на красной телячьей коже, получше завернувшись в плащ и уснул.

Меня разбудили встревоженные голоса. Я встал и увидел, что в палатке Пендрагона горит факел. Под ложечкой заныло.

Лагерь был темен, все остальные спали. Я подкрался к палатке и заглянул внутрь.

С Артуром были Эмрис и Бедуир. Гвенвифар стояла чуть поодаль, опустив руки, и крепко стискивала край шелковой накидки. На лице ее и платье была кровь.

— Лежи спокойно, Медведь, — уговаривал Бедуир. — Дай Эмрису тебя осмотреть.

— Отпусти, брат, — прохрипел Артур, — я сейчас встану. Не хочу, чтобы кимброги видели меня таким..

Эмрис ощупывал рану; руки его были в крови.

— Кимброги и прежде видели тебя на земле, — убеждал Бедуир.
— Им это не в новинку. А теперь лежи смирно.

— Не буду! Помогите мне встать! — Он схватил Бедуира за плащ и попытался подняться.

Повязка соскользнула с шеи. Я увидел рану и ахнул.

Она была зеленовато-серая, и от нее разбегались лиловые прожилки. Мясо вокруг первоначального пореза почернело и гнило. Шея воспалилась, краснота распространилась от горла до подмышек. Видимо, ночью рана открылась — боль, наверное, была нестерпимой! — и Эмриса позвали остановить кровь.

— Все, — сказал Мирддин наконец. — Больше я ничего не могу.

Они с Бедуиром взяли Артура за плечи и поставили на ноги.

— Наконец-то мы разделились с Медраутом, — весело промолвил Артур. — Никто теперь не посмеет напасть на императора Британии. Где Гвенвифар?

— Здесь неподалеку, — ответил Мирддин Эмрис.

— Надеюсь, с ней ничего плохого...

— Нет, нет, Артур, — тихо, настойчиво произнес Эмрис. — Твоя рана воспалилась и лопнула. Я не знаю, что делать, Артур, ты понимаешь? Я ничем не могу тебе помочь, но знаю, где смогут.

Бедуир поднял глаза, увидел меня и жестом подозвал ближе. Я подошел, он крепко стиснул мое плечо.

— Быстрей, — дрожащим голосом произнес он, — отыщи Баринта, пусть готовит ладью.

Я шагнул к пологу, и Бедуир добавил:

— Ступай тише, Анейрин, никто не должен знать.

Сам не свой от волнения и страха, я побежал будить кормчего и передать ему тайное поручение. Отыскать Баринта было нетрудно — он всегда устраивался поближе к кораблям. Я выбежал на дорогу. Холодный ветер хлестал плащом по ногам. Луна стремительно неслась за клочьями облаков; в ее неверном свете поблескивали белые барашки на море.

Я направился напрямик к тому месту на берегу, где возле шатра из шкур мерцал одинокий костерок.

— Баринт! — позвал я, перекрикивая стоны ветра и волн.

Он завозился и высунул голову из-под кожного полога. Я передал ему слова Бедуира. Баринт тут же исчез, чтобы через мгновение появиться в плаще и с лампой, и сразу направился туда, где привязал челн.

Я побежал назад по песку и увидел на дороге выше по склону мерцающий факел. Бедуир и Мирддин вели Артура под руки. Его шатало. Гвенвифар шла следом, держа в одной руке факел, в другой — королевский меч.

— Лодку сейчас спустят, — сказал я.

— С Баринтом кто-нибудь есть?

— Нет. Он один.

— Хорошо. — Эмрис устремил взгляд на море. Оно по-прежнему волновалось, но белых барашков стало поменьше.

— Придется плыть по бурному морю, зато быстрее доберемся. Оно и к лучшему. Времени осталось совсем мало.

— А теперь, Артур, дай я тебя усажу, — сказал Бедуир.

— Нет... я постою. Пожалуйста, Бедуир. Еще немного...

— Хорошо.

— Бедуир, брат мой...

— Что тебе, Медведь?

— Пригляди за Гвенвифар. Позаботься, чтобы у нее ни в чем не было нужды.

Бедуир проглотил комок.

— Сам позаботишься, Медведь.

— Если со мной что-нибудь случится.

— Ладно... коли ты так хочешь, — промолвил Бедуир, плотнее кутая Артура в алый плащ.

Пендрагон с трудом держал голову. Говорил он совсем тихо, почти шептал.

— Мирддин, — сказал он тихо, — прости, что я не стал таким королем, как тебе хотелось, — Летним Владыкой.

— Ты был таким королем, как хотелось Богу. Все остальное неважно.

— Я делал все, что ты у меня просил, верно, отец?

— Все, что в человеческих силах.

— Скажи, этого довольно?

— Артур, душа моя, этого довольно, — тихо сказал Мирддин. — Прошу, успокойся.

Королева подошла и отдала мне факел. Она обняла мужа, прижала его к себе.

— Положи голову мне на плечо, — сказала она, прижимаясь щекою к его щеке. Они стояли так довольно долго, Гвенвифар шептала ему на ухо что-то утешительное. Слов я не разобрал.

Вскоре раздался свист. Бедуир повернулся.

— Это Баринт. Лодка готова.

Я пошел вперед, держа над головой факел и освещая путь к каменистому пляжу, куда Баринт подвел ладью. Он выбрал небольшое крепкое суденышко с одной-единственной мачтой и прочным рулем. Посередине был натянут навес.

Я вошел в воду и встал у лодки, держа факел над головой. Прибой бил и мотал лодку из стороны в сторону; я свободной рукой удерживал ее за борт. Бедуир и Мирддин хотели нести Артура, но тот отказался. Пендрагон Британии сам вступил в воду и влез в качающуюся ладью.

Покуда Баринт ставил парус, королева все старалась поудобнее устроить короля под навесом. Наконец Эмрис сказал:

— Пора. Скоро рассвет, надо отплывать, пока нас не видели.

— Возьмите меня с собой, — взмолилась Гвенвифар.

— Ты нужна здесь. Вы с Бедуиром должны выгадать Артуру время на исцеление, — объяснил Мирддин. — Скажу вам правду, боюсь, что весть о болезни Артура дойдет до врагов Британии. Никто не должен знать, — с жаром продолжал Эмрис. — Крепко храните тайну. Завтра же отошлите королей по их королевствам, а кимброгов — в Каер Лиал. Я вернусь через три дня и привезу Артура или же доставлю тебя к нему.

Гвенвифар ухватила Артура за руку.

— Не бойся, — шепнул тот. — Я отправляюсь на Аваллон, чтобы исцелиться. Вернусь, как только окрепну. Подожди самую малость.

Гвенвифар кивнула и больше ничего не сказала. Она встала на колени и поцеловала его в губы.

— Прощай, душа моя, — сказала королева, вкладывая в руку мужа меч Калибурн.

— Отдай Бедуиру, — слабо возразил Артур.

— Оставь себе, — отвечал Бедуир, — он тебе еще пригодится.

Гвенвифар поцеловала Артура и припала лицом к его груди. Она что-то шепнула, он улыбнулся. Я не слышал, что она сказала. Королева перелезла через борт и стала смотреть, как мы с Бедуиром выталкиваем лодку на глубину. Как только дно перестало скрести по песку, кормчий развернул ее носом в открытое море и поднял парус.

Эмрис встал и крикнул, обращаясь к нам:

— Не бойтесь! Артур вернется. Веруйте, друзья мои. Последнее испытание еще не пришло. Ждите нас!

Мы трое стояли на берегу и смотрели на удаляющуюся ладью, пока крошечная светлая точка — фонарь Баринта — не исчезла в туманной мгле. Скорбь, резкая, как удар копьем, пронзила мою душу, ибо в горестном вздохе ветра и волн мне послышался плач о смерти.

Потревоженная морская птица с пронзительным криком взвилась над нашими головами. Пытаясь найти слова утешения, я сказал:

— Если рану Артура возможно уврачевать на земле, то лишь на острове Аваллон.

В глазах Гвенвифар блеснули невыплаканные слезы. Она плотнее закуталась в плащ, повернулась, расправила плечи и пошла вверх по склону. Бедуир долго стоял и смотрел во тьму, волны плескались у его ног. Я стоял рядом с ним, и сердце мое разрывалось. Наконец он взял у меня факел и со всей силы зашвырнул в море. Огненная дуга, словно след падающей звезды, протянулась к востоку, с шипением коснулась воды и погасла навек.

ГЛАВА *одиннадцатая*

— Мирддину уже пора было возвратиться. Что-то стряслось!
— Бедуир бросил наземь миску и встал во весь рост.
— Он велел ждать. Что еще нам остается? — полным мужи голосом произнесла Гвенвифар.

— Он обещал вернуться в течение трех дней. Что ж, три дня истекли, а его все нет!

И впрямь с самого рассвета мы смотрели и ждали, когда появится корабль. Я нес дозор весь день, сменяемый то Бедуиром, то Гвенвифар, то обоими вместе. Мы говорили о пустяках, не упоминая лишь о ладье, которой были заняты наши мысли.

День догорел, сменившись тусклым закатом, — по-прежнему не видно парусов на горизонте. А ведь всего сутки назад залив пестрел кораблями. Королева объявила, что Пендрагон совещается с Эмрисом и просит их не тревожить. Она велела властителям Британии возвращаться в свои королевства и ждать, когда Пендрагону угодно будет созвать их снова. Кимброгам она приказала вернуться в Каер Лиал.

Фергус и Бан заподозрили неладное и подошли к королеве отдельно от остальных. Сердце Гвенвифар готово было разбиться, но тайну она не выдала.

Борс, Кадор и Рис отбыли последними. Они хотели задержаться и ехать вместе с королем, но Гвенвифар велела им подготовить дворец Пендрагона к его возвращению — ведь пикты столько всего разрушили. Под конец они нехотя согласились и уехали, так что к вечеру второго дня мы остались у ротонды втроем.

Мы смотрели и ждали. Солнце поднялось в зенит и начало медленно скатываться к востоку. Однако море по-прежнему было пустым; ладья все не появлялась. И в сумерках не показалось ни малейшего знака. Когда стало смеркаться, Бедуир разжег у холма яркий, заметный с моря костер.

Теперь мы в молчании сидели у шатра Пендрагона. Штандарт с ало-золотым драконом реял на вечернем ветру. Словно в ответ на

слова Бедуира над головами у нас с криком пронеслись чайки. Эхо их жалобных голосов донеслось из долины. Бедуир посмотрел на упавшую миску и пинком отбросил ее прочь.

— Нельзя было его отпускать, — сказал он голосом, полным боли и укоризны.

— Так отправимся к нему, — тихо промолвила Гвенвифар. Она повернулась и взяла меня за руку. — Ты бывал на острове, Анейрин.

— Да, не раз. И ты, госпожа моя.

— Ты поведешь лодку, — объявил Бедуир.

— Но у нас нет лодки! — заметил я.

— Артур Корабел наш господин, — фыркнул Бедуир, — а ты говоришь, нет лодки. Я добуду.

— Тогда я ее поведу, и да будет с нами Господь, — сказал я.

Бедуир оседлал лошадь и тут же усакал прочь. Мы с Гвенвифар весь вечер не находили себе места. Говорить было не о чем. Как только вошла луна, королева удалилась в шатер, а я расстелил у входа красную телячью шкуру и лег, положив рядом копье. Костра я разводить не стал. Вместо потолка надо мною были звезды небесные, горящие священным огнем.

Я лег, но заснуть не смог. Всю ночь я ворочался на телячьей коже, глядя, как луна медленно ползет по небу, и молился Господу Иисусу, прося нас защитить. Перед самой зарей я погрузился в странную дрему: глубокую, но в то же время не полную. Я знал, что сплю, и все же различал стон моря под холмом и вздохи ветра в траве.

То было время между времен — ни день, ни ночь, ни тьма, ни свет, — когда открываются врата между нашим и тем миром. Беспрестанный плеск волн о морской берег казался мне тревожным ропотом толпы. Дыхание ветра превратилось в шепот существ из Иного Мира, приказывающий мне встать и идти за ними.

Я лежал в этом потустороннем месте, и мне приснился сон.

Во сне я проснулся, открыл глаза и увидел зеленый Аваллон, Остров Яблок, прекраснейший остров этого мира, уступающий лишь Острову Могуущественного. Я услышал странный, чарующий напев птиц Рианнон и дивный запах цветущих яблонь. Чувствуя на губах медовую сладость, я встал.

Я шел по торной тропе от морских обрывов ко дворцу Короля-рыболова, однако на месте дворца увидел лишь лежащий на земле каменный крест, а возле него кожаную суму Мирддина с его орудиями для резьбы по камню. Я наклонился, чтобы разглядеть выбитые сло-

ва, но темное облако загородило солнце, свет померк, и я ничего не смог разобрать.

Я взглянул на восток и увидел мерцание звезд, хотя на западе еще сияло солнце. Надо мной собирались грозовые тучи. Блеснула молния, в небесах громынуло так, что содрогнулась земля.

По всему острову гром перешел в рокот, дрожание земли — в поступь исполинского зверя. Я повернулся на восток, откуда приближалась гроза, и увидел огромного золотого льва, прыжками несущегося ко мне. Лев схватил меня зубами, пронес через остров к морю, прыгнул в белопенные волны и поплыл.

Вокруг меня кипела вода. Лев превратился в рыбу, которая на спине довезла меня до скалы в середине море и там оставила. Теперь буря бушевала над скалой. Ветер свистел и поднимал волны; валы били в меня, но я что есть силы держался за скалу, боясь утонуть в буйной пучине.

Я цеплялся за холодный и мокрый камень, не жив и не мертв от страха, ибо спутники меня покинули и близилась моя погибель. Меня начала бить дрожь, да так, что я думал — сломаются кости. Все тело жгло, будто огнем.

Скалу окутал сияющий туман, и из него раздался голос, назвавший меня по имени.

— Анейрин, — приказал голос, — перестань дрожать и не бойся. Я видел твой жалкий удел и помогу тебе. Встань! Я покажу тебе, что делать.

Я встал на скалу и сделался горой, высокой и крепкой. Как ни ярилась буря, волны не могли затопить гору. На вершине горы рос древний дуб. Я сломал одну из ветвей и ударил ею по земле, и тут же из корней забил родник.

Вода бежала по склону, холодная и чистая, и там, где она бежала, голые склоны одевались лугами и лесами, давая пищу и приют полевым зверям и орлам небесным.

Старый дуб рухнул, но ручей продолжал бежать и превратился в могучую реку. Я поднял с земли ветвь и пошел. Трава вырастала там, где ступала моя нога, так что идти было легко и приятно. Я шел долго и вышел на зеленый луг — тот самый, на котором был прежде. И я понял, что гора — на острове Аваллоне.

Каменный крест был здесь, как и кожаная сума с инструментами. Однако теперь я видел то, что не видел прежде. На кресте было начертано имя: ARTORIUS REX QVONDAM REXQVE FURTURUS.

Артур, король в прошлом, король в грядущем... Хорошо начатая надпись оставалась незавершенной.

Голос, говоривший со мной из облака, обратился ко мне вновь:

— Встань, Гильдас. Заверши то, что было начато до тебя.

— Меня зовут Анейрин, — выговорил я, — и мне незнакомо искусство резчика.

Голос ответил:

— Анейрин ты был, Гильдасом будешь, Истинным бардом Верховного Царя Небесного.

Сон кончился, я пробудился. Светало — время между времен уступало место яркому дню, и я вновь очутился в мире людей. Я встал и скорее вышел взглянуть на море. Наконец-то! Солнце, показавшись над холмами, озарило приближающийся корабль. Я побежал к королеве, и мы вместе пошли дожидаться на берег.

— Наверное, он скакал всю ночь, — заметил я, когда с корабля спустили челнок. Королева кивнула, но ничего не сказала. Глаза ее были красны от слез или бессонной ночи — точно не знаю.

Челнок приближался, и я различил в нем Бедуира.

— Простите, — сказал он, помогая королеве сесть в лодку, — я вернулся бы раньше, но загнал лошадь и дальше добирался пешком.

Гвенвифар хотела что-то ответить, но тут взгляд ее скользнул мимо Бедуира на его спутников: Рис, Борс и Кадор стояли, сложив руки, с видом покаянным и в то же время непреклонным.

— Я не сумел раздобыть корабль незаметно от них, — объяснил Бедуир, — поэтому и взял их с собой.

— При всем уважении к Эмрису, — вставил Кадор, — мы не могли остаться позади.

— Понятно, — отвечала Гвенвифар. — Коли уж так вышло, разрешаю вам меня сопровождать, если вы поклянетесь хранить молчание.

— Охотно поклянемся, — молвил Борс.

— Клянись вашей верностью Артуру, — потребовала королева.

— Госпожа, — взмолился Кадор, — неужто своей долгой службой Артуру мы не заслужили лучшего обращения?

— Клянись! — вскричала королева, — или я своей рукой выброшу вас за борт.

Все трое поклялись, как требовала королева, и та велела поднимать паруса. Борс, который на корабле провел не меньше времени, чем в седле, встал к рулю. Однако, поскольку он прежде не бывал на Инис Аваллоне, мне пришлось по памяти указывать ему курс.

День был погожий, дул свежий ветер. Мы летели над волнами, подобно чайкам, кружившим над нашей мачтой. Не успели бурые береговые обрывы Регеда исчезнуть за кормой, как на юго-западе мелькнуло синее пятнышко.

— Вот он! — вскричал я. — Иннс Аваллон!

Борс изменил курс, я устроился на носу и заснул под плеск волн. Проснулся я чуть позже, думая, что остров должен быть прямо впереди, но увидел лишь серое небо над серым морем.

Все наши товарищи спали, кроме одного Борса, стоявшего у руля. Я тихонько прошел к нему.

— Где остров? — спросил я, садясь на скамью рядом с ним.

Он указал вперед.

— С востока приближается дождь, море затуманилось. Не бойся, остров впереди.

Борс не лгал. Остров был впереди, хотя и оставался незримым. Из-за этой удивительной способности жители Ибернии почитают его волшебным: он исчезает и появляется словно по собственному желанию.

Однако Борс оказался надежным кормчим, и после полудня мы оказались на Аваллоне.

— Где лучше всего пристать? — спросил он, вглядываясь в туманные очертания бухт.

— Надо обогнуть южную оконечность и подойти к западному берегу, — сказал я. — Гавань там не хороша, но на той стороне дворец Аваллаха, куда Мирддин отвез Артура.

Итак, мы обогнули остров с юга и приблизились к западному побережью. В тумане это было нелегко, но мне на помощь пришла королева — она была на острове и помнила, где подводные скалы, а где удобная бухта.

Впрочем, уже вечерело, когда мы отыскиали заливчик, где стояла лодка Баринта. Мы подошли к берегу, привязали возле нее наш челнок и сошли на красный галечный пляж. Впереди громоздились обрывистые склоны, вершины их терялись в тумане.

— Нас оттуда не заметят, — сказал Бедуир. — Показывай путь, Анейрин.

Я повернулся к королеве, но Гвенвифар сказала:

— Иди вперед. Ты знаешь дорогу лучше всех нас.

Я повиновался и нашел крутые, вырубленные в скале ступени, которые вели ко дворцу. Из-за тумана они были мокрыми и скользкими, так что поднимались мы медленно.

Когда я выбрался наверх, местность впереди еле угадывалась, быстро исчезая в серой подвижной дымке. Я сделал несколько шагов по мокрой траве к тропинке, ведущей в крепость Аваллаха. Меня не покидало чувство, что я пересек одну из невидимых границ и вступил в Иной Мир. Ибо, едва моя нога коснулась тропинки, туман вспыхнул золотом, озаренный лучами заходящего солнца.

Да, на мгновение свет ослепил меня, но лишь на мгновение. Тем не менее в тумане или без тумана, мы бы уже увидели дворец Короля-рыболова, если бы он там был.

Однако он исчез. Пропали башни, стены, ворота, царский дом. Ничего не осталось.

ГЛАВА Двенадцатая

Есть могила Константина, есть могила Аврелия, есть могила Утера. Весь мир дивится: нет могилы Артура!

Не знаю, почему. Знаю одно: дворец Короля-рыболова исчез, и Артур вместе с ним. Туман разошелся, мы увидели перед собой лишь зеленый луг и деревья за ним. Белокаменные башенки, высокие палаты, крепкие ворота и стены — не осталось ни камешка, ни соломинки. Я спал под этим кровом! Я ел с этого стола! словно сон, отступавший перед явью, все пропало из мира людей.

Мы стояли, моргая от яркого солнца, и понимали, что произошло чудо. стыдно подумать, что за глупости мы тогда говорили.

— Их смыло морской волной! — воскликнул Кадор.

Однако море оставалось спокойным, ладья Баринта по-прежнему покачивалась в заливе.

— Морские волки! — вскричал Борс. — На них напали варвары!

Но варвары еще не научились разрушать до основания, не оставив ни дыма, ни пожара.

Мы говорили что-то еще, потом решили обыскать остров и море вокруг него — вдруг от них остался хоть какой-то след. Однако с самого начала поисков мы все в глубине души знали: наши усилия тщетны. Отчаяние острым копьём пронзало наши сердца.

И все же мы искали. Огонь не так бежит по траве, как мы прочесывали остров; дождь не проникает в такие закутки, куда заглянули мы. Много дней и еще много дней после того мы обыскивали остров и море. Гвенвифар отправила Борса за кимброгами, чтобы они проехали остров из конца в конец, и собрала почти весь флот Артура, чтобы прочесать море от Каер Лиала до Ибернии и от Регеда до Мона.

Пока мы искали, мы молились. Гвенвифар послала за прославленным Иллтидом и многими его сподвижниками, чтобы они вместе с братией Аваллонского монастыря непрестанно зывали к Богу. И пока хоть одна лодка и всадник еще искали Артура с Эмрисом, благочестивые монахи осаждали Престол Всевышнего своими молитвами.

Под конец мы убедились в том, что знали с самого начала.

Зимние ветра вспенили морской простор, налетели дожди и снега, небо стало серым, наступили холода — у королевы не оставалось выбора. Как ни убивалась Гвенвифар, пришлось ей прекратить поиски. Со слезами на глазах приказала она кораблям и кимброгам вернуться в Каер Лиал, где попыталась править самостоятельно. Однако весть об исчезновении Артура уже облетела Британию, и народ преисполнился страхом.

— Артура нет! — выли люди. — Что с нами будет?

— На нас нападут враги! Нас истребят! — рыдали они.

— Горе! Горе-злосчастье! Кончилась наша жизнь! — говорили они и раздражались пронзительными воплями.

И чем больше они так говорили, тем больше страх сковывал их души. Гвенвифар ничего не могла с этим поделать. При всей своей отваге этого врага ей было не одолеть. Удельные же князьки, которых Артур твердой рукой держал в узде, вновь принялись роптать на нее: "Она ирландка! Не нашего роду-племени! Варварка!"

Сказать по правде, так должно было стать: они не потерпели бы над собой женщину.

О, она боролась доблестно. Она могла помериться силой с любым своим недругом, однако монарх не может править, если не внушает доверия. Мелкие князьки и правители Британии ненавидели Гвенвифар, их было не убедить. Из всех подданных Артура лишь Борс, Эктор, Меуриг, Кадор и Бедуир хранили верность своей королеве.

На следующую Пасху Гвенвифар препоручила кимброгов Кадору и возвратилась в Ибернию, в дом отца, где основала монастырь на побережье в виду острова Аваллона. Там она посвятила жизнь молитвам и добрым делам.

Борс, Бедуир и Рис так долго служили Пендрагону, что не могли смириться с менее великим владыкой, пусть даже это был славный Кадор. Они порешили между собой отправиться на давно откладываемые поиски Грааля, дабы отыскать священнейший сосуд и поместить его в святилище Круглого стола.

Так они надеялись исполнить заветное желание Артура и, думаю, поддержать быстро меркнущую славу его превосходного царствования. Ибо тьма, которую Артур и Мирддин так долго сдерживали, прорвалась, словно река через земляную запруду, и силилась загасить слабый огонек, еще тлеющий в Британии. Последние из знаменитой

Стан Драконов надеялись отвратить людские сердца от страха и увенчать уходящую эпоху высочайшей на земле честью.

Увы, им это не удалось. Как я узнал, из всех троих лишь Бедуир вернулся живым. Борс и Рис полегли в Святой земле. Говорят, что голова Риса, насаженная на копье, стояла над воротами Дамаска. Борс, по слухам, жил долго и умер в своей постели, оплаканный женой и пятью смуглыми ребятишками. В Британию возвратился один Бедуир. Он стал отшельником и поселился в ротонде. Я никогда его больше не видел, ибо он вскоре скончался в этом святом месте.

Кадор звал меня к себе, но я устал от войны и мечтал предаться молитвам и ученым трудам. Я доехал с кимброгами до Диведа и обосновался в монастыре Абертафф под крылом достославного Тейло и его священноначальника, чтимого Иллтида. Здесь я жил в послушании и просвещался в Законе Божием.

Со временем меня позвали к себе армориканские бритты. Не надеясь дожидаться окончания усобиц, добрые люди все в большем числе покидали Остров Могущественного. Изгнанники пригласили меня к себе, и я, оставив келью, принялся трудиться на благо церкви в Рюйсе.

Здесь я жил долго, женился и вырастил детей. Однако душа моя постоянно влеклась к зеленым холмам Британии. Я вернулся и поселился с добрыми братьями в Храме Спасителя в Инис Аваллахе, где и подвигаюсь до сего дня.

Я старик, сердце мое слабеет под грузом горя. Я несчастнейший из людей, ибо родился не вовремя: застал и ослепительную лучезарность Истинного Света и кромешную тьму зла. Сколь же счастливее те, кто жил и умер с Артуром, зная лишь тот мир, который он осветил. Почему я не уплыл с ним на Аваллон?!

Служить ему при дворе, где он обретается ныне, — единственное мое желание. Уж я не молчал бы в его палатах, вознося в его уши искренние хвалы. Я превратил бы его имя в песню, его жизнь — в рассказ для наставления королей.

Я оглядываюсь на свою жизнь с вершины прожитых лет, и юность моя сияет золотом еще ярче из-за обступившего ее мрака. Она играет, как самоцвет, на который упал последний луч закатного солнца, и зажигается дивным огнем, озаряя и наполняя все своим великолепием.

Однако солнце заходит, как ему и положено. И камень, всего лишь камень, снова темнеет.

Я ждал — всю свою долгую жизнь я ждал — каких-нибудь вестей или знака от Артура или Эмриса, живы они или мертвы. Во всех своих

странствиях я расспрашивал и внимательно вслушивался, не услышу ли чего. Я состарился, слушая!

От Артура и его Мудрого советника ни единого знака не достигло мира людей. Об Аваллахе и его дочери Харите, Владычице озера, никто больше не слышал. Дивный Народ исчез из этой страны, никто не видел и не оплакал его уход.

Много лет с того злосчастного дня я силюсь понять хоть что-то. Увы, напрасно!

Быть может, Всевышний в Своей безграничной мудрости и милосердии просто забрал их к Себе на небо? Может быть, Господь Иисус Христос в Своем беспредельном сострадании взглянул на муки Артура и избавил его от смерти, и наш король, подобно древнему Илье, плотью вознесся на небеса в золотой колеснице с огненными колесами? А может, последний Истинный бард Британии могучими чарами укрыл возлюбленного Пендрагона от смертных глаз до той поры, когда Британния вновь потребует его на бой со своими врагами?

Так говорят, и многие в это верят. Не буду утверждать, что это так. Скажу лишь, что здесь, на земле, жизнь Артура переменилась. Ибо Мирддин Эмрис был пророк и, подобно своему отцу Талиесину, боговдохновенный бард. По наитию свыше он говорил много вещей, и все они сбылись. А Мудрый Эмрис сказал, что Артур еще вернется и поведет свой народ.

Лжекороль! Властолюбивые псы в царском багрянце! Кроважидные варвары, все до единого! Мы еще не так пали, чтобы воспевать ваши имена. Вскоре вы умрете, и не будет над вами ни сердечного плача, ни надгробного пения. Глаза ваших подданных останутся сухими, как пыль на ваших могилах, а ваши имена истлеют быстрее ваших гнусных костей!

Лучше б вам не рождаться! Двумя руками, как неразумные дети рассыпают из мешка зерно, развеяли вы завоеванный Артуром мир. Вы отдали добытую в боях свободу и предались в рабство пороку и всяческим непотребствам. В алчности своей вы опустошили землю, а то, что не уничтожили сами, отдали на поругание врагу!

Взгляните на себя! Вы сидите с разжиревшими дружинниками в зловонных чертогах пьянства и распаляетесь мелкими изменами. Скотокрады! Грабите своих же соплеменников, изводите друг друга постыдными ссорами, воюете с братьями и родичами, покуда язычники жгут и вершат разбой!

Наследие ваше — смерть! Ваша слава — презрение всех честных людей! Народ бедствует; ваши имена стали проклятием в устах кротких. Довольны ли вы? Полны ли ваши сердца гордостью?

Не говорите больше о знатных. Не желаю слышать о правителях и их гнусных делах. Червь навозный и тот больше печется о стране. Я, паривший с орлами, не стану валяться в грязи со свиньями!

К нашему вечному позору, те самые варвары, что заняли наши земли, оказались лучшими христианами, нежели бритты, от которых они приняли веру! Рвение их заострено, как наконечники копий, некогда разившие нас, в то время как наши короли охладели сердцем. Неужто они окажутся лучше нас?

Было некогда время, теперь почти забытое, когда мир знал, что такое праведный владыка, когда муж, крепкий верою, держал все земли в своей руке, когда Небесный Царь с благоволением взирает на земного царя.

То были счастливые дни Британии.

Не смертным вознести хвалу Пендрагону. О Артур, лишь твой Несравненный Создатель поет тебе погребальную песнь, которая будет отдаваться в людских сердцах, покуда стоит мир. Сейчас же сердце кинжалом пронзает тоска. Небесный Царь оставил наш народ без крова.

Горе и скорбь! Разрушение Британии! Ибо порок людской не псякнет до скончания века! До Судного дня будут губить нас моровые поветрия коварства, жестокости и вражды! Зло умножилось, добро позабыто. На троне праведного владыки сидит самозванный король. Неправедный становится судьей. Лжец проповедует истину. Таков мир. Аминь!

Моя черная книга завершена. Я, Гильдас, написал это и больше не напишу ни слова.

Артур — один из самых популярных героев средневековой не только европейской, но и мировой литературы. Имя его, возможно, происходит от римского родового имени Artorius или от валлийского arth, artos — медведь. Исторически — национальный герой бриттов, возглавивший в конце V — начале VI века борьбу против англосаксонского вторжения и одержавший победу при горе Бадоне. Первые упоминания об Артуре содержатся в поэмах валлийских бардов Талиесина и Анейрина. "Мабиногюн" описывает его как мудрого и справедливого короля. В ранних валлийских "романах" появляются и будущие рыцари Круглого стола — Кай (позднее Кэй-сенешаль), Бедуир (Бедивер), Гвальхмаи и Гвальхавад (Гавейн и Гарет), Передур (Персиваль) и др. Жена Артура Гвенвифар (позже она станет Гвиневрой), с самого начала отличается двойственностью характера: образец мудрости и красоты, она же изменяет королю с его незаконным сыном (племянником) Медраудом (Мордредом), в более поздних версиях — с Ланселотом, что становится причиной войны, в которой гибнут лучшие воины королевства, а сам Артур получает смертельную рану.

Из историков первым Артура косвенно упоминает монах Гильдас в книге "О разорении и завоевании Британии". Кельтов в битве при горе Бадоне у него возглавляет не то Аврелий Амброзий, не то некий Ursus (медведь); как полагают ученые, здесь зашифровано имя Артура. По мнению некоторых исследователей, Гильдас сознательно не упоминает Артура из-за его далеко не гладких отношений с церковью. Ненний в "Истории бриттов" рассказывает об Артуре уже подробнее, у Гальфрида Монмутского (русский перевод А.С. Бобовича и С.А. Ашерова, М., "Наука", 1984, серия "Литературные памятники") история Артура приобретает более или менее привычные нам очертания. От Гальфрида Артур и его рыцари перекочевали во французские романы, которые, в свою очередь, стали источником гениальной "Смерти Артура" сэра Томаса Мэлори (М., Наука, 1974, перевод И.М. Бернштейн).

"Видение Максена Вледига" — сказочная повесть в характерном для кельтской литературы жанре "видений". Прототипом Максена Вледига стал Максим Магн, римский военачальник, которого легионы провозгласили императором в 383 году. Забрав с собой цвет британского воинства, он отправился в Бретань, где был вскоре схвачен и казнен. Однако в легенде все иначе: "благороднейший и мудрейший из мужей", Максен становится правителем мира, и для Британии наступает золотой век. (См. "Мабиногион". Волшебные легенды Уэльса. Научно-издательский центр "Ладомир", Москва, 1995, перевод В.В. Эрлихмана.)

Броселианд в западноевропейской средневековой традиции — таинственный лес, царство фей. В Броселианде находились могила Мерлина и множество других чудес.

"Господь твердыня моя..." (Псалом 17:3).

Элла (конец V века) — англосаксонский правитель, основавший королевство южных саксов, или Сассекс. Основываясь на сочинениях Беда Достопочтенного, англосаксонская хроника IX века называет Эллу первым бретвальдой ("правителем Британии").

...У брода через реку Глейн. Согласно "Истории бриттов" Ненния, Артур одержал двенадцать побед: первую у реки Глейн, вторую, третью, четвертую и пятую — у реки Дубглас. Дубглас (ныне река Дуглас) — приток Клайда. Что до Глейн, в Англии есть несколько рек с похожим названием. У Лохеда это Глен, приток Эрвина, в Шотландии. Следующие победы были одержаны у реки Бассас, в Калиддонском лесу, у замка Гвиннион, в Городе Легиона, на берегу реки Трибруит, на горе Агнеде и последняя — на горе Бадон. Мотив похода на Рим восходит к "Истории британских королей" Гальфрида Монмутского и никакими историческими фактами не подтверждается.

"Мирддин я был..." В песне Мерлина использованы фрагменты поэмы "Кат Годдеу" ("Битва деревьев") Талиесина. Ее русский перевод опубликован в книге "Мабиногион" (см. выше).

Играли в шахматы... В оригинале названа игра "gwyddbwyll"; которая упоминается в валлийских преданиях. Правила ее до нас не дошли. Известно, впрочем, что она не вполне соответствовала классическим шахматам.

Водена, Тора, Фрейи... Воден — англосаксонский вариант произношения имени Один. В германской мифологии это верховное божество, Тор — бог грома, Фрейя — богиня любви и плодородия.

"Повесть о детях Ллира" — песнь Мирддина основана на Мабиноги "Бранвен, дочь Ллира" (см. выше).

"Видение Ронабви" — рассказ Мирддина основан на одноименной древневаллийской повести. С ее переводом на русский язык можно ознакомиться в той же книге "Мабиногион".

Литературно-художественное издание
перевод с английского

Стивен Лохед

«Артур»

Перевод Е. Доброхотова-Майкова
Художественное оформление А. Коротич
Редактор М. Митичкина
Верстка О. Воскресенская

Христианское издательство «Триада»
105023, Москва, ул. Электrozаводская 24
(095) 963-54-79

info@triad.ru
sales@triad.ru

Лицензия ЛР № 030464 от 23 декабря 1997 г.
Подписано в печать 15.01.2002 г. Формат 60×88 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Время»
Печ. л. 28. Заказ № 5364

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сага «Пендрагон» «Артур»

Король Артур — один из самых таинственных героев английской истории, который пришел из ниоткуда и ушел в никуда. Книга — рассказ о высоких надеждах и горьких разочарованиях, верности и предательстве, духовном поиске и борьбе за власть. Приоткройте завесу тайны, окутавшую жизнь и смерть Артура...

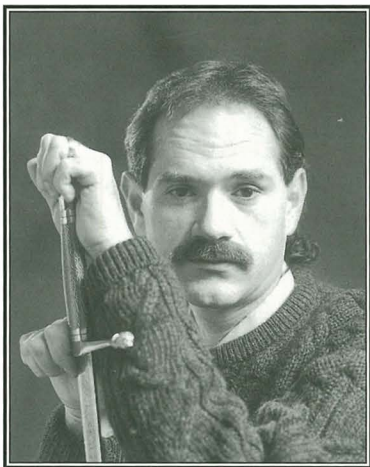
«Какой из Артура король! Он тщеславен, мелочен и жесток. Пешка Мерлина, неотесанный мужлан и глупец, обжора и бражник, тупой невежда!»

Все это и многое другое болтают про Артура. Пусть болтают!

Когда все слова сказаны, а спорщики выдохлись, остается один непреложный факт: мы пойдем за Артуром до адских врат и дальше, если он скажет. Лишь это — истина.

Стивен Лохед

родился в Америке, но в 1986 году переехал с семьей в Англию, где легче было собирать материалы для книг. С 90-х годов Лохед считается признанным мастером жанра фэнтези. К. Льюис и Р. Толкиен несомненно оказали влияние на мировоззрение писателя, но ему все же удалось найти свой путь в литературе, выработать самобытный почерк.

ISBN 5-86181-185-7

9 785861 811859